

Т.И. СТАРУСЕВА

ОТ ФАШИЗМА ДО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: РЕАЛИИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Бишкек – 2020

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМЕНИ Б. ДЖАМГЕРЧИНОВА**

Т.И. Старусева

**ОТ ФАШИЗМА ДО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: РЕАЛИИ
И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ**

Бишкек – 2020

9(c) 27
C - 77

УДК 355/359

ББК 36, 3(2) 722

С 77

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории,
археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР*

Рецензенты:

Президент Национальной академии наук
Кыргызской Республики академик
М.С. Джуматаев

Директор Института истории, археологии и этнологии
имени Б. Джамгерчинова Национальной академии наук
Кыргызской Республики А.А. Асанканов

Руководитель Представительства Международного
союза «Наследники Победы» в Кыргызской Республике
Х.З. Газизов

Т.Н. Старусева

С 77 От фашизма до противостояния: реалити и вызовы
времени. – Бишкек, 2020. – 570 с.

ISBN 978-9967-08-608-1

В монографии прослеживается история становления и развития фашизма при явном поощрении западных держав и США. Подчеркивается позитивная роль Советского Союза в победе над фашистской Германией, а также всенародный характер Великой Отечественной войны. Отмечается опасность фальсификации истории и итогов Второй мировой войны в угоду политической конъюнктуры. Осуждаются попытки реабилитации фашизма и нацистской идеологии как крайне опасного феномена, а также противостояния, столь губительного для человечества. Констатируется необходимость восстановления и сохранения исторической памяти, ибо только она способна противостоять реальным угрозам международной безопасности.

66 4558

С 0503020600-20

ISBN 978-9967-08-608-1

УДК 355/359

ББК 63, 3(2) 722

© Старусева Т.Н., 2020

**К 80-летию Второй мировой
войны и 75-летию Великой
Победы: «История ничему не
учит, но сурово наказывает за
незнание уроков...»**

Василий Ключевский

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
------------------	---

Часть I

Накануне

Глава 1. Первая мировая война и фашизм как историческая закономерность	16
Глава 2. Политика западных держав и США — фактор поощрения фашистской агрессии.....	47
Глава 3. Внешнеполитическая позиция СССР накануне Второй мировой войны	80

Часть II

Стратегия и реальность

Глава 4. Планы и просчеты нацистской Германии в отношении СССР	127
Глава 5. Организация, структура и операции секретной службы ОКВ «Заграница/абвер»	158
Глава 6. Роль японского шпионажа в исторических событиях довоенных и военных лет	216

Часть III

Трагические страницы Второй мировой войны

Глава 7. Забвению не подлежит	253
Глава 8. Это не должно повториться: атомный шантаж	284

Часть IV

Послевоенные процессы

Глава 9. Преступная деятельность спецслужб США	328
Глава 10. Тактика «холодной войны»	377

Часть V

Противостояние — угроза международной безопасности

Глава 11. Западная демократия и ее агрессивный характер (на примере США)	450
Глава 12. Историческая память — атрибут человеческой цивилизации	499
ЭПИЛОГ	536
ПРИМЕЧАНИЯ	539

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XX столетия, в силу как объективных, так и субъективных факторов, произошел распад СССР – первого в мире социалистического государства. Вследствие этого на постсоветском пространстве народы бывшей великой державы странно, непостижимо, но в то же время закономерно, пребывают в жестких тисках дикого, криминального капитализма. Да, того самого, известного нам по произведениям классиков марксизма-ленинизма, а также общественно-политической и научной литературе. Именно его мы столь удачно миновали на определенном этапе исторического развития, побывав в различных категориях эпохи социализма.

Необходимо отметить и тот факт, что Советский Союз стоял во главе социалистического лагеря и это был двухполярный мир с различными политическими системами, социально-экономической ориентацией и духовными ценностями. Кроме общественно-политического резонанса, крах этого государства вылился в трагедию миллионов человеческих судеб.

Союзные республики бывшего СССР встали на путь демократического развития, основанного на рыночных отношениях. Для них, имевших многовековую историю, обретение суверенитета явилось историческим прогрессом. Однако, им всем пришлось преодолевать все то, что стало «камнем преткновения» в переходный, так называемый «транзитный» период, в том числе и формирование

государственной идеологии. Несмотря на многочисленные попытки, в этой сфере так и не обозначено четких ориентиров. Несомненно, этому препятствует и сложная экономическая ситуация. В то же время рост национального самосознания и специфика демократических преобразований вызвали, с одной стороны, волну нигилизма в отношении исторического прошлого, а следовательно, и соответствующего отношения к истории советского периода, зачастую вопреки его объективной оценке. Это, естественно, нашло отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных историков, многие работы которых носили явно конъюнктурный характер. С другой стороны, закономерное стремление титульной нации утвердиться в своем доминирующем положении вызвало не менее закономерную реакцию полиэтничного общества. К тому же, в государственной политике превалировали политические и социально-экономические аспекты, а идеологический вектор не считался приоритетным.

Все эти зигзаги в выборе оптимального варианта только подрывали веру общества в свое «светлое будущее», что усиливало и без того его духовную депрессию. Так называемый «фактор выживания», кризис в социально-экономической, общественно-политической и культурной сферах привел к антагонизму в обществе и за весь период демократических преобразований, несмотря на определенные усилия, так и не была сформирована государственная идеология, отвечающая интересам большинства населения и способная объединить все слои общества и

этноты. Таким образом, за весь постсоветский период, государство и общество так и не пришли к консенсусу в выработке государственной идеи, способной стать своего рода локомотивом для дальнейшего прогрессивного развития. Эту столь необходимую нишу, взамен отринутой общности «советский народ», постепенно заполняли то националистические идеи, то религиозные с оттенком экстремизма, то прозападные, доведенные нигилизмом до абсурда, то реваншистские, локальные, но от того не менее опасные, создающие конфликты, приносящие в жертву человеческие судьбы и дающие только разрушительный эффект.

Вся советская история — яркое свидетельство того, что государственная идеология является своего рода стержнем духовности общества. Она наглядно демонстрирует приоритеты общественного развития, устанавливая своего рода обратную связь. Вокруг нее, в социально однородном обществе, формируется ядро ее приверженцев, доказывающих массам ее состоятельность, а следовательно, активизируется работа по ее реализации и, прежде всего, по формированию общественного сознания. Вся пропагандистская работа проводится на уровне тех задач, которые государство и общество решают в процессе развития. При всей важности хозяйственных, организационных и иных вопросов идеологическая работа все более выдвигается на первый план. Идеиное воспитание, такие понятия как патриотизм и интернационализм были отнюдь не абстрактными. Именно они помогли советскому народу

пройти через культурную революцию, коллективизацию, индустриализацию, а также выстоять в борьбе со смертельным врагом — фашизмом, у которого была также своя национальная идея — нацизм, основанный на расовой исключительности. Идеиная убежденность советского человека помогла избавить мир от «коричневой чумы», тотального уничтожения народов во имя реализации своих чудовищных замыслов; она же помогла восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Совершенно очевидно, что именно достижения советского государства за этот короткий исторический период вызывают столь стабильную ностальгию по мере того, как они все более уничтожаются в процессе демократизации.

Нельзя не отметить и того факта, что успешно покончив «с прошлым», практически разрушив его до основания, в том числе и духовную составляющую былого общества, новые суверенные государства на постсоветском пространстве вступили на путь рыночной экономики и демократии без четкой концепции демократических преобразований, адаптированной к специфике национального исторического развития. Период выбора оптимального курса рыночных реформ закономерно привел к разрушению не только социально-экономических основ, но и культурно-духовных ценностей.

Очевидно, что пришло время не только анализа пройденного пути, но и переоценки демократических преобразований в сторону их коррекции с учетом опыта исторического развития. Необходимо преодолевать послед-

ствия того мировоззренческого кризиса, когда коммунистическая идеология была подменена идеократией маргинального национализма, повлекшего за собой накат мифотворчества на основе противопоставления одного народа другому. Настало время отхода от конфронтации во всех сферах жизнедеятельности общества и заняться поиском консенсуса в межэтнических отношениях, возрождения таких понятий, как дружба народов, интернационализм и патриотизм, а залогом реализации этих духовных ценностей должно стать гражданское согласие.

На постсоветском пространстве в обществе исчезли такие понятия, как рабочий класс и крестьянство, а в умах большей части униженной и оскорбленной интеллектуальной прослойки, то бишь интеллигенции, поселилась такая безысходность, которая приличествует разве, что люмпенам. В обществе «двух половин», то есть, когда незначительная его часть сосредоточила и политическую власть и национальные богатства, а основная прозябает, естественно, не может быть государственной идеологии, которая должна в принципе отражать интересы всего народа, однако все же доминирует аксиома: «человек человеку отнюдь не друг, а волк». Да, тот самый, который, по образному выражению ныне действующего российского президента, «кушает и никого не слушает». Немудрено, что основная масса населения ностальгирует по былому, тому самому, простому и «развитому» социализму, где не было столь опасной дифференциации, которая, как известно, таит в себе заряд весьма разрушительной силы...

Справедливости ради, следует отметить, что многое, в том недавнем и давнем «тоталитарном», имело негативный характер, двойные стандарты и т.п. Достаточно вспомнить «отца перестройки», приведшего к мучительной агонии некогда могучую страну, а самому ставшему «чужим среди своих и своим среди чужих»... Если раньше общество жило мыслью «лишь бы не было войны», то с приходом демократии она вошла в судьбы народов бывшего СССР такими завуалированными понятиями, как конфликты, события и т.п. Как выяснилось, уверенности в спокойном бытии не способен дать ни один гарант Конституции, именуемый президентом.

Что же касается преимуществ демократии, то они оказались у наиболее предприимчивых, для коих наступили поистине «золотые времена». Одни из них недурно устроились и на родине, другие же «подались» в те страны, которые давно уже миновали этот пресловутый переходный период. Но какой парадокс!? В условиях гласности раздается «глас вопиющего в пустыне», то есть большинства населения, привыкшего жить честным трудом, довольствоваться немногим и имеющего к тому же приличные нравственные устои. Именно эта категория, оставшись на обочине жизни, продолжает недоумевать: «Как же так, внезапно и без видимых причин, колесо истории подмяло их, вогнав самым жестким образом в «прокрустово ложе» современных реалий?!».

Размышляя о человеческих судьбах, невольно задумываешься о перспективах того самого бытия, которое

«определяет сознание». Как же сложится жизнь тех, кто останется с обманутым народом..., а более конкретно на той родине, которая столь немилостива сейчас, но столь же и дорога. И опять же задумываешься о том, какие чудеса подлинного героизма, как трудового, так и ратного, совершал народ в рамках той самой государственной идеологии, пробуждавший тот самый всеобщий энтузиазм, благодаря которому в кратчайшие сроки было построено то самое государство, ставшее символом свободы.

Эйфория от так называемой демократии 90-х, что в прошлом веке, разумеется, исчезла под гнетом фактора выживания, ставшего «дамокловым мечом» для большинства населения суверенных государств. Общеизвестно, что все познается в сравнении, а действительность такова, что невольно возникают ассоциации с теми самыми «хиппи», не обремененными ни собственностью, ни средствами, ни прочими атрибутами цивилизованного общества. Так называемый «электорат» отнюдь не против реформ, но желательно, чтобы они были, как принято нынче говорить, «с человеческим лицом». Желательно, чтобы он был все-сторонне защищен в этом самом демократическом обществе, дабы приостановились, наконец разрушительные процессы не только в экономике, но и образовании, науке, культуре, ведь именно они, в конечном итоге, приводят к деградации общества.

Немного о демократии. По определению – это общественный строй, при котором все население имеет права и свободы. Однако, на постсоветском пространстве, кроме

Белоруссии, оставшейся верной социалистическим ценностям, сложился удивительный симбиоз ее разновидностей (буржуазной, бюрократической, либеральной, тоталитарной и т.д. и т.п.). Характерной особенностью его является криминалитет, пронизавший своими метастазами весь организм общества. Непременным атрибутом его стали наркомания, экстремизм, проституция и прочие «прелести» оборотной стороны капиталистического мира. Только где же та, светлая его сторона, столь манящая и столь же недоступная... Чем, это очередное «разрушение до основания», обернулось для самой России, столь решительно отбросившей «азиатское подбрюшье»?!... Она уже перенасыщена так называемыми «трудовыми мигрантами», потерявшими право на труд в своих республиках. Для нее пришло время восстанавливать свое бывшее могущество, благо, что на место разрушителя пришел тот, кто пытается остановить эти губительные процессы.

Задумываясь над позитивами и негативами нынешней демократизации общества, поневоле задаешься вопросом: «А стоила ли эта эфемерная суверенность той цены, которую народ заплатил за нее?». Побывав в социализме, мы упорно ползем в феодализм, а там уже недалеко и до пещерного образа жизни. Кстати, его уже апробирует определенная часть общества, ставшая в ходе столь «блестательных реформ» своего рода «негражданами». О них не вспоминают даже в дни выборов, когда ловкие, будущие «слуги народа», дабы пробраться в эшелоны власти разных уровней, демонстрируют обществу виртуозную

игру по навешиванию любимого блюда итальянцев (спагетти) на слуховые органы обывателей. В очередной раз злосчастный электорат, поверив всевозможным посулам, изберет своего депутата, который тут же забудет и о нем и о своих обещаниях, равнодушно взирая с Олимпа на этот жалкий плебс. Новое положение позволяет ему пользоваться всеми благами цивилизации, как в своей стране, так и за ее пределами. Какой же смысл ему изменять положение вещей, гарантирующее собственное процветание. Разумеется, такого рода элитарная демократия вполне устраивает тех, кто вершит судьбы страны в парламенте. Дискуссии же о формах правления могут продолжаться бесконечно, а это, в принципе, уже сюжет для иных размышлений, хотя из жизни все того же постсоветского общества.

Констатируя вышеизложенное и абстрагируясь, так сказать, от фактов бытия, поневоле представляешь следующую картину. На постсоветском пространстве, вследствие глобальной катастрофы, часть общества осталась на поверхности, а другая (основная) медленно, но неумолимо опускается в бездну. При этом, оставшиеся на крохотном островке, закономерно равнодушны к тем, кто еще недавно вместе с ними составлял ту самую «новую историческую общность – советский народ».

Однако история со всей очевидностью доказывает, что такое положение вещей неизменно ведет к очередным катаклизмам. Поэтому, собственного блага ради, необходимо преодолевать раскол общества и концентрировать

его усилия на создание истинно демократических государств, в которых будут превалировать общественные ценности. Совершенно очевидно, что время политических интриг проходит, а следовательно, во имя спасения цивилизации пора прекращать «разбрасывать камни»...

Анализируя процессы XX–XXI веков, человечество должно сделать необходимые выводы, чтобы пережитый им ужас того же фашизма не смог больше повториться. К сожалению, именно разрушительные процессы на постсоветском пространстве, забвение позитива собственной истории, в том числе победы советского народа в Великой Отечественной войне, а следовательно, и во Второй мировой, реанимировали фашизм со всеми его атрибутами... Фальсификация истории, глумление над памятью тех, кто отдал свои жизни за спасение человечества от чудовищного истребления, закономерно привели к современным реалиям. Нельзя забывать и того факта, что во Второй мировой войне нацизм победила та самая идеология, которую исповедовал тот самый советский народ, защищая свое Отечество и его завоевания. История не прощает забвения своих трагических страниц и вызовам времени противопоставляет такое понятие как историческая память, а в этом и заключаются важнейшие уроки, пренебрегать которыми человеческой цивилизации непозволительно...

Часть I

Накануне

Глава 1. Первая мировая война и фашизм как историческая закономерность

Совершенно очевидно, что история мировых конфликтов должна основываться на конкретных исторических фактах, не подлежащих субъективной интерпретации. Так называемые «современные прочтения», в угоду тех или иных стран, не имеют ничего общего с истинными событиями, осмысливать которые мировое сообщество, безусловно, будет всегда. Несомненно, обе мировые войны должны рассматриваться во взаимосвязи, так как, несмотря на всевозможное разнообразие обстоятельств, у них все же общие корни. К тому же, в таких масштабных процессах, как возникновение, течение и общий, в сущности, закономерный исход, причем в жизни одного поколения двух мировых войн, должны быть некие параллели. Их развязали крупнейшие капиталистические державы в течение десятилетий находившиеся в непрерывном экономическом и политическом соперничестве.

Разумеется, движущими силами в этих конфликтах были милитаризм, финансовый капитал, амбиции руководящей верхушки, а также государственный аппарат и связанные с ним соответствующие силы. Конечно, необходимо четко разграничивать каждую из группировок элиты государств, подготовившую как одну, так и другую войну.

В первой, — юнкерская монархо-милитаристская Германия и западные капиталистические государства вступили в схватку, в которой одна выступала за передел мира, другие — за удержание своих колоний и сфер влияния. Во второй, столкнулись западные буржуазные демократии, с одной стороны, и германский фашизм, нацеливший свой главный удар на СССР и революции, с их нарастающей интенсивностью. К сожалению, в орбиту войн, развязанных ограниченными группировками наиболее агрессивных государств, вовлекались десятки миллионов людей, для которых они становились катастрофой. При этом материальные и духовные возможности народов подвергались запредельному напряжению, становясь основным элементом в происходящих событиях. Для подобного рода ситуаций было характерно то обстоятельство, что если политика тех или иных государств-участников войны — отвечала национальным интересам, то она пользовалась широкой поддержкой населения. Это в полной мере продемонстрировала Германия, народ которой зомбированный перспективами, обещанными фюрером, оказал ему почти полное доверие за исключением тех, кто понимал гибельность его политики. В то же время народы и государства, перенесшие все ужасы нацизма, объединились не только в антифашистскую коалицию, но и повсеместно оказывали ему соответствующее сопротивление.

Общеизвестно, что обе мировые войны начались в Европе и инициировал их в 10–30-х годах так называемый «Старый свет». Но нельзя исключать и того факта, что они

велись в интересах не только Европы, но и затрагивали такие районы мира, как Азия, Африка, Ближний Восток и т.д. Концентрируясь в Европе, конфликты, взрываясь, радикально расходились по всему миру. Европейская история XX столетия была историей великих социальных потрясений, с глубоким воздействием на мировое сообщество. Это происходило потому, что здесь на довольно ограниченном пространстве располагались все наиболее развитые индустриальные государства, а следовательно, сосредоточивались и самые острые социальные противоречия. А между тем они были таковы, что для многих война являлась своего рода выходом из создавшейся ситуации, да и к тому же и средством сохранения социального статус-кво. Следовательно, внутренние факторы мировых конфликтов имели не меньшую значимость, чем внешние с их агрессивной завоевательной тенденцией. Совершенно очевидно, что за всеми военно-стратегическими планами стояли классовые, политические и экономические интересы различных группировок буржуазного общества. Его развитие шло только в одном направлении — эскалации войны, а значит увеличивалось и число участников этого процесса, и количество военных средств, т.е. все более изощренных средств уничтожения («большие Берты», аэропланы, «цеппелины» и др.). В.И. Ленин, анализируя эту ситуацию, писал «... такую машину, как война миллионов и десятков миллионов, война, которой разожжены до последней степени шовинистские страсти ... такую маши-

ну, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя»¹.

Для того, чтобы осмыслить причины начала Первой мировой войны, нужно проследить каким образом происходило движение к ней, а также международные отношения, носящие кризисный характер. 70-е годы XIX века были наполнены бесконечными проблемами и событиями, которые вполне могли быть предвестниками будущих катаклизмов. А дело в том, что на историческую авансцену вышла Германия, которая после объединения в 1871 году стала весьма успешно развиваться в экономическом плане, идя по капиталистическому пути. Англия и Франция, будучи «старыми» государствами, конкурируя, вступили в острую схватку с ней. К тому же, колонии для них были своего рода спасением как некая «подушка безопасности». Однако молодые государства все чаще выносили на повестку дня вопрос об «исторической несправедливости» в разделе мира. Уже с 70-х годов стали складываться главные центры этого соперничества: Африка, Ближний, Средний и Дальний Восток, а также Европа; при этом в каждом из них возникали так называемые «кризисные очаги», что неизбежно создавало политический фон всеобщего развития конфликта.

Одним из его субъектов, разумеется, была Англия, так как в течение длительного времени — от Трафальгарского сражения в 1805 году до конца 70-х XIX века — она господствовала на морях, ведь ее флот превосходил флоты всех остальных государств. К тому же, не зная промыш-

ленной и торговой конкуренции, она постоянно расширяла свои владения используя ситуацию военной вражды других континентальных держав. Что до остальных, то Италия и Франция сражались против Австрии, Пруссия против Франции, Россия еще не «приходила в себя» после Крымской войны, а США были изнурены в Гражданской войне. Когда же Европа, перестав наконец воевать, осмотрелась вокруг, то увидела, что Лондон весьма успешно воспользовался ситуацией, проложив свои экономические связи повсюду, особенно в Индию. Однако в конце 70-х — начале 80-х годов период монопольного владычества Англии в значительной части мира стал явно приходить к концу. Сначала Британия ощутила цепкую французскую хватку, так как Франция начала активную колониальную политику в Северной Африке. Установив протекторат над Тунисом, она затронула интересы Италии. Эту конфронтацию использовала Германия. Бисмарк, способствуя сближению Италии с ее недавним врагом — Австро-Венгрией, добился создания в 1882 году Тройственного союза под эгидой Берлина против Франции, что, следуя внутренней логике развития, и имело свои катастрофические последствия.

Далее. Италия интересуется африканским северо-востоком, вызывая недовольство Англии. К тому же, распад феодальной Османской империи опять же создавал опасность для Британии. Что касается России, то ее явно беспокоили три проблемы. Во-первых, стремление открыть путь к Средиземному морю, а этому противился

Лондон; во-вторых, — Балканы. Именно здесь сталкивались интересы России, Германии и Австро-Венгрии. Россия сближается с Сербией и Черногорией, что закономерно обостряет ее отношения с Австро-Венгрией, стремящейся расширить здесь свое влияние и которая все же в 1908 году получает Боснию и Герцеговину, несмотря на явное несогласие других держав. В-третьих, — это азиатское направление, на котором Российская империя соперничала с Англией.

Относительно Франции. Она по-прежнему конфликтовала в Африке с Англией: завоевание Алжира, протекторат над Тунисом, вступление в Сахару, захват Мадагаскара и Коморских островов теснил ее в Индийский океан, а из Западной Африки французы весьма успешно углублялись в континент. Продвигаясь из Конго на север и северо-восток и все более заходя в тыл Египту, французы стремились создать здесь колониальную империю не только на севере Африки. Попытка Англии противодействовать планам Франции заключением договора с Бельгией (1884 г.) оказалась безуспешной и вскоре французские войска вышли к верховьям Нила у южной оконечности египетского Судана, что было неприемлемо для Британии, так как она оказалась зажатой в клещи в южной части Судана; при этом с запада к Нилу, вблизи Фашоды, выходили французские экспедиционные силы. Англия бросила туда с севера англо-египетские войска во главе с Китчинером, который потребовал у французов очистить город. Европа застыла в тревожном ожидании войны, но

Франция благоразумно уступила, понимая, что на границе уже грозил своим могуществом Германский рейх. Конфликт закончился обоюдным интересом: Англия владела всем течением Нила, Адениским заливом, «вознаградив» Францию в Марокко. 21 марта 1889 года состоялось «историческое» соглашение: Африка была «разделена на две сферы влияния: западную – французскую и восточную – британскую».

Таким образом, под воздействием такого фактора угрозы как Германия, англо-французская конфронтация закончилась сотрудничеством, следствием которого в 1903 году английского короля Эдуарда VII восторженно встречал Париж, а 8 апреля 1904 Делькассэ и лорд Лэнсдаун подписали договор о «сердечном соглашении». Так закончилась вековая конфронтация Англии со своим давним соперником – одной из самых могущественных стран Европы. Франция могла теперь сосредоточиться на других своих проблемах, а Англия занялась своим африканским Югом, где бурские республики Трансвааль и Оранжевая должны были, по ее мнению, стать колониями Британской империи.

Однако ее планы на этом не заканчивались, так как она стремилась взять под свой контроль все подступы к Индии, включая Малую Азию, Аравийский полуостров, Месопотамию, Персию и Афганистан. Несмотря на то, что затяжная англо-афганская война закончилась не в пользу Англии, она все же установила свое влияние в этой стране. В то же время и Россия закрепила за собой Турке-

стан вопреки намерению британцев. Поскольку русские войска продвигались постепенно к северо-западной индийской границе, назревал конфликт с Британией, но он не перешел в открытое столкновение лишь потому, что она не могла одновременно защищать свои интересы в Африке, Европе и Азии. Между тем Россия вскоре после прокладки Транссибирской магистрали вышла к берегам Тихого Океана. Обе стороны вынуждены были пойти на компромиссы, так как конфликт грозил резким ухудшением в расстановке сил на мировом пространстве, ведь Россия всегда выступала в союзе с Францией, а на горизонте уже маячила германская угроза. К тому же, на Ближнем Востоке шла длительная, противоречивая борьба европейских держав за распадающуюся Османскую империю. Заключительным ее аккордом стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., использованная Англией для расширения своих интересов в Средней и Юго-западной Азии. Кроме того на Дальнем Востоке все более разгорались страсти вокруг раздела Китая. Сюда, вслед за Японией, устремились Германия, Россия, Англия и Франция, деля его на сферы влияния. Это выглядело следующим образом: Япония закрепила в Корее, Франция во Вьетнаме, Англия в Бирме. Не упустили своего шанса и США, вступив в войну с Испанией и заняв Кубу и Филиппины. А пока этот мир бушевал в схватках друг с другом за его раздел, в этот водоворот ворвалась Германия, полная агрессивных планов и жестких расчетов.

Перед 1914 годом почти никто из ответственных лиц великих держав чрезмерно не опасался вступления в войну, при том, что она может оказаться общеевропейской. Однако новая эпоха открывалась глубокими социальными и политическими изменениями, выдающимися научными и техническими открытиями и усовершенствованиями, ставшими на рубеже двух столетий результатом накопленных знаний в области математики, естествознания, философии, медицины и т.д. В числе новаций было открытие радиоактивности, рентгеновских лучей, создание квантовой теории относительности, модели атома, синтетического каучука, синтеза аммиака. Кроме этого были новые средства связи, транспорта, включая беспроводный телеграф, в корне изменившие коммуникационные возможности, а также дизель-мотор, воздушный корабль «цеппельин», автотранспорт, ускоренное развитие железных дорог и т.д.

Новая эпоха закономерно требовала и новых государственных лидеров и нового политического мышления, отставание которого от требований бытия являлось следствием особенностей самой структуры капиталистического общества. К тому же постоянное стремление к экспансии приводило к доминированию реакции над прогрессом. Между тем элита господствующего класса была настолько замкнутой, что позволяла выдвигать из своей среды только тех лидеров, которые удовлетворяли бы притязания ее самой, будь то новые промышленные магнаты, военные или земельная аристократия. Их, как правило, изображали

мудрыми, заботящимися о благе народа, ведь для этого и существовали пропаганда и аппарат насилия. Так называемыми «героями» Первой мировой войны были кайзер Вильгельм II, царь Николай II, император Франц-Иосиф II, а также их министры и военачальники. При этом элита, в частности, Англии и Франции, обладала большим политическим опытом и гибкостью, чем правящие верхи Германии, России и Австро-Венгрии со своими военно-феодальными пережитками².

Летом 1914 года кайзер и его министры подстрекали Вену к войне против Сербии, считая Россию и Францию неготовыми выступить против Австро-Венгрии, тем более, что Россия еще не завершила свою программу вооружений. Была уверенность и в том, что Англия не примет участия в войне из-за грандиозных забастовок английских рабочих и резком обострении ирландского национального вопроса. По расчетам кайзера и его окружения, Англия не вмешается в конфликт Австро-Венгрии, Сербии, России, Германии и в силу ее традиционной политики равновесия сил. Таким образом, вступая в войну, Германия намеревалась иметь против себя только две державы – Россию и Францию и одну небольшую страну – Сербию при нейтралитете Англии, а на своей стороне – Австро-Венгрию. Следовательно, такая расстановка сил гарантировала своего рода блицкриг.

28 июня 1914 года в Сараеве провокационно убивают эрцгерцога Франца-Фердинанда – племянника австрийского императора Франца-Иосифа II. Это покушение

было организовано сербскими националистическими обществами «Народная оборона» и «Черная рука», а также террористической организацией «Омладины». В XX столетии такого рода акции имели самые различные последствия, но один единственный раз в истории, в силу синтеза разнообразных обстоятельств, покушение стало исходной точкой резкого обострения международного кризиса. Особенностью ситуации в Европе того времени являлось то, что были два противостоящих друг другу военно-политического союза – Антанта и Тройственный. Раскол на блоки постоянно носил в себе элемент конфронтации и войны. В Берлине считали, что путь к войне с Россией и Францией лежит через австрийское нападение на Сербию, ведь тогда Россия вступит в войну с Австро-Венгрией. В этом случае Германия начнет войну с Россией, а Франция также втянется в конфликт как ее союзница. Полагалось, что Германия в кратчайший срок победит и Россию и Францию, поставив перед фактом Англию, т.е. осуществит свои планы по переделу мира.

Следует отметить, что предвоенный международный кризис прошел два этапа: первый – от убийства в Сараеве до ультиматума Австро-Венгрии Сербии; второй – от его вручения 23 июля до начала войны 1 августа 1914 года. Итак, 23 июля 1914 года Вена вручает ультиматум правительству в Белграде, носящий явно провокационный характер, т.е. практически моментальную ликвидацию самостоятельности сербского государства. В ответ Белград обращается за помощью к России. После подтверждения

единства взглядов Петербурга и Парижа на ситуацию ответ первого однозначен: начинайте мобилизацию, помощь будет. 24 июля Совет Министров в России принимает решение объявить 26 июля по всей стране «подготовительный период» и «принять подготовительные меры» для «скорейшего осуществления мобилизации в случае опасности». Тогда же Совет Министров Франции решает «принять все предусмотренные на случай войны меры». 25 июля Австро-Венгрия разрывает отношения с Белградом, 27 июля объявляет «днем военной угрозы», а 28-е – первым днем мобилизации; сосредоточение войск у сербской границы закончится к 5 августа.

Все начинает приходить в движение: австрийские войска обстреливают Белград, а в ответ царский военный министр Сазонов окончательно решается на всеобщую мобилизацию, что равносильно объявлению войны, и 30 июля в 16 часов 30 мин. она начинается. 31 июля в Германии объявляется положение «угрожающей военной опасности». Затем она предъявляет России ультиматум: если в течение 12 часов всеобщая мобилизация не будет прекращена, Германия также объявит мобилизацию. Это было чистейшей воды фарисейство, так как всё давно уже решено: и война, и мобилизация, а кайзер лишь разыгрывал спектакль перед своим народом. 1 августа в 19 часов германский посол Пурталес вручает Сазонову ноту: объявление войны. В этот же день Пуанкаре подписывает декрет о всеобщей мобилизации, а 3 августа Германия объявляет войну и Франции и сразу же вторгается в нейтральную

Бельгию. 5 августа, наконец, и Англия объявляет войну Германии: Первая мировая война началась.

Она потрясла миллионы людей, так как была впервые в мире. Никто из ведущих держав практически не представлял себе ее на практике. Англия за 99 лет не вела «больших» войн в Европе (колониальные экспедиции, кризисы и Крымская война в счет не шли). Россия воевала лишь на «периферии» – в Крыму, на Балканах и на Дальнем Востоке. Австро-Венгрия после германского нашествия полстолетия назад также не знала европейской войны. Что же касается Германии, в 1871 году победившей Францию, то там от поколения к поколению культивировалась непобедимость германского оружия, а следовательно, ждали счастливого финала. И действительно на первых порах все складывалось удачно: из нейтральной Бельгии немецкие войска, войдя во Францию, охватили ее половину, однако в начале осени они были остановлены на Марне, вблизи Парижа. Расчеты на быструю победу здесь рухнули, едва русская армия перешла в наступление в Восточной Пруссии и Галиции, с западного фронта немцы вынуждены были снять два армейских корпуса для направления против России. Военная мощь коалиции выливается в морские сражения во всех водах, омывающих Европу. Многомиллионные армии маршируют в пыли по европейским полям, сталкиваясь друг с другом в невиданных сражениях. Масштабы войны стремительно расширяются, возникают и новые ее театры: Турецкий, Дарда-

нельский, Сирийский, Палестинский, Аравийский, Месопотамский и др.

Между тем новая боевая техника опустошала ряды сражающихся, растягивались и линии фронтов. Все несли чудовищные потери: Австро-Венгрия до весны 1915 года потеряла 1,6 млн. человек, до декабря 1914 только в Сербии сложили головы 227 тыс. ее солдат и это было по существу военным потрясением и политической катастрофой. Однако в течение трех долгих лет – с 1915 по 1917 гг. – продолжалась эта чудовищная и бессмысленная война, значение которой сегодня можно расценивать лишь как предупреждение человечеству. Раскрученный маховик уже нельзя было остановить: в мировую войну вовлекались все новые страны – Турция, Болгария, Румыния, Япония, Италия и, наконец, США, которые на завершающей фазе войны позволили добиться общего абсолютного перевеса в пользу стран Антанты³.

Общеизвестно, что война в XX веке становилась прежде всего гигантским общественно-политическим явлением, ведь агрессор не побеждал, а приводил мир к катастрофам и социальным взрывам. Разочарование нарастало по мере осознания того, что победоносного окончания войны не будет. В то же время росло число жертв, вводились карточки на хлеб, эксплуатация рабочих резко увеличилась. Европа прозревала: начались антивоенные демонстрации и митинги, возрастали стачки; громадные социальные проблемы все более влияли на стратегические планы, битвы и сражения. Россия неумолимо подвергалась

революционному кризису по мере поражений на фронтах, развала экономики, массовой гибели людей. В 1916 году число стачек увеличилось до 1542 с участием 1172 тыс. человек (за месяц в среднем происходило 129 стачек). Выступления рабочих носили политический характер, революционизировалась армия, на фронтах начались братания, наступал конец династии Романовых. Февральская революция 1917 года стала поворотным событием в Первой мировой войне. Сведения о ней достигли Берлина в начале марта 1917 года, вызвав в Германии глубокое потрясение. Революция повлияла на расстановку социальных сил и настроение во втором рейхе. 19 апреля 1917 года было опубликовано совместное решение правления и комитетов СДПГ. В нем русский призыв о «мире без аннексий и контрибуций» принимается как официальная программа. В Готе из «социал-демократического рабочего общества» выделяется левое крыло с требованием немедленного мира. Вслед за Февральской буржуазно-демократической революцией грянула Октябрьская социалистическая, изменившая весь облик мира.

Однако руководство кайзеровского рейха, будучи убежденным, что новые технологии и промышленность будут способствовать победе, решили начать еще более разностороннюю пропагандистско-психологическую кампанию, дабы «стереть в порошок» и революционеров, и либералов, которые своими требованиями мира предавали, по его мнению, свои государства. К весне 1918 года Германия держала Западный фронт почти 200 дивизиями,

сосредоточив здесь такое количество техники, что когда 21 марта в 4 часа утра всеобщей артиллерийской подготовкой началось немецкое «весеннее наступление», его участникам показалось, что наступил конец света; вслед за ним пошло второе, третье и четвертое. Союзники отступают и немцы захватывают множество пленных.

А война тем временем приносит свои ужасающие сюрпризы: во время «второй битвы на Сомье» 400 новых «быстроходных» английских и французских танков в колоннах прорывают немецкий фронт. Одна за другой следуют газовые атаки – особенно страшные во Фландрии. Невиданных размеров достигает подводная война: ежемесячно немецкие подводные лодки топят вражеские суда водоизмещением до 600 тыс. тонн, а в морях вокруг Европы устанавливается 187 тысяч мин.

Весьма преуспели в создании и освоении новейшей технологии и техники немцы: они построили за годы войны 374 подводные лодки, потопили более 6 тыс. английских и французских судов водоизмещением 12 млн. т, в том числе 100 боевых кораблей и 178 подводных лодок. 1 октября 1918 года, за месяц до капитуляции, Германия приняла так называемую «программу Шеера» – план строительства еще 376 подлодок. Их должны были построить на 11 верфях 69 тысяч рабочих, изъятых из флота, армейского резерва и военной промышленности. Была открыта и новая сфера войны – воздушная: с 1915 по 1918 гг. «цеппелины» 47 раз совершали налеты на Англию и сбросили на нее 172 т бомб, почти 100 этих громад ис-

пользовано для ночных налетов. В поддержку наступления на Западном фронте в 1918 году немцы бросили 1340 самолетов — половину истребителей и бомбардировщиков и треть всего лётного состава. Кроме этого уже были 2,5 тыс. зенитных орудий, 9 воздушных бомбардировочных эскадр, поднимающихся на 5 км, а их было невозможно достать обычным пехотным оружием.

В ответ союзники вводили почти столько же боевых машин, бомбивших не только линию фронта, но и Рейнскую область. Одновременно совершалась и интервенция в Советскую Россию, чтобы тем же оружием изменить здесь ход истории. Однако сверхсовременная техника не помогла остановить поступь исторического развития: Германия проиграла войну, революции в России и Европе привели к общему кризису капиталистической системы, разрушив ряд ее важнейших звеньев⁴. Поэтому мир недолго пребывал в состоянии относительного покоя, так как продолжались процессы, аналогичные тем, что привели к Первой мировой войне. Германия, пережив унижительное поражение, вновь лелеяла планы расширения сфер влияния, порабощения других народов, выдвинув новые идеи, в частности, идеологию расового превосходства. Они прочно оседали в умах обывателей, приведя практически всю нацию в состояние эйфории и стремления к некой исключительности. Приход нацистов к власти и их первые успехи в 30-х годах закономерно приводили к стремительной милитаризации и нарастанию военной угрозы. Так называемая программа «полного переустройства» Ев-

ропы на основе расовой доктрины, теория «жизненного пространства» и безумный авантюризм вновь поставили человечество на грань очередной мировой катастрофы. Ее предвестниками были вторжения Японии в Китай, Италии в Эфиопию и, конечно, интервенция в Испанию.

Уже довольно четко определялись и основные направления международной политики 30-х годов, а именно: подготовка Гитлера к своим завоеваниям в Европе и на этом фоне соглашательская политика западноевропейских государств, рассчитывавших на столкновение Германии с СССР. Система коллективной безопасности, предложенная им для отпора ее захватническим планам, бойкотировалась ими, что привело к мюнхенской политике согласия с нацистами и, разумеется, ко Второй мировой, начатой 1 сентября 1939 года с «ограниченной» войны против Польши. 1939–1940 годы стали временем наивысших военных достижений нацистской Германии, ибо за всю историю этой страны ей не удавалось достичь столь колоссальных успехов за такой срок. В активе побед уже были Польша, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург, Франция, Норвегия, Румыния, Финляндия. Вторжение весной 1941 года в Югославию и Грецию, а также в Северную Африку, создавали угрозу для стран Средиземноморья и плацдармы для наступления на Восток. Было очевидно, что следующим в этой комбинации достижения мирового господства станет Советский Союз, который понимал эту неизбежность и всячески старался отсрочить ее.

Несмотря на весь трагизм агрессии фашизма против СССР, эта страна все же сумела сорвать тактику нацистского блицкрига, организовав ему надлежащий отпор. Отступая, неся значительные потери, она все же наносила ответные удары, мобилизовав все свои материальные и людские ресурсы. К тому же, фашизм встретил здесь то, что противодействовало его изощренной и «отточенной» военной науке, а именно — общенародную войну с высшим духовным проявлением любви к своему Отечеству, а неисчислимы зверства нацистов лишь активизировали борьбу с ними.

Но вернемся к тому, что привело мировое сообщество к такой общечеловеческой трагедии как фашизм, а именно — к истории его возникновения, становления и укрепления. Это, безусловно, было не только уродливейшее, но и чрезвычайно опасное общественное явление, порожденное промышленным и финансовым капиталом. Именно этот монополист использовал фашизм⁵. Открыто фашистские или авторитарные режимы были установлены в Венгрии (1920 г.), затем в Италии (1922), Болгарии и Испании (1923), Албании (1924), Греции (1925), Литве, Польше и Португалии (1926), Югославии (1929), а в 1933 — в Германии. Кроме этого в 30-х годах происходила фашизация государственного аппарата в Японии, организатором которой стала военщина. Однако при всех специфических особенностях фашизма в различных странах он все имел одну и ту же классовую сущность, которую предельно четко отметил XIII пленум Исполнительного Ко-

митета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в 1933 году: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁶. Исходя из этого определения, VII Конгресс Коминтерна в 1935 году охарактеризовал фашизм как общественно-политическое явление, свойственное именно капитализму на этапе его общего кризиса. Так, в Италии фашистов в качестве основной силы в борьбе с революционными массами всецело поддерживала и использовала наиболее реакционная часть буржуазных политиков и идеологов, а также высокопоставленных военных и государственных служащих. К тому же, в октябре 1920 года итальянский генеральный штаб издал даже специальный циркуляр командирам дивизий о поддержке фашистских организаций. 29 октября 1922 года король Виктор-Эммануил поручил фашистскому дуче Б. Муссолини сформировать правительство и этот день стал одним из поистине мрачных в истории этой страны.

Однако свое наиболее полное выражение террористическая диктатура монополий нашла в германском фашизме. Навязанный в демагогических целях «национал-социалистической немецкой рабочей партией» фашизм, уже с начала 20-х годов получал значительные субсидии от баварских промышленников. В апреле 1927 года фюрер германских фашистов был приглашен на встречу с 400 предпринимателями Рура, а именно на виллу Г. Круппа в Эссене. Это, несомненно, стало актом поддержки нацист-

ского движения. Уже в октябре 1931 года магнаты германского капитала Ф. Тиссен, Г. Крупп, Ф. Флик, А. Гугенберг, бывший президент имперского банка Я. Шахт, немецкие принцы, представитель рейхсвера генерал Г. Сект на совместном совещании с Гитлером создали так называемый гарцбургский фронт-блок фашистов с монополистами, генералитетом и юнкерством⁷. Это свидетельствовало о том, что наиболее агрессивные и реакционные круги Германии взяли курс на передачу фашистам государственной власти. В середине декабря 1931 года восточнопрусская знать потребовала от президента страны фельдмаршала П. Гинденбурга назначить Адольфа Гитлера рейхсканцлером. С аналогичным предложением к нему обратились и 17 крупных промышленных и банковских магнатов в ноябре 1932 года. Окончательно решение было принято 4 января 1933 года на совещании банкиров и владельцев металлургических концернов с нацистским руководством и 30 января Гинденбург поручил Гитлеру формирование нового правительства⁸. Таким образом в Германии была установлена фашистская диктатура, что стало переломным моментом в процессе непосредственной подготовки Второй мировой войны и имело катастрофические последствия как для немецкого, так и для других народов.

Характеризуя фашизм с точки зрения агрессивности в военном отношении, нельзя не отметить и его грубое политическое насилие над массами. Сюда относятся и крайняя степень реакции, ликвидация всех буржуазно-демократических свобод, разгром рабочих и других соци-

альных слоев; повсеместно устанавливался контрреволюционный террор и разветвлённая система слежки за общественной и личной жизнью граждан. В ранг государственной политики повсеместно возводились шовинизм и расизм. В различных странах уже в первые годы фашистского правления распространялся культ вождя (дуче, фюрер, каудильо, тэнно-божественный император). Организуя тоталитарное государство, фашизм одновременно расширял и свою социальную базу, насильственно насаждая специфическую систему «сотрудничества». В той же Японии фашистские группировки и союзы появились вскоре после окончания Первой мировой войны и к началу 30-х годов уже насчитывалось свыше 80 такого рода организаций. «Фашизация Японии происходила не в форме перехода государственной власти в руки определенным образом сложившейся партии и не через создание диктатуры, опрокидывающей прежний государственный аппарат, а путем планомерного закрепления господствующей роли тех частей и элементов существующего государственного строя, которые и ранее несли в себе задатки неприкрытой диктатуры»⁹.

Стремясь вытравить из народного сознания все революционные и демократические традиции, фашисты делали это радикальными, по сути варварскими методами. Так, в Германии была изъята вся прогрессивная литература из библиотек, книжных магазинов и у самого населения. Как символ нацистского режима на улицах и площадях городов запылали костры, сложенные из книг. Сожжению

подлежали произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, классиков мировой художественной литературы, демократических деятелей немецкой культуры. Прогрессивно настроенные ученые, писатели, артисты изгонялись из учреждений, редакций, театров, киностудий, радиостанций, школ и университетов. Более двух тысяч видных представителей науки, литературы и искусства в том числе А. Эйнштейн, Б. Брехт, Г. Манн, А. Цвейг, Л. Фейхтвангер, вынуждены были покинуть страну, а десятки тысяч попали в тюрьмы и концлагеря. Аналогичная «чистка» проводилась и в Италии. Здесь также составлялись официальные списки запрещенных авторов, среди которых были Овидий, Теренций, Франсуа Рабле, Эдгар По, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь. Что касается испанских фашистов, то они расстреляли всемирно известного поэта и драматурга Ф. Гарсиа Лорку.

Характерной чертой фашизма был оголтелый антикоммунизм, а идеологический террор стал орудием подавления инакомыслия: при этом широко использовалась социальная демагогия. Национал-социалисты, — отмечал выдающийся деятель германского и международного рабочего движения Эрнст Тельман, — по различным поводам маскировались революционными фразами, но «за их словами «нация» и «социализм» скрывается зверская рожа капиталистов-эксплуататоров»¹⁰. Придя к власти, подавив оппозицию, навязав «своей» стране милитаризацию всех общественных отношений и подчинив идеологическому влиянию большую часть ее населения, фашизм, безуслов-

но, начал осуществлять свои агрессивные внешнеполитические планы вплоть до завоевания мирового господства.

Следует отметить, что в то время как фашизм утверждался в Германии, японские милитаристы уже перекраивали в свою пользу азиатскую карту. Дело в том, что после окончания Первой мировой войны и провала вооруженной интервенции на Дальнем Востоке Япония не отказалась от своих экспансионистских планов. Программа экстремистских групп к началу 30-х годов предусматривала активизацию захватнической политики, частью которой была подготовка войны с Советским Союзом; одновременно планировалось и создание «великой империи в Азии». Курс на агрессию конкретное воплощение нашел в стратегических военных планах против Китая и СССР — они были разработаны японским генеральным штабом. Между тем главным соперником Японии в этом регионе были США, но весьма острым оставался и англо-японский антагонизм. К осуществлению агрессивных замыслов Япония приступила в 1931 году, вторгнувшись в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и оккупировав его. Чтобы замаскировать аннексию, она создала 9 марта 1932 марионеточное государство Маньчжоу-Го, а затем усилила свои военные приготовления. Следующим шагом в этом направлении стал выход из Лиги наций 27 марта 1933 года и устранение тем самым формального препятствия при осуществлении своего экспансионистского курса. Начало насильственного передела мира закономерно привело к

созданию очага войны на Дальнем Востоке, а следовательно, и подготовке нападения на СССР.

Однако еще более опасный военный очаг разжигала в центре Европы фашистская Германия. Этим целям была подчинена как внутренняя, так и внешняя политика этой страны, а также наука, культура, система начального, среднего и высшего образования, спорт; на войну работала и вся поистине гигантская пропагандистская машина, привившая немецкому народу синдром собственной исключительности и право решать судьбы других представителей человеческой расы... Как и показал Нюрнбергский процесс, нацистские преступники планомерно вели приготовления к этой агрессивной войне. На первой стадии ее подготовки они намеревались ликвидировать ограничения, установленные Версальским договором для вооружений и военной активности Германии. Следующая задача состояла в захвате обширных территорий не только в Европе, но и на других континентах¹¹. Затем последовали, одна за другой, внешнеполитические акции: 14 октября 1933 года Германия отказалась от дальнейшего участия в конференции по сокращению и ограничению вооружений (в Женеве)¹², а 19 октября вышла из Лиги наций. Очередной шаг был сделан 16 марта 1935 года: в нарушении Версальского договора издан закон о введении всеобщей воинской повинности и создании полумиллионной армии. Наряду с этим развернулось ускоренное строительство сухопутной армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота. В августе 1936 года в секретном мемо-

рандуме к четырехлетнему плану ведущих промышленников¹³ уже были сформулированы ближайшие цели рейха: «I. Германская армия в течение четырех лет должна стать боеспособной. II. Германская экономика через четыре года должна быть готова к войне»¹⁴.

К агрессии развернула подготовку и фашистская Италия. О планах создания итальянской империи Муссолини заявил еще в июне 1925 года и это стало официальной программой ее внешнеполитического курса. При этом ускоренными темпами осуществлялись милитаризация экономики, а вся жизнь государства была подчинена военным целям. Законом «О военизации итальянской нации» от 31 декабря 1934 года устанавливалось военное обучение с приходом ребенка в школу, а продолжалось до того, пока он будет в состоянии владеть оружием. Уже 3 октября 1935 года фашистские войска Италии вторглись на территорию Эфиопии (Абиссинии), используя, в нарушении Женевского протокола (1925 г.) и ряда международных договоров, отравляющие вещества и разрывные пули. Захват Эфиопии, несомненно, укрепил позиции итальянского фашизма в Африке и бассейне Средиземного моря, соответственно ослабив позиции Англии и Франции в этом регионе.

Активное участие фашистская Италия приняла и в вооруженной интервенции в Испании с целью свержения законно избранного республиканского правительства. При этом на стороне мятежников во главе с генералом Ф. Франко в 1936–1939 гг. воевало не менее 150 тысяч ита-

льянских солдат и офицеров. Кроме того, Италия (по официальным данным) поставила франкистам значительное количество вооружения и боевой техники, в том числе 240 тысяч винтовок, около 2 тыс. орудий, 950 танков и бронетранспортеров, а также 1000 самолетов. На испанской земле немецкие и итальянские фашисты грабили и убивали мирное население, активно участвовали в бомбардировке городов и селений¹⁵. В декабре 1937 года Италия демонстративно вышла из Лиги наций и продолжила свою агрессивную политику, захватив Албанию.

Все более четко вырисовывались и планы нацистской Германии и об этом свидетельствовали документы Нюрнбергского процесса. Так, 5 ноября 1937 года она поставила задачу «захватить большее жизненное пространство в сравнении с любой другой нацией»¹⁶. При этом съезд нацистов, состоявшийся незадолго до этого, открыто проходил под антисоветскими лозунгами. Немецкий генералитет активно воплощал свои замыслы в конкретные военно-стратегические планы. Так, с весны 1935 года развернулась подготовка по вступлению вермахта в демилитаризованную Рейнскую зону (кодовое название «Шулунг»). Осенью того же года командование вермахта разработало первый детальный план войны против Франции («Рот»), были составлены планы вторжения в Австрию («Отто») и Чехословакию («Грюн»). Именно в соответствии с ними Германия и начала вскоре открытую агрессию в Европе. Уже в марте 1936 года была оккупирована Рейнская демилитаризованная зона, а летом она вместе с

фашистской Италией приняла участие в вооруженной интервенции в республиканскую Испанию. Состав так называемого легиона Кондор насчитывал 250 самолетов, а всего в 1936–1939 гг. на стороне Франко воевало не менее 50 тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров. В марте 1938 года Германия аннексировала Австрию, осенью, на основе мюнхенского сговора, присоединила Судетскую область и некоторые другие районы Чехословакии, а в марте следующего года эта страна перестала существовать как самостоятельное государство. Затем был оккупирован литовский порт Клайпеда (Мемель) и Клайпедская область. «Как взбесившийся зверь, — констатировало воззвание Исполкома Коммунистического Интернационала, — мечется фашизм по Европе. Он поглотил Австрию и Чехословакию, он занял Мемель, аннексировал Албанию. Он закидывает петлю на шею Польши. Он рвется на Балканы, угрожая Румынии, Югославии и Греции»¹⁷. Становилось очевидным, что фашистская агрессия приближается к западным границам Советского Союза.

Все большую опасность представляли и агрессивные устремления милитаристской Японии. Об этом свидетельствовала активная разработка в середине 30-х годов агрессивных планов по созданию «Великой Японии до Байкала и Тибета». Ведущая роль в них принадлежала таким фашистским деятелям, как Х. Тодзио, С. Итагаки, К. Хиранума и другие. Осуществляя их, Япония летом 1937 года приступила к захвату Китая: в июле был захвачен Бэйпин (Пекин), в ноябре — Шанхай, в декабре — Нанкин. К концу

октября 1938 года уже была оккупирована значительная территория страны с ее главными промышленными центрами и важнейшими железнодорожными магистралями.

Безусловно, вторжение милитаристской Японии в центральные районы Китая, а также ее планы по завоеванию обширных территорий в Азии и в бассейне Тихого океана, еще более обострили противоречия между империалистическими государствами. Так, борьба за монопольное господство в Китае и за обладание богатейшими ресурсами стратегического сырья Юго-Восточной Азии резко осложнило японо-американские отношения, значительно были подорваны и позиции Англии как крупнейшего экспортера капитала в Китай. В 1934 году капиталовложения Японии в Китае достигли 53 процентов от общего числа всех иностранных, а доля Англии снизилась до 24%¹⁸. Однако не удовлетворившись этим, японские концерны полностью вытеснили англосаксонские страны и Францию из Китая и зоны Южных морей. С декабря 1938 года Япония фактически блокировала английские концессии в Тяньцзине, а в мае 1939 потребовала от США и Англии признания «японских прав» на управление иностранным кварталом в Шанхае и контроля над о. Гулансу.

Насаждая жестокий оккупационный режим, Япония тем не менее не забывала о захвате дальневосточных территорий СССР. При этом только за 1936–1938 годы на границе с ним (с Маньчжоу-Го) ею было совершено 231 нарушение, в том числе 35 крупных боевых столкновений. Стремясь прозондировать боеспособность вооруженных

сил Советского Союза на Дальнем Востоке, Япония спровоцировала крупный военный конфликт в районе озера Хасан, но в результате ожесточенных боев до 9 августа захватчики были изгнаны из советской территории. Но, несмотря на это поражение, японская военщина с 1939 года продолжала систематически нападать на территорию Монгольской Народной Республики в районе р. Халхин-Гол и в начале мая все же развязала военные действия против Монголии и СССР, продолжавшиеся четыре месяца.

Следует отметить, что первоначально вышеуказанные фашистские державы пытались осуществлять свои гегемонистские интересы в одиночку, но в дальнейшем они объединили свои усилия в этом направлении. Так, 25 ноября 1936 года Германия и Япония подписали Антикоммунистический пакт, а 6 ноября 1937 к нему присоединилась и Италия. Таким образом был создан так называемый военный союз трех держав, направленный как против СССР, так и основных своих империалистических соперников, активно используя миф о «коммунистической угрозе». Поэтому, когда фюрер предложил подписать к тому же и трехсторонний военный пакт, Муссолини приветствовал эту идею. В октябре 1938 года он конкретизировал ее следующим образом: «Мы должны создать не просто оборонительный союз. В нем нет нужды, так как никто не собирается нападать на тоталитарные державы. Вместо этого мы хотим создать союз для того, чтобы переделать карту мира»¹⁹. 22 марта 1939 года в Берлине бы-

ло официально оформлено двустороннее военное соглашение Германии с Италией в виде «Стального пакта». Однако еще в феврале–марте фашистский агрессивный блок значительно расширился за счет присоединения к Антикоммунистическому пакту Венгрии, Испании, а также марионеточного государства Маньчжоу-Го. Стремясь расширить свое влияние в Юго-Восточной Европе, Германия заключила с Румынией экономическое соглашение, а затем и другие не выгодные для нее договора, приведшие впоследствии к подчинению ее экономики интересам рейха. Параллельно активно шли военные приготовления вермахта для нападения на Польшу. В конечном итоге к агрессивному союзу Германии и Италии присоединилась и Япония, что сформировало так называемый Тройственный союз, вошедший в историю как ось Берлин–Рим–Токио. В некоторых исторических условиях, а именно накануне Второй мировой войны, противостоять ему можно было только объединением сил СССР, Англии, Франции, США и других государств, то есть создания организации коллективной безопасности. К сожалению, именно эти страны в сущности блокировали усилия Советского Союза в этом направлении, практически способствуя подготовке и развязыванию Второй мировой войны.

Глава 2. Политика западных держав и США как фактор поощрения фашистской агрессии

Международные кризисы XX столетия всегда имели опасность для мирового сообщества и проходили ряд этапов. Возможность их локализации и прекращения или провоцирования и разжигания зависели от целей и политических действий. При этом роль так называемых «военных партий» активизировалась, ведь за ними стояли те, кто давал им основные импульсы, обладая научно-техническим прогрессом и выбирая войну как упрощенное решение сложнейших политических проблем. Что касается массового сознания, то пропаганда шовинизма и милитаризма успешно воздействовала на умы миллионов. Это происходило потому, что в нем отсутствовали или были ограничены представления о вероятных последствиях мировых войн. К сожалению, лишь меньшинство понимало весь трагизм надвигающейся общечеловеческой катастрофы. Эта ситуация и способствовала тому, что владыки крупной индустрии и финансового капитала в своем безудержном стремлении жажды наживы в союзе с ограниченными политиками и приводили Европу не только к острым международно-политическим кризисам, но и к войне.

Следует отметить, что ситуация накануне первой и второй мировых войн имела значительные различия, но механизм их развития все же содержал немало общего.

Совершенно очевидно, что объективные противоречия, из которых могли возникнуть мировые войны, существовали на протяжении ряда десятилетий XX века, а предпосылками основных политических конфликтов являлись свойства монополистического капитала, порождающего войны. Разумеется, что негативным фактором их развязывания была массовая истерическая военная пропаганда, со всей очевидностью продемонстрировавшая свои огромные резервы. Об этом свидетельствуют события как Первой мировой войны, так и второй, тем более, что были открыты новые возможности влияния изолированной пропаганды на массы.

Общеизвестно, что уже с появлением и утверждением фашизма, Англия, Франция и США оказывали ему материальную и политическую поддержку, считая его орудием борьбы против Советского Союза. Причем это происходило при полном понимании ими реальных угроз со стороны фашиствующего монстра, ведь его деяния не оставляли никаких сомнений относительно возможных последствий не только для них, но и для всего человечества. Так, консервативные круги той же Англии весьма активно поддерживали итальянских фашистов. В частности, министр финансов У. Черчилль в 1925 году одобрително комментировал их меры «по пресечению большевизма», а два года спустя откровенно приветствовал чернорубашечников за их активность в борьбе против международного рабочего и коммунистического движения. К тому же и США спонсировали их многомиллионными зай-

мами, что естественно стабилизировало экономику Италии.

Политика поощрения этих агрессоров особенно проявилась в период подготовки итальянских фашистов к нападению на Эфиопию. В январе 1935 года Муссолини при встрече с министром иностранных дел Франции П. Лавалем получил от него соответствующее одобрение, аналогично поступили Англия и США. Американское правительство даже уговаривало Эфиопию отказаться от «преувеличенных представлений о независимости и согласиться с умеренными требованиями Италии»²⁰. 31 августа 1935 года конгрессом США был принят закон о нейтралитете, который запрещал вывоз оружия, боеприпасов и военного снаряжения в воюющие страны. Это давало возможность агрессору, не зависящему от импорта оружия как жертва агрессии, получать перед ней реальное и значительное преимущество. Одновременно этот закон сохранял для США экспорт стратегических материалов, что позволяло монополиям расширять снабжение Италии некоторыми видами сырья.

Совершенно очевидно, что со времени прихода Гитлера к власти в 1933 году правительства Англии и Франции уступали этому опасному авантюристу гораздо более, чем прежним демократическим правительствам Германии. К тому же, о планах фюрера вернуть не только территории, отнятые после Первой мировой войны, но и приобрести новые, они, несомненно, знали, ведь в 1937–1938 годах многие западные деятели были весьма откровенны в

своих частных беседах. Кроме того, английские правительственные круги выдвигали немало предложений относительно осуществления Германией экспансии в восточном направлении и таким образом отвести опасность от Запада. Они же доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести соответствующее жизненное пространство и давали понять ему это. Но при этом они не удосужились выяснить для себя, что покорить его владельца можно только угрозой применения подавляющей силы²¹. Немецкие документы содержат данные и о том, что фюрер особенно одобрил визит лорда Галифакса в ноябре 1937 года. Тогда он был лордом — председателем совета, вторым лицом в правительстве после премьер-министра; сохранилась даже стенограмма их беседы, в которой Галифакс дал понять Гитлеру, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе.

В феврале 1938 года министр иностранных дел Иден, после неоднократных споров с Чемберленом, вынужден был уйти в отставку, а вместо него и был назначен Галифакс. Несколько дней спустя английский посол в Берлине Гендерсон посетил Гитлера для конфиденциальной беседы, что стало закономерным продолжением ноябрьских переговоров фюрера с Галифаксом. Гендерсон дал понять ему, что английское правительство относится с симпатией к стремлению Гитлера к «переменам в Европе» на благо Германии. Такая позиция Англии, безусловно, способствовала ускорению реализации его планов, так как перед ним открывалась «зеленая улица» на Восток. Еще более

Гитлера ободрила та сговорчивость правительств Англии и Франции, с какой они приняли его вторжение в Австрию и включение ее в состав рейха. А еще большее удовлетворение он получил от известия, что Чемберлен и Галифакс отклонили предложение русских о созыве конференции по выработке коллективного плана гарантий против агрессии Германии. В сентябре 1938 года ситуация повторилась, то есть, когда угроза Чехословакии стала очевидной, а Советское правительство как публично, так и в частном порядке, вновь заявило о своей готовности сотрудничать с Францией и Англией в принятии мер по защите этого государства. Это предложение не только было проигнорировано, но более того они демонстративно лишили СССР участия в Мюнхенском совещании, решавшим его судьбу. Уже год спустя это имело фатальные последствия.

Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии было подписано 29 ноября 1938 года премьер-министром Франции Даладье, фашистскими диктаторами Гитлером и Муссолини. Оно стало венцом политики «умиротворения» агрессора и «невмешательства», которую накануне войны проводили правящие круги западных держав. Цель этой безнравственной политики состояла в том, чтобы договорившись с этими агрессорами и, в первую очередь с Германией, за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, обезопасить себя, а затем и повернуть эту агрессию против Советского Союза. По Мюнхенскому соглашению Германии передавалась Судетская область, а также навязывались другие условия, подрывающие промышленный и

оборонный потенциал Чехословакии. При анализе данной ситуации необходимо отмечать, что в период подготовки мюнхенского диктата СССР заявил о своей решимости оказать ей вооруженную помощь для отпора германской агрессии. Тем самым он выполнял свои обязательства по советско-чехословацкому пакту 1935 года, однако правительство Бенеша-Годжи предпочло капитуляцию. В марте 1939 года Германия захватила и расчленила всю Чехословакию и единственным государством, отказавшимся признать этот захват, был Советский Союз²².

США в вышеуказанной конференции формально не участвовали, но оказали ей значительное содействие, открыто приветствуя визиты британского премьер-министра к фюреру. Накануне ее, 26–27 сентября 1938 года, американское правительство даже предложило свои услуги арбитра, уговаривая нацистского главаря решить вопрос о Судетской области «мирным путем»²³. В Вашингтоне, также как в Лондоне и Париже, не было поддержано радикальное предложение Советского правительства о совместном выступлении в защиту Чехословакии. Сделка в Мюнхене получила и официальное одобрение США: 30 сентября государственный секретарь К. Хэлл заявил представителям прессы, что результаты мюнхенской конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения»²⁴.

Явное попустительство было со стороны США, Англии, Франции и по отношению к японскому милитаризму. Так, вторжение Японии в Маньчжурию президент США Г. Гувер расценивал как «наведение порядка» в Ки-

тае²⁵. Также как в Европе, американские и английские правящие круги считали, что действия Японии в Северо-Восточном Китае приведут к войне против СССР. Американский посол в СССР У. Буллит в декабре 1933 года подчеркивал, что англичане, по существу, одобряют захват Маньчжурии и «также нисколько не возражали бы против захвата Японией Приморья, их беспокоит только возможность японского продвижения в район к югу от Великой стены, где начинается сфера английских интересов»²⁶. Подобную политику «умиротворения» западные державы активно продолжили во время войны, начатой Японией летом 1937 года с целью завоевания уже всего Китая. Однако, хотя на этот раз действия ее непосредственно задевали интересы Англии и США в Азии и бассейне Тихого океана, они по-прежнему видели в ней прежде всего гаранта «стабильности» и как силы подавления национально-освободительного движения в дальневосточном регионе.

На Брюссельской конференции из 18 государств, состоявшейся с 3 по 24 ноября 1937 года и организованной западными странами, было обсуждено положение на Дальнем Востоке²⁷. Американская делегация прибыла на нее с инструкцией не выступать «в качестве лидера или инициатора будущих действий» против Японии, ведь в окружении Чемберлена даже не допускали мысли о возможности применения антияпонских санкций. В отличие от них советские представители призывали западные державы к тесному взаимодействию в интересах защиты мира на Дальнем Востоке. Благодаря тому, что США, Англия и

Франция всячески уклонялась от сотрудничества с СССР, конференция не приняла конкретных мер против японского агрессора. В связи с этим глава советской делегации В.П. Потемкин писал о ее итогах: «Конференция закрылась в атмосфере капитуляции перед Японией и явной подготовки к сговору с ней»²⁸.

Разумеется, подобная политика закономерно привела к новым попыткам подталкивания Японии к войне против Советского Союза, когда развернулись события у р. Халхин-Гол. Апогеем поощрения агрессивных действий Японии было то обстоятельство, что в июне 1939 года английский посол в Токио Р. Крейги и японский министр иностранных дел Х. Арита заключили соглашение, по которому Англия признала захваты Японии в Китае. Не отстало от нее и американское правительство, сначала продлив на шесть месяцев аннулированный перед этим договор с ней, а затем и полностью восстановив его. Кроме этого США и Англия увеличили поставки дефицитных материалов и стратегического сырья для японской промышленности²⁹.

Но вернемся в Европу, ведь именно здесь будет, при содействии западных держав, развязана самая кровопролитная в истории человечества война. Политика поощрения агрессора привела их к жестокому просчету, а итогом Мюнхенского соглашения стал подрыв их влияния во всей Европе. Кроме того была ликвидирована Малая Антанта — политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920–1921 годы под эгидой Франции; резко

усилились экономические, политические и военные позиции нацистской Германии и европейского фашизма в целом и нацисты в полной мере использовали свой успех. Уже через 3 недели после Мюнхена, 21 октября 1938 года, была подписана директива о «быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии». 24 октября Германия потребовала, уже от Польши, одобрения присоединения вольного города Данцига к рейху и разрешения на строительство экстра-территориальной железной и автомобильной дорог на польской территории до Восточной Пруссии. Одновременно форсировался так называемый Западный вал на границе с Францией, рассматривался вопрос о захвате военных баз в Испании, Голландии, Дании, Норвегии и Восточной Африке, а также конкретизировались планы приобретений колоний в Африке, наряду с дальнейшими целями в Европе. Далее события развивались еще более стремительно: в ноябре 1938 года при поддержке Германии хортистская Венгрия захватывает южные районы Словакии, Закарпатской Украины с населением более одного миллиона человек. При этом уже 14 марта 1939 года, по прямому распоряжению гитлеровского руководства, провозглашается «самостоятельность Словакии». На следующий же день немецкие войска оккупируют Чехию, Моравию и под названием «Протекторат Богемии и Моравии» эти исконно чешские земли включаются в состав рейха. Словакия при этом становится марионеточным государством фашистской Германии, а Закарпатская Украина захватывается хортистской армией. Таким образом со-

вершается очередной акт международного беспрецедентного и элементарного разбоя.

Каковы же шаги «западной демократии» в этой ситуации? Опасения перед возможным поворотом фашистской агрессии в сторону Западной Европы заставили британскую дипломатию перейти к некоторым внешнеполитическим манёврам (переговоры с СССР, гарантии помощи Польше, Румынии, Греции и Турции), но при сохранении основной политики «умиротворения». Об этом свидетельствовало заявление министра финансов Д. Саймона 15 марта 1939 года на заседании кабинета в Лондоне о том, что английское правительство «больше не имеет каких-либо законных или моральных обязательств в отношении Чехословакии»³⁰. Аналогично высказывались многие государственные деятели как Англии, так и США. Так, во Франции, на заседании парламента 17 марта, Даладьё не только не осудил агрессию Германии, но и потребовал чрезвычайных полномочий для подавления протеста оппозиционных сил и в первую очередь Компартии. «Большинство палаты, — телеграфировал полпред СССР во Франции, — ответило на это требование громовой овацией в адрес Даладьё. Более позорное зрелище трудно было себе представить»³¹.

Итак, Европа вступила в полосу острого политического кризиса — разваливались целые государства, бесчинствовали агрессоры на фоне продолжения политики попустительства, несмотря на то, что это еще более ослабляло позиции западных держав в Европе, на Ближнем Востоке

и в Азии. В этой исключительно напряженной ситуации СССР на XVIII съезде ВКП(б) дал четкий анализ их целей. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) от 10 марта 1939 года уже содержалось предупреждение о том, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»³². В докладе были определены задачи внешней политики СССР, согласно которым он вскоре выступил с новой инициативой, направленной на принятие коллективных мер для защиты мира и безопасности. 18 марта 1939 года Советское правительство через английского посла сделало предложение созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции, но эту инициативу английское правительство сочло «преждевременной». Переговоры с Англией и Францией все же начались весной 1939 года и продолжались до последней декады августа при максимуме усилий со стороны Советского Союза, настаивавшего на принятии конкретных обязательств помощи на случай фашистской агрессии. При этом, еще на начальной стадии переговоров, глава Северного департамента МИД Англии Л. Кольер высказал мнение, что английское правительство не желает связывать себя с СССР, «а хочет дать Германии возможность развивать агрессию на восток за счет России...»³³.

Следует отметить, что реакционным западным правителям была ненавистна сама мысль о союзе Англии и Франции с СССР — они готовились к очередному диалогу с рейхом. 24 мая 1939 года, на заседании английского ка-

бинета, было решено обусловить договор с СССР целым рядом таких оговорок, которые сделали бы его бесполезным. Тот же Чемберлен высказался за дальнейшие поиски соглашения с Германией. Это, по заявлению премьер-министра, будет «позитивной стороной нашей политики»³⁴. Данная риторика происходила на фоне требований широких масс английского и французского народов организовать коллективный отпор агрессивным намерениям. Между тем, согласно Института общественного мнения, 87% англичан, опрошенных в конце апреля – начале мая 1939 года, высказались в пользу военного союза Англии и Франции с СССР³⁵. Поскольку правительства Чемберлена и Даладье подвергались острой критике в прессе и парламенте за нежелание занять конструктивную позицию в этом вопросе, они в дальнейшем пошли на некоторые уступки советской стороне, в частности, признали недопустимость сепаратного мира, но по-прежнему отказывались выступить против Германии, если она прибегнет к косвенной агрессии в Прибалтике. Несмотря на длительное сопротивление, они все же были вынуждены принять предложение Советского правительства о начале переговоров между представителями вооруженных сил СССР, Англии и Франции.

С 12 по 21 августа 1939 года на переговорах военных делегаций СССР, Англии и Франции, проходивших в Москве, советская, во главе с Народным комиссаром обороны К.Е. Ворошиловым, предложила три необходимых варианта совместных действий. Первый предусматривал

возможность нападения агрессивного блока на Англию и Францию и в этом случае СССР должен был выставить 70% численности тех вооруженных сил, которые должны будут направлены против главного агрессора – Германии. Обязательным считалось участие в войне и Польши в силу ее договоров с Англией и Францией. Согласно второму варианту, в случае агрессии против Польши и Румынии, они должны были также выставить на фронт все свои вооруженные силы. В то же время Англия и Франция обязывались объявить войну Германии, а Советский Союз представлял аналогичное с ними количество вооруженных сил. Третий вариант исходил из того, что если Германия, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, нападет на СССР, то Франция и Англия немедленно вступят в войну с ней или с ее блоком, выставив свои 70%. Польша обязывалась выступить против Германии и выделить не менее 45 пехотных дивизий со средствами усиления, пропустив советские войска через Виленский коридор и Галицию. Румыния, если будет втянута в войну, должна была участвовать в ней всеми силами и также пропустить через свою территорию советские войска³⁶.

Однако, несмотря на эти конкретные планы, английская и французская делегации продолжали свои дискуссии и отнюдь не собирались согласовывать соответствующие вопросы. В организации коллективной безопасности не проявляли заинтересованности и буржуазные лидеры ряда пограничных с Советским Союзом стран. Так, Польша еще в 1934 году подписала с фашистской Германией де-

кларацию о ненападении и взаимопонимании и в последующие годы польские экстремистские круги всячески поощряли развитие сотрудничества с нацистами на анти-советской основе с расчетом на реализацию своих великодержавных территориальных претензий. В августе 1939 года правительство Польши, зная о запланированном близком вторжении вермахта на свою территорию, отказывалось вступать в переговоры с Советским Союзом о пропуске его войск через польскую границу. Поскольку в правящих кругах Румынии отсутствовало единство, ее король Кароль II заявил 11 августа, что также не допустит прохода Красной Армии через территорию своего государства даже если она «придет на помощь румынской армии»³⁷.

Что касается Лондона, то переговорам с СССР он придавал второстепенное значение, рассматривая их лишь как средство упрочения позиции Англии по отношению к Германии. Правительство Чемберлена в это время (с мая до конца августа 1939 года) вело секретные переговоры с фашистскими эмиссарами о широком англо-германском соглашении. В планы Англии входило разграничение сфер влияния между обеими странами в мировом масштабе и предоставления рейху господствующего положения в Юго-Восточной Европе. Одна из ее целей и состояла в том, чтобы достичь соглашения за счет Польши, отказавшись от данных ей гарантий, а затем вывести немецкие войска к границам Советского Союза. Г. Дирксен — германский посол в Лондоне — дал понять ближайшему со-

ветнику Чемберлена Вильсону (3 августа 1939 г.), что в Берлине отрицательно относятся к московским военным переговорам и считают их «проявлением политики окружения», несовместимой с идеей англо-американского пакта о ненападении. Высокопоставленные нацисты и, в частности, Г. Геринг, включились в диалог с представителями делового британского мира с целью недопущения соглашения Англии и Франции с СССР³⁸.

Между тем детали англо-германского сговора, а это стало известно после войны, предполагалось уточнить на тайной встрече Чемберлена и Геринга, поездка которого в Англию намечалась на 23 августа. Эти преднамеренные действия западных держав давали понять Германии, что у Советов нет союзников, а следовательно, у нее «развязаны руки» относительно Польши. Англо-французские манёвры 23 августа — 1 сентября 1939 года состояли в том, чтобы сохранив позиции в Восточной Европе, по возможности без войны, добиться соглашения с Гитлером, пытаясь оттянуть начало военного конфликта, а в случае неудачи пойти на новый сговор, но уже за счет Польши. Подобного рода политика перед Второй мировой войной позволила Гитлеру 22 августа 1939 года дать прямую установку на вторжение в Польшу.

Далее события разворачивались следующим образом. В тот же день в Лондоне собрался кабинет министров, результаты заседания которого были обозначены в итоговом коммюнике. Оно гласило: «Правительство теперь, как и прежде, придерживается мнения, что в воз-

никшем между Германией и Польшей споре нет ничего, что могло бы оправдать применение силы и вовлечения в европейскую войну со всеми ее трагическими последствиями». Английский посол в Берлине Гендерсон вылетел к Гитлеру в Берхтесгаден с личным письмом Чемберлена, в котором тот пытался убедить фюрера в твердости позиции на счет польского вопроса и вместе с тем в своем желании сотрудничать с Германией. При этом, вручая послание премьер-министра, Гендерсон заявил, что «английское правительство ошеломлено сведениями о германо-советском пакте» и что для блага Европы желательно германо-английское сотрудничество. Письмо Чемберлена и две беседы с Гендерсеном стали для Гитлера важным сигналом для последующих действий.

23 августа 1939 года в Париже открылось заседание Национального совета обороны. В своей вступительной речи министр иностранных дел Боннэ после краткого обзора положения пришел к выводу, что «нависла угроза всеобщей войны из-за Данцига и коридора». В отношении позиции Франции в создавшейся ситуации, он выразил сомнение о необходимости поддержки Польши, обосновав это тем, что стране нужно выиграть время для усовершенствования вооружения и увеличения военной силы. Главнокомандующий французской армии генерал Гамелен выразил надежду, что Польша окажет «честное сопротивление». В ходе обмена мнениями все же было решено, что Франция объявит войну Германии, если она нападет на Польшу.

24 августа 1939 года премьер Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс также выступили с речами в нижней и верхней палатах британского парламента. Еще раз выразив недовольство по поводу советско-германского пакта о ненападении, они вновь сделали недвусмысленные предложения о новом соглашении с нацистским режимом. Для фюрера содержание этих выступлений стало обещанием невмешательства в оккупацию им Польши и он сразу же отдал приказ о вторжении на следующий день. Вызвав английского посла Галифакса, Гитлер заявил, что «после решения польских дел», если ему в этом не помешают Англия и Франция, он больше на будет «интересоваться западными проблемами», а существующая западная граница рейха будет окончательной». В 17:30 того же дня состоялась и его беседа с французским послом Кулондром, проникнутая тем же духом, что и с английским.

Казалось изоляция Польши, а следовательно и ее судьба, была решена, но внезапно возникли два затруднения. Получив телеграмму английского посла из Варшавы в ночь на 25 августа, английское правительство выразило беспокойство, что Польша будет упущена без компенсации. В связи с этим оно в качестве угрожающего жеста подписывает договор с Польшей о взаимных гарантиях в случае враждебных действий с европейской державой. Разумеется, под ней подразумевалась Германия. Сведения об этом в Берлине получили сразу, причем почти одновременно пришло известие о нейтралитете Италии в случае войны. Гитлер отменил приказ о вторжении в Польшу, но

уже днем 26 августа он получил примирительное письмо от Даладье, призвавшего его к миру и «хорошей гармонии между Францией и Германией...». Когда же вечером этого же дня в Берлин прибыл шведский посредник из Лондона Далерус с призывом английского правительства к миру, у фюрера уже не оставалось сомнений, что новый «Мюнхен» работает. В своем ответе от 27 августа Даладье подчеркивал, что если Франция не будет мешать «решению польского вопроса», то и Германия не станет воевать с ней. Одновременно было выдвинуто новое требование: отдать ей весь Польский коридор. Из Берлина последовали и новые предложения Лондону:

- 1) Германия желает заключить союз или пакт с Великобританией;
- 2) Англия должна помочь Германии получить Данциг и Польский коридор;
- 3) Германия обязуется гарантировать польские границы;
- 4) Должна быть достигнута договоренность о возвращении Германии колоний...;
- 5) Германия обязуется защищать Британскую империю своими вооруженными силами, если на последнюю будет совершено нападение³⁹.

Срочно собравшись, английское правительство вступило в откровенный торг по каждому из пунктов новой «мирной программы». Официальный ответ вечером 28 августа не содержал никаких сомнений относительно позиции Англии, а именно: у нее нет достаточного желания

выполнять гарантии Польше, а затем последовало пресловутое «широкое и всеобъемлющее взаимопонимание между Великобританией и Германией». Узнав о развитии ситуации, польское правительство решило провести всеобщую мобилизацию, что вызвало возмущение в Лондоне. Ее срочно отменили и под нажимом Англии Варшава дала согласие на прямые переговоры с Гитлером. Утром 29 августа тот «согласился» с английскими предложениями, но лишь на основе своих требований и при условии прибытия чрезвычайного уполномоченного Польши не позднее полуночи 30 августа. После совещания Бека (польского министра иностранных дел) и английского и французского послов решение президента Польши о вторичной мобилизации было отменено.

Насколько драматичны были последующие события свидетельствует попытка решить эту практически безысходную ситуацию в считанное время. Риббентропом были предложены Польше так называемые 16 пунктов «Союза народов», которые означали для нее полную потерю суверенитета. Выписки из них Далерус вручил польскому послу в Берлине Липскому. Ознакомившись с ними, тот заявил: «Этот план означает потерю польского суверенитета и является полностью недискуссионным... Польша готова бороться и погибнуть в одиночестве». Однако Лондон продолжал упорно и панически требовать от поляков «прямых переговоров» о чем в полдень 31 августа Галифакс телеграфировал в Варшаву. О том насколько эти призывы были не только бессмысленны, но и лицемерны

говорит тот факт, что в Лондоне уже точно знали о начале германского вторжения в Польшу следующим утром. В оставшиеся часы еще шли какие-то пустые переговоры, уточнения, надежды на изменение хода событий в последний момент, но судьба этой страны уже была решена⁴⁰. На рассвете 1 сентября 1939 года германские войска вошли в Польшу и это стало началом Второй мировой войны, что привело к величайшей трагедии не только Польши, но и всего мирового сообщества. Анализируя эти события, нельзя сомневаться в том, что вина за это лежит не только на самой Польше, но и на вероломной, предательской позиции западных держав и США. Именно они взращивали этого монстра, постоянно заигрывая с ним и решая свои меркантильные интересы. Направляя его на Восток, на уничтожение СССР, они тем самым готовили неприглядную участь и для самих себя, ведь вряд ли было возможно остановить эту чудовищную машину смерти после ее столь победоносного шествия...

В сложной ситуации оказался и Советский Союз, ведь все его попытки создания системы коллективной безопасности блокировались западными державами и США. Учитывая это, он предпринимал усилия к предотвращению надвигающейся угрозы, так как еще не был готов противостоять ей. Пробные шаги в этом направлении, то есть к заключению советско-германского союза, СССР сделал еще в апреле 1939 года. Переговоры велись с величайшей осторожностью и проходили, как принято называть в «атмосфере взаимного недоверия», то есть с взаим-

ными подозрениями. До середины августа министр иностранных дел В. Молотов не давал никаких обещаний, но затем последовали решительные перемены. Для СССР создавалось критическое положение: по вине западных держав и в первую очередь Англии, переговоры в Москве были заведены в тупик и сорваны; Красная Армия фактически вела боевые действия с японскими войсками, вероломно нападшими на Монгольскую Народную Республику; завершающая подготовка Германии на Польшу означала прямую военную угрозу для него. В этой критической ситуации Советское правительство приняло предложение Германии подписать с ней договор. Этот шаг оно вынуждено было сделать после того, как окончательно раскрылись провокационные цели руководителей Англии, Франции и были исчерпаны все возможности заключения с ними равноправного договора и когда буржуазная Польша категорически отвергла военную помощь Советского Союза. 23 августа 1939 года в Москве был подписан договор о ненападении между СССР и Германией, вошедший в историю Второй мировой войны как пакт Молотова-Риббентропа. Благодаря ему Страна Советов временно отвела угрозу от своих западных границ и, как показали последующие события, смогла выиграть почти два мирных года для укрепления и совершенствования своей обороны.

Это решение СССР и сегодня представляется в искаженном виде отнюдь не случайно, ведь западные державы, скрывая свои истинные цели накануне, хотели бы

снять с себя вину за курс потворства фашизму и развязывание войны. На позиции поощрения фашистской агрессии стояли и Соединенные Штаты Америки. Характерно, что за два месяца до начала войны в Европе палата представителей 30 июня 1939 года высказалась против изменения законодательства о нейтралитете, что подтверждало намерение США отказать в помощи тем, кто окажется очередной жертвой агрессоров. Позднее Ф. Рузвельт признал, что эмбарго на экспорт оружия действительно содействовало ускорению начала войны в Европе, вследствие поощрения, которое оно давало агрессивным странам⁴¹. Было очевидно, что Запад с помощью фашистских государств надеялся уничтожить Советский Союз. «В те довоенные годы представители финансовых и торговых кругов в западных демократических странах, включая и Соединенные Штаты, — свидетельствовал тогдашний заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, — были твердо уверены, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией будет только благоприятна для их собственных интересов. Они утверждали, что Россия непременно потерпит поражение и тем самым будет ликвидирован коммунизм⁴². Дальновидная политика Советского правительства расстроила планы втягивания СССР в войну, но срыв переговоров с ним нанес значительный удар его попыткам организовать коллективную безопасность и тем самым, поставив заслон фашистской агрессии, предотвратить Вторую мировую войну. Предательская политика западных держав и США закономерно

привела к эффекту бумеранга: через несколько недель, выступая перед представителями ведущих отраслей экономики, нацистской партии и военного командования, Гитлер уже говорил о предстоящем исчезновении с карты Европы Франции, искоренения Англии, захвате английских богатств и территорий во всем мире, а затем уничтожения США⁴³.

Что касается оценки пакта Молотова–Риббентропа в исторических реалиях того времени, то он сыграл позитивную роль для СССР и фактически стал значительным успехом советской внешней политики. Важнейшее значение этого договора о ненападении заключалось в том, что он препятствовал созданию единого антисоветского фронта империалистических держав. К тому же, было нарушено и единство формирующегося фашистского лагеря. В Токио, где делали ставку на возможность совместного японо-германского удара по Советскому Союзу, были буквально взбешены его заключением. В официальном протесте, направленном Германии, этот документ квалифицировался как «противоречащий секретному договору, приложенному к антикоминтерновскому пакту». Удар по своим планам усмотрели в нем и итальянские фашисты, отказавшиеся вследствие этого вступать во Вторую мировую войну одновременно с Германией; объявила о своем «нейтралитете» и франкистская Испания. Таким образом она началась не с выступления единого фронта держав «Оси», а с агрессии одной Германии. Процесс военной консолидации фашистского блока был замедлен примерно

на один год, а выигрыш времени для укрепления обороноспособности СССР, достигнутый советской дипломатией накануне этой чудовищной войны, стал реальным вкладом во всю последующую борьбу против фашизма⁴⁴.

В 1941 году, когда Гитлер вторгся в СССР, шаг, предпринятый Сталиным в 1939 году, казался фатально близоруким актом. Возможно он переоценил способность западных стран и свои собственные сопротивление и тем самым преуменьшил мощь Германии... Тем не менее, при рассмотрении положения в Европе в последующие годы, уже нельзя было утверждать с той же уверенностью, что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб советскому государству. Что касается Запада, то его позиция нанесла ему неизмеримый урон... Рассматривая обстоятельства вступления Англии в войну (после описания того, как она позволила Германии перевооружиться и поглотить Австрию и Чехословакию и как в то же время отвергла предложения России о совместных действиях), Черчилль писал: «... Когда эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия вела за собой Францию, выступая с гарантией целостности Польши, той самой Польши, которая всего полтора года назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства. Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, а французы, располагая 60–70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рурский бас-

сейн. Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши. В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков вряд ли найдется что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражения готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах.

Наконец было «решение – в наихудший момент и на наихудшей основе, – решение, которое, несомненно, должно было привести к истреблению десятков миллионов людей...»⁴⁵. Это довольно резкое обвинение Черчилля в безрассудстве можно было принять как, несомненно, разумную оценку сложившейся ситуации, если бы он в самый разгар событий поддержал настойчивое предложение об английских гарантиях Польше. Но, как известно, этот лидер британских консерваторов на протяжении многих лет, вплоть до начала Великой Отечественной войны, был одним из главных вдохновителей агрессивных планов мирового империализма, направленных на уничтожение СССР. Только трезвый расчет привел Черчилля к признанию необходимости совместной борьбы с ним против фашистской агрессии, но еще в ходе Второй мировой войны

и собственно после ее окончания, он вновь возвратился на прежние антисоветские позиции. Об этом красноречиво свидетельствует фултонская речь этого политика, ставшей призывом к «холодной войне» с Советским Союзом.

Возвращаясь к пакту Молотова–Риббентропа, нельзя не отметить, что он фактически, по мнению одного из руководителей Компартии Великобритании Палма Датта, «взорвал мюнхенский фронт». На Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Англии (4–11 февраля 1945 года) – в беседе с Ф. Рузвельтом И.В. Сталин откровенно сказал ему, что если бы не было «Мюнхена» (1938 г.), то не было бы и пакта о ненападении с гитлеровской Германией⁴⁶.

Итак, 1 сентября 1939 года войска вермахта вторглись в пределы Польши и ее захват рассматривался Германией как один из этапов борьбы за мировое господство. Ее территория фактически рассматривалась как стратегический плацдарм для нападения на Советский Союз, завоеванию которого отводилось главное место в военно-политических планах Гитлера. 3 сентября Англия и Франция, связанные с Польшей союзными договорами, вынуждены были объявить войну Германии; в тот же день в нее вступили Австрия, Новая Зеландия и Индия, а 10 сентября – Канада. Однако со времени начала германо-польской войны и до весны 1940 года Англия и Франция, с одной стороны, и Германия – с другой, по существу, не вели боевых действий в Западной Европе. Исключением стало лишь ограниченное наступление французских войск в Са-

аре 9 сентября 1939 года. Юридически эти государства находились в состоянии войны, существовал фронт с крупным контингентом войск, однако на сухопутном царило полное спокойствие. Данная ситуация позволила войти ей в историю под названием «странной войны».

Но, разумеется, в основе ее лежали все те же надежды правящих кругов Англии и Франции на то, что если не предпринимать активных действий против вермахта и одновременно оказывать на Германию политическое и экономическое давление, то это приведет нацистское руководство к продолжению агрессии на Восток. Поэтому, вместо того, чтобы предпринимать эффективные меры для борьбы с Германией, в правительственных и военных инстанциях западных держав разрабатывались планы, велись дипломатические, экономические и военные приготовления к акциям против СССР. Так, на севере намечалось использовать финско-советские противоречия и под предлогом помощи Финляндии нанести удар по Ленинграду и Мурманску. Предполагалось также сформировать и перебросить в Финляндию 150-тысячный англо-французский экспедиционный корпус, а в районе Петсамо высадить союзный десант, который совместно с финскими войсками должен был продвинуться в направлении Кандалакши и перерезать железную дорогу Мурманск–Ленинград. Сведения об этом поступали в Германию и другие страны фашистского блока по дипломатическим каналам и через открытую печать. Одновременно шла подготовка к действиям авиации и военно-морского флота против южных

районов СССР. Весной 1940 года были составлены два сходных по характеру – французский и английский – планы нанесения ударов с воздуха по нефтедобывающим районам Кавказа. Западные державы даже намеревались ввести военно-морские силы в Черное море и установить там свой контроль. Наряду с этим в Лондоне делали ставку на антисоветские устремления японских милитаристов и втягивание в войну Японии, чтобы сковать Советский Союз и с востока.

Помимо этого рода акций в Англии, Франции и союзных с ними странах была развернута безудержная антисоветская кампания, а средства информации и пропаганды вели идеологическую войну против СССР. Тот, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армию сражаться к Северному полюсу. По словам французского журналиста А. Кериллеса, «дух крестового похода повеял с яростной силой..., а горячка антикоммунизма достигла своего пароксизма и приняла формы эпилепсии». Английское правительство отозвало своего посла из Москвы, а французское объявило советского посла в Париже персоной «нон грата», провоцируя разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом.

Совершенно очевидно, что приготовления к вооруженным акциям, развертывание антисоветской, антикоммунистической пропаганды, преследование прогрессивных сил во Франции и Англии в период «странной войны» нанесли непоправимый ущерб организации отпора агрес-

сору. В то же время эта ситуация благоприятствовала усилению военного потенциала Германии, разработке дальнейших агрессивных планов и развертыванию вооруженных сил для подготовки и проведения наступления на западном фронте. Фашизм весьма умело использовал антисоветизм правящих кругов Англии и Франции и пассивность их военной позиции. Германская пропагандистская машина, пользуясь ситуацией, настойчиво распространяла миф о «необходимости» вермахта, одновременно широко рекламируя «миролюбие» своей страны. Тем самым подогревались иллюзии западных союзников относительно возможного антисоветского сговора. В сентябре–октябре 1939 года Гитлер неоднократно заявлял, что Германия не намерена воевать с западными державами, границу с Францией считает окончательной, а от Англии ожидает лишь возвращения утраченных колоний после Первой мировой войны⁴⁷.

Осенью 1939 года СССР для безопасности своей северо-западной границы предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи и отодвинуть границу на Карельском перешейке в районе Ленинграда с выгодной компенсацией за счет территории в Северо-Западной Карелии. Однако это предложение было отклонено, а 30 ноября 1939 года правящие круги Финляндии во главе с известным реакционером Маннергеймом, при поддержке США, Англии и Франции, развязали войну против Советского Союза. В условиях суровой зимы 1939–1940 годов Красная Армия ценой тяжелых потерь все же прорвала так

называемую «линию Маннергейма», считавшуюся неприступной. По мирному договору 12 марта 1940 года между СССР и Финляндией советско-финская граница была отодвинута от Ленинграда на 150 км. Опыт этой войны показал необходимость усиления боеспособности армии и принятия соответствующих мер к качеству ее обучения.

С началом советско-финляндской войны активизировались и Соединенные Штаты Америки: здесь усиленно проводились акции, направленные против СССР, а также вербовка «добровольцев» для посылки в Финляндию. Они же содействовали провокационному исключению его из Лиги наций и поддерживали подготовку Англией и Францией экспедиционного корпуса для войны против Советского Союза. США открыли для Финляндии кредиты на 30 миллионов долларов и поставляли ей вооружение. Активную антикоммунистическую позицию в это время занимали сенатор А. Ванденберг, бывший президент Г. Гувер и многие другие представители американского монополистического капитала. В октябре–ноябре 1939 года были арестованы три руководителя Коммунистической партии США, а на следующий год коммунисты были отстранены от участия в выборах в 14 штатах; в июне вошел в силу закон Смита о регистрации иностранцев, который стал легальным средством для преследования американских коммунистов.

Нельзя не отметить и того факта, что Вашингтон различными дипломатическими маневрами добивался примирения Англии и Франции с Германией на антисо-

ветской основе. В конце декабря 1939 года президент США назначил своим личным представителем в Ватикане крупного монополиста М. Тейлора и поручил ему найти через католические круги Европы пути компромисса с германским правительством. В начале февраля 1940 года в Европу для установления непосредственного контакта с Муссолини, Гитлером, Даладье и Чемберленом был направлен заместитель государственного секретаря С. Уэллес. Однако его миссия не дала ожидаемых результатов и этому во многом способствовало подписание между СССР и Финляндией мирного договора. Замыслы США, Англии и Франции использовать советско-финляндский конфликт для организации объединенного похода против СССР так и остались нереализованными.

Между тем поражение летом 1940 года Франции и других стран Запада, угроза распространения фашистской агрессии заставили правящие круги США активней идти на дальнейшее сближение с Англией, проявляя готовность увеличения ей помощи вооружением, различными материалами, стратегическим сырьем и оказывая содействие в развитии военной промышленности. При этом США прежде всего имели свои интересы, ведь для роста собственного военного потенциала Англия была весьма необходима. Так, после длительных переговоров 2 сентября 1940 года было подписано англо-американское соглашение о передаче ей 50 устаревших эсминцев, 20 торпедных катеров, 150 самолетов, 250 тысяч винтовок в обмен на восемь баз, находившихся в английских владениях в за-

падном полушарии. Разумеется, ценность подобного вооружения была невелика, в частности, эсминцев, но Англия остро нуждалась в них для проводки конвоев в Атлантике. Для США эта сделка имела исключительно большое значение, ведь стратегические базы давали благоприятные возможности для обороны в случае войны со странами фашистского блока, а сама она была важным шагом на пути вытеснения Англии из ее традиционных сфер влияния. Со второй половины 1940 года рост военных заказов в США резко увеличился и для Англии возникла проблема оплаты, тем более, что стоимость их значительно превышала британские запасы иностранной валюты и золота. Америка была заинтересована в разрешении этой ситуации, так как, по выражению Ф. Рузвельта, «наилучшей непосредственной обороной Соединенных Штатов являются успехи Британии в деле ее самообороны»⁴⁸. Но поскольку американские законы запрещали кредиты Англии, ввиду непогашения ее военных долгов периода Первой мировой войны, то президент и его сторонники предложили новый способ, а именно — в аренду или займы (ленд-лиз).

Наряду с помощью в обороноспособности военно-политическое руководство США стало уделять значительное внимание выработке военной стратегии и согласованию своих планов с правительством Англии. В августе 1940 года Великобритании посетила специальная миссия американского командования для выяснения возможности сотрудничества вооруженных сил двух стран в том случае,

если США будут втянуты в войну. В январе–марте 1941 года в Вашингтоне состоялись секретные англо-американские переговоры по проблемам совместной стратегии во Второй мировой войне. Следствием этого стало принятие согласованного стратегического плана «АБГЦЗ-1», исходным положением которого было нанесение первоочередного удара по Германии. Что касается Японии, то в случае ее агрессии против США, следовало придерживаться пассивной обороны на Тихом океане и Дальнем Востоке до успешного завершения военных действий против Германии. В связи с приоритетом Европейского театра войны была достигнута договоренность о необходимости переброски в Европу большого контингента сухопутных сил США и организации массированного воздушного наступления для уничтожения военной мощи Германии и ее союзников⁴⁹. Соединенные Штаты Америки, провозгласив в начале Второй мировой войны нейтралитет, постепенно стали переходить на позиции фактического, но невоющего союзника Англии. Политика и стратегия их заключалась в обеспечении для себя наиболее выгодных условий вступления в войну. В то же время агрессия фашистского блока интенсивно расширялась, что закономерно вело к вовлечению в этот процесс многих других государств.

Успех «молниеносной войны» Германии против сил англо-французской коалиции коренным образом изменил политическую ситуацию в Европе, позволив ей приступить к непосредственной подготовке и проведению своих

основных планов. Уже первый год войны со всей очевидностью раскрыл антисоветский провокационный характер мюнхенской политики Англии и Франции. При этом они всеми средствами, в том числе и предательством Польши, пытались направить фашистскую агрессию против СССР. Однако на этом этапе войны фашизм все же осуществил ее прежде всего в Западной Европе.

Глава 3. Внешнеполитическая позиция СССР накануне Второй мировой войны

На постсоветском пространстве все более усиливаются процессы фальсификации истории величайшей человеческой трагедии XX века – Второй мировой войны. Из общего исторического контекста искусственно абстрагируются ее отдельные эпизоды, а сложившаяся предвоенная ситуация рассматривается вне причинно-следственной взаимосвязи. А ведь совершенно очевидно, что к этой трагедии привела именно политика попустительства и пособничества нацистской агрессии в Европе со стороны западных держав, стремящихся не только «умиротворить» Гитлера, но и направить его замыслы против СССР.

Общезвестно, что еще летом 1937 года фашистское руководство Германии пришло к пониманию необходимости реализации своих планов в Центральной и Восточной Европе. В связи с этим 24 июня 1937 года была утверждена директива о подготовке военного вторжения в Австрию под кодовым названием «план Отто». Уже 5 ноября на

секретном совещании Гитлер подробно обосновал «экономическую необходимость расширения жизненного пространства», сочтя ее программой. При этом он предупредил, что аннексия Австрии и Чехословакии будет лишь средством для осуществления дальнейших завоеваний⁵⁰. Как уже отмечалось, это не остановило правящие круги Великобритании и Франции придерживаться соглашательского курса с этой страной. Для его продолжения Англия даже направила в Германию одного из влиятельных членов своего правительства – председателя королевского тайного совета, а в прошлом вице-короля Индии лорда О. Галифакса. 19 ноября 1937 года во время беседы с Гитлером он даже отметил его заслуги в «уничтожении коммунизма» в Германии, в связи с чем она может считаться «бастионом Запада против большевизма». Он сделал лишь одну оговорку, что Германия должна осуществить свою экспансию, не прибегая к вооруженной силе⁵¹.

Между тем министр иностранных дел Германии Нейрат заявил новому британскому послу 26 января 1938 года, что она не позволит Англии вмешиваться в урегулирование ее отношений с Австрией. На это вызывающее заявление правительство Чемберлена не отреагировало и 11 февраля австрийский канцлер Шушниг был вызван к Гитлеру с предложением в ультимативной форме низвести Австрию на положение одной из областей рейха. А поскольку и это не вызвало протеста со стороны Англии и Франции, то 20 февраля фюрер публично высказался о своем намерении решить судьбы 10 млн немцев, живущих

в Австрии и Чехословакии, и добиваться «объединения всего немецкого народа». Последующим фактом одобрения этой политики нацистов стало лицемерное заявление Чемберлена 28 февраля о том, что их требования к Австрии не нарушают Сен-Жерменского договора. Характеризуя эту политику английского правительства, советский полпред сообщил в Москву 8 марта 1938 года, что «Чемберлен поставил и свою репутацию, и судьбу своего кабинета на одну карту – карту сделки с агрессором»⁵². Что касается правительства США, то и оно не проявило никакого интереса к судьбе Австрии. Оценивая это отношение, полпред СССР в Вашингтоне Трояновский писал 2 марта 1938 года наркому в Москву: «Судьба Австрии не вызывает здесь большого беспокойства. Изоляционисты всех толков в общем готовы примириться со всеми захватами фашистов, лишь бы Америка не начала активно участвовать в международных делах, не связалась с каким-либо соглашением с Англией и не подверглась бы риску участвовать в войне»⁵³.

3 марта 1938 года Гитлер одобрил послание Чемберлена об урегулировании колониальных претензий Германии⁵⁴, что окончательно успокоило его относительно позиции Англии – теперь он мог немедленно приступить к реализации своего плана по захвату Австрии. Этому способствовало и донесение в Берлин Риббентропа, после встречи в Лондоне с Галифаксом 11 марта, о том, что Англия в настоящее время со своей стороны не предпримет что-либо против этого и будет оказывать сдерживающее

влияние на другие державы. 12 марта германские войска вступили в пределы Австрии, а еще через день она была включена в состав нацистского рейха.

17 марта 1938 года нарком иностранных дел СССР решительно осудил военное вторжение в Австрию и насильственное лишение австрийского народа независимости⁵⁵. При этом было подчеркнуто, что на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, да и не только для них. Выразив свою готовность «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни», Советское правительство было согласно немедленно приступить «к обсуждению с другими державами, в Лиге наций или вне ее, практических мер, диктуемых обстоятельствами. «Завтра может быть уже поздно, – указывалось в заявлении, – но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁵⁶. В тот же день текст этого заявления был направлен правительствам Великобритании, Франции, США и Чехословакии, однако США проигнорировали его, а Англия и Франция отклонили советские предложения; становилось ясно, что Чехословакия станет следующей жертвой.

Следует отметить, что еще до возникновения кризиса германо-чехословацких отношений, 15 марта 1938 года Заместитель Наркома иностранных дел СССР В. Потемкин в беседе с чехословацким посланником З. Фирлингером по поводу возможных последствий аншлюса подтвердил готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии, согласно пакту о взаимопомощи, в случае, если бы она подверглась нападению со стороны немецко-фашистского агрессора. «Что касается Советского Союза, — заверил он чехословацкого посланника, — то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых на себя международных обязательств»⁵⁷. В этот же день нарком иностранных дел подтвердил это заявление на встрече с американскими корреспондентами. На их вопрос о намерении СССР в случае нападения на ЧСР, — сообщил Фирлингер, — «Литвинов заявил, что, само собой разумеется, СССР выполнит свои союзнические обязательства»⁵⁸. 28 марта 1938 года советская военная делегация, будучи в Чехословакии, в свою очередь подтвердила готовность оказать ей помощь в случае нападения на нее. В апреле Советское правительство приняло решение вместе с Францией и Чехословакией принять все меры для ее безопасности. 26 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин публично повторил условия помощи СССР Чехословакии, добавив, что «пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»⁵⁹.

13 мая Литвинов сообщил министру иностранных дел Франции о необходимости созыва совещания генштабов для обсуждения методов оказания военной помощи Чехословакии, а 23 июня была подтверждена готовность СССР никогда не оказывать давления на нее с целью побуждения уступить Гитлеру. Как сообщало полпредство СССР в Париже в НКВД в июле 1938 года, французские деятели прекрасно понимали, что в Чехословакии решаются судьбы послеверсальского передела мира. Они отдают себе отчет, что отпадение к Германии Судетской области и расчленение Чехословакии обеспечит за ней «захват решающих стратегических позиций при будущей войне и гегемонное положение во всей Центральной Европе». Очевидно, что теперешняя Франция уже не способна выдержать единоборство с гитлеровской Германией и ее единственным союзником является СССР. «И тем не менее — и это факт бесспорный — теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР. Ни одно решение, которое до сих пор принималось по чехословацкому вопросу ... ни разу с нами предварительно не обсуждалось и не согласовывалось и доводилось до нашего сведения (и то не всегда) лишь постфактум. Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией ... руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному (если не считать отрывистых разговоров Боннэ) не предложили приступить к сов-

местному и практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов»⁶⁰.

Такая позиция Франции в значительной степени определялась все усиливающимся давлением правительства Чемберлена, проводившего курс на умиротворение «фашистской Германии за счет Чехословакии. Дабы обратить внимание его на пагубность подобной политики в отношении Чехословакии, 17 августа Советское правительство поручило своему полпреду встретиться с Галифаксом и заявить ему, что СССР все больше разочаровывается в политике Англии и Франции и считает ее слабой и близорукой, способной лишь поощрять «агрессора к дальнейшим «прыжкам», и что тем самым на западные страны ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны». Все действия Англии и Франции в связи с угрозой Чехословакии со стороны Германии «по существу сводятся к попыткам обуздать не агрессора, а жертву агрессии»⁶¹. В противоположность Лондону и Парижу, пытавшимся договориться с фашистским рейхом, Советское правительство 22 августа 1938 года заявило Германии, что СССР выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией. Это заявление было рассчитано на то, чтобы сдержать агрессора и заставить задуматься над последствиями своих действий.

1 сентября французское правительство впервые официально обратилось к СССР с запросом, сможет ли он оказать помощь Чехословакии и какую именно в том случае если Польша и Румыния будут возражать против про-

хода войск через их территорию (как известно, Советский Союз не располагал в то время общей границей ни с Германией, ни с Чехословакией). В ответ на это Советское правительство 2 сентября 1938 года подтвердило свое намерение выполнить договорные обязательства и предложило принять необходимые меры для воздействия на Польшу и Румынию посредством соответствующего решения Лиги наций. Одновременно вновь предлагалось созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий, а также совещания всех государств, заинтересованных в сохранении мира. Разумеется, Советское правительство не питало никаких иллюзий в отношении своего французского союзника. Заместитель Наркома иностранных дел СССР В. Потемкин еще 4 апреля 1938 года давал в своем письме полпреду во Франции следующую характеристику его политики: «Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей политики нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции»⁶².

Политики попустительства агрессорам придерживалась и Америка, ведь на руку ей играл и принятый конгрессом США еще в 1935 году «закон о нейтралитете», запрещающий оказание военной помощи любой из воюющих сторон. Ставя знак равенства между агрессором и его жертвой, она тем самым лишала страну, подвергнутую нападению, возможности приобретать оружие и военные

материалы для самообороны. В то же время Германия, Италия и Япония получали от США и Великобритании займы, новейшие технологии и необходимое для военной промышленности сырье⁶³.

Между тем чехословацкие буржуазные круги постепенно склонялись к капитуляции. Они не считали возможным оказывать вооруженное сопротивление германской агрессии, не имея твердых намерений о помощи со стороны Франции. Поэтому без таких заверений чехословацкое правительство не было заинтересовано в получении помощи от СССР. 17 мая в беседе с английским посланником Б. Ньютоном президент Чехословакии Э. Бенеш заявил, что отношения с СССР «всегда были и останутся второстепенным вопросом, зависят от позиции Франции и Великобритании... Если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия будет всегда следовать за Западной Европой и будет всегда связана с ней и никогда не будет связана с Восточной Европой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться через Западную Европу»⁶⁴. Чехословацкое правительство не скрывало своей позиции по этому вопросу и от Советского Союза. Так, в беседе с советским полпредом С. Александровским К. Крофта сказал, что чехословацкое правительство не считает возможным ставить вопрос о получении помощи со стороны СССР, если Чехословакии не будет помогать Франция⁶⁵.

В своих планах по изоляции Чехословакии Германия нашла добровольных союзников и в лице реваншистских

кругов Великобритании. 25 мая лорд Галифакс вынес на рассмотрение британского кабинета вопрос о ее будущем политическом курсе. При этом он считал необходимым добиваться «освобождения французов от их обязательств перед Чехословакией» и высказался за превращение ее в нейтральное государство. Характерно, что кабинет одобрил эту инициативу. К тому же и правительство Бенеша тайно готовило капитуляцию. Как сообщал поверенный в делах Германии и Англии Т. Кордт в своей телеграмме в Берлин 30 августа 1938 года, чехословацкое правительство согласилось принять карлсбадские требования Генлейна и выразило готовность обсудить и свои внешнеполитические связи с Советской Россией.

Следуя своим союзническим обязательствам, Советский Союз в лице своего представителя на пленуме Совета Лиги наций заявил о необходимости срочных мер в поддержку Чехословакии. Он потребовал постановки в Лиге наций вопроса о германской агрессии, подтвердив готовность СССР участвовать в военном совещании трех государств, а также необходимость созыва и совещания европейских великих держав и других заинтересованных государств «для выработки коллективного демарша». 23 сентября в Политическом комитете Лиги Советский Союз снова подтвердил, что готов выполнить свои обязательства. При этом он не ограничился одними заявлениями, придвинув к своей западной границе 30 стрелковых дивизий, а также привел в боевую готовность авиацию и танковые части. Только в двух военных округах — Белорус-

ском и Киевском – было сосредоточено 246 бомбардировщиков и 302 истребителя. 23 сентября Советское правительство предупредило реакционное правительство Польши, искавшее сделки с Гитлером ради участия в разделе Чехословакии, что в случае, если бы польские войска вторглись в ее пределы, то СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы без дальнейшего предупреждения пакт о ненападении с Польшей от 25 июля 1932 года⁶⁶. Продолжая борьбу за сохранение мира, Советское правительство заявило 28 сентября 1938 года что «наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и для предотвращения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции»⁶⁷.

Однако все усилия СССР, стремившегося на всех этапах чехословацкой трагедии спасти эту страну от фашистской агрессии, закончились безуспешно не только благодаря предательству, но и ее собственным правящим кругам. Мюнхенская конференция, созванная 29 сентября 1938 года, юридически оформила эту позорную сделку с агрессором. Даладье и Чемберлен, без участия представителей Чехословакии, подписали договор с Гитлером и Муссолини, что означало не только ее предательство, но и смертельный приговор как государству. По Мюнхенскому соглашению Гитлер добился всех своих требований к этой стране, то есть ее расчленения и присоединения к Германии Судетской области. Оно же предусматривало удовлетворение территориальных претензий по отношению к

Чехословакии со стороны хортистской Венгрии и панской Польши. Мюнхенское соглашение содержало обязательство Англии и Франции участвовать в «международных гарантиях» новых чехословацких границ, определение которых входило в компетенцию «международной комиссии». В свою очередь Гитлер принимал обязательство уважать неприкосновенность границ Чехословакии, что учитывая его гегемонистские планы, выглядело элементарным фарсом. В результате ее расчленения она потеряла почти 1/5 своей территории и около 1/4 населения, а германская граница стала проходить в 40 км. от Праги. Она также лишилась половины своей тяжелой промышленности.

Совершенно очевидно, что в Мюнхене был подписан не только смертельный приговор Чехословакии, но и выдан аванс нацистской Германии для дальнейшей агрессии. Между тем в своем стремлении активизировать эти процессы Англия и Франция не пожелали заметить серьезные ослабления собственных позиций. Зато тогда эту простую истину наблюдали политические единомышленники Чемберлена – видные консервативные политики, в том числе Иден, Черчилль и др. Как писал в своих мемуарах один из таких (Гарольд Махмиллан), среди консерваторов существовало четкое представление о большой опасности и пагубных последствий «предательства чехов»⁶⁸. Иден и Черчилль также понимали колоссальные изменения всей стратегической обстановки в Центральной и Восточной Европе в результате фактического уничтожения чешской

возможности сопротивления германской экспансии. Очевидно было и ослабление Запада, ведь относительная сила французской армии уменьшилась, так как сорок чешских дивизий, угрожавших восточному фронту Гитлера, были демобилизованы, громадные укрепления сданы, огромные арсеналы и склады попали в руки Германии, а французская, тщательно разработанная структура оборонительных союзов фактически подорвана⁶⁹.

Советский Союз решительно осудил мюнхенскую сделку — этот сговор западных держав с агрессорами. Советское правительство, — отмечалось в сообщении ТАСС от 2 октября 1938 года, — «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям»⁷⁰. В связи с распространением слухов западной печатью о якобы согласовании линии Англии и Франции с Советским правительством ТАСС был вынужден вновь сообщить 4 октября 1938 года: «Никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой Республики и об уступках агрессору не происходило»⁷¹. Разумеется, правительства Англии и Франции осуществили свой сговор с Гитлером в Мюнхене при поддержке США, одобрявших их политику поощрения фашистской агрессии и позорную сделку. Это подтверждается и посылкой американским президентом поздравления Чемберлену по случаю подписания Мюнхенского соглашения. И только Советский Союз стал единственным государством, осудивший этот произвол, заявив о незаконности этой сделки.

В Мюнхене Гитлер наконец согласился подписать 30 сентября двустороннюю англо-американскую декларацию, представлявшую собой, в сущности, акт о ненападении. В нем подчеркивалось желание «обоих народов никогда более не вести войны друг против друга, устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям». Поразительно, отчего такой опытный политик как Чемберлен мог торжествовать по поводу этой, безусловно, грязной сделки. Уже было очевидно, что представлял из себя этот нацистский лидер, его цели и планы и безудержное желание любыми путями достигнуть гегемонии рейха в мире.

6 декабря 1938 года Боннэ и Риббентроп подписали соответствующую франко-германскую декларацию. После этого правящие круги Франции активно поддерживали Германию, надеясь, что она все же совершит нападение на Советский Союз. И, видимо, не случайно в официальном уведомлении всем французским послам Боннэ заявил, что в результате переговоров в Париже с Риббентропом у него создалось впечатление о направлении германской политики на борьбу с большевизмом.

Подталкивая агрессию Германии в сторону СССР, правительство Даладье-Боннэ было готово ради этого пожертвовать интересами Франции в Восточной Европе. После Мюнхена, во время переговоров в Париже, Боннэ говорил Риббентропу, что «Франция отказывается от всех политических интересов в Восточной Европе и особо соглашается не воздействовать на Польшу против заключения соглашения с Германией, по которому Данциг воз-

вращался бы Германии и она получила бы экстерриториальный коридор из Восточной Пруссии в рейх, через территорию Польши⁷². Это же подтверждал и помощник заместителя министра иностранных дел Англии Сарджент в своем письме от 22 декабря 1938 года английскому послу в Париже Фиппсу. «Мы склонны подозревать, — писал он, — что Риббентроп мог покинуть Париж с впечатлением, что Боннэ предоставил ему свободу действий в Восточной Европе без вмешательства Франции, подобно тому как Муссолини из позиции Лавалья в январе 1935 г. в Риме сделал вывод, что касается Франции, то он имеет свободу действий в Абиссинии»⁷³.

После Мюнхена стало очевидным, что французское правительство не выполняет своих обязательств по союзным договорам. В переговорах с Риббентропом по поводу франко-германской декларации Боннэ, по соображениям внутренней политики, не решился открыто отказаться от акта взаимопомощи с СССР, союза с Польшей и других союзных обязательств, чего добивался Риббентроп. Теперь предстояло наверстывать это упущение. Л. Нозль (бывший французский посол в Варшаве) писал в своих мемуарах, что Боннэ собирался «начисто и немедленно денонсировать все соглашения, заключенные с Францией: он при этом имел ввиду франко-польские соглашения и франко-советский пакт о взаимной помощи»⁷⁴. Следовательно, в Париже даже и не скрывали стараний столкнуть Германию с Советским Союзом.

Еще более такие планы вынашивались в Лондоне. Чемберлен надеялся, что после Мюнхена Германия направит свои агрессивные устремления против СССР. Во время парижских переговоров с Даладье 24 ноября 1938 года британский премьер даже поведал о том, что у германского правительства может иметься мысль о расчленении России «путем поддержки агитации за независимую Украину»⁷⁵. Не правда ли, какие исторические параллели, ведь то, что не удалось в XX веке, успешно было реализовано в XXI... При этом Чемберлен был озабочен лишь тем, чтобы Франция не дала себя втянуть в борьбу против Германии. Министр иностранных дел Боннэ полностью успокоил его на сей счет. Об антисоветских планах Гитлера говорили также в своих беседах Галифакс и французский посол в Лондоне Корбэн в декабре 1938 года. Советник английского посольства в Германии Огильви Форбс 6 декабря сообщил Галифаксу: «И в нацистских и в ненацистских кругах существует как будто единогласное мнение насчет того, что следующей целью, меры по осуществлению которой могут быть предприняты уже в 1939 г., явится создание, при содействии Польши или без нее, независимой русской Украины под опекой Германии»⁷⁶. В донесении Огильви, впрочем, высказывалось и опасение относительно планов «тигра», который может совершить свой очередной скачок не на Восток, а на Запад... Однако такого рода опасения только способствовали дальнейшей активизации политики английских правящих кругов в отношении сговора с фюрером.

Между тем некоторые факты, казалось, подтверждали, что следующей добычей зверя все же будет Восток. Так, 2 ноября 1938 года, по указке Берлина, было создано в ранее принадлежавшем Чехословакии Закарпатье марионеточное государство – «Карпатская Украина». Во главе его Гитлер поставил украинских буржуазных националистов, находившихся на полном иждивении у германского фашизма. Это сопровождалось шумной кампанией в печати за присоединение к нему Советской Украины. Совершенно очевидно, что своей мюнхенской политикой Франция и Англия способствовали этому процессу, а именно походу на Восток. Но пройдет несколько месяцев и всему миру станет известен полный провал расчетов творцов мюнхенской политики. Большим потрясением для них стал отказ Гитлера от украинско-закарпатской затеи: в марте 1939 года он ликвидировал «Карпатскую Украину», отдав ее венгерскому диктатору Хорти, а вскоре стал понятен и весь трагизм совершенного в Мюнхене предательства. 15 марта 1939 года Гитлер довольно выразительно продемонстрировал свое отношение к нему. Дело в том, что смысл мюнхенского соглашения заключался в соглашении Франции и Англии в грабеже Чехословакии и уважении новых ее границ. Однако фюрер, проигнорировал это условие и внезапно полностью оккупировал и ликвидировал ее как государство. Чехия была превращена в провинцию германского рейха – «протекторат Богемия и Моравия», а Словакия отделена от нее и превращена в марионе-

точную республику; при этом ее южная часть еще в ноябре 1938 года отдана хортистской Венгрии.

В первые же дни захвата Чехословакии германские дипломаты в Лондоне и Париже направили успокоительные сообщения относительно Англии и Франции. Так, из Парижа немецкий посол писал, что «Франция на деле ничего не предпримет в ситуации, созданной германскими действиями в Богемии, Моравии и Словакии»⁷⁷. И опять только Советский Союз, ставший единственной страной, не запятнавшей себя мюнхенским предательством, вновь решительно выступил в защиту этого государства и осудил гитлеровскую агрессию. В своей ноте от 18 марта 1939 года Советское правительство четко заклемило это беззаконие, заявив, что действия подобного рода «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». СССР «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости по принципу самоопределения народов». В заключении Советское правительство указало на то, что действия Германии усилили опасность всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов⁷⁸.

Однако захватнические устремления гитлеровской Германии на этом не закончились: 22 марта 1939 года она

оккупировала Клайпеду, принадлежавшую Литве, а 23 марта навязала Румынии кабальное экономическое соглашение, отдавшее хозяйство страны под ее контроль. Причем, еще 21 марта германское правительство в ультимативной форме потребовало у Польши согласия на передачу Германии Данцига (Гданьска) и предоставить экстерриториальную автостраду и железную дорогу, перерезающее «польский коридор». 28 апреля она в порядке угрозы аннулировала германо-польский пакт о ненападении от 26 января 1934 года, давая тем самым понять, что не исключает отныне войны с Польшей. В довершении всего Германия, вслед за нарушением Мюнхенского соглашения, нанесла еще одну пощечину английскому правительству и лично Чемберлену, расторгнув 28 апреля англо-германское военно-морское соглашение 1935 года, а затем предъявив претензии на свои бывшие колонии, отнятые Англией и Францией по Версальскому договору. Безнаказанность агрессии Германии подтолкнула к такому же рода действиям и фашистскую Италию. Еще 22 декабря 1938 года, расторгнув Конвенцию о взаимном уважении территориальной целостности государств в Центральной Европе и консультативный пакт с Францией, заключенные 7 января 1935 года, Германия вслед за этим предъявила Франции территориальные претензии. 7 апреля 1939 года итальянские войска вторглись в Албанию и вскоре захватили ее. Разумеется, что эти агрессивные всё более накаляли международную обстановку.

10–21 марта 1939 года состоялся XVIII съезд ВКП(б). В Политическом отчете ЦК ВКП(б) съезду, с которым выступил И.В. Сталин, была характеристика сложившейся ситуации. «Политика невмешательства, — отмечалось в докладе, — означает попустительство агрессии, развязывание войны... В ней сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать... Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать... Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны... ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия». В докладе содержалось серьезное предупреждение в адрес мюнхенцев: «Опасная политическая игра, начатая сторонниками политики «невмешательства», может окончиться для них серьезным провалом»⁷⁹.

18 марта 1939 года в ответ на запрос английского правительства о позиции СССР в случае новых актов агрессии со стороны Германии Советское правительство предложило созвать совещание представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения коллективных мер в целях обеспечения безопасности. Предложение не было принято, но все же оставить эту инициативу без последствий, видимо, сочли тактически не удобным и 21 марта 1939 года английское правительство направило в Москву предложение подписать

декларацию с участием Англии, СССР, Франции и Польши, предусматривающую немедленную консультацию ее участников относительно мер для совместного сопротивления агрессии против какого-либо европейского государства⁸⁰. Признав эту меру недостаточной, Советское правительство тем не менее ответило на это согласием. Однако 7 апреля сам инициатор этого предложения вдруг заявил, что считает вопрос о декларации отпавшим. Последующие предложения СССР с английской стороны также не обнадеживали. 14 апреля 1939 года английская сторона предложила Советскому правительству выступить с публичным заявлением о том, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным»⁸¹.

Как видно, в этом предложении не предусматривалось никаких обязательств Англии и Франции на случай прямого нападения Германии на СССР, хотя в отношении друг друга обе западные державы уже были связаны обязательствами взаимной помощи. Кроме того, предложенная редакция явно содержала в себе нечто провокационное. Согласно английского проекта, Советский Союз должен был оказывать «помощь», т.е., очевидно, обязан был воевать против агрессора в случае его нападения на кого-либо из европейских соседей СССР, при условии, что советская помощь «окажется желательной». Но европейски-

ми соседями для него являлись Финляндия, Эстония, Латвия, Польша и Румыния. Причем два последних государства имели гарантии от Англии и Франции и, следовательно, оказывая им помощь, СССР мог рассчитывать на союз с ними. Однако в случае нападения Германии на Финляндию, Эстонию или Латвию английское предложение не давало ему никаких гарантий на поддержку со стороны Англии и Франции. Между тем для СССР нападение Германии на Прибалтийские страны в силу их пограничного положения было не менее опасным, чем ее нападение на Польшу и Румынию. Данное английское предложение явно предусматривало крайнее неравенство обстоятельств: на Советский Союз возлагалось много, а на западные державы — минимально. К тому же, если бы англо-франко-советское соглашение состоялось на этой основе, то оно указало бы Гитлеру стратегическое направление его агрессии, т.е. которое ему следует избрать, чтобы заставить Советский Союз воевать в состоянии изоляции. Таковым и являлось прибалтийское направление — с моря или из Восточной Пруссии через Литву на Латвию, Эстонию, а также через Финляндию и в обоих случаях с выходом на подступы к Ленинграду.

Особое внимание заслуживала оговорка английского проекта, а именно: «если она (имеется ввиду советская помощь) окажется желательной...». Из этого следует, что в случае агрессии против одного из европейских соседей СССР, он обязан будет воевать, если сосед сочтет его помощь желательной. Коварство этого плана заключалось в

том, что Советский Союз был бы связан обязательствами в случае нападения Германии на его соседей, но зато они сохраняли полную свободу действий. Он давал им возможность: либо принимать помощь СССР, либо уступить Гитлеру, что и сделали Румыния и Финляндия, допустив германские войска на свою территорию.

14 апреля французское правительство предложило Советскому Союзу согласиться на дополнение к франко-советскому договору от 2 мая 1935 года, в соответствии с которым СССР обязывался прийти на помощь Франции, если бы она оказалась в состоянии войны с Германией вследствие поддержки, оказанной Польше и Румынии⁸². Это предложение также имело значительные недостатки и не касалось случая агрессии против Прибалтики и прямого нападения Германии на СССР. К тому же, под воздействием Лондона, французское правительство вскоре само отказалось от своих предложений и присоединилось к английским. Впоследствии обе западные державы выступили в Москве с совместными предложениями, которые носили неприемлемый для СССР характер.

17 апреля 1939 года правительство СССР вручило английскому, а 18 апреля – французскому правительству свои предложения о заключении между тремя державами равноправного эффективного договора о взаимопомощи против агрессии. Он предлагал:

1. «Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяче-

скую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую помощь, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2»⁸³.

Договаривающиеся стороны обязывались после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав соглашения⁸⁴. В качестве одного из обязательных условий соглашения Советское правительство предлагало трем державам обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из них при выступлении против агрессии. При этом результаты этой договоренности были зафиксированы в военной конвенции, подписанной одновременно с политическим соглашением о взаимной помощи, ибо без нее пакт взаимопомощи не будет эффективным. Но такое конкретное соглашение отнюдь не устраивало английское правительство, поэтому Галифакс, встретившись вскоре с польским послом, заявил ему, что

«советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово британское правительство»⁸⁵. Между тем оно было сделано в крайне тревожное время, так как польско-германский конфликт все более разгорался, но тем не менее английское правительство затормозило ответ на три недели, т.е. до 8 мая. Но и он сводился к предложению обязать Советское правительство «в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия, во исполнение принятых ими обязательств, оказать немедленное содействие, если оно будет желательным»⁸⁶. Следовательно, и на этот раз советская инициатива не имела поддержки со стороны Англии и Франции.

14 мая 1939 года В. Молотов, ставший 3 мая народным комиссаром иностранных дел, вручил английскому послу в Москве следующий ответ:

«Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения великобританского правительства, врученные Советскому правительству 8 мая, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимопомощи в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого

нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.
3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы при крайней мере три условия.

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии;
2. Гарантирование помощи со стороны этих трех великих держав государствам Центральной и Восточной Европы, находящимся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемых государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»⁸⁷.

Переговоры, начавшиеся в Москве, проходили крайне медленно и только 27 мая 1939 наконец был получен англо-французский ответ на советские предложения от 14 мая года. В нем, в отличие от прежних английских предложений, наконец предусматривалась помощь Англии и Франции Советскому Союзу в случае прямого нападения Германии на него. В то же время механизм ее оказания подчинялся весьма сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций, что сводило на нет ее эффективность; не устранены были и прежние недостатки. Ознакомившись с очередными предложениями, народный комиссар иностранных дел СССР сделал 27 мая следующее заявление: «Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советско-

му правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действительной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей, которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР партнерами»⁸⁸.

Несмотря на явное нежелание Лондона и Парижа занять конструктивную позицию в этой чрезвычайно сложной ситуации, Советский Союз продолжал предпринимать новые усилия по решению этой проблемы. В своих встречных предложениях от 2 июня 1939 года он попытался убедить Англию и Францию изменить провокационные положения своих проектов. При этом, в соответствии с их пожеланиями, он был готов распространить свою помощь также на Бельгию, Грецию и Турцию в случае нападения Германии на них, так как Англия и Франция предоставили им гарантии независимости; аналогичная ситуация была с Голландией и Швейцарией. В ответ Советское правительство лишь настаивало на заключении в кратчайший срок военной конвенции.

С середины июня 1939 года метод ведения англо-французско-советских переговоров все же изменился и решено было перейти непосредственно к ним. Рассчитывая на их взаимный характер, советская сторона сообщила английскому правительству о необходимости приезда в Москву министра иностранных дел Великобритании. Од-

нако Чемберлен заявил на заседании правительства, что эта поездка «была бы унижительной», хотя трижды побывал в Германии в сентябре на переговорах с ее канцлером. И все же 15 июня в Кремле состоялось первое заседание с участием В. Молотова, В. Потемкина, британского посла У. Сидса и французского — П. Наджиара и у. Стрэнга. Тогда же правительства Англии и Франции сообщили свои замечания по последнему проекту СССР⁸⁹. Суть их сводилась к тому, что в случае агрессии в Прибалтике, обе западные державы готовы консультироваться с СССР о возможности оказания помощи. Не менее симптоматичным был и их отказ заключать одновременно с пактом о взаимной помощи также и военную конвенцию. Они мотивировали его сомнением в возможности конкретного военного соглашения в сравнительно короткий срок. По их мнению, вопрос о методах, формах и размерах военной помощи должен также носить консультативный характер; они отказывались и от советского предложения о заключении перемирия или мира с общим противником только по совместному соглашению. Разумеется, СССР не мог примириться со столь унижительным для себя неравным положением, ответ был дан уже на следующий день. Советское правительство соглашалось отложить вопрос о гарантии другим государствам как не созревший и предложило ограничиться договоренностью относительно взаимной помощи против одной из трех договаривающихся сторон⁹⁰.

Между тем, отмечая большую популярность идеи участия Советского Союза в пакте о взаимопомощи с Англией и Францией среди различных политических партий и групп во французском парламенте, полпред СССР в Париже Я. Суриц писал в донесении в Москву 11 июля 1939 года: «Необходимость такого договора с нами признавалась почти всеми выступавшими парламентариями, хотя и аргументировалась эта необходимость, конечно, неодинаково, как неодинаковы и мотивы, которыми разные группы и партии при этом руководствуются. Общее, что всех объединяет, что из этого разнообразия мнений может быть вынесено за скобку, — это, конечно, чувство военной опасности, сознание, что на Францию надвигается война и желание иметь в этой войне на своей стороне СССР.

При всем разнообразии мнений, которые существуют насчет силы и мощи СССР, все сходится на том, что лучше эту силу иметь на стороне Франции»⁹¹. Под влиянием общественности, настаивавшей на принятии мер против фашистской агрессии, правительства Англии и Франции вынуждены были сделать некоторые уступки. Они согласились на упоминание Финляндии, Эстонии и Латвии в особом секретном протоколе и принять явно необходимое условие о недопустимости сепаратного мира⁹². И все же обе западные державы отказывались выступить против Германии в случае применения ею косвенных видов агрессии — организации в странах Прибалтики государственного переворота или проведения ими прогитлеровской политики, хотя именно и то и другое как раз было

наиболее вероятной формой ее подчинения Германии. Во второй половине июля французское правительство по вопросу о косвенной агрессии стало склоняться к советской точке зрения, но в Лондоне по-прежнему были непреклонны. Как отмечалось в сообщении ТАСС от 2 августа 1939 года, «одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет... лазейку для агрессора»⁹³.

Вместе с тем нельзя не отметить крайне неблагоприятную роль реакционного правительства Польши в срыве англо-франко-советских переговоров. Для обоснования отказа Польши принять участие в пакте взаимопомощи для отпора фашистской агрессии министр иностранных дел Бек даже изобрел свою так называемую «доктрину», утверждавшую, что «польское правительство стоит на твердой позиции не входить ни в какие соглашения с одним из своих сильных соседей против другого, т.е. ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии»⁹⁴. Советская сторона неоднократно указывала на «несостоятельность подобной доктрины». Польский аргумент имел бы смысл, если бы СССР предлагал Польше участвовать в какой-либо комбинации против Германии и ее интересов, но такую отклонил бы и СССР. Аналогичный аргумент использовало и румынское правительство для мотивации своего отказа пропустить советские войска через территорию Румынии. К тому же, опираясь на Берлин, она сохраняла захваченную в 1918 году советскую территорию — Бессарабию; подходящего момента ждала и Польша, ведь

она давно надеялась на приращение своей территории за счет СССР. Так, вице-директор политического департамента МИД Польши в беседе с советником германского посольства в Варшаве 18 ноября 1938 года заявил о соглашении своей страны «выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»⁹⁵. Во время встречи с Риббентропом в Варшаве 26 января 1939 года Бек не скрывал, что Польша претендует и на Советскую Украину, и на выход к Черному морю, а в ответ на поддержку Германией этих претензий он обещал обдумать вопрос о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту⁹⁶.

Что касается США, то их невмешательство в переговоры о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи расценивалось в Лондоне и Париже как молчаливое одобрение их политики, направленной не только на затягивание их, но и явный срыв. Однако президент Рузвельт, как сообщал об этом советский полпред в США летом 1939 года, так и «не решился воспользоваться имеющимися в его распоряжении моральными и материальными средствами воздействия на англичан и французов с целью повлиять на их внешнеполитическую линию»⁹⁷. Американские послы Кеннеди в Лондоне и Буллит в Париже также проводили антисоветскую политику. В июле 1939 года в госдепартаменте подготовили меморандум, извращавший цели политики СССР. Вопреки воли президента Рузвельта сохранял силу и закон о нейтралитете, запрещавший поставки оружия воюющим странам и исключавший даже эту помощь противникам фашистской

агрессии, что, несомненно, поощряло Германию, являясь для нее фактической поддержкой.

Мир уже стоял на грани трагических испытаний, а Лондон и Париж продолжали свою игру, рассчитывая на удачу, и только Советский Союз настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности, способной обуздать агрессоров и предотвратить Вторую мировую войну. С этой целью, по его предложению, 12–21 августа 1939 года в Москве, наконец, состоялись переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции. Советское правительство выдвинуло конкретный план отражения агрессии с возможными вариантами военного конфликта в результате нападения нацистской Германии на одну или несколько европейских стран. При этом их объединенные силы могли вполне эффективно противостоять блоку фашистских государств, но в планы западных держав, видимо, не входил совместный отпор агрессорам. И состав делегаций, и тактика затягивания переговоров, и отклонение от конкретных обязательств, от обсуждения реальных военных планов – всё свидетельствовало о их нежелании идти на подписание пакта о взаимной помощи и военной конвенции с Советским Союзом. К тому же так и не был положительно решен один из кардинальных вопросов военного сотрудничества – проход советских войск через территорию Польши и Румынии. 21 августа 1939 года глава советской делегации К. Ворошилов, в связи с предложением англичан и французов прервать совещание, заявил, что «есть все основания сомневаться в их стремле-

нии к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР»⁹⁸.

Срыву переговорного процесса, несомненно, способствовала полная готовность английских правящих кругов предать Польшу, которая являлась главным предметом англо-германского конфликта. Совершенно очевидно, что как гарантии Польше, так и переговоры с СССР, были для английского правительства только разменной монетой, которой оно собиралось заплатить фашистской Германии за обеспечение британских интересов. Кроме того, выгодную сделку с ней Англия готова была оплатить не только отказом от гарантии независимости Польши, Румынии, Турции и Греции, не только разрывом переговоров с Советским Союзом, но даже и предательством интересов своего ближайшего союзника – Франции. В 1939 году это обстоятельство еще не было известно с той документальной точностью, которая стала достоянием общественности с рассекречиванием соответствующих материалов. Но даже имеющихся наблюдений и того, что проникало в газеты, было достаточно, чтобы понять все коварство политики этой страны. Было уже ясно, что переговоры с СССР, равно как и гарантии Польше и другим государствам, было для Англии только «резервными средствами» для давления на Германию, чтобы добиться с ней необходимой сделки. Именно с этой целью англичане и французы вели в Москве разговоры о военной конвенции, надеясь этим сделать Гитлера более сговорчивым в переговорах с Англией. Разумеется, что такая ситуация на давала СССР ни-

каких оснований рассчитывать на соглашение с ней и следовавшей за ней Францией о сотрудничестве против германской агрессии. Следовательно, Советский Союз оказывался изолированным перед лицом агрессивного фашизма, а значит нужно было срочно искать другие средства для обеспечения собственной безопасности.

Захват Польши грозил СССР появлением гитлеровских войск на ближайших подступах к Минску. Его общее стратегическое положение значительно ухудшалось вследствие крайне опасной ситуации на Дальнем Востоке. Япония не только вторглась в Китай, но и вела активную подготовку к войне против Советского Союза и вторжению в МНР, с которой он имел союзный договор, подписанный в 1936 году. Уже в 1938 японские милитаристы предприняли вооруженное вторжение на советскую территорию в районе озера Хасан, неподалеку от Владивостока, но были изгнаны частями Красной Армии.

Одновременно с подобного рода акциями Япония предпринимала попытки заключить с Германией двусторонний договор против СССР. В 1938 году, по словам японского посла в Берлине Осима, на запрос немцев о возможности подписания нового договора, направленного против всех «потенциальных врагов треугольника Рим—Берлин—Токио, японцы ответили, что в него должны быть включены статьи, изымающие из-под его действия Англию, Францию и США». В феврале 1939 года в Берлин прибыла японская миссия во главе с принцем Ито, которая еще раз разъяснила немцам, что Япония могла бы «подпи-

сать договор, направленный лишь против России»⁹⁹. В то же время японская дипломатия пыталась применять и такое средство как шантаж, с целью получения односторонних уступок от Советского Союза. Так, во время советско-японских переговоров в феврале—марте 1939 года о сдаче Японии в аренду рыболовных участков, японский посол в СССР Того попытался во время одной из бесед с наркомом Литвиновым, использовать в качестве «аргументов» для уступок угрозу войны. Прошло немного более двух месяцев после этого и японская военщина попыталась уже реально осуществить ее, предприняв вторжение на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. В соответствии с союзным договором, СССР оказал ей военную помощь. В течение четырех месяцев, с мая по сентябрь 1939 года, там шли ожесточенные бои советских и монгольских войск против японо-маньчжурских сил с широким использованием танков и авиации. Япония получила достойный отпор. Характерно, что в это время английское правительство заключило с японским соглашением Аргета—Крейги от 24 июля 1939 года (по имени японского министра иностранных дел и английского посла в Японии), урегулировавшее конфликт из-за захвата Японией английской концессии в Тяньцзине. Согласно его, Англия обязалась не поддерживать каких-либо действий или мер, препятствующих «осуществлению японскими войсками «их задач» в Китае», т.е. она гарантировала безопасность тыла японских войск в Китае, фактически поощряя агрессию этой страны.

Таким образом, международное положение Советского Союза было тяжелым до крайности: у западных его рубежей в любой момент могла вспыхнуть война, а у дальневосточных она уже полыхала. В такой, накаленной до предела политической атмосфере весны и лета 1939 года, и велись советско-германские переговоры по экономическим, а затем и другим вопросам. Между тем Германия еще не располагала теми ресурсами, которыми ей в 1941 году предоставит захват Западной Европы. Пока она не решалась сразиться с таким сильным противником как СССР, целесообразно считая искать добычу в других направлениях, поэтому германское правительство еще в начале 1939 года предложило ему заключить торговое соглашение. Документы свидетельствуют, что предложение Берлина начать переговоры с СССР не было изолированной акцией германской дипломатии, ведь именно в это время происходил германо-итальянский обмен мнениями о возможном пересмотре политики обеих стран в отношении к нему. Обе стороны согласились в том, что такой пересмотр желателен, но прежде, чем предпринять зондаж по выявлению этих возможностей, германское правительство вызвало в Берлин советника немецкого посольства в Москве Г. Хильгера для конкретизации условий взаимопонимания.

Однако, учитывая напряженность политической атмосферы в отношениях с Германией, Советское правительство не считало возможным вести переговоры с ней о расширении торгово-экономических связей. На это обсто-

ятельство народный комиссар иностранных дел и указал германскому послу 20 мая 1939 года, причем он отметил, что экономические переговоры с Германией в последнее время начинались несколько раз, но неизменно оказывались нерезультативными. Это и дало основание Советскому правительству заявить о своего рода игре с немецкой стороны. А для такой игры, – подчеркнул нарком уже в беседе с Шуленбургом, – Германии следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, что и стало предупреждением ей. Далее, ссылаясь на свои беседы с Риббентропом, видный чиновник МИД Германии Шнурре 25 июля снова заявил поверенному в делах СССР в Германии Г. Астахову «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией» и дал понять, что «все попытки германской стороны обсудить эту тему Наркоминдел оставляет без ответа». 3 августа Риббентроп в беседе с тем же Астаховым заявил, что между СССР и Германией нет неразрешенных вопросов на «протяжении всего пространства от Черного до Балтийского моря» и предложил подписать советско-германский протокол. Но, все еще рассчитывая на успех в переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции, Советское правительство отвергло это предложение. Между тем последующий ход переговоров с Англией и Францией лишил Советского Союза иллюзий на достижение с ними позитивного соглашения.

Разумеется, после того как переговоры с этими странами зашли в тупик, а тем более, что поступали сведения

о тайных переговорах между Германией и Англией, СССР убедился в полной невозможности добиться эффективного сотрудничества с западными державами, но все же оставил для них определенный посыл в виде заключения равноправного договора о взаимопомощи. Именно поэтому Советское правительство не реагировало на телеграммы германского МИД от 15, затем и от 20 августа с настоятельным запросом из Берлина по этому же вопросу. Однако в сложившейся ситуации правительство СССР приняло тогда единственно правильное решение – дать согласие на приезд Риббентропа для ведения переговоров, которые завершились 23 августа подписанием советско-германского договора о ненападении. Его заключение на некоторое время избавляло страну от угрозы войны на два фронта (против Германии на Западе и Японии – на Востоке) без союзников и давало возможность укрепления ее обороноспособности. Подчеркивая это, народный комиссар иностранных дел в беседе с французским послом 23 августа 1939 года подчеркнул, что Советское правительство решило заключить договор с Германией лишь тогда, когда окончательно исчезла надежда на достижение чего-либо положительного в англо-франко-советских переговорах¹⁰⁰.

Следует отметить и то обстоятельство, что Советское правительство своевременно разгадало игру английской и французской дипломатии и весьма показательны в этом отношении стали высказывания бывшего югославского посла в СССР М. Гавриловича в его беседе с И.В. Сталиным. Об этом посол рассказал 16 июня 1941 года на обеде

в американском посольстве в Анкаре. Эта запись была сделана первым секретарем посольства США в Турции Келли. Когда речь зашла о переговорах с союзниками, предшествовавшими подписанию пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией, Сталин заявил, что сам факт присутствия на переговорах второстепенных чиновников, не облеченных полномочиями, позиция Польши, отказавшейся дать свое согласие на проход русских войск через ее территорию или на перелет русских самолетов, позиция французских военных, указавших на то, «что Франция собирается оставаться за линией Мажино и не предпринимать наступательных действий против Германии, ясно показали Советскому правительству, что всякое заключение пакта между союзниками привело бы к тому, что Советскому Союзу пришлось бы нести все бремя германского нападения в момент, когда Советский Союз не мог справиться с германским нападением»¹⁰¹ и это тогда, когда на Дальнем Востоке уже шла необъявленная, но ожесточенная война с Японией.

Как свидетельствуют документы, Советское правительство оставалось верным идеям коллективной безопасности. Так, в беседе с французским послом в Москве Наджиаром В. Молотов заявил, что «договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом»¹⁰². 24 августа Форин Оффис в телеграмме в английское посольство в Вашингтоне приводил слова наркома иностранных дел о том, что «некоторое

время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены»¹⁰³. Но правительства Чемберлена и Даладье немедленно отозвали свои миссии из Москвы, продемонстрировав таким образом свое нежелание продолжать переговоры с СССР. Более того, Чемберлен предпринял новые попытки сговора с Гитлером за счет Польши. На заседании правительства 26 августа Чемберлен заявил: «Главное заключается в том, что если Англия оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас»¹⁰⁴. 26 августа К. Ворошилов в интервью опроверг сообщение агентства Рейтер, будто бы он заявил английским и французским миссиям, что ввиду подписания советско-германского договора Советское правительство считает дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными. «Не потому ли прервались военные переговоры с Англией и Францией, — заявил он, — что СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹⁰⁵.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, руководствуясь указаниями XVIII съезда партии соблюдать осторожность и не давать провокаторам войны втянуть в конфликт советскую страну, приняли решение о заключении с Германией договора о ненападении. Разумеется, оно было вынужденным. В связи с этим, спустя несколько дней, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В.

Молотов заявил на заседании Верховного Совета СССР, что, поскольку переговоры с Англией и Францией дали понять всю безнадежность расчета на заключение пакта о взаимопомощи, Советское правительство не могло не поставить перед собой вопроса о других возможностях устранения угрозы войны между Германией и СССР. «Наша обязанность, — подчеркнул он, — думать об интересах советского народа, об интересах Союза Советских Социалистических Республик. Тем более, что мы твердо убеждены в том, что интересы СССР совпадают с коренными интересами народов других стран»¹⁰⁶. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть столь необходимое время для укрепления обороны. Важнейшее значение договора о ненападении, — как уже отмечалось, — заключалось и в том, что он препятствовал созданию единого антисоветского фронта империалистических держав, т.е. было нарушено единство в фашистском лагере¹⁰⁷.

Таким образом, мюнхенский сговор Англии и Франции с фашистской Германией не только привел к расчленению Чехословакии, но и нанес удар коллективной безопасности в Европе. Он подготовил условия для дальнейшей экспансии Германии на Восток — в сторону Польши и СССР. Фашистские Германия и Италия использовали мюнхенскую политику западных держав для осуществления дальнейших захватов. К весне 1939 года напряженность в Европе достигла невиданных размеров, но и в этих

тяжелейших условиях Советский Союз продолжал политику организации фронта мира для отпора агрессии, предложив правительствам Англии и Франции заключение договора о взаимной помощи. В ходе переговоров об этом пакте, а затем и о заключении военной конвенции с Англией и Францией, СССР сделал все возможное для достижения соглашения с ними. Однако находившиеся у власти в них сторонники сговора за его счет с Германией и Японией, не желали считаться с законными требованиями гарантий безопасности Страны Советов. Уверившись в этом окончательно, СССР и подписал пакт с Германией о ненападении. Совершенно очевидно, что таким образом он избежал искусно расставленной «мюнхенцами» ловушки. Однако они все нанесли ему определенный ущерб, ведь такого рода сотрудничество, если бы и не предотвратило войну, но все же позволило бы вести ее в наиболее благоприятной стратегической обстановке, заставив Германию воевать на два фронта — на Западе и на Востоке. Англо-франко-советское военное сотрудничество могло бы помочь избежать захвата Польши и Франции, который столь трагически способствовал усилению фашистской агрессии. Именно по вине западных держав развитие событий в 1939 году пошло не по пути создания коллективной безопасности, а по сути войны против столь ненавистой для них «большевистской России». А поскольку нацисты пришли к выводу, что им легче воевать с ними, то и развязали войну сначала против них, т.е. внутри ка-

питалистического мира, между двумя антагонистическими группировками империалистических государств.

Отгремели победные залпы Второй мировой войны, за победу над фашизмом мир заплатил десятками миллионов человеческих жизней. По иронии судьбы, вследствие объективных и субъективных причин, распалась держава-победительница и благодаря этому на ее правопреемницу Россию обрушился шквал фальсифицированных измышлений об историческом прошлом СССР. Одним из таких и стал тот самый пакт Молотова-Риббентропа. Оказывается, именно благодаря ему вышеназванные, а вместе с ними и другие менее солидные страны, стали жертвами теперь уже советской агрессии. В статье Председателя Правительства России В. Путина «Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?», опубликованной в «Газета Выборга» (Польша), анализируется ситуация накануне Второй мировой войны и задаются резонные вопросы поборникам этой позиции: «а разве Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, не оставил после себя множество «мин замедленного действия»? А ведь главная из них была «не просто фиксация поражения, но и уничтожение Германии. А разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1939 года. И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша, по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша

направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области.

К тому же, разве можно «закрывать глаза на закулисные попытки западных демократий «откупиться» от Гитлера и перенаправить его агрессию на Восток»? На то, как планомерно и со всеобщего попустительства демонстрировались гарантии безопасности и системы ограничения вооружений, существовавшие в Европе. Наконец, каким было военно-политическое эхо сговора, произошедшего в Мюнхене 29 сентября 1938 года? Не тогда ли Гитлер уже окончательно решил, что «все дозволено»... «Странная война» на Западном фронте, трагическая судьба брошенной без помощи Польши, к сожалению, показали, что его надежды не были напрасными. Нельзя отрицать и того факта, что в контексте исторических событий того времени Советский Союз не только остался один на один с Германией, поскольку западные государства отказались от предлагавшейся системы коллективной безопасности, но и стоял перед угрозой войны на два фронта... Отвергнуть предложение Германии подписать пакт о ненападении — в условиях, когда возможные союзники СССР на Западе уже пошли на аналогичные договоренности с немецким рейхом и не хотели сотрудничать с Советским Союзом, в одиночку столкнуться с мощной военной машиной нацизма — советская дипломатия того времени вполне обосновано считала как минимум разумной.

В. Путин считает, что «именно сговор в Мюнхене подтолкнул к разобщению объективных союзников в борьбе с нацизмом, вызвал между ними взаимное недоверие и подозрительность. И оглядываясь на прошлое, необходимо помнить, к каким трагедиям приводят трусость и закулисная кабинетная политика, стремление обеспечить свою безопасность и национальные интересы за счет других. Не может быть разумной, ответственной политики вне нравственных и правовых рамок»¹⁰⁸.

Совершенно очевидно, что действие пакта Молотова–Риббентропа закончилось 22 июня 1941 года. Более того: Вторая мировая война могла быть остановлена еще в 1939 году, если бы не маниакальное желание союзников направить возвращенную ими военную мощь Германии на СССР. При этом все конструктивные переговоры с Советским Союзом намеренно проваливались. Затягивание времени доходило до того, что британцы предпочитали добираться до Москвы не самолетом, а на тихоходном пароходе и это происходило за месяц до встречи Молотова и Риббентропа в Москве. А чего стоит характерная фраза Чемберлена: «Я скорее уйду в отставку, чем вступлю в альянс с Советским Союзом». Что оставалось делать Сталину? Договор о ненападении с Германией был единственным способом защитить страну. Пакт позволил отодвинуть границы СССР на 150–250 км на запад. Удар, нанесенный немцами в 1941 году, был амортизирован территориями Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Белоруссии. Не потратить Гитлер 10 дней на эти территории, он мог взять и Москву, и Ленинград, и Сталинград¹⁰⁹.

Перестройка и демократические преобразования закономерно привели к так называемому «переосмыслению» исторического прошлого страны. Всё это побудило первый съезд народных депутатов образовать 2 июня 1989 года в составе 26 народных депутатов Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Разумеется, политическая и правовая оценка этого исторического документа была дана с позиции «нового мышления». В частности, пункт четвертый гласил: «Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушении его договорных обязательств перед третьими странами, протокол в юридическом смысле является изначально противоправным документам, представляя собой сговор, выражавший намерения подписавших его физических лиц. Пятый пункт подчеркивал тот факт, что «метод выработки протокола и применение в нем категории и понятия («территориально-политическое переустройство» и прочие) были явным отходом от ленинских принципов советской внешней политики¹¹⁰. Это настолько абстрагировано от исторических реалий и их объективной оценки, что не поддается разумному осмыслению. А отход «от ленинских принципов» звучит как фантазмагория, ведь уже полным ходом шел процесс отказа от них, что в конечном итоге привело к развалу СССР. «Пляски на костях» великой державы подхватили либерал-демократы, положив начало омерзительной фальсификации не только Второй мировой войны, но и всего советского периода...

Часть II

Стратегия и реальность

Глава 4. Планы и просчеты нацистской Германии в отношении СССР

Из документов Нюрнбергского процесса над военными преступниками из доступных источников стало известно, что Гитлер, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении сроком на десять лет, заведомо намеревался, как только сочтет возможным, забыть о его существовании. 11 августа 1939 года, то есть еще до заключения этого договора, фюрер в беседе с тогдашним комиссаром Лиги Наций в Данциге Карлом Й. Буркхардом излагал свои планы следующим образом: «Всё предпринимаемое мною направлено против России и если Запад настолько глуп и слеп, что не понимает этого, я буду вынужден договориться с русскими и разбить Запад, а после этого всеми своими объединенными силами двинуться против Советского Союза»¹¹¹.

Уже через два месяца после торжественного подписания пакта о ненападении (об этом свидетельствует датированная 18 октября 1939 года запись в дневнике начальника германского генерального штаба сухопутных войск генерала Франца Гальдера) Гитлер дал указание рассматривать оккупированные области Польши как «плацдарм на будущее» и, разумеется, вести там соответствующую подготовку. Выступая 23 ноября 1939 года перед своими

генералами, фюрер подробно разъяснил им задачи предстоящего похода против стран Западной Европы и обосновал, почему войне против СССР должен предшествовать разгром западных держав. В частности, он заявил: «Мы можем выступить против России, лишь развязав себе руки на Западе»¹¹². Как подтверждает в своем дневнике начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал Альфред Йодль, приговоренный в Нюрнберге к смертной казни через повешение, Гитлер еще во время военной кампании на Западе поставил его в известность о своем намерении весной 1941 года напасть на Советский Союз. 21 июля 1940 года главнокомандующий сухопутными войсками получил официальное указание «приступить к решению русской проблемы» и начать соответствующую «идейную подготовку». 29 июля 1940 года на совещании с представителями верховного командования вермахта фюрер также заявил, что намерен нанести удар по Советскому Союзу весной 1941 года. При этом, он, изменив свое мнение от 23 ноября 1939 года, дал понять, что нападение на СССР может произойти еще до разгрома Англии.

31 июля 1940 года Гитлер в своей резиденции «Бергхоф» в Берхтесгадене на совещании с представителями вермахта объявил о своем решении перенести высадку на британские острова на более поздний срок. В то же время он, в частности, отметил, что Англия возлагает все свои надежды на Россию и Америку и если надежда на Россию рухнет, то и надежда на Америку пропадет тоже, ибо, ко-

гда Россия выйдет из игры, в Восточной Азии необыкновенно возрастет значение Японии. Когда Россия будет разбита, рухнет и последняя надежда Англии. В связи с этим генерал Гальдер сделал следующую запись: «В ходе этого противоборства необходимо покончить с Россией. Весна 1941 года. Чем быстрее мы разобьем Россию, тем лучше»¹¹³.

12 ноября 1940 года, в явной связи с начинавшимися в тот день переговорами с Молотовым, Гитлер, в своем упоминавшемся выше распоряжении №18, подчеркивал, что независимо от исхода этих переговоров все отданные устно распоряжения о подготовке войны на Востоке следует выполнять. 5 декабря 1940 года фюрер, в заключение длившегося четыре часа совещания с главнокомандующим сухопутными генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем и генералом Гальдером, одобрил проект оперативного плана нападения на Советский Союз. И наконец, 18 декабря 1940 года он подписал директиву №21 под названием план «Барбаросса». Она начиналась следующими словами: «Германский вермахт должен был готов к тому, чтобы в быстротечной кампании, еще до завершения войны против Англии, нанести поражение Советской России... С этой целью командование вооруженными силами должно будет ввести в действие имеющиеся в его распоряжении соединения, с оговоркой, что необходимо исключить всякие неожиданности в оккупированных областях... Подготовку... следует... завершить к 15 мая

1941 г. Решающее значение при этом следует придавать тому, что намерение атаковать останется втайне»¹¹⁴.

Эта ситуация не могла не тревожить как западные державы, так и Советский Союз. Уинстон Черчилль, несмотря на всю свою ненависть к нему, мыслил вполне реально, когда шла речь о жизненно важных интересах Великобритании, тем более, когда в мае 1940 года стал главой правительства и министром обороны. Он закономерно пришел к выводу, что отвести опасную военную угрозу его стране со стороны германского фашизма возможно только при сотрудничестве с СССР. После катастрофы, которую потерпели британские экспедиционные силы на Европейском континенте, и военного поражения Франции, он поручил близкому к лейбористской партии послу Англии в Москве сэру Стаффорду Криппсу обратиться к Советскому правительству с конкретным предложением на этот счет. 1 апреля 1940 года он был принят в Кремле И.В. Сталиным, который счел его существенным для дальнейших контактов. По его мнению, нацистская Германия действительно представляет для Советского Союза реальную угрозу, но в силу определенных обстоятельств ему приходится избегать открытого конфликта с ней. При этом Сталин не скрывал своего опасения, что Германия нападет на СССР, как только Англия будет повержена. Обо всем этом 20 сентября 1940 года сообщил своему правительству отец будущего президента США тогдашний посол в Лондоне Джозеф Кеннеди (указанные сведения он получил от министра иностранных дел Великобритании Галифакса).

Содержание данной беседы подтверждает правильность политики, проводимой Сталиным в отношении фашистской Германии. Он не сомневался в намерении Гитлера напасть на его страну, но поскольку она еще не была готова к отражению этой агрессии, необходимо было выиграть время для укрепления ее обороноспособности. В этом плане следует рассматривать и территориальные изменения на советских западных границах. Трагическое заблуждение Сталина заключалось не в ошибочной оценке агрессивных намерений Гитлера, а в неверном определении сроков вероятного нападения Германии.

Между тем тревожные сообщения о предстоящей агрессии поступали из многих источников. Одним из них стал Вальтер Шелленберг, прибывший в Москву накануне нападения на Советский Союз под малоубедительной личиной представителя химической промышленности Германии для сбора дополнительной информации. Так, в частной беседе, подойдя к огромной карте СССР, он показал исходные позиции немецких армий и главные направления ударов. Они должны были последовать по всему фронту — от Балтийского моря на севере до Черного на юге. Ввиду превосходства сил через три недели после нападения в «руках Германии» должны были оказаться Москва и Ленинград и, разумеется, вся Украина с Киевом. Самое позднее через шесть месяцев после начала войны Красная Армия должна была полностью разбита, а победоносные германские войска выходили на линию «А».

Речь шла о линии Архангельск–Астрахань, Урал же будет захвачен через три месяца после начала вторжения.

Что касается господина Вальтера Шелленберга, то он был тем самым военным преступником, который позднее стал заместителем руководителя, а затем и руководителем разведывательной службы за рубежом в главном управлении имперской безопасности. Он являлся доверенным лицом Гиммлера и принимал активное участие в большинстве крупных преступлений нацистского рейха. В качестве руководителя IV отдела главного управления имперской безопасности он был центральной фигурой в нем, участвуя в подготовке и осуществлении всех военных нападений Германии на своих соседей. Шелленберг оставил заметный кровавый след не только в «устранении» прогрессивных деятелей, но и террористических акциях против всех противников рейха, начиная от борцов сопротивления так называемой «Красной капеллы» и до членов оппозиционного кружка Крейсау и других немецких патриотов. В число его специальных приемов входило «выявление» учреждений и других мест нахождения сейфов с секретной документацией. Одним из его конкурентов был шеф военной разведки пресловутый адмирал Канарис, а после того как Гиммлер убрал его, подчинив ее, Шелленберг стал полновластным хозяином в этой области¹¹⁵.

Общеизвестно, что Адольф Гитлер фанатически лелеял мысль об уничтожении Советской России, а антибольшевизм стал его самым глубоким эмоциональным убеждением. Поэтому конкретный план был набросан уже

к началу сентября 1940 года, когда генерал Паулюс, получивший позднее известность под Сталинградом, стал заместителем начальника генерального штаба – ему и было поручено «изучить его возможности». К началу ноября 1940 года была закончена детальная разработка плана, а затем он был проверен на двух военных играх, что еще более укрепило фюрера в намерении нападения на СССР. Наряду с этими приготовлениями продолжались и «игры разума» с Россией. 10 ноября в Берлин прибыл В. Молотов, как принято в дипломатических кругах для обсуждения «широкого круга вопросов», включая предложение Германии о присоединении ее к оси Берлин–Рим–Токио. По окончании переговоров было опубликовано совместное коммюнике гласившее: «Обмен мнениями протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». Однако именно «взаимное доверие» как раз полностью отсутствовало, а дипломатические выражения еще никогда не были столь бессодержательными. Переговоры в Берлине позволили уточнить оценку складывающейся ситуации, выявить намерение Германии и подготовить соответствующий отпор. У Черчилль констатировал позднее: «Как и ожидалось, Советское правительство отклонило германский проект»¹¹⁶.

12 ноября 1940 года в военной директиве Гитлера №18 подчеркивалось, что «независимо от исхода переговоров все приготовления для кампании на Востоке, проводимые в соответствии с устными указаниями, должны

продолжаться»¹¹⁷. После отъезда Молотова Гитлер собрал некоторых своих подчиненных и четко дал им понять, что намерен вторгнуться в Россию. Попытки отговорить его от этой авантюры успеха не имели, а довод о войне на два фронта, что и оказалось для него роковым, также не убедил фюрера. 5 декабря 1940 года он получил доклад Гальдера о плане восточной кампании, а 18 декабря издал директиву №21, то есть план «Барбаросса». Она начиналась с решительного заявления:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Сухопутные силы должны использовать для этой цели все имеющиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей. Основные усилия военно-морского флота должны и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции. Приготовления, требующие более длительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить 15 мая 1941 года. Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения не были распознаны...

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной части России, следует уничтожить в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения четырех танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».

Далее в директиве отмечалось, что если этих усилий окажется недостаточно, чтобы парализовать Россию, то ее последний индустриальный район на Урале следует уничтожить с помощью авиации. Красный флот окажется парализованным в результате захвата баз на Балтийском море. Румыния будет сковывать русские силы на юге и осуществлять вспомогательную службу в тыловых районах. Относительно участия Румынии в нападении на Россию фюрер прозондировал почву в беседе с новым румынским диктатором генералом Антонеску в ноябре 1940 года. Этот план предполагалось замаскировать путем осуществления тщательно разработанной программы мер по введению противника в заблуждение, то есть создания видимости непринятия окончательного решения.

3 февраля 1941 года после совещания с военным руководством в Берхтесгадене Гитлер утвердил окончательный вариант плана «Барбаросса»¹¹⁸. По оценкам Кейтеля, «оперативные планы русских неизвестны. В пограничной зоне не сосредоточено значительных сил. Отход может быть осуществлен на небольшую глубину, поскольку прибалтийские государства и Украина жизненно важны для русских как источник снабжения»¹¹⁹. В то время эти сооб-

ражения представлялись обоснованными, но на деле оказались сверхоптимистической оценкой. План предусматривал разделение сил вторжения на три группы армий и определял их оперативные задачи. Северная группа под командованием Лееба должна была наступать из Восточной группы через прибалтийские государства на Ленинград. Центральной – под командованием Бока – предстояло нанести удар из района Варшавы в направлении Минска и Смоленска по дороге на Москву. Южная – под командованием Рундштедта – наступала на фронте от Припятских болот до Румынии, имея задачу форсировать Днепр и захватить Киев. Главные силы намечалось сосредоточить в центральной группе армий «Центр», чтобы обеспечить численное превосходство над противником. Считалось, что на севере будет достигнуто почти полное равенство в силах, а на южном участке фронта превосходство будет на стороне противника. В своем обзоре Кейтель придавал особое значение Румынии, так как Гитлер обещал Антонеску не только возвратить ей Бессарабию и Северную Буковину, но и присоединить полосу южной России «до Днепра» в качестве компенсации за помощь румын в наступлении против России.

План военных действий предусматривал и проведение крупных экономических мероприятий (план «Ольденбург») по эксплуатации захваченной советской территории. С этой целью был создан экономический штаб, полностью отделенный от генерального. Доклад от 2 мая 1941 года, где излагались его задачи, начинался так: «Война

может продолжаться лишь в том случае, если на третьем году войны все наши вооруженные силы будут снабжаться из России. Если мы отберем у этой страны то, что необходимо нам, нет никакого сомнения, что многие миллионы людей в России погибнут от голода». Ранее в докладе начальника военно-экономического управления ОКВ (генерального штаба вооруженных сил) генерала Томаса указывалось, что оккупация всей европейской части России может смягчить остроту продовольственной проблемы Германии, если удастся решить транспортную. Однако это не устранил другие важные аспекты экономических затруднений: поставки «каучука, вольфрама, меди, платины, олова, асбеста и манильской пеньки останутся нерешенной проблемой до тех пор, пока не будет обеспечена связь с Дальним Востоком». Эти предупреждения не оказали на Гитлера сдерживающего влияния, а вот вывод о том, что «снабжение кавказской нефтью совершенно необходимо для эксплуатации оккупированных территорий», имел весьма важные последствия: он настолько подстегивал его расширить масштабы вторжения, что при этом было утрачено всякое чувство меры.

На осуществлении плана «Барбаросса» еще в большей степени сказалась неудача на предварительном этапе, имевшая далеко идущие последствия. Она явилась следствием психологического воздействия на Гитлера двойного дипломатического отпора, который он получил от Греции и Югославии, поддержанных Англией. Дело в том, что прежде чем нанести удар по России фюрер хотел

обезопасить свой правый фланг от возможного вмешательства со стороны англичан. Он рассчитывал обеспечить контроль над Балканами, не прибегая к серьезной борьбе, а посредством дипломатии вооруженной силы. Он считал, что после побед на Западе успех ему должен даваться гораздо легче, чем ранее. Румыния, отстраняясь от России, сама попала ему в руки. Следующий шаг оказался не менее удачным. 1 марта 1941 года болгарское правительство согласилось на пакт, в соответствии с которым немецким войскам разрешалось пройти по территории Болгарии и занять позиции на границе с Грецией. Однако через несколько дней английские войска начали высаживаться в этой стране и в ответ на это Гитлер предпринял нападение на Грецию¹²⁰. Оно началось через месяц и явилось досадным отвлечением сил с главного направления. Неблагоприятное воздействие на план вторжения в Россию оказали и события в Югославии. Здесь произошел переворот следствием которого стал отказ ее от прежних соглашений с Германией. Гитлер был оскорблен, а ликование Черчилля по этому поводу буквально привели его в бешенство: удар по Югославии был нанесен уже через десять дней — 6 апреля 1941 года и привел к плачевным результатам (она была занята в течение недели). Чуть больше трех недель продержалась Греция, а англичанам, не без помощи которых произошли события в Югославии, после долгого отступления с небольшими боями пришлось вернуться на свои корабли.

Косвенные результаты этих событий существенно отразились на решениях Гитлера. Имея в общем ограниченные силы, он не мог проводить кампанию в Югославии и Греции, одновременно вторгаясь в Россию. К тому же, ему мешало отсутствие превосходства над Россией в численности танков, поэтому 1 апреля 1941 года начало действовать по плану «Барбаросса» было перенесено с середины мая на вторую половину июня. 6 июня 1941 года Кейтель подписал подробный план кампании, в котором перечислялись силы, предназначенные для вторжения. В нем также указывалось, что на Западе против Англии оставалось 46 дивизий, в том числе одна механизированная дивизия и всего одна танковая бригада. Операция «Атилла» (захват Французской Северной Африки) и «Изабелла» (контрмера против возможного ввода английских войск в Португалию) могли «по-прежнему быть осуществлены через десять дней после получения приказа, но не одновременно». 2-й воздушный флот был снят с Западного фронта и переброшен на Восток, а 3-му предстояло вести войну против Англии.

В отданных распоряжениях указывалось, что переговоры с финским генеральным штабом по поводу участия финнов во вторжении началось 25 мая. Румыны, участие которых уже было обеспечено, должны были 15 июня получить информацию об окончательных приготовлениях. 16 июня венгры должны были получить рекомендацию усилить охрану своей границы с Россией. На следующий день планировалось закрыть все школы в восточных рай-

онах Германии. Немецким торговым судам предстояло покинуть порты России и прекратить всякие рейсы в нее. После 18 июня «уже не будет необходимости скрывать намерение начать военные действия». Для русских будет уже слишком поздно осуществлять какие-либо крупные меры по наращиванию своих сил. Последний возможный срок отмены наступления устанавливался на 13 часов 21 июня. В этом случае намечалось дать кодовый сигнал «Альтона», а для начала — кодовый сигнал «Дортмунд». Войска должны были перейти границу в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года¹²¹.

Освещение различных сторон событий последних дней и часов перед началом самой кровавой войны, вошедшей в историю как Великая Отечественная для советского народа, способствует раскрытию сути некоторых чрезвычайно важных фактов:

1. Советский Союз буквально до последней минуты всеми средствами стремился не допустить ее развязывания.
2. Распространяемая нацистскими и другими реакционными фальсификаторами истории ложь о том, что гитлеровской Германии пришлось начать против СССР превентивную войну, поскольку была угроза с его стороны, лишена каких бы то ни было оснований. К моменту преступного нападения он еще не успел завершить все намеченные мероприятия по укреплению своей обороны. Поэтому силы и опыт, необходимые

для изгнания агрессора и нанесения ему уничтожающего удара в его собственной стране, Советский Союз обеспечил ценой неслыханных жертв, в результате самоотверженной борьбы и труда его народов на фронтах и в тылу.

3. Борьбу за сохранение мира необходимо постоянно подкреплять высокой боеготовностью миролюбивых сил, иначе будет сохраняться угроза развязывания новой войны.

Разумеется, не следует абстрактно подходить и к положению о том, что «когда ведутся переговоры, то пушки молчат». История агрессивных войн убедительно свидетельствует, что диалог о мире или войне зависит от того, насколько честно и с какой целью он ведется.

Безусловно, остается еще один вопрос, который волнует и, несомненно, будет вызывать различные мнения: как могло случиться, что И.В. Сталин, такой мудрый и опытный руководитель, буквально до последней секунды часа «X» находился в трагическом заблуждении, несмотря на ряд конкретных, обоснованных предупреждений и самых различных сведений? То, что Великая Отечественная война завершилась победой Советского Союза и его Красной Армией не в последнюю очередь благодаря твердому руководству того же Сталина, — это историческая правда. На этот счет не может быть никаких сомнений, как, впрочем, и в отношении его ошибочной оценки срока нападения нацистской Германии. Нельзя отрицать и того, что он не придавал значения многим серьезным предупреждениям

и сведениям, передаваемым зачастую с риском для жизни. Ключ к пониманию трагического заблуждения Сталина, этой крупной исторической личности, видимо не только в его культе, создавшем ему ореол непогрешимости, но и в другом.

Совершенно очевидно, что Сталин отлично понимал сущность смертельного врага — фашистскую Германию. Поэтому он полагал, что Гитлер и его опытные в военных делах генералы не пойдут на самоубийство и преднамеренное разрушение германского рейха, развязав войну против СССР, когда исход войны с Великобританией еще далеко не решен. Однако в этом отношении рационально мыслящий и действовавший Сталин, к сожалению, заблуждался. Он элементарно не учел уже тогда имевшийся исторический опыт, ведь, в конце концов, Германия уже в Первой мировой войне доказала свою неспособность правильно оценивать реальное соотношение сил в мире и сдерживать путем проявления хотя бы минимума разума свою явно неистребимую склонность к переоценке собственных сил. Таким образом, Сталин был убежден в том, что столь опытные в осуществлении различных сделок представители финансовых и правящих кругов Германии после поражения в Первой мировой войне не пойдут на риск войны на два фронта в результате нападения на СССР. К тому же и сам Гитлер в своей книге «Майн кампф» совершенно определенно утверждал самоубийственность для Германии подобной ситуации¹²².

Заблуждению Сталина способствовали и другие моменты. Так, маршал Г.К. Жуков, в своих воспоминаниях писал, что посол СССР в Берлине в своих донесениях отрицал угрозу нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Поэтому, когда народный комиссар военноморского флота получил от военноморского атташе в Берлине тревожное донесение, «что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию», он в своей записке И.В. Сталину расценивал эти сведения как ложные, как специально направленные «по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР». Маршал Жуков также приводит выдержку из доклада начальника разведывательного управления Красной Армии от 20 марта 1941 года. В ней сообщалось:

1.«На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2.Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо рассматривать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»¹²³.

В завершении всего изложенного, необходимо привести и самокритичные оценки, сложившейся к тому времени обстановки, и самого Жукова:

«История действительно отвела нам слишком небольшой отрезок мирного времени для того, чтобы можно было все поставить на свое место. Многое мы начали правильно и многое не успели завершить. Сказался просчет в оценке возможного времени нападения фашистской Германии. С этим были связаны недостатки в подготовке к отражению первых вражеских ударов.

Положительные факторы, о которых я говорил, действовали постоянно, разворачиваясь все шире и мощнее, в течение всей войны. Они-то и обусловили победу. Фактор отрицательный — просчет во времени — действовал, постепенно затухая, но остро усугубил объективные преимущества врага, добавил к ним преимущества временные и обусловил тем самым наше тяжелое положение в начале войны.

В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом»¹²⁴.

Но вернемся к зловещей фигуре Адольфа Гитлера, ввергнувшего мировое сообщество в столь катастрофическую по своим последствиям Вторую мировую войну. Весь ее ход в корне изменился, когда он 22 июня 1941 го-

да вторгся в Россию, то есть на день раньше, чем в 1812 это сделал Наполеон. Этот шаг оказался для Гитлера столь же роковым, как и для его предшественника, хотя конец этой авантюры наступил не столь быстро. Наполеон был вынужден отступить из России еще до конца 1812 года и русские войска вошли в столицу его империи в апреле следующего года. Гитлер был изгнан из России лишь через три года после вторжения, а советские войска вошли в столицу рейха только в апреле четвертого календарного года войны. Гитлер проник в глубь России в два раза дальше Наполеона, хотя ему и не удалось повторить иллюзорного успеха Наполеона, то есть войти в Москву. Более глубокое проникновение Гитлера на территорию России стало возможным вследствие применения более совершенных средств передвижения, но этого оказалось недостаточно для достижения поставленной цели. Огромные пространства сначала привели к крушению планов Гитлера, а затем и к поражению.

История повторилась также и во второстепенных последствиях самоубийственного шага агрессора. Гитлер позволил Англии выйти из положения, которое казалось безнадежным за пределами ее собственных островных границ. Все понимали, сколь отчаянным было положение небольшого острова, а значение Ла-Манша снизилось в связи с развитием воздушной мощи. Индустриализация острова привела к тому, что он стал зависеть от импорта. Угроза со стороны подводных лодок приобрела огромное значение. Отказываясь рассматривать любые предложения

о мире, английское правительство заставило страну принять курс, который в создавшихся условиях должен был логически привести к истощению ее сил, а в конечном итоге к полному поражению, даже если бы Гитлер и не пытался быстро завоевать остров путем вторжения. Этот бескомпромиссный курс был равносителен медленному самоубийству. США могли бы дать возможность Англии «удержаться на плаву», но это только продлило бы агонию, но не позволило бы избежать печального конца. К тому же продолжительность передышки сократилась из-за принятого Черчиллем в середине лета решения осуществлять бомбардировки Германии с воздуха всеми (тогда еще ничтожными) силами английской авиации. Эти налеты были для Германии более чем булавочными уколами, но все же отвлекали внимание Гитлера от действий на Востоке. Однако завоевание Франции и приближение немцев к берегам Англии мобилизовали англичан на борьбу гораздо эффективнее, чем любое из предыдущих сообщений о тирании и агрессивности Гитлера. Черчилль писал Рузвельту: «Я не могу ответить за моих преемников, которые в условиях крайнего отчаяния и беспомощности могут оказаться вынужденными выполнить волю Германии»¹²⁵. Однако насколько сопротивление Англии могло помешать Гитлеру осуществить свои планы в отношении СССР свидетельствует его решение о вторжении в эту страну независимо от ситуации с Великобританией, ибо именно она была конечной целью его гегемонистских устремлений.

Фашистская Германия и ее европейские союзники подготовили значительные массы хорошо вооруженных и технически оснащенных войск. По плану «Барбаросса» для нападения на Советский Союз выделялись 153 немецкие дивизии, в том числе 33 танковые и моторизованные. Страны-союзницы Германии (Финляндия, Румыния и Венгрия) выставили против СССР 37 пехотных дивизий, то есть всего выделялось 190 дивизий¹²⁶. Все эти войска, за исключением 24 немецких дивизий (резерва главного командования сухопутных войск), сосредоточились вдоль западных границ Советского Союза. Успех этой кампании в меньшей степени зависел от стратегии и тактики, чем от таких факторов, как расстояние, материально-техническое обеспечение и мобильность войск. Бесспорно, некоторые оперативные решения оказали существенное влияние на ход кампании, но они не имели столь большого значения, как недостаток в средствах обеспечения мобильности в сочетании с громадными расстояниями.

Для понимания хода последующих событий необходимо обратить особое внимание на фактор влияния механизации. Следует отметить, что во всех предыдущих вторжениях Гитлера успех зависел от механизированных войск, хотя они были лишь небольшой частью его вооруженных сил. 19 танковых дивизий едва составляли одну десятую общего числа дивизий, которыми располагали Германия и ее сателлиты. Из всей огромной массы остальных дивизий только 14 были механизированными и могли не отставать от танковых группировок, наносивших

удар. В целом немецкая армия в 1941 году имела 21 танковую дивизию по сравнению с 10 в 1940. Однако это удвоение численности ее бронетанковых войск на поверку оказались чисто иллюзорным, так как было достигнуто в основном за счет уменьшения количества танков в дивизиях.

Перед нападением на Советский Союз фюрер приказал изъять из каждой танковой дивизии по одному танковому полку и на его базе сформировать новую дивизию такого рода. Результатом этой меры стало бы умножение числа штабов и вспомогательных войск в так называемых бронетанковых войсках. Численность их фактически оставалась без изменений, но сила удара ослабевала: из 17 тысяч человек в составе дивизии только 2600 были бы действительно танкистами. В реорганизованной танковой дивизии образца 1941 года имелось в целом 300 гусеничных машин, в то время как колесных, рассчитанных большей частью на движение по дорогам, было почти три тысячи. Сверхобилие таких машин не имело значения в Западной кампании, однако на Востоке, где подходящих дорог было очень мало, это обстоятельство стало в конечном итоге решающим тормозом. Немцам пришлось расплачиваться за то, что на практике они оказались на двадцать лет позади теории, которую сами же считали ключом к успеху. Следовательно, первоначальных успехов немцы добились только вследствие того, что их противник уступил им в технической оснащенности. Хотя советские войска и обладали значительным количественным превосходством в

танках, общее число средств моторизации у них было настолько ограниченным, что их бронетанковые войска не имели даже полного комплекта механических транспортных средств, что и создало значительные препятствия при отражении немецких танковых ударов¹²⁷.

Итак, рано утром в воскресенье 22 июня 1941 года тремя огромными параллельными потоками на фронте от Балтийского моря до Карпатских гор фашистские орды хлынули через границу. На левом фланге группа армий «Север» под командованием Лееба перешла границу Восточной Пруссии и вторглась в Литву. На левом фланге центральной части фронта, восточнее Варшавы, группа армий «Центр» под командованием Бока начала мощное наступление по обе стороны выступа, образовавшего здесь фронт советских войск. На правом фланге центра оказалась стокилометровая полоса затишья, где немецкий поток разделялся западным краем Припятских болот. Справа группа армий «Юг» под командованием Рундштедта рванула вперед в направлении северной стороны львовского выступа, образованного советским фронтом в Галиции вблизи Карпат. Основной удар немцы наносили на левом фланге центрального участка фронта, где Боку была отведена главная роль. Для осуществления этой миссии ему была предоставлена основная часть бронетанковых войск, а также 4-я и 9-я армии, каждая из которых имела в своем составе три пехотных корпуса.

Каждая танковая группа, позднее переименованная в танковые армии, состояла из четырех–пяти танковых и

трех механизированных дивизий. Все немецкие руководители были едины во мнении, что успех наступления будет зависеть от действий этих танковых групп, но по вопросу их наилучшего использования возникли разногласия. Это, несомненно, имело далеко идущие последствия. Некоторые представители высшего командования предлагали уничтожить советские армии в решающем сражении, завершив его классическим окружением. Специалисты по танковым войскам во главе с Гудерианом настаивали на том, чтобы танковые группы продвигались как можно глубже и быстрее. Задачу по окружению сухопутных войск, зажатых между двумя танковыми клиньями, следовало поручить пехотным корпусам при поддержке относительно небольших отрядов, выделенных из танковых групп для нанесения фланговых ударов, в то время как если они будут оперативно продвигаться вперед.

Эта «борьба мнений» по решению Гитлера закончилась в пользу сторонников ортодоксальной теории и на этот раз его компромисс с консерватизмом имел более отрицательные последствия. Хотя самим танковым специалистам и отводилась более важная роль, чем в 1940 году, но им не предоставлялась возможность выполнять эту роль наилучшим образом. На решение Гитлера повлияло не только его сомнение относительно их методов ведения войны, но и собственное необузданное воображение, а именно — окружением главных сил Красной Армии в одном гигантском кольце. Это видение все более увлекало фюрера в глубь страны. Первые две попытки окружения

не удались, третья увлекла его за Днепр, а при четвертой зимнее время помешало использовать разрыв в линии фронта. Каждое из проведенных сражений требовало времени для осуществления охватывающих маневров, а в погоне за тактическим замыслом была упущена из виду стратегическая цель.

Нельзя не отметить и того, что срыву планов фашистской Германии способствовало яростное сопротивление советских войск. Впервые с этим фашисты столкнулись при осаде Брестской крепости. Ее гарнизон, состоящий из подразделений 6-й и 42-й дивизий и 4-й армии Западного фронта, войск НКВД и Брестского пограничного отряда, в течение месяца вел беспримерную героическую борьбу. Она стала символом стойкости и мужества советских воинов, удостоенного почетного звания «Крепость-герой»¹²⁸. Это был первый, но многообещающий урок, четко дававший понимание будущих трудностей. Противник постоянно блокировал дороги, необходимые для продвижения транспорта с предметами снабжения. Особенности страны, в которую немцы вторглись, лишь усиливали предчувствие крушения их планов: пространства казались бесконечными, угнетала монотонность ландшафта, бесконечность местностей, занятых лесами, болотами и равнинами. При этом проливные дожди в начале июля лишили захватчиков мобильности и усилили эффект упорного сопротивления, которое оказывали многочисленные группы советских войск внутри захваченных немцами районов. Разумеется, ссылки на характер местности и погодные

условия были слабым аргументом неудач немецких войск — просчеты их носили более глубокий характер и состояли в недооценке будущего противника, в том числе стойкости духа защитников своего Отечества.

Мощным ударом по планам нацистской Германии стали ожесточенные оборонительные бои летом и осенью 1941 года, упорная оборона Бреста и Киева, Одессы и Севастополя, Смоленска и Тулы, Москвы и Ленинграда. Особо стоит поражение фашистов под Москвой. Следует отметить, что большинство немецких генералов настаивало на том, чтобы прервать наступление и занять выгодные позиции на зиму. При этом они вспоминали печальный опыт Наполеона и мрачный отчет Коленкура о событиях 1812 года¹²⁹. Однако в верхах продолжали господствовать другие взгляды, не совпадавшие с позицией Гитлера, которого весьма угнетали все возрастающие трудности и перспектива вести войну в зимних условиях. Браухич, Гальдер и Бок настояли на необходимости наступления на Москву. Битва за нее, развернувшаяся в конце 1941 — начале 1942 годов, явилась событием огромного исторического значения. Разгром в ней отборной немецкой группировки развеял миф о непобедимости вермахта и ознаменовал полное крушение гитлеровских планов «молниеносной войны» (блицкрига) против СССР. Победа под Москвой означала, что Советский Союз сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения Германии и изменить в ходе тяжелейшего единоборства соотноше-

ние сил. Она также показала, что война, несмотря на столь неудачное начало для СССР, все же будет выиграна им¹³⁰.

Поражение немецких войск под Москвой имело весьма печальные последствия как для них, так и для вдохновителей этой авантюры. В этом критическом положении Гитлер запретил любое отступление, за исключением местных отходов на самое кратчайшее расстояние и это было правильное решение. Разумеется, оно обрекло его войска на ужасные страдания: у них не было ни одежды, ни снаряжения для ведения зимней кампании, но если бы началось общее отступление, оно могло бы перерасти в полный разгром охваченных паникой войск. Что касается немецких военачальников, то судьба их сложилась следующим образом. Рундштедт занял Крым и Донбасс, но без танков Гудериана его наступление к кавказским нефтепромыслам сорвалось. Его войскам удалось взять Ростов-на-Дону, но советские войска выбили их оттуда. Когда Рундштедт выразил намерение отойти, чтобы занять выгодную оборонительную позицию на р. Миус, Гитлер запретил ему это. В ответ он попросил фюрера освободить его от командования, так как не может выполнить данный приказ. Гитлер тут же заменил его, но сразу же после этого фронт был прорван и он был вынужден согласиться с необходимостью отступления. Это произошло в первую неделю декабря, одновременно с отпором, который немцы получили под Москвой.

Та же участь постигла и Браухича: на той же неделе он обратился к Гитлеру с просьбой об отставке в связи с

болезнью. На следующей неделе то же самое сделал и Бок. Несколько позже, после того, как Гитлер отверг его предложение об отходе на северном участке фронта у Ленинграда, ушел в отставку и Лееб. Таким образом, все четверо высших командующих были отстранены от занимаемых должностей. Гитлер не назначил преемника Браухичу, а воспользовался возможностью, взяв в свои руки непосредственное руководство сухопутными войсками. К концу года он отделался от Гудериана — главного исполнителя его прошлых победоносных кампаний (Гудериан без разрешения Гитлера отвел свои измотанные в боях войска).

Необходимо отметить, что одним из главных факторов, приведших к провалу вторжения, была неправильная оценка фашистского руководства тех резервов, которые Сталин мог подтянуть из глубины своей страны. В этом отношении немецкий генеральный штаб и его разведывательная служба в такой же мере, как и Гитлер, были введены в заблуждение. Эта роковая ошибка была кратко зафиксирована в дневнике Гальдера в середине августа 1941 года: «Мы недооценили силы России: мы рассчитывали, что у нее 200 дивизий, но сейчас мы уже выявили 360 дивизий». Это в значительной степени перечеркнуло успехи, достигнутые в начале кампании. Немцам теперь пришлось иметь дело со свежими армиями; к тому же советская система массовой мобилизации успешно действовала в районах, недостижимых для немецких армий. Следующей крупной ошибкой было то, что Гитлер и немецкое высшее командование весь август потеряли на споры по поводу

направления наступления. Это было своего рода поразительное «затмение мозгов» высшего германского командования. Гитлер потерял шанс на победу и потому, что мобильность его армии основывалась на использовании колесных, а не гусеничных машин, что стало весомым фактором на просторах Советского Союза¹³¹.

Судьба военных кампаний в последующий период общеизвестна, поэтому необходимо осветить и другой аспект агрессии Германии, а именно — моральный. Вскоре после вторжения Гитлер сообщил узкому кругу своих приближенных, что его основная цель в войне против СССР — лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Наш руководящий принцип должен заключаться в том, что эти народы имеют одно единственное оправдание своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении»¹³².

Основным документом, в который вылились злодеяния и человеконенавистнические идеи нацистов в отношении Советского государства, стал так называемый генеральный план «Ост». В общих чертах этот документ предусматривал полную ликвидацию СССР, выселение в Сибирь значительной части населения Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики, онемечивание оставшихся, физическое истребление 30 млн. человек. Непосредственно в отношении русского народа в документе было обозначено: «Речь идет не только о разгроме государства с центром

в Москве (...). Дело заключается, скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разбить их». Для этой цели ведомство главного нацистского идеолога, рейхминистра по делам восточных территорий А. Розенберга, предлагало разбить «территорию, населенную русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие». Важно, отмечалось в заключениях к плану «Ост» в апреле 1942 года, чтобы «на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается в руководстве»¹³³. Для «руководства» рабами-славянами европейскую территорию Советского Союза должны были колонизировать миллионы представителей «высшей» германской расы. При этом речь шла не только о России, но и об Украине, Белоруссии и Прибалтике, так как Гитлер категорически отверг предложение об особом подходе к окраинным территориям СССР, уготовив всем одинаковую судьбу.

В соответствии с этими планами, Гитлер в августе 1941 года мечтал о том, как немцы живут в «великолепных зданиях и дворцах» на захваченных советских территориях. «Вокруг города, — пребывал в мечтаниях фюрер, — на глубину тридцать-сорок километров мы создадим поле симпатичных деревень, связанных лучшими дорогами. Все, что существует за этими пределами, относится к другому миру»¹³⁴. «Этот мир (речь идет о русском мире, о

мире оставшихся в живых и не онемеченных русских, украинцев, латышей и других народов СССР) представлял бы собой мрачное средневековье со всеми его атрибутами. В наших интересах, чтобы народ, разумеется русский, знал столько, — подчеркивал Гитлер, — чтобы различать дорожные знаки»¹³⁵. Нетрудно себе представить, зная о реальном исполнении нацистских планов, что в случае победы над СССР слова фюрера вряд ли бы разошлись с его делами. За несколько лет его оккупации западные области Советского Союза вынесли такие мучения, как террор, насилие, издевательства, зверские убийства мирного населения, а также экономическое ограбление, принудительная отправка в германские лагеря. Только по официальной статистике, оккупанты убили и замучили почти 7 млн. советских граждан, 4 млн. военнопленных, угнали в Германию более 4 миллионов человек¹³⁶.

Вторая мировая война, как и первая, принесла неисчислимые страдания мировому сообществу. Общие людские потери в них составили 65 млн. человек и оправдать их невозможно, хотя милитаристы всех сортов пытались объяснить их не только «неизбежностью», но даже «необходимостью» этих войн. В результате Второй мировой войны агрессоры — германский, итальянский фашизм, японский милитаризм и их союзники — были разгромлены. Германия и ее нацистский главарь Адольф Гитлер со своими чудовищными планами уничтожения человечества потерпел закономерное поражение в борьбе именно с СССР, ибо ему противостоял советский народ, защищав-

ший достижения своего Отечества и свои духовные ценности.

Глава 5. Организация, структура и операции секретной службы ОКВ «Заграница/абвер»

Сразу же после прихода Гитлера к власти, нацисты заявили о себе как о крайне террористической организации и уже 30 января 1933 года начали проводить курс не только на жесткое подавление прогрессивных сил внутри Германии, но и на внешнюю агрессию. Кстати, в достижении этой цели были едины все, т.е. не только представители монополистического капитала, но и генералы и адмиралы рейхсвера. В 1935 году фашистское правительство нарушает Версальский договор и так называемым «военным законом» от 21 мая 1935 года на базе всеобщей воинской повинности создает «вооруженные силы Третьего рейха». В то же время адмирал Канарис принимает командование военной секретной службой, которая к 1938 году превращается в управленческую группу «абвер», а к началу Второй мировой войны – в управление «Заграница/абвер» верховного главнокомандования вермахта. До 1944 года это управление военной разведки и контрразведки вооруженных сил в основном подразделялось на следующие отделы:

□ абвер I – шпионаж и разведка;

- абвер II – диверсии и ведение «психологической войны (ему была подчинена особая часть «Бранденбург»);
- абвер III – борьба с вражеской разведкой, а также подрывная деятельность против иностранных секретных служб и разведывательных органов;
- управленческая группа «Заграница» – шпионаж и разведка с помощью военных атташе и с использованием данных зарубежной печати, а также содействие проведению за границей нелегальных военно-морских операций;
- Отдел «Z» – центральная картотека и архив.

Таким образом, шпионско-диверсионное управление ОКВ «Заграница/абвер» выполняло весьма важную функцию в системе нацистской Германии. Абвер I должен был организовывать по всему миру тотальный шпионаж с целью подготовки и реализации планов блицкригов. При этом в сферу его деятельности входило разведывание не только военных и военно-экономических, но и политических, дипломатических и экономических тайн и сведений. Абвер II с помощью «пятой колонны» намеревался политически разлагать в военном и экономическом отношении намеченную жертву, а затем и парализовывать молниеносным нанесением огромного ущерба, причем с помощью концернов с их зарубежными филиалами и представителями. Абверу III первоначально вменялась забота о сохранении тайны форсирования вооружения нацистской Германии, однако после начала Второй мировой войны

ему было поручено бороться с антифашистским Сопротивлением как внутри страны, так и в захваченных территориях. Историк абвера Герт Буххайт признавал, что «во время Восточного похода» только одной фронтовой разведкой управления ОКВ «Заграница/абвер» было «обезврежено» 20 тысяч советских граждан¹³⁷ и это лишь частичное признание в массовых убийствах.

Совершенно очевидно, что именно из разветвленного аппарата этой организации поступали директивы по борьбе с активными противниками режима. Абвер и его особая часть «Бранденбург» занимались ею в 13 европейских государствах. Только в 12 из них, не считая СССР, нацисты, в ходе военных действий, расстреляли и замучили в тюрьмах свыше 1 277 754 человек, причем большинство из них на счету абвера и их профессиональных «охотников на партизан»¹³⁸. Кроме того ОКВ «Заграница/абвер» участвовало (до 1944 года) в казни 15 400 антифашистски настроенных солдат, унтер-офицеров и чиновников самого гитлеровского вермахта¹³⁹. Именно офицеры абвера и составляли доносы или заключения на так называемых «изменников», дезертиров и «лиц, подрывающих военную мощь» рейха, что являлось смертным приговором для них.

Между тем, по мере усиления координации и концентрации деятельности различных органов секретной службы, а также централизации руководства ими, управление ОКВ «Заграница/абвер» активизировало сотрудничество с секретной службой нацистской партии (НСДАП),

службой безопасности (СД) и государственной тайной полицией (гестапо). Анализ органического соединения обеих ветвей секретной службы вермахта и гитлеровской партии позволяет выявить отдельные формы и фазы этого процесса в хронологической последовательности:

- 1936 год – между военным абвером, с одной стороны, и гестапо и СД – с другой, с целью разграничения задач и функций, а также оказания взаимной помощи, заключено соглашение под названием «10 заповедей»;
- 1941 год – антисоветская и антикоммунистическая директива о совместных действиях офицеров абвера и его команд с офицерами СД и ее оперативными группами и командами¹⁴⁰.
- 1942 год – интересы и сферы действий в области «ведения тотальной войны» разграничено программой из 10 пунктов»;
- 1944 год – Гитлер отдает приказ «О мерах по взаимному согласию» в установлении единого руководства фашистской системой секретных служб во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером¹⁴¹.

Следует отметить, что в последний год Второй мировой войны абвер I и абвер II были включены во вновь созданное военное управление в составе главного управления имперской безопасности (РСХА), которому подчинялись внутренняя секретная служба и за рубежом, а также полиция безопасности (гестапо и уголовная полиция). Отдел «Z» и абвер III частично, а цензура зарубежных пи-

сем абвера целиком, сливались с гестапо и включались в состав IV управления РСХА. Управленческая группа «За-граница» и оперативный «войсковой абвер» из абвера III вошли в состав штаба оперативного руководства верховного главнокомандования (ОКВ). Офицерский и агентурный корпус абвера, насчитывающий десятки тысяч человек, безусловно, были фанатично преданы фюреру и его идеям. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только на немецко-советском фронте при выполнении своих заданий погиб почти каждый третий из состава фронтовых разведывательных команд управления «Заграница/абвер»¹⁴².

Однако весной 1945 года абверовцы, понимая всю исключительность своего положения, стали активно маскироваться и, что называется «косяками», уходить на запад Германии. В этом был явный расчет на англичан и американцев с целью предоставления своих услуг. При этом их не оставляла надежда на реванш, поэтому уже в 1944–1945 гг. руководящими кадрами немецких секретных служб была не только намечена, но и уточнена своя послевоенная программа. К сожалению, ядовитые семена нацизма довольно скоро дали свои всходы после безоговорочной капитуляции фашистской Германии, а затем заботливо возвращены уже на постсоветском пространстве. Характерно то, что начиная с 1945 года абверовцы появляются во всех влиятельных ведомствах ФРГ, объединившись затем в так называемое «Рабочее содружество бывших сотрудников абвера» (АГЕА). При этом они даже

имели в своем распоряжении подпольный информационно-инструктивный орган с примечательным названием «Наххут» («Арьергард») и устраивали встречи «многочисленных офицеров абвера из всех частей Западной Германии, Австрии и Южного Тироля»¹⁴³.

Видимо, не случайно в состав «основателей» послевоенных партий монополистического капитала в ФРГ входили абверовские шпионы и диверсанты. Так, член евангелической консистории доктор теологии Ойген Герстенмайер, он же – Альфред Альман¹⁴⁴ – бывший коронный представитель абвера и СД – летом 1945 года не только создал организацию «Евангелическая помощь», в которой весьма успешно укрылись «сотоварищи», но и принял участие в аденауэровском Христианско-демократическом союзе (ХДС). Далее. В Баварии главой родственного Христианского-социального союза (ХСС) стал бывший обер-лейтенант отделения абвера в Мюнхене, доктор политических наук Йозеф Мюллер. К числу подобных из рядов Свободной демократической партии (СвДП) относится и доктор философии Виктор Ховен – бывший капитан, командир батальона диверсионной дивизии «Бранденбург», формировавший фашистскую «пятую колонну» в Бельгии. В 1954 году он уже был во фракции СвДП в Земле Северной Рейн-Вестфалии, а в 1957 и членом бундестага. Капитан из отдела абвер II Теодор Оберлендер – бывший гауамтсляйтер НСДАП (начальник областного управления нацистской партии) и командир таких диверсионных частей, как «Бергман», «Тамара I» и

«Тамара II». Выступая сначала в качестве члена СвДП, а затем председателя западно-германского реваншистского «Союза изгнанных с родины и лишенных прав» (БХЕ), он, в конце концов, обосновался в аденауэровском ХДС. Кстати, в парламенте ФРГ, кроме них, уютные места и право голоса получили и другие сотрудники нацистской секретной службы, в частности, специалист по внешней политике и внешней торговле, доктор юриспруденции Пауль Леверкюн (ХДС) – бывший майор управления «Заграница/абвер», начальник стамбульского отделения КО – абверовской «Военной организации» на Ближнем Востоке. Вышеупомянутый Ойген Герстенмайер с 1954 года до 1969 являлся не только председателем бундестага, но и, согласно протокола, вторым человеком в ФРГ.

Зловещий «театр абсурда» дошел до того, что бывшие нацисты захватили в этой стране даже министерские посты. Так, небезызвестный Йозеф Мюллер уже в 1947 году умудрился стать баварским государственным министром, а Теодор Оберлендер в 1950 занимал пост статс-секретаря в баварском министерстве внутренних дел прежде чем в 1956 на три года стал боннским «министром изгнанных». Он покинул министерское кресло только благодаря разоблачительным документам, опубликованным в Германской Демократической Республике (ГДР). Однако «высшим пилотажем» были сведения о том, что бывший канцлер ФРГ Георг Кизингер с 1940 года работал в радиополитическом отделе фашистского министерства иностранных дел и находился на службе управления «Заграница/абвер».¹⁴⁵

У него был весьма показательный послужной список: в 1933 году вступил в нацистскую партию, членский билет под номером 2 633 930, в 1940 – специалист по зарубежной пропаганде в министерстве иностранных дел, т.е. по ведению «психологической войны» и подрывным акциям. Затем он становится начальником бюро связи имперского министра иностранных дел обергруппенфюрера СС (чин, соответствующий в вермахте генералу пехоты или какого-либо другого рода войск) Йоахима Риббентропа с имперским министром пропаганды Йозефом Геббельсом. В 1941 году Кизингер был представителем министерства иностранных дел при диверсионной радиостанции «Дойче аусланд-рундфункизельшафт ИНТЕРРАДИО АГ». С 1942 до весны 1945 гг. – начальник отдела «Общая пропаганда» и заместитель начальника радио-политического отдела министерства иностранных дел. В этом качестве он координировал нацистскую радиопропаганду на Восточную, Юго-Восточную и Западную Европу, на Дальний и Ближний Восток, на Северную, Центральную и Южную Америку¹⁴⁶. Будучи выпущен из американского лагеря № 74, для интернированных лиц в Людвигсбург-Освайле, Кизингер, как и другие, обосновался в ХДС и уже в 1948 году был назначен им своим управляющим делами в Земле Вюртемберг-Гогенцоллерн, а в 1949 введен в первый бундестаг ФРГ. Его карьера стремительно росла и с 1954 до 1958 он – председатель комиссии бундестага по иностранным делам в качестве представителя от ХДС. В 1958 году он уже премьер-

министр Земли Баден-Вюртемберг, а затем (с 1966 до 1969 гг.) федеральный канцлер в Бонне и долгие годы – высший партийный руководитель ХДС.

Следует отметить, что в Министерстве иностранных дел ФРГ абверовские спецы котировались весьма высоко. Так, вице-адмирал Леопольд Бюркнер (бывший начальник управленческой группы «Заграница» при Канарисе, с 1949 года был советником федерального министерства иностранных дел. Постоянными его консультантами по вопросам Юго-Восточной и Северной Европы был полковник абвера и руководитель «Военной организации» в Болгарии Отто Вагнер, он же д-р Делиус,¹⁴⁷ и капитан II ранга Александр Целлариус (бывший руководитель «Военной организации» в Финляндии и Эстонии)¹⁴⁸. В списках личного состава министерства иностранных дел, наряду с советником посольства I класса графом Рабаном Адельманом фон Альмансфельденом и министриаль-директором д-ром Луитпольдом Верцем, числились еще девять боннских дипломатов высшего ранга. Все они до и во время Второй мировой войны были доверенными лицами управления «Заграница/абвер», получив за свою службу «Крест за военные заслуги»¹⁴⁹. Между прочим, первые начальники «бюро абвера» в ремилитаризационном боннском военном ведомстве во главе с Бланком (предшественник министерства обороны ФРГ) были подполковник диверсионной части «Бранденбург» Фридрих Вильгельм Хайнц, а также Ахим Остер – бывший майор в управлении «Заграница/абвер». При этом новое поколение сотрудников сек-

ретной службы бундесвера несколько лет, начиная с 1957 года, обучал капитан I ранга Ганс Майзнер, а в прошлом – капитан II ранга в абвере и начальник «Военной организации» в Швейцарии¹⁵⁰.

Характерно то обстоятельство, что в подчиненной с 1956 года непосредственно ведомству федерального канцлера БНД (шпионской спецслужбе ФРГ) люди адмирала Канариса появлялись отнюдь не в одиночку, а целыми группами. Этот центр секретной службы зарубежной разведки при канцлерах Аденауэре, Эрхарде и Кизингере примерно на 60% состоял из бывших гитлеровских офицеров и аппарата абвера¹⁵¹. Некто капитан Рихард Геркен – офицер абвера III, свирепствовавший в оккупированных Нидерландах, несколько лет в качестве боннского правительственного советника помогал вице-президенту антидемократического Ведомства по охране конституции (станового хребта боннской политической полиции) в ФРГ, бывшему полковнику абвера Альберту Радке. При этом он публично подчеркивал, что образцом для его создания была именно «организация управления ОКВ «Заграница/абвер», т.е. военная разведывательная служба под руководством адмирала Канариса»¹⁵².

Таким образом, через три ветви секретной службы ФРГ (Федеральную разведывательную, аппарат Ведомства по охране конституции (МАД) и военную контрразведку бундесвера, нацистским специалистам постепенно и системно удалось внедриться в общественную и государственную жизнь страны, во многом содействуя реван-

шистскому и неофашистскому ее развитию. Всесторонняя помощь оказывалась им и со стороны прежних доверенных лиц абвера, занявших важные посты в конторах концернов, восстановленных банков и промышленных гигантов. В частности, главный менеджер финансовой олигархии ФРГ Абс в годы войны весьма успешно сотрудничал с верхушкой управления ОКВ «Заграница/абвер», готовя для него шпионские материалы. Тот же Абс, нажившись на войне (в 1942 г.) в качестве представителя «Дойче банк АГ» и «ИГ – Фарбениндустри», занимал 40 постов в ведущих концернах и монополистических группах Германии и заграницы. Через такие филиалы, как «Дойче банк», «Зюдостмонтан», «Континенталь оль АГ», влияние Абса распространялось на Нидерланды и Люксембург, на Австрию и Чехословакию, на Польшу, Балканские страны и через «Русский комитет» вплоть до временно оккупированных областей Кавказа¹⁵³.

Для полной картины нельзя не упомянуть и об «изучении Востока и Юго-Востока» («остфоршунге»), активизированном в 1945 году благодаря таким ассам, как Кох, Маркерт, Менерт, Оберлендер и др. Тот же Ганс Кох во время Первой мировой войны служил в секретной службе Австро-Венгрии, а во время Второй – в управлении «Заграница/абвер», действуя против Польши и Советского Союза. С 1954 года он – директор мюнхенского «Института Восточной Европы» – организовывал антисоциалистический шпионаж руками «ученых». Бывший офицер абвера, профессор, доктор философии Вернер Маркерт в каче-

стве специалиста по Польше и Югославии в 1953 году возглавил Тюбингенский шпионский Институт восточно-европейской этнографии и истории. Клаус Менерт – преподаватель политических наук ахенской Высшей технической школы, главный редактор пяти журналов по вопросам Восточной Европы и советник министерства иностранных дел ФРГ – абверовский шпион, осуществивший для союзника Германии Японии разведку американской военно-морской базы Пирл-Харбор¹⁵⁴.

Перед 1938 годом нацисты внедрили в австрийскую военную секретную службу своего «троянского коня», а именно венского обер-лейтенанта австрийской армии Эрвина Эдлера фон Лахузена-Вивремонта, который после вступления вермахта в Австрию оперативно сделал карьеру в том же управлении «Заграница/абвер». Нельзя не упомянуть и таких преступных офицеров абвера в XVII военном округе, как Курт Бенно Фехнер (он же д-р Фридрих)¹⁵⁵ и Белграде д-р Йозеф Матль, который стал директором одного из институтов университета в Граце (Австрия) и «специалистом» по Балканам. Нацистский подполковник в отставке, а затем «действительный гофрат» (придворный советник) Курт Фехнер с 1955 по 1962 возглавлял «Группу разведки и абвера» в венском военном министерстве и принимал «решающее участие» в создании разведывательно-шпионской группы (австрийской) федеральной армии, все эти годы поддерживая тесные связи как с западногерманским, так и прежде всего с американским шпионажем¹⁵⁶.

Здесь приведены лишь наиболее яркие представители военной секретной службы фашистского режима, но совершенно очевидно, что адаптация их в послевоенный период носила отнюдь не единичный, а планомерный характер с целью не только сохранения этого «золотого фонда» нацистской Германии, но и максимального его использования в послевоенных милитаристско-реваншистских процессах. При этом, в рамках ведения «психологической войны», были осуществлены манипуляции с целью не только реабилитации военных преступников, но и применения их «бесценного» опыта для поиска более удачных перспективных сценариев в идеологическом противостоянии.

В германской военной секретной службе одну из ключевых функций выполнял Ганс Пикенброк – типичный представитель немецкого милитаризма. Уже в Первую мировую войну он выразил желание помочь кайзеру в расширении границ рейха. Его карьера – классический пример демонстрации достижений в «тайной войне». В рейхсвере, а затем в гитлеровском вермахте, Пикенброк принадлежал к верхушке той категории служителей рейха, которая предпочитала оставаться в тени, весьма редко появляясь в военной форме. Находясь в чине майора, в конце 1936 года он становится начальником отдела абвер I, при этом, служа под началом адмирала Канариса, является его «непосредственным заместителем во всех случаях и по всем поводам» и, к тому же, находясь в «тесной» дружбе с ним. Его деятельность на благо рейха отмечалась каждые

три года очередным чином: в 1937 году – подполковника, в 1940 – полковника и в 1943 – генерал-майора. Будучи правой рукой адмирала Канариса, он имел полное представление и о работе абвера II и абвера III. С подрывными заданиями и как руководитель шпионских акций, он посетил, зачастую с шефом, 17 европейских стран и одну на Ближнем Востоке.

Следы этого «рыцаря плаща и кинжала» отпечатались на Севере (в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии), на Западе (в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Франции, Испании), на Юге (в Швеции, Италии), но особенно на Востоке (в Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Турции и во временно оккупированных областях СССР). 4 апреля 1940 года, по прямому заданию Адольфа Гитлера, Пикенброк посетил Копенгаген, чтобы передать главарю норвежских фашистов Видкуну Квислингу приказ фюрера о переходе к действию нацистских «пятых колонн». При нападении на Данию и Норвегию они должны были парализовать сопротивление этих стран. Однако его репутация у Гитлера значительно пострадала, когда в ходе агрессии против СССР выяснилась неудовлетворительность разведанных абвера I. В связи с этим Пикенброк отпросился на фронт и в марте 1943 года получил пехотный полк на германо-советском фронте, а затем в чине генерал-лейтенанта и 208-ю пехотную дивизию.

Его пленение и собственные показания от 12 декабря 1945 года позволили четко уяснить степень подготовки управлением ОКВ «Заграница/абвер» нападения на Совет-

ский Союз уже с 6 сентября 1940 года. Кстати, в плен он попал со своими отличительными регалиями: «Золотым германским крестом» на груди и «Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту» на шее. Основываясь на документах, подполковник А. Говоров дал ему следующую характеристику: его, несомненно, ценили, так как он получил 23 награды и лично фюрер давал ему тайные поручения. В его руках находилась гигантская армия шпионов, разбросанная по всем континентам, и одного слово этого грозного шефа разведки «было достаточно, чтобы решить судьбы тысяч и тысяч людей...»¹⁵⁷. Представ перед советским военным трибуналом, Пикенброк как военный преступник получил многолетнее тюремное заключение, однако в 1955 году в качестве неамнистированного заключенного был передан Советским Союзом ФРГ, где тут же выпущен на свободу и героизирован как «поздний возвращенец». Кроме морального вознаграждения от отечества, он еще получил и материальные блага в виде весьма значительной денежной компенсации и «положенной ему» высокой генеральской пенсии. В общем, Германия не забывала своих «героев» и щедро награждала их за «бесценные заслуги».

Благодаря детальным показаниям Ганса Пикенброка, четко восстанавливается картина деятельности абвера I к тому моменту, когда он его возглавил. В мирное время это ведомство, как правило, получало задания от отделов «Иностранные армии», «Иностранные ВВС» и тому подобных генеральных штабов сухопутных войск, военно-

морского флота и люфтваффе, а иногда даже от штаба оперативного руководства вермахта. Однако в основном задания шли из отдела «Иностранные армии» и только во время войны штаб оперативного руководства ОКВ также стал непосредственным участником этого процесса, в частности, в отношении Норвегии, Дании, России и Англии (имеется ввиду намерение англичан совершить высадку на континенте).

В конце 1936 года, когда в абвер пришел Ганс Пикенброк, сфера его деятельности выглядела следующим образом:

- а) страны, представляющие основной интерес (Франция, Чехословакия, Польша, Англия, Россия и Испания в связи с гражданской войной);
- б) побочный интерес: Бельгия, Швейцария, Югославия, Румыния, США;
- в) страны, разведка в которых была под запретом (Австрия, Италия, Венгрия, Эстония, Япония, Болгария).

Вермахт в это время еще находился в начальной стадии организации и основное внимание уделялось тем государствам, которые непосредственно граничили с Германией, т.е. Польше и Чехословакии. Тем не менее уже тогда немецкая пропаганда начала кампанию за аншлюс (насильственное присоединение) Австрии. Поскольку НСДАП, посольство и военный атташе выдавали необходимую ориентировку, а между германским и австрийским генштабами существовало определенное сотрудничество,

проведение абвером разведки против этой страны практически не требовалось. В этом плане внимание следовало сосредотачивать на тех государствах, которые отрицательно относились к такому процессу. Поэтому с 1937 и начала 1938 годов интерес абвера закономерно переместился в сторону Франции, Польши, Чехословакии и Югославии. Перед аншлюсом Австрии наблюдению подверглась и итало-австрийская пограничная область. Это было связано с тем, что Муссолини еще не определился как надежный союзник Гитлера.

Ситуация в это время была такова, что отделение абвера в Мюнхене без всяких проблем владело информацией из Австрии и итальянского Южного Тироля от пронацистских кругов. Поэтому мюнхенское отделение действовало против Балкан, Чехословакии и Швейцарии, а затем и Италии. Венгерская разведка помогала в работе против Чехословакии, Югославии и Румынии. К той же Чехословакии были подключены отделения абвера в Дрездене и Бреслау, с Польшей — в Бреслау, Кёнигсберге и Штеттине. Что касается отделений абвера в Мюнстере, Висбадене и Штутгарте с их важнейшими подотделами в Кёльне и Фрейбурге, то они занимались Францией. После аншлюса Австрии наступила очередь Чехословакии, в захвате которой значительную роль сыграли агенты абвера I в Вене и Нюрнберге, чему способствовали различные родственные отношения австрийцев, южно-судетских немцев и чехов.

В своей подрывной деятельности управление ОКВ «Заграница/абвер» опиралось на определенную кадровую

политику, распределяя агентов на категории в зависимости от основной цели и характера каналов для передачи сведений. К ним относились агенты мирного времени, периода напряженности, на случай войны и радиоагенты, а для их вербовки использовался целый арсенал методов и приемов.

Совершенно очевидно, что секретная служба вермахта имела всестороннюю поддержку германских монополистов и об этом свидетельствуют соответствующие документы. Это, в частности, можно проследить на сотрудничестве управления ОКВ «Заграница/абвер» с трестом «ИГ-Фарбен». Так, д-р Макс Ильгнер¹⁵⁸, бывший руководитель подрывного отделения «Бюро НВ 7 треста «ИГ-Фарбениндурии», будучи под арестом как военный преступник, заявил американским следователям Международного военного трибунала в Нюрнберге о своих «рабочих» контактах с управлением Канариса. Это сотрудничество носило взаимовыгодный характер, так как абверу, как и штабу военной экономики, важно было иметь необходимые сведения из-за границы. Эти информации были настолько насыщены, что тресту не стоило терять подобный источник...

Эта система шпионажа, возникшая на почве общих интересов германского монополистического капитала и агрессивного верховного главнокомандования вермахта, разрабатывала планы не только настоящего, но и перспективного сотрудничества. Так, на одном из конспиративных заседаний, состоявшихся незадолго до нападения на

Советский Союз (2. 05. 1941 г.), подчеркивалось, что сотрудничество абвера и ИГ, как и вообще со всей германской экономикой, после выигранной войны должно стать еще более планомерным и взаимовыгодным. При этом не следует забывать, что трест «ИГ-Фарбен» являлся лишь одним из источников для ОКВ. Поток шпионских сведений поступал в ведомство адмирала Канариса из тысяч концернов и фирм, а также из административных учреждений и бюро нацистской партии, а затем направлялся по соответствующим политическим и военным каналам. Зачастую германские промышленные руководители, благодаря тесному переплетению своих отраслей, зарубежным поездкам и знанию специальной литературы, имели полное представление не только о машинном парке, мощности предприятий, числе занятых рабочих, но и возможностях перебазирования и наиболее перспективном задействовании агентов. Это позволяло давать конкретные сведения абверу II о тех предприятиях и звеньях промышленности, на которых можно было организовать саботаж с целью их парализации. После Второй мировой войны значительная часть секретных архивов треста «ИГ-Фарбен» стала доступной и среди них документальные записи бывшего председателя правления и директора предприятий «Агфа» вервиртшафтсфюрера», принадлежавших этой монополии, д-ра Фрица Гайевски¹⁵⁹.

Относительно техники шпионажа Ганс Пикенброк свидетельствует о следующих новых методах:

- а) против Чехословакии, Польши, Франции, Англии и России применялись самолеты для воздушной разведки и аэрофотосъемки с больших высот, откуда они были незаметны. В их задачу входило установление местонахождения укреплений, аэродромов, наличия в них самолетов, фотографирование и передача сведений люфтваффе для картотеки объектов. Это давало хорошие результаты и экономию агентуры, но был лишь один минус — все это достигалось только при хорошей погоде¹⁶⁰.
- б) с целью фиксирования прохода военных кораблей и конвоев в Гибралтарском проливе была установлена специальная фотоаппаратура, что позволяло наблюдать прохождение 10 грузовых судов в сопровождении 6 кораблей с курсом на восток. Если же ночью фотоаппаратурой фиксировался проход 16 судов с востока на запад, то это означало возвращение каравана в Атлантику. В этом случае командование военно-морского флота и база подводных лодок в Бордо уведомлялись по радио. Такого рода установки имелись и на побережье Ла-Манша.
- в) одним из весьма эффективных методов стало конструирование отделом абвера при «ИГ-Фарбен» аппарата для микрофотографирования: документы, чертежи, отдельные участки карт уменьшались от размера листа блокнота до ма-

шинописной точки, а затем считывались с помощью микроскопа или увеличения фотоспособом.

- г) еще в довоенное время на швейцарской и голландской границе абвер установил аппаратуру оптической связи для бесшумной передачи разведанных. Однако при этом между передающим и принимающим аппаратом не должно было существовать никаких препятствий, в том числе и изменений рельефа местности.
- д) в 1936 году вдоль Одера создавалась внутренняя агентурная сеть на случай войны с Францией и Польшей. Для этого завербовывались и обучались так называемые радиоагенты – невоенно-обязанные немцы для передачи сообщений при возникновении там позиционной войны. В 1937 году, соответственно этой внутренней сети, во Франции, западнее «линии Мажино», создавалась заграничная агентурная сеть из освобожденных от военной службы французов. С начала войны в 1939 году и до мая 1940 (до наступления на Францию) эти радисты сообщали необходимые сведения.

Следует отметить, что в обязанности абвера I входил постоянный сбор разведывательных, а проще говоря шпионских данных, для планирования особо важных операций. Общеизвестно, что на войне, прежде всего, нужна оперативная информация. Разумеется, к ним относятся такие быстро действующие средства, как телефон, телеграф

и радио. Однако для использования их нужны дополнительные средства, что в условиях военных действий было весьма проблематично. Правда, уже был положительный опыт использования симпатических чернил для тайнописи, изготовленных научными сотрудниками отделения абвера при «ИГ-Фарбен». Такого рода донесения поступали из Англии в Португалию неповрежденными, но наиболее ценным все же был устный опрос агентов. Несмотря на так называемые «побочные эффекты» в большинстве случаев все же удавалось устанавливать не только действительные факты, но и сразу же давать им дальнейшие задания и инструкции.

Но вернемся к разведывательной службе против различных стран и здесь, несомненно, по свидетельству того же Ганса Пикенброка, основное внимание абвера I уже в 1936 году было обращено на Францию. Одной из важнейших задач периода 1936–1937 гг. была разведка «линии Мажино». Уязвимым местом для Франции здесь было то обстоятельство, что возведение целых участков оборонительных сооружений было предоставлено частным строительным фирмам, вследствие чего не могло быть и речи о сохранении тайны. Так, в частности, в 1943 году в органы разведслужбы в Берлине обратился некий французский предприниматель – владелец строительной фирмы, сбежавший в Швейцарию ввиду угрозы ареста из-за низкого качества ее работ. Не отличаясь патриотизмом, он успешно продал секретные сведения, имевшие большой интерес. Но если случай, что называется «не подворачивался» аб-

веру I, то в дело вступали германские монополии, помогавшие вермахту получать необходимые данные не только о конкурирующих французских предприятиях, но и о своих деловых зарубежных партнерах. Одним из примеров является история капитана Августа Хонера, служившего под началом Пикенброка в штутгартском отделении абвера и выдававшего себя то за «господина директора», то за дипломированного инженера и «официального эксперта». А между тем его агентом был не кто иной, как генеральный директор всемирно известного йенского оптического концерна «Карл Цейс», действительно дипломированный инженер А. Коттхаус. 3 марта 1938 года он получил задание от Хонера собрать шпионские сведения о ряде французских фирм и предприятий по производству оптики¹⁶¹. Разумеется, этот военный производственный шпионаж являлся только составной частью вероломной подготовки всех блицкригов немецкого генерального штаба.

Фашистская секретная служба — управление ОКВ «Заграница/абвер» — еще с середины 30-х годов концентрировала свои усилия и в других странах Западной Европы, в особенности в Англии. Но дело в том, что разведывательная деятельность против нее была затруднена ее особым, островным положением. Вследствие этого Германия не имела здесь такого количества агентов, как во Франции. Другая сложность вербовки заключалась в ярко выраженном снобизме, присущим любому слою ее населения. Однако к сохранению тайны англичане относились легкомысленно, будучи уверенными, что никто из них не

пойдет на измену. В связи с этим в клубах, в кругу деловых людей и технического персонала, спокойно говорили о вещах, содержащих секретные сведения, т.е. это был своего рода «салонный шпионаж» для агентов, который в других странах был бы невозможен. В то же время, несмотря на то, что английская Интеллидженс имела в мире довольно хорошую репутацию, адмирал Канарис считал ее работу успешной только в экономической и политической сферах, а в военной она значительно уступала разведслужбам Франции, России, Японии, Италии и Польши.

В плане разведки Англией, прежде всего, интересовались люфтваффе Германии, стремившиеся иметь все необходимые данные об английских военно-воздушных силах, новых конструкциях самолетов, военной и самолетостроительной промышленности; в период воздушных налетов на остров закономерный интерес вызвала степень нанесенного ущерба. Военно-морскому флоту рейха были нужны сведения о местонахождении и выходе в море крупных боевых кораблей, время выхода и входа, а также маршруты конвоев. Для командования сухопутных войск важно было знать новые формирования, береговые укрепления непосредственно перед операцией «Морской лев»,¹⁶² а позже для высадки на европейском континенте.

С началом войны по-прежнему продолжали действовать остатки агентурной сети мирного времени, связи с английскими инженерами, техниками и предпринимателями авиационной промышленности. При этом разведывательная информация маскировалась под деловую пере-

писку с применением тайнописи и в виде почтовой корреспонденции, которая пересылалась сначала через Копенгаген, а затем через Португалию. Военное время диктовало свои условия и поэтому агентам приходилось вербовать из тех, кто имел возможность въезда в Англию. Поэтому, если они прибывали из Северной или Южной Америки, то считались благонадежными, а весь европейский континент англичане считали «небезупречным»... Однако были и проколы. Так произошло с сообщениями о высадке в Касабланке. Дезинформация из единого центра в Англии шла через посольства, консульства, деловых людей как результат «продолжение игры» с арестованными агентами, но когда настоящая информация, с указанием места и времени, наконец пришла от КО из Португалии в потоке фальшивых донесений, она уже не была правильно оценена в ОКВ...

Следует отметить тот факт, что Германия никогда не отказывалась от своей агентурной деятельности против Англии, продолжая ее и в послевоенный период и партнерство по НАТО отнюдь тому не помеха¹⁶³. Разумеется, что при этом подчиненная федеральному канцлеру секретная служба ФРГ против Англии и Франции использует так называемые «старые связи», т.е. предусмотрительно созданную во время Второй мировой войны агентурную сеть и контакты своих доверенных лиц. Для них организовывалась соответствующая маскировка, т.е. обеспечение такого занятия, которое оправдывало бы их пребывание в данном месте, и создавало необходимый жизненный уро-

вень и материальное положение. Зачастую агенты имели небольшие представительства фирм в определенных кругах, дающие им основание для поездок и посещений мелких населенных пунктов. Такой метод легализации агентов применялся поблизости от «линии Мажино» и вблизи пограничных гарнизонов и укреплений.

Для успешной деятельности офицеры и сотрудники абвера имели прикрытие и в нейтральных государствах, так как иначе бы привлекли внимание контрразведки и не получили разрешения на пребывание в данной стране. Офицеры абвера маскировались практически повсеместно под сотрудников дипломатического представительства¹⁶⁴, что не делалось в отношении агентов в штатском, которым открывались торговые и хозяйственные предприятия. При их создании приходилось вести переговоры с высшими экономическими органами для получения контингента импортных товаров, т.е. иметь соответствующее обоснование.

Круг деятельности разведслужб был весьма разнообразен. Так, во Франции занимались конструкторами новейших видов оружия, в частности, проблемой изучения лучей, расщепления атома. Абвер, во-первых, пытался установить насколько французы продвинулись в этом направлении, а во-вторых, в какой степени они сотрудничают с американцами или англичанами и какие сведения имелись о состоянии этих работ в других странах. Собранные материалы должны были затем использоваться агентами в Англии.

Наступил 1941 год, показавший беспредельное вероломство и агрессивность политики нацистской Германии, рассчитывавшей на блицкриг в отношении СССР. Однако уже в начале декабря гитлеровские ударные силы потерпели под Москвой сокрушительное поражение, будучи отброшенными от нее до 250 км. В этой ситуации Германия 11 декабря подписывает договор с Италией и Японией о ведении войны и против США. Между прочим, среди тех, кто, под влиянием прежних побед, переоценил потенциал военной «оси» Берлин – Рим – Токио, пребывало и руководство управления ОКВ «Заграница/абвер», осуществлявшего с различной степенью интенсивности подготовку войны как против Советского Союза, так и США. Ганс Пикенброк отмечает, что армия и военно-морской флот Америки немцев не интересовали, так как их численность, дислокация, тактические и оперативные установки не представляли тайны. Основное внимание абвера было сосредоточено на разведке конструкций и проектов самолетов, а также мощности и возможности перестройки экономики на военный лад. В этом отношении выбирались различные способы проникновения в среду технического персонала заводов и конструкторских бюро. С этой целью в Германии находили технических специалистов и давали им указание внедриться на американские авиационные заводы, а если это не удавалось, то агенты находили способы завести дружбу с конструкторами, чертежниками, копировщиками и т.д. Однако с вступлением США в войну в них активизировалась агрессия по отношению к

немцам, заподозренным в шпионаже. При этом, как оказалось, агенты уже давно были под наблюдением полиции из-за беспечности их поведения. Поэтому после провала многих из них нацистам пришлось заново создавать агентурную сеть.

Следует отметить, что почти за год до нападения фашистской Германии на СССР ее подрывные органы концентрировали свои усилия на так называемой «скрытой войне» против него. Уже с середины 30-х Пикенброк, заключив тайное соглашение с руководством военных секретных служб Австрии и Венгрии, систематически пытался внедрить своих агентов в Советском Союзе. С августа – сентября 1940 года отдел «Иностранные армии Востока» генерального штаба сухопутных войск значительно увеличил задания абверу в этом направлении, в частности, анализа всех материалов о Красной Армии, уточнения данных о дислокации советских войск. Для обеспечения успешного руководства всеми фронтовыми организациями абвера с 1 мая 1941 года создается специальный разведывательный штаб под кодовым названием «Валли I» вблизи Варшавы, в Сулеювке. Его начальником стал майор Браун (позднее подполковник) как лучший знаток России. Далее, по примеру абвера I, абверами II и III были также организованы свои собственные штабы «Валли II» и «Валли III». Этот орган в целом именовался «Валли» и в качестве передового штаба руководил всей абверовской службой шпионажа и диверсий против Страны Советов. Этот штаб возглавил подполковник Г. Шмальшлегер из

абвера. В период с февраля по май 1941 года состоялся ряд совещаний под председательством заместителя Йодля генерала Варлимонта. Совещания по подготовке войны против России проходили в кавалерийском училище в Крампнице и на них было принято решение об усилении дивизии «особого назначения» «Бранденбург – 800» и о ее распределении между частями армии»¹⁶⁵.

Для того, чтобы более четко уяснить роль ОКВ «Заграница/абвер» в исторических событиях Второй мировой войны необходимо обратиться к Нюрнбергскому процессу над главными немецкими военными преступниками, т.е. к Международному военному трибуналу. В этом плане весьма интересна колоритная фигура генерал-майора Эрвина Эдлера фон Лахузена-Вивремонта¹⁶⁶. В ходе его допроса постепенно проявлялась вся зловещая суть этого гитлеровского преступника – фаворита нацистской иерархии. В австрийской федеральной армии он был высшим офицером секретной службы, но нарушил присягу своему отечеству и стал верно служить вермахту. В связи с этим не было ничего удивительного в том, что ОКВ в 1938–1943 гг. поставило под его начало отдел абвер II, занимавшийся диверсиями, саботажем и так называемой «народной борьбой». В этой должности Лахузен дослужился в 1941 году до полковника генерального штаба и получил сравнительно редкий орден «Золотой германский крест». После годичного пребывания на фронте с 41-м егерским полком, воевавшим с Красной Армией, он, в декабре 1944 года, вдруг стал начальником «разведыватель-

ного бюро» XVII военного округа (Вена). Это назначение не было случайным. Дело в том, что главная штабквартира фюрера намеревалась превратить Австрию в «неприступную альпийскую крепость», перебросив туда важнейшие секретные службы и материалы вермахта, а также эсэсовский СД. Поэтому как верховный главнокомандующий вермахта Гитлер в январе 1945 года и произвел своего надежного Лахузена в генерал-майоры. Нацистским вермахтом, в целях систематической подготовки к войне, интенсивно использовался воздушный шпионаж, который по своему характеру в то время был невиданным во всем мире. Ни одна страна перед Второй мировой войной не использовала его в нарушении международного права столь объемно. Лахузен принадлежал к числу тех штабных офицеров, которые не только знали об этом, но и использовали его результаты для планирования саботажа и диверсионных актов.

Внимание трибунала было привлечено и к тем обстоятельствам, при которых управление ОКВ «Заграница/абвер» осенью 1939 года помогло гитлеровской службе безопасности инсценировать нападение переодетых в польскую военную форму эсэсовцев и специально отобранных в концлагерях заключенных на радиостанцию в пограничном городе Глейвице (Гливице) – ныне на территории Польши. Эту провокацию нацисты использовали как предлог для агрессии против Польши и, разумеется, для развязывания Второй мировой войны. Эти мероприятия, по утверждению Лахузена, получили кодовое назва-

ние «Гиммлер». Между прочим, еще 23 августа 1939 года, т.е. за 9 дней до нападения Германии на Польшу, Лахузен как начальник абвера II подписал и издал совершенно секретный документ в 120 экземплярах, четко отражающий роль его самого как организатора нацистской «пятой колонны» в Польше. Он содержал свидетельства об использовании в подрывных и диверсионных целях польских национальных меньшинств и, прежде всего, немцев — «фольксдойче», а также украинских буржуазных националистов. Сама же, так называемая «Памятка», была найдена на другой день после грязной инсценировки в Глейвице у двух военнослужащих германских люфтваффе, сбитых в районе Познани¹⁶⁷.

Международным военным трибуналом был также рассмотрен факт вербовки Лахузенем белогвардейских, контрреволюционных украинских элементов, т.е. буржуазных националистов. Он сослался на соответствующую директиву от Риббентропа, целью которой была организация на Галицийской Украине повстанческого движения для истребления евреев и поляков. Кстати, абверу II подчинялся учебный полк особого назначения «Бранденбург - 800» с включенным в него батальоном «Нахтигаль» («Соловей»), состоявший из вышеуказанных украинцев. Их политическим руководителем и надзорным офицером был опять же вышеупомянутый Теодор Оберлендер. Его диверсионный батальон, вступив в качестве ударного отряда гитлеровской армии во Львов, с 30 июня до 7 июля 1941 года осуществлял чудовищную акцию: жестокие погромы,

жертвами которых стали приблизительно 5 тысяч мужчин, женщин, стариков и детей. Военные преступления и преступления против человечности Оберлендера были расследованы в 1960 году Верховным судом ГДР и тогдашний министр ФРГ по делам «изгнанных и лишенных прав» был заочно приговорен к пожизненному заключению в каторжной тюрьме¹⁶⁸. Разумеется, зная свои преступления, он не явился на процесс.

В 1945 году секретные службы США и Великобритании активно разыскивали бывших руководителей управления ОКВ «Заграница/абвер», но отнюдь не для того, чтобы свершить над ними справедливый суд. Руководству секретных служб этих стран нужен был их бесценный «шпионско-диверсионный опыт и методика» использования подрывной работы. В частности, Лахузен в мае 1945 года сдался американцам и его оперативно доставили в особый центр западных союзников, принадлежавший секретным службам, который находился в Бад-Ненидорфе (вблизи Гановера). Однако против него не возбудили дела в качестве крупного военного преступника и вскоре освободили «в благодарность за значительную помощь западным союзникам во время первого Нюрнбергского процесса». Это обстоятельство стало символом практической реабилитации офицеров нацистской секретной службы. Получив австрийскую генеральскую пенсию, Лахузен, до своей смерти в Инсбруке в 1955 году, успешно продавал свои мемуары уполномоченному одному из нью-йоркских издательств. При этом, будучи весьма ловким в деловом

отношении, он, за соответствующий долларовый гонорар, раскрывал также и имена, под которыми проживали его бывшие шпионы, хотя в большинстве случаев они должны были сохраняться втайне. В 1958 году многокилограммовые мемуары генерал-майора секретной службы Лахузена были опубликованы в США лишь отрывками, притом столь «дипломатично», что нацистским агентам уже ничто не угрожало за их бесчеловечные деяния и они могли спокойно находиться на службе любого государства НАТО¹⁶⁹.

Однако история рассудила иначе, так как в советский плен попал полковник Эрвин Штольце — многолетний заместитель Лахузена как начальника отдела абвер I в управлении ОКВ «Заграница/абвер». Находясь под следствием как военный преступник, он и дал соответствующие показания. К моменту ареста срок пребывания в германской военной секретной службе диверсанта №2 насчитывал 22 года, т.е. он принадлежал к основным кадрам и к самому узкому кругу офицеров абвера. До 1936 года этот фигурант специализировался против государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Его «полем деятельности» была Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Греция, Болгария и далее вплоть до западных областей СССР. В число его специальных агентов в то время входили бывший царский генерал Достовалов, живший в Берлине как эмигрант; опять же бывший полковник Дурново, занимавшийся подрывной деятельностью из Белграда; майор румынского генштаба Урлуциано в Бухаресте и капитан в отставке Кляйн в Каунасе. В 1937, в ходе подготов-

ления нацистской Германии к войне, Штольце перешел от шпионажа к организации диверсий. До августа 1944 года он оставался в ОКВ, причем с февраля уже был заместителем начальника диверсионного сектора в гиммлеровском главном управлении имперской безопасности. В сентябре того же года он получает в этом управлении особо секретную функцию — начальника «берлинского района сбора донесений».

Фанатично веря в «конечную победу» Гитлера, Штольце лихорадочно организовывал шпионаж и диверсии в тылу наступавшей на Берлин Красной Армии, а его шпионы и радиоагенты все еще действовали в Словакии, Югославии и Польше. По его указанию агент, под видом радиоинженера, отправился в Швецию для организации шпионажа в советских прибалтийских республиках, а другие агенты должны были временно скрываться в Испании и ждать директив. Но его важнейшая задача заключалась в создании в послевоенное время подрывной сети в Восточной Германии и в районе самого Берлина. Вместе с оберлейтенантом Собсциком и майором фон Штрански (бывшим начальником отделения абвера в Бухаресте) Штольце, при полной поддержке СД, СС, нацистской партии и «гитлерюгенда», сколотил подпольную группу в 800 человек. Он предстал перед международным трибуналом и был осужден как военный преступник¹⁷⁰.

Показания Штольце свидетельствуют и о том внимании, которое Гитлер уделял деятельности своих спецслужб. Так, 12 февраля 1944 года он приказал провести

централизацию различных ветвей секретной службы вермахта и СД, сосредоточив их в главном управлении имперской безопасности. Включение военной и политической разведывательной службы в РСХА в форме двух его равнозначных управлений под руководством одного начальника обеспечивало возможность более тесного сотрудничества. Кроме того, некоторые равнозначные отделы обоих управлений возглавлялись одним лицом, например, VI управления С (группа СД для диверсионных операций и военное управление, группа диверсий, бывший абвер) — оберштурмбанфюрером СС Отто Скорцени. Служба экономической разведки полностью вливалась в VI и наоборот, что позволяло взаимно обмениваться методами работы и знанием кадров разведаппарата. К тому же, при этом почти полностью исключались нарушение взаимных интересов, параллелизм и даже противоречия в работе. Включение абвера III в гестапо должно было привести к обработке каждого дела одним и тем же референтом вплоть до полной реализации. Нельзя не отметить и того факта, что эта организация отнюдь не собиралась самораспускаться под давлением обстоятельств. Так, в начале апреля 1945 года Вальтером Шелленбергом был отдан приказ о ее практической консервации, а на случай вступления Красной Армии следовало подготовить для всех своих сотрудников фиктивные личные документы. Персонал секретной службы должен скрывать и ждать особых указаний, а все оперативные документы подлежали уничтожению в случае опасности¹⁷¹.

Осуществляя диверсии и действуя в целях разоружения вооруженных сил противника, абвер II проводил вербовку агентов и из числа национальных меньшинств. Прежде всего они были иностранного подданства, т.е. так называемые «фольксдойче». В случае их активности с последующим успехом, с ними заключались соглашения по взаимному обязательству. Наиболее ценных агентов, например, полковника Коновальца, принимал лично начальник управления. Весьма дифференцированно абвер II относился к белоэмигрантам и украинским националистам, разделяя их на следующие группы:

1. Бывшие петлюровские офицеры (исключались, поскольку находились на польской службе).
2. Группа гетмана Скоропадского (сам он, бывший генерал и магнат, был непригоден поскольку не имел в Польше сторонников).
3. Группа полковника Коновальца (согласно данным абвера II, у него были сильные сторонники в Польше).

С группой Скоропадского, несмотря на оговорки, по указанию министерства иностранных дел все же был установлен контакт. Однако суммы запрошенной им, ни заслуживал ни он сам, ни его возможные дела даже при самом благоприятном исходе. Поэтому в 1937 году возобновляется контакт с группой Коновальца, установленный абвером I ещё в 1925 году. Опрос специалистов (абвер III и гестапо) не нашел никакого компрометирующего материала и после утверждения начальником управления, при

посредничестве полковника Гребе в Бадене, близ Вены, состоялось предварительное совещание на квартире австрийского генерала в отставке с украинским националистом Курмановицем, а затем и основное – в Белладжио. Был заключен договор по взаимным обязательствам: с немецкой стороны – деньги, а с агентурой группы – работа¹⁷².

В списке личного состава охранных отрядов НСДАП от 9 ноября 1944 года на 53-м месте в эсэсовской иерархии числился обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции некий Карл Герман Франк. Несмотря на то, что он был зарегистрирован под номером 310 466, он заседал в рейхстаге, имел ранг имперского министра, руководителя СС в протекторате Богемии и Моравии и носил почетную шпагу, врученную лично рейхсфюрером СС Гиммлером. Этот супер-нацист начал свою карьеру в качестве весьма заурядного государственного изменника Чехословацкой Республики на службе управления шпионажа и диверсий «Заграница/абвер». Абвер II поставил перед ним задачу: подготовить разложение чехословацких вооруженных сил как в целом, так и отдельных лиц при помощи судетских немцев, а для этого создать особые группы. Ввиду своей загруженности, Франк, с согласия абвера II, передал эти задания Рихарду Ламмелю. – бывшему австрийскому офицеру. Урегулирование различных вопросов и субсидирование происходило тогда через бюро Конрада Генлейна – руководителя партии судетских немцев – в Берлине; с этой целью Франк и приезжал в рейх. Так абвер II, во гла-

ве со «специалистом по Чехословакии» Лахузенем, формировал перед Второй мировой войной «пятую колонну», чтобы с ее помощью подорвать это государство. В сентябре 1938 года в Чехии появилась военная «пятая колонна», т.е. «Судето-немецкий добровольческий корпус» численностью 40 тыс. человек, оснащенный немецким пехотным оружием; центр шпионских донесений возглавил начальник штаба партии судетских немцев и главарь агентов Рихард Ламмель.

Оперативные донесения из шпионского центра партии судетских немцев (Центральное бюро: г. Зельб, Фран-Генрихштрассе, 21, тел. №294 и 573) практически служили основой для диверсий. Осенью 1938 года адмирал Канарис приезжал в штаб-квартиру Генлейна (в замке Дондорф, недалеко от Байрейта) почти через день, дабы получить информацию и отдать новые приказы о диверсиях¹⁷³. Кстати, агенты Лахузена оставались неназываемыми, поскольку руководящие функционеры реваншистского «Землячества судетских немцев» Вальтер Брандт, Фриц Кёльнер, Вильгельм Зебековски продолжали вести свою подрывную деятельность против ЧССР¹⁷⁴. Через месяц после аннексии Судетской области Карл Герман Франк приказом Гиммлера с 1 ноября 1938 года был «принят (в эсэсовские) охранные отряды» и одновременно назначен бригаденфюрером СС, а это соответствовало чину генерал-майора вермахта. На процессе над главными военными преступниками в Нюрнберге он не рассказал о своей

деятельности по заданию управления ОКВ «Заграница/абвер», сохранив свою тайну вплоть до казни.

За несколько лет до нападения Германии на Польшу абвер II начал систематически увеличивать свой кадровый состав для активизации действий по деморализации других народов, организации идеологических материальных и другого рода диверсий в наиболее важных для рейха районах. Его кадровый состав иногда пополнялся (в порядке компенсации нехватки офицеров), после соответствующего отбора, офицерами запаса. Среди них следует отметить профессора Оберлендера – руководителя «Института Восточной Европы» в Бреслау¹⁷⁵; д-ра Маркерта – управляющего делами «Общества изучения Восточной Европы»¹⁷⁶; Каппе – члена заграничной организации гитлеровской партии в США¹⁷⁷. Сначала абвером II были проведены учения офицеров запаса, а в 1942 году в Бранденбурге создается школа под руководством майора Фебека, которая давала им как теоретические, так и практические навыки.

Между тем политическая деятельность все более интенсивно становилась составной частью германской экспансионистской политики. Третьему рейху и его военной машине срочно понадобилась румынская нефть и ОКВ «Заграница/абвер», не считаясь с международным правом, 10 октября 1939 года приказало создать в Румынии фашистскую организацию для охраны нефтяных месторождений. Однако в Бухаресте управление ОКВ еще не имело ни своего отделения, ни «Военной организации»¹⁷⁸. В опе-

рацию активно включился нацистский посланник в Румынии барон Манфред фон Киллингер. Уже в октябре 1940 года в Бухарест прибыли первые части вермахта под командованием генерала кавалерии Эрика Ханзена, но постепенно численность немецких войск была увеличена примерно до двух дивизий, ставших постоянным фактором силы...¹⁷⁹.

Разумеется, объектами деятельности управления ОКВ «Заграница/абвер» были и такие государства, как Англия и Ирландия, Франция, Северная и Южная Африка, США. В частности, его агенты действовали здесь еще до объявления войны, но своей кульминации она достигла в период активной подготовки Германии к ее нападению на Советский Союз. При этом в планах блицкрига значительное место уделялось шпионажу и диверсиям. Фюрер приказал доложить лично ему концепцию немецких специалистов в этой области, в том числе тактику «Троянского коня», в которой адмирал Канарис весьма преуспел. Управлением ОКВ «Заграница/абвер» и другими службами было задействовано 25–30 тысяч профессиональных и полупрофессиональных агентов¹⁸⁰. Только в одной лишь сфере Канариса уже к началу Второй мировой войны насчитывалось до четырех тысяч офицеров¹⁸¹. Основная масса агентов абвера вербовалась из определенных кругов населения Германии и государств, против которых работала ее секретная служба.

Следует отметить, что при подготовке вермахтом агрессии в решающей стадии жестокое подавление немец-

ких патриотов было поручено некому Францу Эккарду фон Бентивеньи. Выбор профессии для него не был проблемой, так как его отец был кайзеровским кадровым офицером в чине подполковника. Почти за три десятилетия (с 1916 по 9 мая 1945 гг.) он непрерывно служил в армии кайзера, рейхсвере и вермахте, накопив огромный военный опыт. Весной 1939 года, одновременно с производством в чин подполковника генерального штаба, он становится начальником абвера III в управлении ОКВ «Заграница/абвер». Его деятельность получила одобрение со стороны начальника штаба ОКВ фельдмаршала Кейтеля, а затем и Гитлера. После покушения на фюрера (20 июля 1944 г.) каждый офицер вермахта неоднократно подвергался проверке с точки зрения политической благонадежности, но Бентивеньи эта процедура не коснулась. Уже в августе 1944 года, после проведенной гестапо и СД «чистки» генералитета вермахта от «ненадежных элементов», он получил чин генерал-майора, незадолго до этого приняв командование 81-й пехотной дивизии на советско-германском фронте, входившей в состав группы армий «Курляндия». Бентивеньи в конце января 1945 года был произведен в генерал-лейтенанты и к тому времени его грудь украшали 11 орденов, 8 из которых он получил после нападения Германии на СССР; среди них были и ордена ее союзников. Однако группа была разбита Красной Армией, а сам он попал в плен. Как особо опасный преступник Бентивеньи в апреле 1952 года, с зачетом предварительного заключения с мая 1945, был приговорен Вер-

ховным Судом СССР к 25 годам заключения. В октябре 1955 года его передают ФРГ как неамнистированного военного преступника, где он становится «поздним возвращенцем из плена». Как и других нацистов, здесь его ждет благодарность от отечества в виде значительной суммы из государственной казны и генеральская пенсия.

Экскурс по местам «боевой славы» фашистов был бы неполным, если не коснуться личности другого диктатора, а именно Франсиско Франко. В его политической карьере «генералиссимуса», повелевшего назвать себя «каудильо» (глава государства), также обнаруживается готовность работать сначала на германского кайзера, затем на рейхсвер и, наконец, на управление ОКВ «Заграница/абвер». Он был завербован еще во время Первой мировой войны и задействован против Англии и Франции лично Канарисом¹⁸². В 1936 году его решили выдвинуть на политическую арену, совершив государственный переворот на юге Пиренеев. Адмирал Канарис стал тем лицом, благодаря которому именно Франко был предназначен на роль вождя контрреволюции в Испании, для чего он заручился поддержкой Геринга. Между прочим, благодаря своему личному влиянию в Риме, он добился и вооруженной помощи Италии. Подходящим обстоятельством для Франко стала смерть праворадикального вождя испанской молодежи Сотело, в связи с чем на Пиренейском полуострове начались революционные волнения. На смену ему должен был прибыть генерал Санхурьхо, но он погиб при перелете из Португалии в Испанию. В это время Франко являлся

главнокомандующим на Канарских островах, а до этого — начальником пехотной школы в Сарагосе. Для осуществления своих политических и военных планов ему необходимо было переехать в Марокко, так как марокканскими войсками он командовал ещё во время колониальной войны 1924–1926 гг. Опираясь на них, он и надеялся установить в Испании военную диктатуру. Свой перелет в Марокко Франко осуществил с помощью агентов абвера (об этом срочно было сообщено в Берлин, который и дал принципиальное согласие Германии на его поддержку в качестве главы контрреволюционной Испании и на оказание военной помощи).

Первым официальным лицом рейха, которого Канарис заинтересовал своим агентом Франко, стал Геринг. Небольшими группами он направил в Марокко около двух эскадрилий транспортных самолетов, замаскированных под гражданскую авиацию. Они и должны были перебросить марокканские соединения Франко в Севилью, где испанский генерал Кейпо де Льяно создал предмостное укрепление как плацдарм для захвата Испании. С немецкой стороны этой операцией руководил капитан нацистской разведки Хейнихен из управления Канариса в ОКВ. После переброски марокканских войск на Пиренеи Канарис принимал активное участие в дальнейшей судьбе Франко как путем частых личных поездок, так и заблаговременного назначения уполномоченных абвера в Испании. Он же оказал влияние при выборе кандидатуры политического представителя Германии у Франко. Им стал

Вильгельм Фаупель, уже имевший в 1930 году аналогичное задание в Перу¹⁸³.

Развитие практической военной помощи в дальнейшем в основном шло за счет германских военно-воздушных сил. При ОКВ в Берлине под верховным руководством Геринга был создан особый штаб для проведения в Испании немецкой военной интервенции. Во главе его сначала стоял генерал Вильберг (поэтому он и назывался штаб «В», а позднее — генерал Енеке). Этот особый штаб создал «легион Кондор» под командованием генералов Шперле, Рихтгофена и Фолькмана и посылал авиасоединения для поддержки наступления войск Франко, шедших с юга Испании. Для маскировки на пароходах организации «Сила через радость» штаб «В» отправлял оружие для Франко и посылал германских инструкторов для обучения его войск современным методам войны. Кроме этого в Испанию были направлены немецкие части всех родов оружия для непосредственного участия в наземных боях. Командиром этих сухопутных войск был назначен будущий германский военный атташе при Франко подполковник барон фон Функ¹⁸⁴.

С целью создания в Испании внутривластного режима в интересах нацистской Германии «Заграничная организация НСДАП» и сама национал-социалистическая партия командировала к Франко большое число пропагандистов и инструкторов-консультантов. В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг создал во франкистской Испании германские промышленные орга-

низации, готовившие вывоз испанского сырья для компенсации за военную помощь, оказанную Германией. Так было создано общество «Хисма» и представительство Бернгарда. Совершенно очевидно, что Франко с самого начала являлся агентом германской военной разведки – абвера. По ее заданию он вступил на мировую арену летом 1936 года с целью утверждения фашистской диктатуры в Испании. К тому же, в качестве агента абвера, в тесном сотрудничестве с его руководителем Канарисом, он также действовал и в течение всей захватнической войны в Германии в 1939–1945 гг. Нельзя не отметить и того факта, что во главе Испании Франко стал благодаря не только рейху, но и другому государству – фашистской Италии. Поэтому он демонстрировал по отношению к ним так называемый «нейтралитет» истинная сущность которого отнюдь не соответствовала этому понятию. С помощью своего доверенного лица, т.е. Франко, гитлеровский вермахт не только испытывал в Испании виды нового оружия и тактические методы, но и обеспечивал его молодчикам приобретение военного опыта. Именно абвер ОКВ впервые осуществлял здесь диверсионные акты (командовал ими капитан секретной службы Гроскурт)¹⁸⁵. Здесь же впервые была применена и нацистская стратегия «пятой колонны». Кстати, она и возникла 6 сентября 1936 года, когда франкистские наемники наступали на Мадрид четырьмя колоннами и генерал Мола грозил, что она обеспечит его падение изнутри.

Но вернемся к плану «Барбаросса». Согласно стратегии блицкрига, сохранение его тайны представляло важную предпосылку военных успехов, достигнутых благодаря внезапности действий и всесторонней разведки шпионскими методами. К тому же, концентрация войск происходила вдоль всей советской границы, на территориях партнеров или же в оккупированных областях с национально-освободительной борьбой. О подготовке Германией нападения на Советский Союз свидетельствует вышеупомянутый генерал-лейтенант гитлеровской армии Франц фон Бентивеньи – бывший начальник абвера – III германской военной разведки и контрразведки. В неофициальной беседе с Канарисом он узнал, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 году в своем выступлении на берлинском совещании гауляйтеров. Эти замыслы фюрера начинали приобретать вполне реальные формы, так как немецкие дивизии в большом количестве перебрасывались с запада к восточным границам и согласно его специального приказа размещались на походных позициях предстоящего вторжения в СССР. Примерно в октябре 1940 года Канарис, также в неофициальной беседе, сообщил, что фельдмаршал Браухич и генерал Гальдер по приказу фюрера разработали общий план этой подготовки. В его развитие, кроме переброски войск на Восток, вблизи германо-советской границы создавались материальные базы с большими запасами продовольствия, горючего, боеприпасов и другого военного

имущества. Бентивеньи получил указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения немецких войск на германо-советской границе. Согласно его же, было дано задание органам военной разведки и контрразведки «Абверштелле», «Кёнигсберг», «Краков», «Бреслау», «Вена», «Данциг» и «Познань» усилить контрразведывательную работу.

Официально о подготовке к войне стало известно на одном из совещаний у Канариса, в конце которого был объявлен и срок ее окончания — начало мая 1941 года. В связи с этим им было предложено начать подготовку и по линии абвера. В марте того же года Бентивеньи — руководитель абвера III — получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению плана «Барбаросса»:

- а) создание необходимых абвергрупп, распределение их по боевым соединениям, намеченных к действиям на Восточной фронте, парализация деятельности советских разведывательных, а также контрразведывательных органов;
- б) дезинформация через свою агентуру иноразведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовке удара по Великобритании;
- в) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечению скрытности перебросок войск на Восток.

В мае 1941 года подготовка и проведение всех указанных мероприятий военной контрразведки в реализации плана «Барбаросса» в основном были закончены. Бентивеньи, в присутствии Канариса, доложил об этом фельд-маршалу Кейтелю и получил его одобрение¹⁸⁶.

Для детально запланированного и подготовленного нападения фашистской Германии на Советский Союз весьма характерны были и те акции управления ОКВ «За-граница/абвер», которые касались оперативного и тотального захвата важнейших фондов трофейных документов и картотек. Но приоритет здесь принадлежал не только поименному выявлению потенциальных противников рейха, но и немедленному их аресту и, как правило, уничтожению. Среди верхушечных ведомств нацистской Германии, в частности, главного управления имперской безопасности и министерства иностранных дел, засылавших спецкоманды для кражи документов, отделу абвера III принадлежала особая роль. Это объяснялось тем, что следуя за штурмовыми войсками, его спецы могли первыми проникать в заранее разведанные и внесенные в списки центральные органы и архивы страны, подвергшейся нападению. Одну из таких акций генерал-лейтенант фон Бентивеньи обрисовал следующим образом: незадолго до начала польской кампании команды, временно сформированные отделениями абвера, получили 31 августа 1939 года, т.е. буквально накануне войны, приказ произвести во всех отделениях польской разведки вдоль германо-польской границы обыски с целью захвата их материалов. Отделению абвера в

Вене было приказано немедленно отправить в Варшаву отряд майора Шмальшлегера с частями отделения абвера в Бреслау для захвата разведывательного материала 2-го бюро (Польского генштаба разведки, шпионажа и действий секретной службы). Конфискация материалов в ее остальных филиалах производилась под руководством пограничных отделений абвера и отделений в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине и Бреслау.

Опыт польской компании показал, что абверкоманды целесообразно подчинять командованиям армий (АОК). Поэтому, уже в ходе компании на Западе, абверкоманды были под соответствующим началом, а при отделе ОКХ «Иностранные армии Запада» находился представитель абвера III подполковник фон Розенберг. Абверкоманды произвели обыск в известных по этой линии французских и бельгийских разведслужбах и доставили документы в Мюнстер, в «отдел по обработке материалов Запада», подчиненный мюнстерскому отделению абвера. В 1941 году абвер захватил и картотеку французского министерства внутренних дел, а также тактические материалы с командных пунктов противника и др. При нападении на Югославию абверовцы конфисковали в Белграде многочисленные документы 2-го бюро югославского генштаба (они были переданы в Вену в «Отдел использования материалов Юго-Востока»). В компетенцию I с АО вошел и розыск лиц, обвиняемых в шпионаже против Германии; часть их была арестована и передана в руки полиции безопасности... В течение 1941 года абверкоманды занима-

лись не только захватом советских архивных документов, но и обеспечением сохранности письменных материалов на их бывших командных пунктах.

Как уже упоминалось, значительную роль в разведслужбах гитлеровской Германии играли штабы «Валли I», «Валли II» и «Валли III», созданные адмиралом Канарисом за пять месяцев до нападения на СССР. Эти кодовые наименования скрывали антисоветские разведывательные органы абвера I, II, III. Свои шпионско-диверсионные и подрывные задания на германо-советском фронте они получили как от управления ОКВ «Заграница/абвер», так и от аналогичного отдела ОКХ «Иностранные армии Востока». Штабам «Валли» подчинялись команды и отряды фронтовой разведки. В частности, штаб «Валли I» формировался в польском городе Сулеювеке, а затем передислоцирован в Винницу на Украине. Однако наступление Красной Армии вынудило гитлеровцев перебазировать его осенью 1943 года сначала в Нойхоф в Зеландии, потом в Восточную Пруссию в район Штраусберга (1944) и, наконец, в Баварские Альпы (1945). Вышеупомянутый начальник штаба «Валли III» подполковник Гейнц Шмальшлегер отличался крайне жестокостью и при участии его штаба организовывались бесчисленные преступления против человечности, уничтожались тысячи советских и польских патриотов и партизан. Генерал-лейтенант фон Бентивеньи в своих записях так характеризует конкретную деятельность штаба Валли III. Перед ним стояла (с начала похода на Восток) лишь задача общей обработки трофейных

письменных материалов, но со временем в его функции стали входить:

- а) забота о распространении опыта абверкоманд, приобретенного в полосе действий армий, а также дача соответствующих указаний;
- б) обеспечение спецподготовки командиров абверкоманд, их вспомогательных органов и пополнение.

Кроме абверкоманд во время похода на Восток, а именно против СССР, по линии группы III главным образом работали отделения абвера в Софии, Румынии, КО на Ближнем Востоке и в Финляндии. При этом работа в последней контактировалась с финской разведслужбой и отрядами абвера III. Между тем, может сложиться обманчивое впечатление будто эта организация занималась только кабинетной и картографической деятельностью. Однако на самом деле каждый флажок, воткнутый в карту в штабквартире «Валли III», становился результатом не только коварства, но и изощренности, а также неслыханных попыток; иногда один росчерк пера в «Валли III» означал беспощадное уничтожение целого партизанского отряда. Здесь прилежно наносились на карту безымянные советские, польские и немецкие герои-антифашисты, принявшие мученическую смерть от абверских офицеров «по подозрению в шпионаже». Среди них многие из 80 тысяч убитых польских борцов Сопротивления и 1409 тысяч погибших в Белоруссии партизан и гражданских лиц¹⁸⁷.

Общеизвестно, что после того как нацистская Германия вторглась в Польшу и продвинулась непосредственно к границам Советского Союза, подрывная деятельность против него ужесточилась. Управление ОКВ «Заграница/абвер» активизировало сговор с националистами и изменниками Родины. Абвер реактивизировал также и агентурную сеть Польши в Западной Украине и Западной Белоруссии¹⁸⁸. Результаты не замедлили сказаться: с октября 1939 года по декабрь 1940 советские пограничные войска задержали в западных военных округах около 5 тысяч немецких агентов и обезвредили множество террористических приграничных банд. Усилился воздушный шпионаж: самолеты Геринга и Канариса с октября 1939 года до июня 1941, вопреки международному праву, свыше 500 раз нарушали воздушное пространство Советского Союза¹⁸⁹. Их задача состояла в том, чтобы разведать оборонительные сооружения, места дислокации войск, базы военно-морского флота и аэродромы в советских приграничных округах и подготовить диверсионные акты. Таким образом «еще задолго до нападения Германии советским пограничникам пришлось вступить в настоящую войну с гитлеровской агентурой»¹⁹⁰.

Разумеется, что эта подрывная деятельность не оставалась незамеченной органами советской контрразведки. Уже в 1940 году ими были зарегистрированы на территории оккупированной Польши вблизи границы с СССР 95 разведывательных и переправочных пунктов¹⁹¹. В том же году органы государственной безопасности в районе

Львова арестовали направленных управлением ОКВ «За-
граница/абвер» главарей террористической группы ОУН.
Только с января года до конца марта 1940 года было рас-
крыто 66 резидентур германской разведки, разоблачено
1596 ее агентов, из них 1338 — в западных областях Укра-
ины и Белоруссии, а также в Прибалтике¹⁹². Радиус дей-
ствия военного атташе германского посольства в Москве,
пойманного с поличным при выполнении им шпионских
операций, значительно уменьшился. Мужество и стой-
кость советских пограничных войск, защищавших терри-
торию Советского Союза от гитлеровской агентуры, дока-
зывает и тот факт, что в феврале 1941 года за проявленные
доблесть и героизм в борьбе с нею орденами и медалями
были награждены 384 пограничника¹⁹³.

Совершенно очевидно, что управление ОКВ «Загра-
ница/абвер» прочно занимало доминирующее место в
планировании и подготовке нападения на СССР. Об этом
свидетельствует хронологическое сопоставление прово-
димых шпионских операций:

- 31 июля 1940 года — решение верхушки герман-
ской военщины осуществить свой блицкриг;
- 1 августа 1940 года — решение главного командо-
вания сухопутных войск (ОКХ) о первом вариан-
те плана войны против Советского Союза;
- 6–12 декабря 1940 года — разработка ОКХ дирек-
тивы № 21 — плана «Барбаросса»;

- 18 декабря 1940 года — директива №2 — план
«Барбаросса» о нападении на СССР — утверждена
Гитлером¹⁹⁴.

Следует отметить, что при подготовке нападения на
Советский Союз нацистская разведка использовала и
вполне легальные каналы: внешнеторговые, экономиче-
ские и внешнеполитические учреждения. Цель — сбор све-
дений о его экономическом потенциале, в частности, о во-
енной промышленности (мощность, районирование, «уз-
кие места»), об индустриализации в целом и отдельных ее
крупных центрах, о нефтедобывающей и нефтеперераба-
тывающей промышленности, энергетических системах и
путях сообщения, источниках промышленного сырья и др.
Для координации акций различных ведомств по экономи-
ческому шпионажу был создан штаб специального назна-
чения «Россия». «Институт геополитики», насчитывавший
более тысячи научных сотрудников (историков, экономи-
стов, статистиков и др.) тщательно анализировал посту-
павшие материалы и вместе с управлением экономики и
вооружения штаба верховного главнокомандования вер-
махта и военной разведкой готовил различные обзоры и
справочники (например, о европейской части России и
Прибалтике, географический и этнографический материал
о Белоруссии, исследования о промышленности и желез-
нодорожном транспорте СССР)¹⁹⁵.

Несомненно, уровень и объем деятельности герман-
ских спецслужб поражает, но и советская разведка что
называется «не дремала». Уже с осени 1940 года до июня

1941 она располагала точными данными о сосредоточении на границе армии численностью в 4 млн. человек, а также о состоянии немецких планов нападения. Эти сведения были получены из различных источников, что свидетельствовало об осведомленности советской разведки о намерениях нацистской Германии¹⁹⁶.

Общезвестно, что первые шесть месяцев тяжелейшего по своим последствиям 1941 года проходили под знаком непрерывных действий абвера, готовившего нападение на СССР. «Начиная с января этого года, сюда засылались преимущественно высококвалифицированные агенты, снабженные портативными радиостанциями. Количество вражеской агентуры, задержанной или уничтоженной пограничными войсками, в первом квартале 1941 г. увеличилось в 15–20 раз по сравнению с первым кварталом 1940 г., а во втором квартале 1941 г. – в 25–30 раз по сравнению со вторым кварталом 1940. С января 1941 г. и до начала войны имело место 152 нарушения границы немецко-фашистскими самолетами»¹⁹⁷. Диверсионные действия особенно активизировались в последнюю неделю перед нападением на Советский Союз: с 15 июня 1941 года германское командование приступило к переброске на его территорию большого количества банд, диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, имевших задание с началом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи; взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск; уничтожать воинские склады и другие

важные объекты; захватывать в тылу Красной Армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии. В самый последний момент перед нападением, т.е. «в ночь с 21 на 22 июня 1941 года, немецкая разведка на ряде операционных направлений перебросила через границу наземным и воздушным путем значительное количество мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданское платье и в форму военнослужащих Красной Армии»¹⁹⁸.

Основательно подготовленные и детально проинструктированные офицеры абвера уже были готовы к предстоящей агрессии. В первые недели июня 1941 года управление «Заграница/абвер» направило сформированные команды фронтовой разведки и три группы армией – «Север», «Центр» и «Юг». Отряды в дисциплинарном и оперативном отношении подчинялись штабам армии, которые 21 июня выдвинули команды фронтовой разведки вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведбатальонов. 22 июня, между 1 и 2 часами ночи, управление ОКВ «Заграница/абвер» получило донесение о том, что они заняли исходные позиции. В 3 часа утра пожар войны против СССР был зажжен...¹⁹⁹.

Однако временным военным успехам гитлеровского вермахта, а тем самым и управления ОКВ «Заграница/абвер», было суждено закончиться уже в 1941 году. Не прошло и восьми недель после вероломного нападения на Советский Союз, как начальник генерального штаба сухо-

путных войск генерал-полковник Гальдер записывал в своем военном дневнике: «В начале войны мы рассчитывали на сопротивление примерно 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем их уже 360»²⁰⁰. Уже к началу четвертого квартала 1941 года Гитлер как верховный главнокомандующий вермахта вынужден был признать, что он, возможно, вовсе не начал бы вторжения, если бы ему было заранее известно все то, с чем немцам пришлось столкнуться в России»²⁰¹.

Между тем органы госбезопасности СССР, которым с 29 июня 1941 года была поручена борьба против фашистских агентов в районах фронтового тыла, наносили абверовцам поражение за поражением. Так, в Белоруссии было выявлено 6 тысяч агентов, а из 150 шпионских и диверсионных групп (по 3–10 человек в каждой) «абверкоманда 104» с октября 1942 года за последующие 12 месяцев вернулись только две, но и те без успеха. «Всего за этот год было обезврежено несколько тысяч вражеских агентов и диверсантов»²⁰². Постепенно были уничтожены 226 немецких диверсионных и шпионских агентурных групп, а также 2110 агентов, заброшенных на парашютах в советский тыл²⁰³. К тому же, советская контрразведка все более проникала в антисоветские шпионские органы, разоблачая абверовцев. В конечном счете «основные силы немецко-фашистской разведки, как и основные силы германской армии, были разгромлены». Советско-германский фронт стал главным во Второй мировой войне не только с

точки зрения вооруженной борьбы, но и с точки зрения борьбы с огромной машиной гитлеровской разведки²⁰⁴.

Отчетливо осознавая трагический для Германии финал войны с Советским Союзом, адмирал Канарис попытался вбить политический клин между ними и союзниками по антигитлеровской коалиции, вступив вместе с генерал-майором Остером в тайный сговор с англо-американской реакцией. Их конкурентами были и некоторые круги СД в главном управлении имперской безопасности. В конечном счете они потерпели поражение, так как Служба безопасности нанесла удар, стоивший им жизни. В феврале 1944 года управление «Заграница/абвер» в целях окончательной централизации и усиления эффективности системы секретных служб было слито с эсэсовским главным управлением имперской безопасности, т.е. абверовские офицеры были распределены между гестапо и СД²⁰⁵.

Таким образом, шпионско-диверсионное управление ОКВ «Заграница/абвер», безусловно, активно участвовало в планировании и проведении агрессивных войн и военных действий в нарушении международно-правовых договоров и соглашений. Именно с участием абвера осуществились агрессии против Австрии, Чехословакии, Польши, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Дании, Норвегии, Югославии, Греции, СССР, США и Италии. Но, благодаря позиции представителей западных держав, занятых в Международном военном трибунале 1945–1946 гг., принципиально осудить в

приговоре деятельность ОКВ и генерального штаба как преступную не удалось. Это, несомненно, послужило возрождению германского милитаризма, включая и его подрывные органы. Многие из их когорты после войны заняли командные посты в бундесвере, интегрированного в НАТО. Все повторяется и не только с тем же размахом и объемом, но и с чисто немецким педантизмом...

Глава 6. Роль японского шпионажа в исторических событиях довоенных и военных лет

Эта структура зародилась в феодальную эпоху Токугава (XVII в.), когда в Японии был создан исключительно разветвленный и мощный полицейский аппарат. Родоначальницей японского шпионажа стала система «мэцукэ» (буквально – «смотрящие»), в которую входили специальные чиновники, осуществлявшие тайную и явную слежку за всеми должностными лицами и населением. Однако именно подрывная деятельность Японии против других государств активизировалась тогда, когда она начала вести агрессивные войны. При этом в сферу ее интересов входил сбор сведений о военном потенциале вероятного противника, диверсионная работа, подрыв морального состояния населения, создания так называемой «пятой колонны» из числа предателей и изменников. Так, в Китае в годы Второй мировой войны японской разведке удалось завербовать целый ряд членов гоминдановской партии и

отдельных милитаристов, а марионеточное правительство Ван Цзи-вэя является тому примером.

Перед агрессией Япония предусмотрительно создавала на территории намеченной жертвы склады оружия, готовила посадочные площадки для самолетов, кадры проводников, изучала медико-санитарное состояние и т.п. Одной из её задач являлась организация инцидентов, дававших повод для вооруженного вмешательства в дела других стран или для начала войны. Такими провокационными актами особенно богата история японской агрессии в Китае. Совершенно очевидно, что захвату Маньчжурии в 1931 году, попытке оккупировать Шанхай в 1932 и началу военных действий в Китае в 1937 предшествовали соответствующие инциденты. Весьма оригинален был и состав многочисленной шпионской армии: часть ее была завербована из числа местных граждан той или иной страны, значительную составляли и сами японцы. При этом агентами выбиралась профессия, дававшая возможность успешно общаться с населением. Они выступали в самых различных ролях: дипломатов, аккредитованных при японских представительствах за границей, торговцев всех калибров – от лоточников до владельцев крупных магазинов и фирм, промышленников, рестораторов, туристов, врачей, рыбаков, парикмахеров, слуг и т.д. Большое значение имела идеологическая обработка агентуры в духе крайнего шовинизма.

Несомненно, свою роль японская разведка сыграла и в период русско-японской войны 1904–1905 годов. Благо-

даря потери бдительности и прямой продажности членов военного и гражданского аппарата царского правительства японцам удалось организовать на территории России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, разветвленную шпионскую сеть, получая от нее данные военного характера. Однако, несмотря на это, она все же не смогла точно определить состав и численность русской армии. Так, генерал Ноги вплоть до падения Порт-Артура считал, что его гарнизон не превышал 15–20 тысяч в августе–сентябре. К тому же, во время первого полугодия войны японцы вдвое преувеличивали силы русских на Дальнем Востоке, что отразилось на темпах их продвижения²⁰⁶. Английский военный писатель Лиддел Гарт оценивал потенциал сторон к концу русско-японской войны следующим образом: «Японцы были настолько истощены в результате последнего безуспешного сражения под Мукденом, что были рады заключить мир с русскими, которые вели войну без всякого воодушевления, не втянув в нее и одной десятой доли своих наличных сил»²⁰⁷.

С 1930-х годов японская разведка начала насаждать территорию США своей агентурой. По утверждению американских журналистов М. Сейерса и А. Кана, член общества «Черный дракон» (кокурюкай) Иидзука – работник японского консульства с 1937 года – организовал «Лигу японских военнослужащих», составившей к 1941 уже 7200 членов, и «Императорскую лигу дружбы» в 4800 человек. Обе они стали центрами шпионских организаций, орудовавших на Западном побережье США и на Гавайских ост-

ровах. После начала военных действий на Тихом океане во время обысков американской разведки в домах японцев, проживающих в США, были обнаружены запасы оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, карты, схемы мощные фотоаппараты, средства сигнализации, коротковолновые радиостанции. К тому же, японские консульства, являясь центрами шпионско-диверсионной деятельности, поддерживали постоянную связь с бесчисленными японскими рыболовными судами в американских водах. Их команды, как правило, состояли из агентов японской морской разведки, а суда оборудованы мощными двигателями, специальными радиоустановками и сложными приспособлениями для примера глубин. Кроме того, импортные и экспертные кампании японцев в США также занимались сбором информации для своей страны²⁰⁸.

Однако, как отмечает сотрудник английской разведки Р. Сет, японские шпионы отнюдь не отличались филигранностью своей работы, а зачастую действовали нагло и почти открыто. При этом американские власти не принимали решительных мер по пресечению их подрывной деятельности вплоть до начала войны. Чем же объясняется столь странное их поведение? Всё элементарно просто: влиятельные круги США стремились не вызывать осложнений в отношениях с Японией, ибо их внешнеполитический курс был нацелен на столкновение Японии с СССР. Как известно, американское правительство вело с японцами переговоры до дня нападения тех на Пирл-Харбор, надеясь в ходе их направить японских милитаристов в

нужное для них русло, т.е. натравить на Советский Союз. Разоблачения японских агентов, по мнению определенных кругов, могли вызвать недоразумения в отношениях с Японией и отвлечь ее от подготовки нападения на Страну Советов. Именно позиция западных держав — основная причина временных успехов милитаристской Японии в ее агрессивных войнах до 1945 года, когда она была вынуждена возвратить захваченные ею чужие территории²⁰⁹.

Итак, вернемся к событиям, сыгравшим существенную роль в судьбах народов Центральной-Азиатского региона. Особенно в негативном плане было поражение китайцев в первой войне между Китаем и Великобританией. В 1839–1842 гг. Англия вела в Китае первую «опиумную войну», а поводом к ней послужило уничтожение китайским правительством в Кантоне английских и других иностранных запасов опиума и запрещение торговли им. Слабый в военном отношении феодальный Китай не смог противостоять мощной Англии и 29 августа 1842 года она продиктовала ему свой первый неравноправный так называемый «Нанкинский договор». Согласно его, Китай открывал для англичан пять своих портов, уплачивая огромную контрибуцию и отдавая остров Гонконг, ставший впоследствии «камнем преткновения» в истории этого государства.

Что касается американцев, то планы их проникновения в Японию вынашивались с 1815 года, но осуществляться начали лишь с 1846, когда коммодор Биддл прибыл в залив Эдо для переговоров с японцами. Однако они ис-

толковали сей весьма вежливый визит как слабость и его миссия успешно провалилась. Но 8 июля 1853 года в тот же залив вошла мощная эскадра во главе с коммодором Перри. Выйдя на берег в сопровождении внушительной охраны, он передал японским властям письмо от президента Фильмора, которое, по существу, было ультиматумом с целью заключения выгодного для американцев торгового договора. Пробыв со своей эскадрой целую неделю для демонстрации мощи своей страны, Перри на прощание заявил японцам, что вернется за ответом весной следующего года. Следует отметить, что его действия были прямым актом агрессии со стороны США в отношении Японии, противостоять которой она не смогла и 31 марта 1854 года в Канагава и был подписан этот договор. Процесс, что называется «пошел» и уже в 1858 году были заключены более широкие договора по которым США, Франции и Англии предоставлялись права иметь базы снабжения для своих флотов в Йокогама, Хакодате и Нагасаки.

Подписание кабальных договоров закономерно вызвало в Японии вспышку недовольства, вплоть до открытых выступлений. Иностранцы подверглись избиениям, а некоторые британские и американские официальные лица убиты; в 1863 году было сожжено и здание миссии США в Эдо. В июне издается императорский указ об изгнании из страны всех иностранцев, а феодальным князем княжества Тёсю открывается, в соответствии с указом, огонь по иностранным кораблям в Симоносэском проливе, входящим

в его владения. Реакция последовала незамедлительно: в ответ была обстреляна столица другого феодального княжества – Сацумо. Уже в сентябре 1864 года союзный флот разрушил форты княжества Тёсю. Это настолько потрясло феодальных владык княжеств Сацумо и Тёсю, что они решились на установление связей с Западом.

В начале января 1868 года бывший сёгун сложил свои полномочия и власть в стране снова перешла к императору, что привело к многочисленным административным преобразованиям. Согласно им высшие посты были поделены среди придворной знати и феодальных князей, но фактически власть перешла в руки активной и честолюбивой группы самураев. Таким образом, военная клика уже на заре современной истории Японии представляла собой весьма значительную силу, а следовательно, и способствовала развитию такого важного государственного компонента как разведка.

Совершенно очевидно, что падение сёгуната стало своего рода революционным переворотом, вследствие которого феодальный строй в Японии был заменен капиталистическим. В японской историографии он обычно называется «революцией или реформацией Мэйдзи». Социальные реформы, покончив с военной кастой, привели к необходимости создания вооруженных сил. Руководители этого движения осознавали важность для Японии обладания современной экономикой, основанной на соответствующих достижениях промышленности. Уже в 1871 году были основаны почтовая и телеграфная служба, а к

1893 проложены около четырех тысяч километров железнодорожных путей. Образованный в 1882 году японский банк через 25 лет стал обширной современной банковской системой. Благодаря дешевому машинному оборудованию и низкооплачиваемому женскому труду в текстильной промышленности, Япония стала поставщиком одной четвертой части мирового экспорта хлопчатобумажной пряжи. Значительные успехи были достигнуты в тяжелой промышленности и машиностроении.

Наряду с этими достижениями армия и флот, благодаря помощи немецких офицеров, по своей мощи не уступали западным державам и к началу Первой мировой войны Япония уже могла строить военные корабли всех классов. Создание таких вооруженных сил завершило превращение средневековой страны в современное высокоразвитое государство в течение жизни всего одного поколения. Однако став таковой, Япония решила принять на себя и новые обязательства по отношению к более слабым соседям, что закономерно не могло не вызвать озабоченности с их стороны. В то же время более значительная угроза для нее исходила от русского соперника с аналогичными целями. Расширение влияния как Китая, так и России, могло создавать для Японии прямую угрозу ее экономическому и военному положению, так как азиатский рынок был ближайшим для сбыта ее товаров.

Следует отметить, что к началу XX века влияние царской России в Китае значительно усилилось и японские правящие круги, стремившиеся к захвату Кореи, Манчжу-

рин, а затем и Китая, стали готовиться к войне с этим государством. Англия и США, жаждущие ослабления России на Дальнем Востоке, 30 января 1902 года подписывают с Японией союзное соглашение, а в январе 1904 и США заверяют ее о своей поддержке в случае войны с ней. К тому же и немецкие советники указывают на важность этой стратегии, а в связи с этим и на необходимость организации соответствующей разведывательной сети. Разумеется, шпионаж для Японии не был чем-то совершенно новым, так как использование тайных агентов весьма поощрялось для выявления возможных противников. Однако этот шпионаж по своим методам и масштабам весьма отличался от рекомендаций немецких военных инструкторов. Разумеется, если Бисмарку удалось создать империю, максимально используя шпионаж, а Наполеон I обеспечивал свои победы также с его помощью, то и Япония не могла не воспользоваться этим инструментом. Самое лучшее из того, чем обладал мир в данной области, была система Вильгельма Штибера. Однако японцы и здесь внесли свои новшества, опираясь на так называемые патриотические общества. Их тайная деятельность была строго законспирирована, а каждый его агент подбирался индивидуально.

Одной из организационных форм японской подрывной деятельности, отличной от европейского шпионажа, стала организация «Гэньёся» — «Черный океан» (так японцы называли пролив, отделяющий остров Кюсю от материка). Её целью было выявление и использование слабых сторон противника, а именно русских. Все агенты, незави-

симо от характера порученной им работы, должны были добиваться расположения и дружбы местных мусульманских и буддийских священнослужителей с помощью которых, когда придет время, следовало добиться поддержки всего населения. Аналогичные контакты должны были устанавливаться с кочевыми народностями и с полезными важными личностями. На азиатском материке общество основало свое отделение в Ханькоу, создав на русской территории отделение под видом школы джиу-джитсу во Владивостоке. Кроме этого здесь обучали искусству обмана и конспирации, а также всему тому, что в японском понимании было необходимо для успешной разведывательной деятельности. При ханькоуском отделении имелся и «Дом приятных наслаждений», аналогичный «Зеленому дому» Штибера в Берлине. В нем процветали все восточные пороки, но главная его цель — получение необходимой информации посредством шантажа, объектом которого становились высокопоставленные китайские сановники. Его второе предназначение — место встреч агентов, действующих в Синьцзяне и русской Центральной Азии.

Создание гэньёся стало началом организации других патриотических обществ, имевших различное предназначение, но общую цель — выявление уязвимых мест у китайцев и русских с тем, чтобы воздействовать на слабые стороны тех и других. В 1898 году два небольших общества, возникших после гэньёся, образовали «Восточно-азиатское общество единой культуры», открытой целью которого являлась выработка и распространение единой

системы письменности, чтобы на этой основе добиваться японо-китайского сближения; его деятельность ограничивалась Китаем. В Шанхае японцы основали школу, получившую известность как колледж Тун Вэня и готовившую слушателей для работы в Восточной Азии. К 1908 году его окончило не менее 272 человек, которые затем были отправлены в Китай, Бирму, Индию, Аннам, Филиппины и Монголию. В 1937 году этот колледж продолжал функционировать на средства японской армии и занимал помещения Изяодунского университета. Это заведение китайцами считалось японским колледжем для шпионов. В 1939 году в нем обучалось четыре тысячи слушателей, а к моменту капитуляции Японии в 1945 он все еще продолжал свою бурную деятельность. Одним из видных его преподавателей был некто Курбан Али. В 1924 году он приезжал в Японию по приглашению Ки Инукаи — одного из основателей колледжа. К этому времени он уже имел значительный опыт подрывной деятельности против Советского Союза и довольно известен в Маньчжурии. Как знаток Турции он стал преподавателем турецкого языка в Токийском военном училище, а позднее переведен в колледж Тун Вэня, где кроме языков обучал способам подрывной деятельности.

Однако самым значительным из всех патриотических японских обществ все же был «Кокурюкай» — тот самый «Черный дракон», основанный в 1901 году Рёхэй Утида (китайское название пограничной реки между Маньчжурией и Советским Союзом, но русские называют ее Аму-

ром). Его целью было обеспечение успеха японских армий в войне с Россией, а все его создатели обладали немалым опытом шпионажа в континентальной Азии. После роспуска в Японии всех политических партий правительством Коноэ в октябре 1940 года создается организация фашистского типа — «Ассоциация помощи трону» во главе с премьер-министром. Она должна была содействовать милитаризации страны, борьбе с революционным движением и подготовке к новым агрессиям.

К 1944 году кокурюкай насчитывал свыше 10 000 тысяч членов, а его обширная деятельность охватывала США, Латинскую Америку, Эфиопию и Северную Африку. Вплоть до ликвидации в нем находились высокопоставленные официальные лица, включая даже одного премьер-министра — Хирита Хиротакэ, возглавлявшего японское правительство от 9 марта 1936 года. Последним президентом кокурюкай был Иосихису Курусу (он же руководитель «Ассоциации помощи трону»), который, не будучи официальным лицом, обратился 3 июня 1943 года по радио к президенту Рузвельту и премьеру Черчиллю с угрозой «ужасных последствий для войск союзников», если те не капитулируют безоговорочно перед Японией. Как и другие патриотические общества, кокурюкай имело свои учреждения: в Токио у него были две школы с соответствующим обучением шпионажу («Академия подготовки националистов» и «Школа иностранных языков»); подобно токийской была школа и в Осака.

К более мелким, но тем не менее важным обществам, можно отнести общество «Пробуждение Великой Азии», созданное в 1908 году. Его деятельность была направлена на изучение экономической, географической, образовательной, колониальной и религиозной обстановки в Китае и Центральной Азии. Оно создавало там свои отделения и вело устную и печатную пропаганду. С начала своего существования его руководство находилось в Мукдене, а отделения в Китае, Сиаме, Афганистане, Турции, Персии и Индии. Из обществ, появившихся позднее, определенное значение имели «Белый волк» и «Туран», возникший в 1933 году и объединивший отдельных членов гэнгэся и кокурюкай. И то и другое состояли в основном из мусульманских беженцев из России, в особенности из русского Туркестана. Речь идет о басмаческих и белогвардейских элементах, совершивших тяжкие преступления перед народами советских среднеазиатских республик. Там они стали участниками панисламистских организаций, занимавшихся шпионажем и подрывной деятельностью. Они, видимо, были связаны с обществом «Серый волк» в Турции и «Пантуранским обществом» в Будапеште. Конечной целью их подрывной деятельности против Советской России было образование независимого пантурского и панисламского государств в Центральной Азии. Они представляли для Японии двойной интерес: причинить вред России, а в соответствующий момент обеспечить себе власть на азиатском континенте.

Патриотические общества проникали в политическую жизнь всей нации и оказывали исключительное влияние на сторонников агрессивного курса в Японии. Достигалось это различными путями, в том числе и политическими убийствами, почти каждое из которых, а их было немало, было связано с именем Мицури Тояма — основателя гэнгэся. Однако, если бы его привлекли к суду, то явных улик против него было бы недостаточно для вынесения обвинительного приговора, настолько сильны были его связи в определенных сферах. Исключительная преданность членов своему обществу привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала весьма опасной. Агенты набирались из лавочников, туристов, продавцов литературы, порнографических открыток, медикаментов, инструкторов, изучающих ислам и английский язык, а также ученых, археологов и священников. Они занимались шпионажем исключительно из патриотических чувств. Характерно, что в такой стране как Япония, сохранившей старые военные традиции, практически невозможно провести четкую линию разграничения между гражданскими и военными лицами, как и отделить деятельность и функции патриотических обществ от действий военной разведки. В сущности, имея тесное сотрудничество, они зачастую элементарно дополняли друг друга.

Следует отметить, что общества получали поддержку не только со стороны военных. Так, Министерство иностранных дел Японии, проводя пропаганду и различные культурные мероприятия в мусульманских общинах за-

границей, осуществляли политику, рекомендованную именно патриотическими обществами, соблюдая при этом максимальную осторожность. Дипломатические миссии Японии в мусульманских странах становились местом для подготовки японских специалистов по мусульманскому Востоку. В 1944 году секретарями посольств Японии в Кабуле и Анкаре служили члены патриотических обществ. К сожалению, русские недооценили значение шпионажа в период подготовки к войне с Японией, которая, укрепляясь на азиатском материке, в частности, в Корее и частично в Маньчжурии, засылала в Россию большое количество агентуры. Японские шпионы собирали информацию практически обо всем, что происходило на Дальнем Востоке, Центральной Азии и в европейской части самой России.

К началу войны в японской армии были созданы специальные группы, которые должны были продвигаться впереди войск, собирая необходимую информацию. В связи с этим была разработана эффективная система передачи полученных сведений. На всех участках фронта были образованы соответствующие органы под командованием офицеров, руководивших разведывательной деятельностью в своих секторах. В них анализировалась поступающая информация, а затем докладывалась в генеральный штаб. Непосредственно на русских линиях были тайные бюро, подчиненные войсковым разведывательным органам и руководимые агентами. Они насаждали агентов в районах сосредоточения русских войск и в их ближайшем тылу.

Таким образом за 15–20 лет подготовки к войне Япония достигла не только высокого промышленного и военного уровня развития. Ее огромная армия так называемых «тайных слуг», превосходящая по численности шпионскую службу любой другой страны, раскрыла многие военные секреты и намерения России в районах предполагаемого нападения. Японцы окончательно утвердились в справедливости мнения старого прусского мастера шпионажа Вильгельма Штибера о том, что будучи хорошо и широко поставленным, он способен обеспечить половину победы еще до того, как будет нанесен первый открытый удар²¹⁰. Решение было принято: в ночь на 9 февраля 1904 года японский флот под командованием Того вероломно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре, а 10 февраля Япония официально объявила войну России.

Общезвестно, что русские войска самоотверженно сражались на полях сражений и японцы несли огромные потери. Только под Порт-Артуром японская армия потеряла свыше 110 тысяч человек убитыми и ранеными, из них 10 тыс. офицеров. К концу войны Япония была так истощена, что находилась на краю экономического краха и только помощь со стороны Англии и США позволила ей продолжать войну с Россией. Война была проиграна Россией из-за ее отсталости, бездарности и продажности генералов и адмиралов, возглавлявших армию и флот.

Воодушевленная успехом, Япония в 1910 году захватывает Корею без всякого противодействия со стороны внешнего мира. Корейский народ героически сопротив-

лялся, однако пособничество США и других западных держав дало возможность Японии подписать 22 августа 1910 года в Сеуле договор об аннексии Кореи. В результате Первой мировой войны она усилила свои позиции в Восточной Азии, заняв территорию китайской провинции Шаньдун, которая принадлежала Германии по арендному соглашению. В 1915 году Япония предъявила ультимативное «Двадцать одно требование» китайскому правительству – о предоставлении ей особых экономических и политических прав в Китае. Президент Юань Ши-кай принял их и тем самым Япония получила широкие права, особенно в Манчжурии и Северном Китае. Фактическим правителем Маньчжурии стал, при поддержке Японии, маршал Чжан Цзо-лин и эта провинция оставалась отделенной от Китая до 1928 года, когда он был ликвидирован японцами ввиду его недостаточного послушания. Кстати, его история весьма поучительна. Глава мукденской (фыньтяньской) прояпонской клики, во время русско-японской войны 1904–1905 гг., он был предводителем банды хунхузов, нападавших на русские войска. С помощью японцев он захватил к 1918 году власть сначала в провинции Мукден, а затем и во всей Маньчжурии. Отличался особой жестокостью, учиняя зверские казни коммунистов и других участников революционного движения в Китае. В последние годы жизни в связи с растущим национально-освободительным движением стал лавировать, что весьма не понравилось его хозяевам. Как мы уже упоминали ранее, японская разведывательная служба в этих

случаях особо не церемонилась со своими подопечными, а в случае с Чжан Цзо-лином его поезд 4 июня 1928 года просто был взорван недалеко от Мукдена. Однако его преемник объявил о своей приверженности политике китайского национализма, отказавшись тем самым от подчинения Японии. Это обстоятельство её не устроило и в 1931 году она совершила нападение на Маньчжурию, учредив там марионеточное государство под правлением Генри Пу И – последнего китайского императора.

В 1933 году Япония пытается основать второе марионеточное государство, отторгнув от Китая 5 провинций, но здесь она впервые потерпела неудачу и отступила, но временно. В захвате Маньчжурии фигурируют весьма странные личности, к которым можно отнести и Кэндзи Доихара, не без иронии называемого Лоуренсом Маньчжурии. В связи с этим следует остановиться и на личности самого Томаса Эдуарда Лоуренса – известного английского разведчика. В 1912–1918 гг. он занимался шпионской и диверсионной деятельностью в странах Ближнего и Среднего Востока, а в 1928 принимал участие в организации реакционного мятежа в Афганистане. В 1935 году погиб в Англии в результате автомобильной катастрофы, об обстоятельствах которой, как говорится, «история умалчивает».

Основная идея Доихара заключалась в создании своего рода моральной пустыни на азиатском материке. С этой целью он выдвигает лозунг «Азия для азиатов», в котором вместо «азиатов» следует читать «японцев». Эти

замыслы должны были осуществляться тайными средствами, подрывной деятельностью, заговорами, саботажем, убийством, поощрением всякого рода пороков, взыточничеством, подкупом, давлением на китайское правительство как в Китае, так и в Маньчжурии. Для этого он весьма успешно использовал связи, установленным благодаря своему положению, т.е. помощника военного атташе генерала Хондзё; сам он был произведен в майоры. Результаты не замедлили сказаться: вскоре в Китае стало проявляться разлагающее влияние их совместной деятельности. Совершенно очевидно, что внутренние раздоры, продажность, честолюбие крупных военачальников и волнения в пяти северных провинциях и Маньчжурии были серьезными препятствиями на пути объединения Китая. К сожалению, президент Сюй не понимал, что своими советами японцы, в лице Хондзё и Доихара, преследовали весьма определенную цель, а именно — ослабление его страны.

Подобно Шульмейстеру, знаменитому наполеоновскому шпиону, и Вильгельму Штиберу — основателю прусского шпионажа — уже полковник Кэндзи Доихара отличался особой проницательностью, гибким умом, завидной твердостью и отсутствием жалости, что он и продемонстрировал, сосредоточив свои усилия на шпионаже. Он создал собственные шпионские службы, самая крупная из которых состояла из пяти тысяч преступников, бежавших после революции из России, а в других орудовали белогвардейцы. Огромная армия китайских ренегатов была

готова выполнять приказы Доихара безоговорочно, но в обмен на его поддержку. Эти орды использовались им больше для диверсий, убийств, разжигания междоусобицы, чем для добывания разведывательной информации. В своей деятельности Доихара зачастую прибегал ко многим отвратительным мерам, успешно используя людские пороки. Так называемым китайские клубы одновременно являлись салонами, игорными и публичными домами, а главным образом опиумными притонами. Он засылал в Маньчжурию и Китай торговцев наркотиками, которые продавали их под видом «гарантированных» средств от туберкулеза. Естественно, что эти несчастные, будучи рабами опиума, становились его осведомителями. По просьбе Доихара, японские предприниматели стали выпускать новую марку папирос под названием «Золотая летучая мышь». В мундштуках их были небольшие дозы опиума или героина. Многие из покупателей даже не подозревали об этом, пополняя армию наркоманов; разумеется, они предназначались только для экспорта и в Японии на них был запрет. В Мукдене, Харбине и других городах Доихара организовал многочисленные дома терпимости, развращая их население.

Однако, несмотря на заговоры, убийства, спровоцированные восстания, насаждение наркотиков и разврат, поставленной цели достигнуть не удалось, поэтому японское правительство пришло к выводу о применении силы. Свершилось: в сентябре 1931 года Япония полностью захватила Маньчжурию, представив это миру лишь как

обычный инцидент. 19 сентября 1931 года был захвачен Мукден, 5 февраля 1932 – Харбин, а спустя несколько дней японцы объявили о «независимости» Маньчжурии. Разумеется, это произошло при явном попустительстве западных держав, рассчитывавших спровоцировать войну Японии с СССР. Правительство гоминьдановцев по отношению к этой агрессии заняло капитулянтскую политику: Чжан Сюэ-лян приказал своим войскам не оказывать сопротивления японской армии. К сопротивлению призвали коммунисты и началось широкое партизанское движение. Что касается японского шпионажа, то противодействовать ему можно было только казнями и жестокими контрразведывательными мерами, к которым и прибег генерал Чан Кай-ши, казнив восемь командиров дивизии – агентов Доихара. По утверждению надежных источников, в первые шесть лет японо-китайской войны (1937–1945 гг.) за связи с Доихара было казнено больше, чем за любые другие военные преступления. Так называемый Лоуренс Маньчжурии, находясь на посту начальника военной разведки японской армии в Маньчжурии, совершил множество тяжчайших преступлений. 12 ноября 1948 года Международный Трибунал приговорил его, в числе других семи главных японских военных преступников, к смертной казни через повешение²¹¹.

Общеизвестно, что Китай занимает весьма обширную территорию, но японцы своей шпионской деятельностью все же сумели охватить ее, внося соответствующие коррективы. Однако при этом они не забывали и другие стра-

ны, в том числе Бирму, Сиама, Индию, Индокитай, Афганистан и Малайю. Будучи прагматиками, они еще в восьмидесятых годах XIX века пришли к закономерному выводу о неизбежном столкновении с Америкой. Поэтому задолго до его окончания они насадили в Гонолулу своих агентов, посылавших в Токио еженедельные донесения об американских оборонительных сооружениях и т.п. Шпионская деятельность против американцев в этом районе продолжалась вплоть до нападения на Пирл-Харбор, но не меньшее внимание японцы уделяли и Филиппинам. В то же время укрепление позиций Японии в Маньчжурии и политика «закрытых дверей», проводимая ею в этом регионе, привели к определенному ухудшению японо-американских отношений. Однако президент Теодор Рузвельт продемонстрировал желание США добиться мирного решения возникшей ситуации. В 1907 и 1908 годах с Токио были подписаны два договора, но японцы весьма неразумно восприняли их как признание Америкой их особого положения в Маньчжурии. Это заблуждение развеялось, когда Вашингтон предложил интернационализировать железные дороги Маньчжурии. Япония оперативно нашла выход из создавшегося положения, подписав договор со своим недавним противником, т.е. с Россией, по которому обе стороны обязывались помогать друг другу в защите их интересов. Речь идет об общеполитической конвенции, заключенной между царской Россией и Японией 30 июля 1907 года. Декларируя принцип «открытых дверей» и территориальную целостность Китая, она в сек-

ретной своей части предусматривала раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния.

Первая мировая война и союзнические отношения Японии с западными державами казалось бы привели к определенной стабильности, но в 20-е и 30-е годы японский милитаризм активизировался и Америка поняла, что ее «час пробил». Несомненным противоядием японской активности должен был стать шпионаж и контршпионаж, который законсервировал бы деятельность японцев внутри их страны, а также поставил ее под постоянный контроль. Между тем до Первой мировой войны США не имели контрразведки, так как она была организована при вступлении их в войну. Поэтому в январе 1918 года они решили увеличить ее численность до 750 человек, но перемирие и демобилизация помешали осуществить это намерение. Таким образом за период от Первой мировой войны до второй американская контрразведка сократилась настолько, что можно было и забыть о ее существовании. Эта ситуация продолжалась до июня 1939 года, когда, наконец, наступило прозрение. Непрерывные сообщения об активизации деятельности японских и нацистских шпионов в Панаме, на Гавайях и Филиппинах приняли такой размах, что президент Теодор Рузвельт сделал официальное заявление, в котором все дела по шпионажу, контршпионажу и саботажу передавались в ведение Федерального бюро расследований (ФБР), военной разведке и военно-морской разведке. Начальство этих учреждений

было обязано образовать комитет для координации действий и в 1940 году они заключили соглашение, определившее их обязанности; при этом внимание акцентировалось на деятельности за границей. Данное соглашение возобновилось в 1942 году.

Однако лучшей иллюстрацией довоенного американского шпионажа и контршпионажа является сравнение бюджетных средств секретных служб Японии, Великобритании и Америки в тридцатых годах. Так, в 1934–1935 гг. японская секретная служба получила 13 млн. 814 тыс. иен ассигнований, что в переводе на фунт стерлинг по курсу того времени составляло 800 тысяч. В эти же годы Англия расходовала на аналогичную службу 200 тысяч, а США – 12,5 тысячи фунтов стерлингов. К тому же в 1938–1939 гг. Япония выделила на это же 6 миллионов, вся Британия – 250 тысяч, а США – 50 тыс. фунтов стерлингов²¹². Не правда ли, сравнение впечатляет...

Следует отметить, что серьезной шпионской деятельностью в США японцы начали заниматься с 1927 года. При этом они активизировались на Филиппинах, в Гонконге, Сингапуре и Малайе, в Голландской Восточной Индии, Французском Индокитае и Сиаме, т.е. затрагивая интересы западных держав. Кстати, все эти районы, являвшиеся объектом шпионской деятельности японцев, были захвачены ими во время Второй мировой войны. Что касается отношения США к японскому шпионажу, то оно поражает своим легкомыслием. Так, в 1938 году федеральный суд этой страны предъявил обвинение 18 немец-

ким агентам и четверо из них были осуждены и попали в заключение. Однако во время суда было установлено, что японская и немецкая секретные службы сотрудничали в Америке. При этом, ввиду возможных международных осложнений, государственный департамент США запретил предавать это дело гласности. В 1939 году максимальное наказание за японский шпионаж было просто смехотворным, т.е. всего два года каторжных работ. Поэтому, когда шпионская деятельность Японии в США стала предметом должного внимания, было очевидно, что им, в сущности, покровительствовало само провидение. Разумеется, в конечном итоге поистине исполинская армия японских шпионов все же была разгромлена американской контрразведкой, но цена нанесенного ущерба вновь впечатляет...

Анализируя роль японского шпионажа в предвоенные годы и, в частности, ее яркого представителя Кэндзи Доихара, нельзя не отметить ее оценки такой фигурой как Рудольф Гесс. Личный друг Адольфа Гитлера, приверженец нацистской идеологии, он получил всемирную известность сначала как загадочный человек, а затем и как сумасшедший. Она стала ему сопутствовать после перелета из Германии в Англию с намерением положить конец военным действиям. Рудольф Гесс, интересовавшийся геополитикой, близко сошелся и с ее основателем Хаусхофером – сторонником союза Германии и Японии. В качестве области для ее изучения он предложил Гессу именно эту страну, будучи уверенным, что она рано или поздно

установит над ней контроль. По утверждению Гесса, японский шпионаж берет свое начало около 1860 года, т.е. с того момента, как коммодор Перри заставил Японию открыть свои порты для торговли с иностранцами. Одновременно она стала доступной и для западной цивилизации: в течение 50 лет японское правительство посылало огромное количество дипломатических, торговых и военно-морских миссий для сбора ценной информации в Европе и Америке; перед ними открылись и двери Старого и Нового Совета. Поскольку предприниматели вынуждены были принимать на работу японцев, причем в действительности хорошо обученных, закономерно стал расцветать экономический шпионаж, но кроме них им занимались японские делегации, студенты и туристы. Проводя обзор становления и развития Японии как мировой державы, формирования и распространения ее экспансионистской политики, Гесс отмечал всеобщий характер деятельности японского шпионажа. В сферу его интересов входили не только экономические, но и политические, дипломатические и культурные аспекты. Так, в частности, японцы, подозревая о тайном соглашении США и Великобритании относительно использования баз на Дальнем Востоке, прилагали все усилия для раскрытия их характера, в том числе через секретные консульские отчеты. Будучи, несомненно, справедливым в оценке многих вопросов деятельности японского шпионажа, Гесс все же недооценил её как систему, считая, что патриотические общества – это только шовинистические секретные организации. В то же

время он признавал, что они являлись движущей силой агрессивности Японии, оказывая значительное влияние на ее внешнюю политику. Японские власти преднамеренно обрабатывали общественное мнение и его интенсивность возрастала по мере приближения Пирл-Харбора.

Во главе японского шпионажа к концу первого пятидесятилетия его существования официально стояли начальники военной и военно-морской разведок — генерал Ейни Тодзё и адмирал Кёси Нода. Однако фактически всеми тайными организациями управлял пятидесятилетний генерал Дзиро Минами, отличавшийся не только терпением, но и находчивостью. Будучи японским послом при дворе императора Генри Пу И, он, вместе с другим ветераном шпионажа уже генерал-лейтенантом Кэндзи Доихара, организовал «Общество Великой Азии», конечной целью которого было завоевание всей Восточной Азии и Тихого океана. Из марионеточного государства Маньчжоу-Го Минами переехал в Корею, управляя ею с «несгибаемой волей» и одновременно «всей Японией по телефону». Под его «чутким руководством» шпиономания в ней достигла таких размеров, что полиция запретила продажу копий с прославленных работ известного японского резчика по дереву Хиросигэ, поскольку они изображали проливы Гаруто, в районе которых возводились укрепления. Действия полиции могли казаться весьма логичными, если бы не тот факт, что художник умер в 1853 году.

Следуя намеченным курсом, японский парламент в 1939 году принимает новый закон против шпионажа, предусматривающий более широкое применение смертной казни. Одновременно расширяется контрразведывательная служба, которая усиленно внушает населению огромную опасность шпионажа. Дело дошло до того, что на улицах расклеивались сотни плакатов с призывом к бдительности, а антишпионские лозунги даже печатались на спичечных коробках и выставлялись в витринах магазинов. К этому процессу подключались пресса, радио и официальные лица, а за всем этим стояла кэмпэйтэй — японская жандармерия. Подобно нацистскому гестапо, она стала самой мощной и в то же время самой ненавистой из всех японских организаций, наводя ужас как на самих японцев, так и позднее на население оккупированных территорий. Кэмпэйтэй считалась особым родом в вооруженных силах, а ее начальник подчинялся непосредственно военному министру, хотя некоторые незначительные права контроля над ее деятельностью были предоставлены министерством внутренних дел и юстиции. Из всех других руководящих лиц только морской министр мог вмешиваться в ее действия, поскольку издавал инструкции о контроле этой организации над личным составом военноморского флота. В ней служили всесторонне обученные люди с сопутствующими практическими занятиями. В 1945 году американская разведка подсчитала, что личный состав ее, включая оккупированные территории, составлял

70 тысяч человек, из них 24 тысячи офицеров, причем только японцев²¹³.

Сотрудники кэмпэтай носили форму регулярной армии с особым знаком отличия — цветка, похожего на звезду, окруженную листьями. Находясь в штатском, они зачастую прикрепляли под лацкан пальто пуговицу в виде хризантемы. Кроме разведывательных функций, эта организация отвечала за дисциплину в армии, для чего ей были предоставлены широкие полномочия. Однако, где бы ни работали сотрудники кэмпэтай, их основным назначением был контршпионаж с полным набором соответствующих средств. Так японский шпионаж и контршпионаж вступили во второе пятидесятилетие своего существования, а впереди была окончательная развязка на Тихом океане, который вскоре станет ареной военных действий.

Когда началась Вторая мировая война, Китай все еще оказывал Японии сопротивление, несмотря на утрату своих прибрежных провинций, основных железных дорог и речных систем. Между тем внутреннее положение Японии, в силу определенных экономических, политических, военных и социальных факторов весьма изменилось. К тому же, некоторые события привели страну к установлению «Новой политической структуры» — однопартийной системы фашистского образца. В 1933 году Япония, после маньчжурского инцидента, вышла из Лиги Наций и оказалась в некоторой степени изолированной в дипломатиче-

ском отношении, что и определило ее стремление к сближению с Германией.

Следующим шагом стало заявление японского правительства от 29 декабря 1934 года об аннулировании Вашингтонского договора, что предполагало весьма определенные цели. 25 ноября 1936 года Япония подписывает с Германией антикоминтерновский пакт, к которому через год присоединяется Италия. Это закономерно приводит к конфликту с СССР. Речь идет о вторжении японских войск на территорию Монгольской Народной Республики (МНР) в мае 1939 года, закончившимся их разгромом в сентябре того же года. Между тем 23 августа 1939 года Германия подписывает с Советским Союзом пакт о ненападении, но этот вероломный шаг по отношению к себе Японию не остановил и она присоединилась 27 сентября 1940 года к Германии и Италии, став членом так называемого Тройственного союза (ось: Рим — Берлин — Токио). Для нейтрализации СССР в апреле 1941 года Япония подписывает с ним пятилетний договор о нейтралитете, который сыграл позитивную роль, ибо задержал военные действия на советском Дальнем Востоке. Однако, идя на его подписание, японцы уже знали о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

2 июля 1941 года Япония решила осуществить свои планы в отношении Индокитая, несмотря на вероятность войны с США и Англией. Расшифровав японский дипломатический код, американцы немедленно заморозили все активы Японии в США; аналогично поступили Канада и

Англия, а Голландия ввела систему лицензий. Однако, несмотря на то, что она оказалась отрезанной от всех важных источников импортных военных материалов, Япония осуществила свои планы и захватила Индокитай. В начале августа она, надеясь нейтрализовать Америку, представила ей свои предложения, в которых гарантировала безопасность Филиппин взамен снятия эмбарго с военных материалов и приостановки приготовлений в юго-западной части Тихого океана. США также должны были убедить Чан Кай-ши прекратить сопротивление в Китае. Разумеется, они были отвергнуты. В сентябре японское правительство решило, что если американцы не примут их предложения, то Япония начнет войну, но уже 2 октября США опять отклонили их. 7 ноября адмирал Номура передал новые предложения японского правительства, в которых Япония заявила о намерении оставить свои войска в Северном Китае и Внутренней Монголии после прекращения военных действий в Китае. К тому же, она отказывалась выводить свои войска из Индокитая и сохраняла за собой право осуществлять необходимые действия, вытекающие из Тройственного союза фашистских государств. 20 ноября адмирал Номура и дипломат Сабуро Курусу передал американской стороне предложения японского правительства, в котором содержалось требование, чтобы США не оказывали поддержки Китаю, прекратили политику эмбарго, снабдив Японию нужным количеством нефти и других материалов. 26 ноября государственный

секретарь штатов Кордель Хэлл ответил еще одним отказом.

Продолжать бесполезные переговоры более не имело смысла и в тот же день японский флот выступил из залива Танкан (Курильские острова) и взял курс на Гавайи. Окончательное решение о начале войны на Тихом океане против США, Англии и Голландии было принято японскими правящими кругами 1 декабря 1941 года, а 2 декабря главное командование Японии отдало приказ военноморскому флоту, который уже вышел из своих баз, быть готовым атаковать Пирл-Харбор. Несомненно, что этим событиям предшествовала активная деятельность японских шпионов в Голландской Восточной Индии и США, начатая еще в 1931 году.

Японский шпионаж в Голландской Восточной Индии представлял собой отличный пример как предвидения, так и планирования. Осуществление его планов началось здесь в 1932 году со всеми известными приемами. В это дело было внесено всего два нововведения, претворенные в жизнь еще до того, как японская армия высадилась в этой стране, чтобы принять ее от тайных слуг императора. Японцы открыли здесь публичные дома с обучением женщин выведыванию нужной военной информации, а также множество отелей с высококвалифицированным обслуживанием которые после суровой бедности казарм казались голландцам исключительно комфортабельными. Весьма активно действовали и различные шантажисты, вымогатели, оказывая давление в основном на преуспева-

ющих китайских эмигрантов, имеющих родственников в районах Китая, контролируемых японцами. В Восточную Индию также были посланы несколько специально обученных офицеров-врачей военно-медицинской службы японской армии. Они должны были изучить санитарные условия на островах, чтобы с момента высадки японских войск уберечь их от эпидемических заболеваний. Главной фигурой в этом виде шпионажа был некий доктор Цубота. Всеми уважаемый торговец Томэчоро Ёсидзуми, бесславно высланный за шпионаж, вновь вернулся и под видом местного жителя продолжал собирать шпионские сведения, несколько изменив свои приемы. Только благодаря случайности его удалось задержать и приговорить к тюремному заключению и это стало одним из немногих успехов слабой голландской контрразведки. Но, видимо, не стоит особо винить ее, так как острова Восточной Индии опутывались такой сетью японского шпионажа, что противостоять ей вряд ли было возможно.

Начиная шпионскую деятельность в Центральной Америке, японцы столкнулись с обычной трудностью, которая всегда возникала у них в западных странах, т.е. проблема с внешностью. Поэтому здесь необходимо было брать, что называется количеством. В то же время они выбирали для своих агентов профессии, не вызывающие подозрений и делали это весьма умело. Теперь это были мелкие фермеры, дантисты, парикмахеры, студенты, изучающие язык; продавцы рубашек, упаковщики содовой воды, врачи и многие тысячи рыбаков, постоянно изучав-

ших как порты, так и подходы к ним. В 1937 году в городе Панама работало не менее 47 японских парикмахеров и в Колоне не менее 8 и это было весьма примечательно, так как он располагался при входе в Панамский канал со стороны Тихого океана, а Колон — аналогично со стороны Атлантического. Их было настолько много, что пришлось организовать ассоциацию с лицами только японской национальности. Интерес к каналу объяснялся установлением контроля над ним, что автоматически несло за собой господство во всей его зоне и могло полностью заблокировать передвижение американского флота.

Усиленное внимание японцев отмечалось и к Южно-Тихоокеанской железной дороге, а также к шоссе, идущему из Мексики в Соединенные Штаты. Оно начиналось в Гуаймасе и проходило через пограничный город Ногалес, что, несомненно, имело стратегическое значение. Вся многочисленная армия японских шпионов готовила Центральную Америку к тому знаменательному дню, когда в Калифорнийский залив прибудет флотилия транспортов Японии и создаст в Мексике, Коста-Рике и Никарагуа базы, откуда страна «Восходящего Солнца» начнет завоевание Соединенных Штатов Америки. Следует отметить, что японский шпионаж в них весьма успешно сотрудничал со странами Тройственного союза, т.е. с Германией и Италией.

Кульминационным пунктом японского шпионажа против Америки стал Пирл-Харбор. Отсутствие взаимодействия между командующими сухопутными войсками и

военно-морскими силами на Гавайях привело к ослаблению его обороны. При приближении большой группы самолетов не была объявлена тревога и не принято никаких мер, а поскольку противоторпедная сеть в гавани не была закрыта, в нее проникли две японские подводные лодки. Через 53 минуты после того, как солдаты засекли самолеты, они уже были над Пирл-Харбором, где на якоре стояли 7 из 8 линкоров Тихоокеанского флота США и свыше 80 крейсеров, миноносцев, минных заградителей, тральщиков и других кораблей. Воздушные атакующие силы японцев состояли из 21 самолета-торпедоносца, 30 пикирующих бомбардировщиков и 15 бомбардировщиков. Первая их задача состояла в выводе из строя гидросамолетов, базирующихся в бухте Канэхэ, и истребителей на аэродромах Уилер и Хикем; второй целью являлись корабли в гавани Пирл-Харбора. Налет был такой мощности, что всего лишь 38 самолетов военно-морской авиации смогли взлететь; вместе с ними были и 7 патрульных самолетов, находившихся в воздухе при нападении. Адмирал Хэлси, возвращавшийся с учений на авианосце «Энтерпрайз» сразу же поднял свои самолеты, но четыре из них были сбиты, а один с повреждениями вышел из боя. Японцы совершили восемь заходов на корабли, стоявшие в гавани, при этом налет авиации продолжался до 8 часов 25 минут. Затем наступило затишье до 8 часов 40 минут, после чего начался налет пикирующих бомбардировщиков на порт и аэродромы, которые были полностью разрушены. В 9 часов 45 минут японские самолеты скрылись.

Последствия налета были ужасающими: все линейные корабли и большая часть других кораблей Тихоокеанского флота США были выведены из строя, погибло почти две тысячи пятьсот человек, около тысячи пропало без вести, ранено около полутора тысяч. Американская морская мощь на Тихом океане была основательно подорвана. Характерно, что эта операция корректировалась японскими шпионами, передававшими световые сигналы (некто Кюны – отец и дочь). Благодаря четкой организации шпионажа японцы точно знали свои цели и эта операция стала самым большим их достижением²¹⁴.

После того, как американский Тихоокеанский флот был обескровлен, Голландская Восточная Индия, уже основательно опутанная шпионской сетью, стала для японцев просто легкой добычей. Тихоокеанские острова также оказались в их власти и такая же участь постигла Сингапур, Малайю и Бирму. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что задолго до войны здесь была успешно подготовлена соответствующая ситуация. Поскольку Япония открыто завладела этими территориями, роль ее шпионажа закономерно уменьшилась, а следовательно, и число его агентов. Таким образом, если первые 50 лет японского шпионажа ознаменовались безусловными успехами, то в течение второго, незаконченного пятидесятилетия, Япония пережила крах как одна из великих держав вместе со своими партнерами, т.е. Германией и Италией. Бытует мнение, что в этом отчасти виноват и сам японский шпионаж, хотя и косвенно. Предпола-

гается, что если бы Япония, используя его, не совершила нападения на Пирл-Харбор, она бы не испытала на себе атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Однако, как известно, история не знает сослагательного наклонения, а о своих исторических зигзагах она, естественно, «умалчивает»...

Часть III

Трагические страницы Второй мировой войны

Глава 7. Забвению не подлежит...

1942 год. Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт заявляет, что наступит день когда нацистским преступникам придется предстать перед судом в каждой из стран, где они совершают свои преступления. Вскоре, он повторит это в своей декларации: «Своевременно вновь объявить о нашей решимости добиться того, чтобы ни один участник этих зверских актов не избежал наказания.» Прошли годы и в зале сената США как всегда торжественно звучат слова об Америке – хранительницы «бесценной человеческой свободы и достоинства...» Но по иронии судьбы их произносит епископ румынской православной церкви в Америке Валериан Трифа – человек, занимавший видное место в фашистской Железной гвардии Румынии и повинный в гибели тысяч своих соотечественников. Но кто же пригласил его открыть молитвой сессию сената США – страны-участницы антигитлеровской коалиции? Трудно поверить, но это вице-президент Ричард Никсон, а министр юстиции ФРГ назовет потрясающую цифру: из 8 4643 нацистских преступников, против которых после войны в Западной Германии велось расследование или возбуждались дела, наказание понесли 6432...

Общезвестно, что по американским данным в стране живут около 200 нацистских преступников, а по другим — более 350. Однако вполне вероятно, что и эта цифра неверна, так как по количеству бывших нацистов, живущих в этой стране, она уступает лишь ФРГ и Аргентине. В 1980 году американское телевидение показало документальный фильм «Избежавшие возмездия», снятый телекомпанией Эй-би-си. Его создатели — сценарист Майкл О'Коннор и комментатор Тим О'Брайен — утверждают, что в США живут нацистские преступники, несущие ответственность за гибель двух миллионов человек. Многие из них проникли в США под видом «перемещенных лиц», при этом иммиграционная служба не только не препятствовала, но и помогала переселению преступников. Характерно и то обстоятельство, что зачастую в страну иммигрировали нацисты, известные как подручные Гитлера. Тем самым отрицаются общечеловеческие нормы морали и память о миллионах загубленных человеческих жизней... Поэтому так горько звучат слова писателя Э. Визелы, пережившего ужасы фашизма: «Мы никогда не сможем покарать всех военных преступников. Их очень много и у них — высокопоставленные покровители. Мне, гражданину и человеку, больно сознавать, что эти люди свободно живут в сегодняшней Америке, попирая принципы демократии и правосудия»²¹⁵.

Однако вернемся к тем временам, когда будущий кошмар населения оккупированных территорий еще только планировался. Необходимо отметить, что немецко-

фашистская политика в отношении к ним включала в себя меры как длительного, стратегического, перспективного характера, так и кратковременные. В принципе о ней открыто говорилось в нацистских программах еще задолго до прихода нацистов к власти. Так, еще в 1925 году Адольф Гитлер в своей книге «Моя борьба» весьма подробно охарактеризовал свои восточно-европейские цели. В главе «Второй книги» (1928 г.) о «восточной ориентации или восточной политике» он четко высказывался на этот счет заявив, что отношение к России будет одним из самых важных внешнеполитических вопросов национал-социалистического движения²¹⁶. Разумеется, это в полной мере относилось и к соседним с нею странам. К тому же, позднее, Гитлер неоднократно подчеркивал, что «Россия после окончательной победы Сталина, без сомнений переживает отход от большевистских принципов в сторону русских национальных форм существования»²¹⁷.

С приходом к власти нацисты возвели свои захватнические планы и расистскую идеологию в ранг государственной политики и об этом убедительно свидетельствуют многочисленные документы предвоенного периода, а также высказывания самого Гитлера и конкретные действия его правительства. Так, 3 февраля 1933 года в своей программной речи перед офицерами вермахта, он заявил, что полученную военную и политическую власть он будет использовать в целях «завоевания экспортных возможностей». Необходим захват жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация²¹⁸. О том, что Гит-

лер последовательно придерживался своих программных установок относительно целей будущей войны, достаточно обратить внимание на воспоминания Раушнинга — бывшего Верховного комиссара Лиги наций в Данциге. В них он приводит беседы с Гитлером, в которых явно прослеживается желание фюрера о расширении жизненного пространства за счет России²¹⁹. Апогеем откровений фюрера о политике геноцида в отношении народов оккупированных территорий являются его выступление в рейхстаге 6 октября и на совещании армейских командиров 7 октября 1939 года. В них он подчеркивает, что «после планируемого поражения СССР должно было последовать истребление славянского населения в таких размерах, что физическое уничтожение евреев необходимо рассматривать только как эксперимент для подобных компаний в будущем»²²⁰.

Первые шаги в направлении создания так называемой программы «восточной политики» стало осуществлять ведомство рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, который указом Гитлера от 7 октября 1939 года был назначен имперским комиссаром по консолидации германского народа. Уже весной 1940 года его ведомство разрабатывает секретный меморандум «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». В нем очищение захваченных территорий от представителей «чужой расы» рассматривается как важнейшая задача этой политики. Данная программа была рассчитана на 10 лет и она в основном касалась территории Польши, однако мно-

гие её положения позднее использовались и при подготовке плана «Ост». К тому же, в процессе подготовки плана «Барбаросса» количество различных приказов, инструкций, наставлений и распоряжений руководящих структур, ведомств, военного командования по вопросам подготовки массового истребления населения, что называется «зашкаливало».

В основе этой преступной политики была установка Гитлера от 30 марта 1941 года на совещании высшего генералитета вермахта о том, что «война на Востоке будет резко отличаться от войны на Западе» и она является «борьбой между расами», «борьбой идеологий» и «борьбой на уничтожение»²²¹. В специальной «Инструкции об особых областях» к директиве № 21 (план «Барбаросса») были определены специальные акции по установлению жестокого оккупационного режима²²². В дополнение к ней 13 мая 1941 года была издана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск», «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими» от 1 июня, а также ряд других документов, возводивших зверства фашистов по отношению к мирному населению в ранг государственной политики. 16 июля того же года система нацистского террористического режима на оккупированных территориях получила окончательное оформление на совещании в ставке Гитлера. Была утверждена структура военно-полицейской и гражданской оккупационной власти, определены методы управления захваченными землями и кан-

дидатуры их руководителей. 17 июля издается указ Гитлера о создании Министерства по делам оккупированных восточных областей во главе с А. Розенбергом с подчинением ему четырех имперских комиссариатов (Остлянд, Украина, Москва и Кавказ)²²³.

Кроме «Восточного министерства» в границах своей компетентности ответственность за проведение оккупационной политики несли еще три ведомства: Главное управление имперской безопасности во главе с Гиммлером, командование вооруженных сил (ОКВ) и ведомство Геринга по организации экономической эксплуатации территорий. В свою очередь эти ведомства разрабатывали и проводили в жизнь планы ограбления и истребления народов.

Кроме этих имелся и еще один – Генеральный план «Ост» (ГПО), созданный в ведомстве Гиммлера. Согласно ему предполагалось в течение 30 лет выселить с территории Польши и западной части СССР около 31 млн. человек, в том числе 75% населения, остальное подлежало онемечиванию путем специальных мероприятий. С планом «ГПО» связывалось окончательное решение славянского вопроса, а вместо уничтоженных в СССР и Польше 120–140 млн. человек планировалось поселить 8–9 млн. немцев²²⁴.

Осуществление политики геноцида началось с первых дней войны и продолжалось весь период оккупации, при этом уничтожение политических и военных противников стало первой задачей. Так, ее жертвами стали партийные, советские и общественные активисты, политруки,

комиссары Красной Армии, работники органов безопасности, милиции, судов и прокуратуры, а также военнопленные. Для этого предварительно были созданы и затем постоянно пополнялись «Особая розыскная книга» и «Германская розыскная книга», а также списки по выявлению «местопребывания», благодаря которым с помощью предателей выявлялись и уничтожались коммунисты, комсомольцы и активисты. Уже во второй половине сентября с 1941 года вблизи города Речицы немцы зверски убили 170 партийных, советских работников и их семьи²²⁵.

Тотальному уничтожению подверглась Белоруссия и её столица Минск. В годы войны в нем и его окрестностях было уничтожено более 500 тысяч бывших граждан СССР и более 27 тысяч евреев, жителей Германии и других европейских стран. Массовые карательные акции проводились и во всех крупных городах Белоруссии: в Витебске и Полоцке было уничтожено 300 тыс. человек, в Гомеле – около 100 тыс., в Могилеве и Бобруйске – более 194 тысяч местных жителей и военнопленных, а 45 тысяч вывезли на каторгу в Германию. В одном только лагере смерти Тростянец погибло 206,5 тыс. человек. По количеству жертв он стал самым крупным на территории СССР и четвертым в Европе в системе нацистских лагерей смерти после Освенцима, Майданека и Трешлинка²²⁶.

С первых дней оккупации, проводя политику геноцида, нацисты устроили кровавый террор против еврейского населения. Во всех ипостасях он особенно проявился в трагедии самого крупного места принудительной

концентрации белорусских и европейских евреев – Минского гетто. Так, уже в июле 1941 года оно насчитывало около 80 тысяч белорусских евреев, а с ноября, вместо уничтоженных, сюда стали прибывать эшелоны с немецкими евреями из Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Бремена, Вены и Брно. Этот изуверский лагерь смерти просуществовал до ноября 1943 года. По подсчетам белорусского историка профессора Э.Г. Иоффе в годы оккупации из 990 тыс. евреев, проживавших в довоенной Белоруссии, погибло 810 тысяч (или почти 82% от довоенного количества)²²⁷. По мнению белорусского историка Е.С. Розенבלата, на территории Западной Белоруссии было уничтожено около 500 тыс. евреев, или примерно 99% еврейского населения западных областей этой республики²²⁸. По данным книги «Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг.», в восточных районах БССР было уничтожено 177 737 человек²²⁹.

Следует отметить, что массовое уничтожение евреев было лишь первым этапом выработки форм и методов осуществления геноцида. Вместе с ними уничтожалось и местное население: белорусы, украинцы, русские, поляки и др. Широкий размах в 1942 году приобрели карательные операции: «в 65 различных акциях участвовало до нескольких полков и дивизий». Название «партизаны», – отмечалось в приговоре Международного военного трибунала, – служило только прикрытием для уничтожения ни в чем неповинных людей»²³⁰.

Непосредственными исполнителями массовых убийств и сожжения населенных пунктов являлись войска СС и команды СД, а также полицейские, жандармские и другие спецподразделения захватчиков, охранные и фронтовые войска вермахта. Об их чудовищных преступлениях свидетельствуют многочисленные документы, сохранившиеся в архивах. Так, по данным журнала боевых действий 3-го батальона 15-го немецкого полицейского полка, захваченных в январе 1943 года частями Красной Армии на Воронежском фронте, его карателями только за два с половиной месяца (с 6 сентября по 24 ноября 1942 года) на западе Белоруссии (Брест, Пинск, Кобрин, Дивин, Малорита, Береза-Картузская) было расстреляно 4 4837 человек и среди них всего 113 партизан – остальные: старики, женщины и дети. В апреле – июне 1943 года против партизан Витебско-Минской и Вилейской областей была проведена операция «Коттбус»: уничтожено и вывезено в Германию свыше 15 тыс. человек, сожжено 113 деревень вместе с жителями. Своей кульминации политика геноцида и «выжженной земли» достигла в 1944 году, когда войсками Генерального округа Беларусь было проведено в марте 158 карательных операций, в апреле – 198, а в мае – 196²³¹. Бах-Зелевски, уполномоченный рейхсфюрера СС Гиммлера, начальника штаба по борьбе с партизанами, сделал ряд заявлений на Нюрнбергском процессе, в том числе по методам, отметив, что они «действительно привели бы к истреблению 30 млн., если бы их продолжали

применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий²³².

С января по июль 1944 года в Белоруссии был осуществлен и варварский нацистский декрет об эвтаназии — умерщвлении душевно и неизлечимо больных. Под его действие попадал широкий круг людей, причем детей уничтожали как социально-биологическую основу: их принуждали к непосильному труду, морили голодом, держали в концентрационных лагерях, вывозили на каторжные работы в Германию. Обычной практикой было взятие заложников, которых немцы систематически расстреливали в Минске и Витебске, Могилеве, Гомеле, Пинске, Гродно и Бресте, а также в других городах и населенных пунктах. Поистине чудовищным преступлением было использование населения для разминирования шоссейных, железных и грунтовых дорог. Этот способ был санкционирован официальным документом от 10 февраля 1944 года, в котором, в частности, предписывалось запрягать заложников в бороны и гнать их по заминированным дорогам. Однако документы и свидетельства очевидцев констатируют, что этот способ фактически использовался с 1941 года.

На территории Белоруссии активно проводилась и тактика «выжженной земли»: за годы войны здесь было сожжено 5295 деревень, 628 их которых вместе с жителями, остальные с их частью. Символом геноцида стала деревня Хатынь, где 22 марта 1943 года в огне погибли 149 жителей, в том числе 76 грудных и малолетних детей. 186

«Хатыней» так и не были восстановлены после войны, как и не возродились и 325 деревень, сожженных с частью жителей. При этом 243 деревни Витебской области и 92 Минской сжигались дважды, 83 и 40 — трижды, 22 и 9 — четырежды. Фашисты уничтожили в Белоруссии 800 тысяч советских военнопленных, разрушили и сожгли 209 городов, 9200 деревень, 400 тысяч человек вывезли на принудительную работу²³³.

Нельзя оставить без внимания и тех, кто особо свирепствовал в годы войны, люто ненавидя коммунистов, славян, евреев, цыган и даже своих братьев-латышей. Так, латышскую вспомогательную полицию безопасности, вплоть до освобождения Риги осенью 1944 года, возглавлял штурмбанфюрер СС некто Арайс. Он начал свою кровавую карьеру с арестов и расстрелов коммунистов, комсомольцев, бывших работников советских учреждений в Риге. В течение лета и осени 1941 года его команда расстреляла в Бикернекском лесу около 10 тысяч жителей. Но это было только начало, а затем во время выездов в другие города и уезды Латвии полегло ещё 5 тысяч человек. Наконец, венцом «деятельности» Арайса в 1941 году стали два массовых расстрела узников Рижского гетто 30 ноября и 8 декабря — в Румбульском лесу, что в юговосточной окрестности Риги. Итогом этой акции стало уничтожение 20 тысяч человек. В 1942 году команда Арайса расстреляла еще несколько тысяч узников из Австрии, Германии и других западно-европейских государств. В феврале и марте 1943 года арайсовцы участвовали в каратель-

ной экспедиции под нежным кодовым названием «Зимние чары» на территории Витебской области в Белоруссии и не осталось в живых еще 2558 советских людей, а 3951 человек был угнан в Германию. Кстати, ударным ядром банды Арайса была группа, в которую входил Карлис Детлавс, к которому после расстрела в «Бикенекском» и Румбальском лесах присоединилась, кроме «Большой Фрицис» и «Старый» волк» очередная кличка — «Кровавый Детлавс». Его страстью было убийство как можно больше людей, в пылу которой, расстреляв все свои патроны, он выхватывал чей-нибудь автомат и, не теряя драгоценных минут, убивал убивал и снова убивал, не упуская никого. Затем, набрав побольше часов, золотых колец, серег, снятых с убитых, он ехал в участок, напивался со своими парнями и играл на украденное в карты, хвастаясь своими «подвигами...».

Есть свидетельства того, что этот кровавый палач дважды был в роли начальника караула в Саласпилском концлагере, в котором было зверски уничтожено более 7 тысяч детей. Спустя несколько месяцев после освобождения Латвии Чрезвычайная республиканская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников констатирует, что за время оккупации в республике было уничтожено 35 476 детей. Так, в Саласпилсе ежедневно их погибали десятки от грязи, эпидемий кори, дифтерии и дизентерии; тому же, над маленькими мучениками проводились чудовищные эксперименты. В своей докладной записке пред-

седатель вышеупомянутой комиссии Н.М. Шверник сообщает: «... по данным судебно-медицинской экспертной комиссии, в Саласпилском лагере у детей было выкачано до 3500 литров крови»²³⁴. Однако перенесемся в послевоенные годы, когда нацистских преступников повсеместно оправдывали так называемые демократические страны — носители «особых духовных ценностей». Что же стало, в частности, с матерым нацистским преступником Карлисом Детлавсом, благополучно проживающим в США? В конце 70 — начале 80-х эффективность расследований преступлений нацистов здесь оставляла желать лучшего, а что касается этого мерзавца, то в газетах появилось сообщение: «Федеральный иммиграционный суд Балтимора прекратил слушания по делу о высылке из страны Карлиса Детлавса...»

В июне—сентябре 1941 года немцы построили на территории Польши в четырех километрах южнее станции Треблинка «Трудовой лагерь №1» и поместили в нем поляков, чехов, евреев, цыган и людей других национальностей. За три года через него прошло около 50 тысяч человек, подвергшихся неимоверным истязаниям. Однако этого оказалось недостаточно и в июле 1942 года, по соседству, построили концентрационный лагерь №2. Этот номер в истории не сохранится, останется только слово — «Треблинка». Функционировал он всего 13 месяцев — до сентября 1943 года, так как через некоторое время после восстания смертников из рабочих команд лагерь был ликвидирован. Но, когда год спустя, в Треблинке появились

представители польско-советской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев, им стало известно, что ежедневно здесь уничтожалось около двух с половиной тысяч человек. Всего 13 месяцев, но общее число это лагеря смерти достигло миллиона...

В страшной истории этого лагеря фигурировал бывший военнопленный Федор Федоренко. Согласно его версии, он был всего охранником. Однако каким же образом ему удалось за 13 месяцев из простого вахмана стать обервахманом, а затем и ротенвахманом... Дело в том, что сохранились протоколы допросов тех, кто служил в концлагере Треблинка и принимал участие в истреблении людей и первым каждый раз назывался именно он. Этот предатель не только руководил группой, занимавшейся уничтожением ей узников, но и сам лично избивал и расстреливал их... И чем же закончилась история Федоренко, гражданина Америки, когда прекратились слушания о его «предполагаемом» участии в нацистских преступлениях в годы Второй мировой войны? Спустя некоторое время Верховный суд США принял решение о лишении его американского гражданства, но он по-прежнему продолжал жить в центре еврейской общины Майами²³⁵. Следуя своим духовным ценностям, Америка не судит военных преступников, ведь у них, для этого существует особый статус... Но самое чудовищное, что соседи ее даже не знают, сколько живых людей превратил в пепел «вежливый и обходительный» Федоренко, а американское правосудие не

помогло им в этом, хотя и располагало весомыми доказательствами. Вот такая ирония судьбы...

Ждал своего случая и другой предатель — по национальности немец, родившийся в крымской деревне Алтансен. 22 июня 1941 года, через несколько часов после нападения фашистской Германии на Советский Союз, Александр Рисс, призванный в ряды Красной Армии, в первом же бою сдался в плен. Его «исповедь» оказалась столь впечатляющей, что после недолгой проверки ему вручили автомат с предложением делом доказать свою преданность Германии и идеалам нацизма. И он доказывал, с особой злобой уничтожая только русских, сжигая веками стоявшие истинно русские деревни. Очень скоро немецкое командование назначает его командиром 2-й роты 667-го карательного батальона «Шелонь» в районах Псковской и Новгородской областей. Это название батальон получил в память о кровавой акции на берегу реки Шелонь, где были расстреляны жители деревни Заходы. Жестокость Рисса доходила до того, что он вырезал из кожи еще живых людей ремни, наслаждаясь собственным изуверством... Под его руководством было сожжено более 50 сел и весной 1943 года он становится уже командиром батальона «Шелонь». Известно, что Америка также простила Риссу «заблуждения» его молодости и в 50-х годах он жил по адресу: 4332, Кивербейд, 130, Кливленд, штат Огайо, а в период Карибского кризиса благополучно перебрался в Майами²³⁶, где продолжал жить, немало не волнуясь за свою судьбу и под защитой американского правосудия.

Декабрь 1941 года – январь 1942 вошли в историю Латвии военных лет как Аудринская трагедия. За сокрытие 6 партизан начальник 2-го участка резекнеской полиции Болеслав Майковскис добился санкции на расстрел этой латышской деревни, при этом люди были подвергнуты изуверским пыткам: им выбивали зубы, кусками свинцового кабеля ломали кости. 2 января 1942 года все крестьянское имущество было свалено на подводы, а пустые дома облиты бензином. Палач смотрел на пожар до конца, пока Аудрины не стало.

На следующий день, на рассвете, жителей под конвоем отправили в Анчупанские горы, а группу заключенных, измученных голодом и побоями, заставили копать большую и глубокую яму. По приказу Майковскиса полицаи подводили к ней по 10 человек – начинался расстрел и так 14 раз, пока не были убиты все 140 человек. Но 30 жителей еще оставались в тюрьме и им устроили публичную казнь. 4 января на базарную площадь согнали не успевшее спрятаться население и на их глазах, для устрашения, расстреляли этих людей. Деревни Аудрины и ее жителей больше не существовало... На Нюрнбергском процессе ее уничтожение было признано военным преступлением, но Майковскиса среди преступников не окажется, будет лишь признание Нюрнбергского трибунала в том, что убийцы рангом ниже также предстанут перед судом. Однако этого не произойдет и палач переберется в Западную Германию, а затем и в США. Спустя 20 лет его следы отыщутся и он заочно будет приговорен судом Советской

Латвии к смертной казни. СССР потребует его выдачи, но расследованием в США его вина не будет доказана, а обвинение в свой адрес он назовет «коммунистической пропагандой» и будет продолжать спокойно жить в демократическом раю, борясь за «освобождение» Латвии, т.е. того самого народа, которого он в свое время так зверски уничтожал.

О «невинной» жизни Майковскиса во время войны однако свидетельствуют и трофейные документы. Из «Обзора деятельности полиции Резекнеского уезда» по состоянию на 20 июня 1942 года, явствует, что он и его подручные расстреляли 41 большевика, 126 евреев, 108 цыган, угнали в Германию 658 человек, арестовали и заключили в тюрьму 553 партизана, судьбу которых угадать нетрудно. Заслуги этого негодяя перед Германией были отмечены: в декабре 1942 года руководитель СС и полиции Латвии присвоил ему звание капитана, но этому повышению предшествовало еще одна кровавое деяние... На его совети и антифашистская «Латвийская подпольная организация» все члены которой, разумеется, были расстреляны. Известно, однако, и то, что Майковскис неоднократно участвовал в расстрелах советских активистов, содержащихся в резекнеской тюрьме. Согласно приказа № 75 по резекнеской уездной полиции от 17 декабря 1943 года, высший руководитель СС и полиции Восточных областей наградил начальника 2-го участка полиции Болеслава Майковскиса Крестом военных заслуг II степени с мечами и, видимо, не зря. Известны и такие цифры: за период фа-

шистской оккупации 1941–1944 гг. лишь на территории Резекнеского уезда было расстреляно 15 199 человек, из них 2045 детей, а 5089 угнано в германское рабство²³⁷. Поневоле задаешься вопросом: а сколько же этих жертв фашизма на совести этого «невиновного» гражданина США?!

Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников установила, что в годы войны на временно оккупированной территории Советской Эстонии было истреблено около 125 тысяч мирных граждан и военнопленных. Местами массового уничтожения являлись концлагеря в городах Тарту, Клоога, Ягала, Центральная таллинская тюрьма. В частности, за годы существования только Тартуского концлагеря в нём погибло свыше 12 тысяч советских людей... Цели гитлеровской оккупации генерал Еккельн – верховный руководитель СС и полиции Прибалтики – во время процесса над ним в Риге, объяснил следующим образом. Поскольку Остланд, т.е. Литва, Латвия и Эстония, являются древними областями поселения немцев, то, по мнению Гимmlера, здесь должна остаться только ничтожная часть местного населения, достойная стать германскими гражданами; остальных частично уничтожить, частично выслатъ. Для осуществления этих планов эстонские националисты из военно-фашистской организации «Омакайтсе» покрыли территорию Эстонии густой сетью концентрационных лагерей. Свою карьеру начальник концлагеря в Тарту Карл Линнас начал с долж-

ности дежурного офицера в нем. Он лично принимал участие в расстрелах на так называемой «Линии Ялака» у противотанкового рва, повторно пристреливая тех, кто еще подавал признаки жизни. «Омакайтсе» участвовала в бесчисленных облавах и боях о чем свидетельствует примерно 12 200 взятых в плен, 4812 убитых большевиков и собственные ее потери – 136 убитых и 249 раненых.

Что касается Карла Линнаса, то осенью 1941 года расстрелы заключенных Тартусского концлагеря проводились ежедневно и каждый раз во дворе его появлялся красный автобус – предвестник смерти. Особенно он и его подручные любили убивать детей и женщин, предварительно поглумившись над ними. Один из охранников, по свидетельству заключенной Хильды Ялкас, хвастался в бараке: «Как хорошо убивать финским ножом евреев, особенно беременных женщин и детей», нож входит как «в пуховую перину». 20 января 1962 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР в открытом судебном заседании в городе Тарту рассмотрела дела военных преступников – главарей Тартуского концлагеря Ю. Юристе, К. Линнаса и Э. Вика. Все они были признаны виновными в преступлениях против человечества и приговорены к смертной казни, но заслуженное наказание понес лишь Ю. Юристе. К тому времени Э. Вика спокойно жил в Сиднее, а Карл Линнас получил американское гражданство в 1960 году.

В католическом соборе в Чикаго идет служба, на кафедре – человек преклонных лет – Винцентас Бризгис –

один из церковных деятелей Америки, произносящий: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду». Однако еще 27 марта 1947 года американские военные юристы обнародовали трофейный документ под грифом «Совершенно секретно». Это был доклад шефа полиции и СД Литвы от 16 августа 1941 года о карательных акциях против мирного населения. Согласно его, епископ Бризгис запрещал всем прихожанам укрывать лиц еврейской национальности. Его призыв стал фатальным, так как только в Каунасе, где он был произнесён, вслед за ним в течение десяти дней последовало уничтожение более полутора тысяч работников советских учреждений, коммунистов и евреев. Весь период фашистской оккупации Литвы Бризгис писал пастырские послания, заставляя ксендзов читать их вместо проповедей верующим. Дело в том, что суть их заключалась в призыве поддерживать гитлеровский режим. Он же был одним из наиболее активных помощников нацистов, созвавших 5 апреля 1943 года так называемую конференцию «представителей народа». Его подпись стоит и под ее воззванием к литовцам вступать в гитлеровскую армию. К тому же, Бризгис в своих статьях в газете «Атейтис» призывал поддерживать фашистов и всеми методами бороться с Красной Армией, а также агитировал население вступать в строительные батальоны вермахта. На его совести и расстрел еврейского гетто в Крокской волости, так как он заявил, что их нужно уничтожать, поскольку они не заслужили жалости...²³⁸

Спустя всего несколько лет, в 1951 году, когда Бризгис поселился в США, официальная Америка уже не помнила ни об одном документе. И пока католический епископ и нацистский преступник Винцентас Бризгис вещает о добре и зле в Чикаго, святым крестом осеняет верующих православный епископ и пособник фашистов Валериан Трифа, в Нью-Йорке латышских католиков призывает молиться Болеслав Майковскис. Итак, пусть сеет «разумное и вечное» демократическая Америка, провозгласившая свои духовные ценности эталоном развития мирового сообщества...

В той же Америке по адресу: 5940, СО, Уолскотт – авеню, Чикаго 36, Иллинойс, проживает некто Майк Паскер – он же Мечис Пашкявичус. Время от времени американские власти, чтобы успокоить общественное мнение, сообщают о намерении исследовать его «доблестное» прошлое. Но, разумеется, оно тут же забывается, хотя им хорошо известна его деятельность в годы Второй мировой войны. А между тем до мая 1943 года он был начальником районной полиции безопасности литовского города Укмерге. В июле 1941 года под его «чутким» руководством было уничтожено более 100 заключенных укмергской тюрьмы. Согласно свидетельским показаниям, он, не любя огнестрельное оружие, сначала отрубал жертвам пальцы с золотыми кольцами, вырывал золотые зубы, а потом закалывал штыком или вешал. Только за период с 1 августа по 9 сентября 1941 года полицией безопасности Укмерге было расстреляно 6356 человек (из трофейного немецкого

документа «Обобщенные сведения о карательных действиях» за подписью штандартенфюрера СС Ягера).

Вилис Хазнерс в годы войны сначала служил начальником полиции безопасности Абренского уезда в Латвии, потом получил чин майора и стал командиром батальона СС. За зверские акции по уничтожению советского населения награжден двумя гитлеровскими железными крестами. После войны проживал в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде, долгие годы работал на радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа»; являлся активнейшим участником подрывных антисоветских эмигрантских организаций, обосновавшихся в США и Западной Европе.

Таливалдис Карклиньш: Калифорния, 1561, Роллинг холл Драйв-парк, 91 754. В годы войны служил начальником Мадонского концентрационного лагеря в Латвии, где уничтожены сотни людей. С января 1943 года уже был в Риге командиром взвода эсэсовской роты и можно не сомневаться, сколько на его «совести» загубленных советских людей. В 30 милях от Лос-Анджелеса преспокойно обитает еще один палач. В 1952 году правительство Югославии требовало выдать этого военного преступника, т.е. Андрижа Артуковича. Под его руководством в Хорватии были созданы многочисленные лагеря смерти, в которых уничтожались десятки тысяч евреев, сербов, хорватов и цыган. Он даже не стеснялся заявлять, что в разрешении «еврейского вопроса» превзошел самих германских нацистов. Но, разумеется, госдепартамент США надежно укрывал этого убийцу²³⁹.

Однако кроме этих отщепенцев были и те, чьи зверские деяния не должны быть забыты человечеством. Достаточно вспомнить бандитов-оуновцев, верно служившим гитлеровцам и проливших в годы войны потоки людской крови. Они никогда не скрывали своего духовного родства с фашизмом, ведь им принадлежало заявление, что националистические движения в разных странах имеют свои наименования: в Германии — национал-социализм, в Италии — фашизм, а на Украине — украинский национализм, но суть их одна. Общеизвестно, что оуновцы служили в регулярных и карательных частях немецкой армии, сотрудничали с СД, гестапо и так называемой «украинской вспомогательной полицией», использованной оккупантами в борьбе с партизанами и истреблении мирного населения. Именно оуновцы создали дивизию СС «Галичина», известную своими бесчисленными преступлениями. Они весьма активно действовали против СССР, Советской Украины и после войны. В Мюнхене находилась штаб-квартира закордонных частей ОУН, целью которой было свержение советского строя на Украине вооруженным путем. В Нью-Йорке обосновался центр «организации четырех свобод Украины» — террористической группировки из числа наиболее фанатичных членов ОУН. В Канаде функционировала аналогичная организация «Кредо» — канадская лига освобождения Украины с центром в Торонто. Ее девизом была «организация и проведение антирусской и антикоммунистической деятельности на всех участках, где только возмож-

но...». Союз украинцев Британии стоял примерно на таких же позициях и это лишь так называемые организации оуновцев-бандеровцев.

В 1939 году оуновское движение разделилось на две группировки: одну, с центром в Кракове, возглавлял Бандера, а другой, в Берлине, руководил некий Мельник. И те, и другие, преданно служили, отличаясь, к тому же, особой жестокостью по отношению к своим жертвам. Чудовищны злодеяния, совершенные в годы гитлеровской оккупации Украины 102-м карательным батальоном СС, состоявшим в основном из оуновцев. Об одной из таких так называемых «акций» свидетельствовала Вера Сергеевна Оболончик. Она проходила в городе Кременце: «Грузовики непрерывно привозили людей к месту казни до 10 вечера. Сначала везли детей различного возраста и их матерей. Всех раздевали, строили в колонну по четыре человека и гнали к траншее. Ужасные крики жертв смешивались со звуками автоматных очередей... Наступила ночь. Стрельба прекратилась. Убийцы зарыли трупы, но кровь продолжала выступать на поверхность. Земля шевелилась, будто дышала. То там, то здесь из красной массы земли высывались человеческие руки и ноги. Те, кто еще не умер, выползали из груды трупов, пытаясь убежать, но полиция немедленно расстреливала их...».

25 июля 1943 года местная газета украинских националистов «Кременецкий вестник» похвалялась, что палачи из 102-го батальона СС завоевали доверие оккупационных властей. Между тем Федор Гринчук, которого командир

102-го батальона СС Энер отмечал как «отличного солдата, после войны жил в США, в Чикаго. Кстати, в годы оккупации он был еще и комендантом украинского села Муховец, в котором расстрелял и собственноручно задушил десятки людей... Где-то по соседству с ним недурно устроился и другой военный преступник – бывший командир взвода 102-го батальона СС Иван Присяжнюк. В Филадельфии, на 67-й авеню в доме №224 проживал Сергей Ковальчук, служивший три года заместителем коменданта полиции украинского города Любомля. В октябре 1942 года он принял активное участие в уничтожении почти 5 тысяч советских граждан, содержащихся в гетто. Свидетели видели, как он сгонял обреченных людей к яме и расстреливал их из пистолета. В этом городе запомнили его и по другим карательным акциям в качестве организатора и исполнителя. А в Англии долгое время находился и так называемый поборник «прав человека» Михайло Фостун – один из руководителей службы безопасности ОУН. Как и другие, он вешал и расстреливал людей в Варшаве, Понятове²⁴⁰. Сколько же еще этих палачей прекрасно устроились в странах, которые стали союзниками тогда, когда поняли, что Советский Союз уже побеждает фашизм в его собственном логове. И разве можно забыть кровавое прошлое этих людей?!

Следует отметить, что история удивительным образом совершает порой, казалось бы, немыслимые зигзаги и об этом красноречиво свидетельствуют современные события и, в частности, государственный переворот на

Украине в 2014 году. И кто бы мог подумать, что уже в XXI веке именно Польша будет причастна к возрождению нацизма в этой стране. Но вернемся в XX век и обратимся к нацистской политике и практике в отношении украинского и польского народов на территории их совместного проживания в 1939–1944 гг. Расистские убеждения Адольфа Гитлера, представителей немецких высших партийных кругов, правительства и полиции Третьего рейха практически сразу определили инструментальный характер их подходов к ним. Противопоставление одного народа другому, использование при этом тех слоев населения и организаций, которые охотно или вынуждено шли на сотрудничество с нацистами, стали главным элементом немецкой политики и практики в этом вопросе; впрочем, это касалось и других славянских народов.

После окончания «польской военной кампании», оккупации Польши и создания на этнических землях поляков Генерального губернаторства (ГГ) со столицей в Кракове генерал-губернатор Ганс Франк убедил Гитлера в возможности использования местных украинцев (более 500 тыс. человек) в противовес полякам. При этом «польских» украинцев немцы рассматривали как «освобожденный» народ, а поляков – как тех, кого они завоевали. Из украинцев формировались вооруженные отряды, нередко одетые в национальную сине-желтую одежду. Часть их использовалась для охраны словацкой и венгерской границ, немало их – членов созданной с разрешения немцев разветвленной сети организации УЦК во главе с доцентом

Ягеллонского университета Владимиром Кубиевичем, украинских вспомогательных («допомоговых») комитетов, а также многих других украинских институций, функционирующих в ГГ, предоставляли услуги Абверу, Службе безопасности и даже гестапо.

С 1941 года немцы активизировали свои усилия по привлечению украинских организаций к интенсивной подготовке Германии к агрессии против СССР. В специально созданных ими школах в Кракове, Кросно, Закопане, Тарнове и других городах украинская молодежь проходила полицейское и военное обучение. Часть оуновцев они привлекли к службе в веркшутцах (охранных отрядах), которыми руководил член Провода ОУН (М) полковник Роман Сушко, а с немецкой стороны они подчинялись командованию шуцмансшафтов – вспомогательной полиции с украинцами и поляками. Значительное число молодых украинцев было направлено в полумилитаристские формирования «Украинской службы Родине» для строительных работ военного характера. При тесном сотрудничестве офицеров Абвера Ганса Коха, Теодора Оберлендера, Альфреда Бизанца и других с оуновцами из фракции Степана Бандеры организовывались походные группы с целью формирования органов местного самоуправления после освобождения украинской территории от Советской власти.

В первом квартале 1941 года немцы разрешили создать украинский легион, который должен был воевать на стороне вермахта и выполнять спецзадания. В мае он был

разделен на два батальона («Дружины украинских националистов») – «Нахтигаль» под командованием немецкого обер-лейтенанта Альбрехта Герзнера и «Ролянд», руководимого украинцем – майором Евгением Побигущим. Эти батальоны были передислоцированы в Силезию и Австрию. К нападению Германии на СССР немцы готовили оуновские кадры и на советской территории²⁴¹.

Одной из трагических страниц, в которых значительную роль сыграли украинские националистические организации, стал Холокост на Украине, унесший жизни около 600 000 евреев. Тысячи их были убиты в массовых расправах в таких населенных пунктах, как Бердичи, Житомир и Бабий Яр. Зверства оккупантов начались уже с оккупации Киева 19 сентября 1941 года, когда через 10 дней был расстрелян 33 771 житель города. Несомненно, фашисты получили эту возможность благодаря поддержке местной власти и украинского населения, так как они предоставляли им соответствующую информацию. К сожалению, этому способствовал и многовековой антисемитизм, который разжигали и украинские националисты.

Совершенно очевидно, что судьба евреев стала трагичной с приходом к власти Гитлера, ибо он считал, что «нынешняя война – это крестовый поход народов Европы против большевизма... Истреблены будут отнюдь не арийские народы, а еврейство»²⁴². Политика геноцида евреев и противников нацистского режима, несомненно, осуществлялась с помощью представителей оккупированных стран. Так, в рейхскомиссариате «Остланд» в поли-

ции в 1942 году служило порядка 4428 немцев и 60 255 местных жителей, в рейхскомиссариате «Украина» 10 194 и 79 759 соответственно²⁴³. Из них на Украине помогали в уничтожении евреев около 11 тыс. человек. Общая численность украинских полицейских батальонов составляла 35 тыс. человек. Кроме этого Украинская народная самооборона в середине 1942 года насчитывала 180 тыс. человек, а при создании дивизии СС «Галичина» добровольцами записалось 70 тысяч человек, из которых в нее были приняты 13–14 тыс., а остальные включены в состав германской полиции. Тысячи украинцев принимали участие в еврейских погромах в июле–сентябре 1941 года. Самое масштабное массовое убийство состоялось в Богдановке в новогодние дни 1942 года: за неполные две недели уничтожены 54 тысячи одесских евреев, т.е. больше, чем в Бабьем Яре.

Характерной особенностью нацистской оккупационной политики в Белоруссии стало уничтожение населенных пунктов вместе с жителями. За три года оккупации (1941–1944гг.) в руины были превращены 209 городов и городских поселков (при этом их общее количество составляло 270), разграблено и сожжено 9200 сел и деревень, 628 из них разделили судьбу Хатыни²⁴⁴, в уничтожении которой участвовали каратели из 118-го украинского полицейского батальона и батальона СС Дирлевангера. Одним из весомых преступлений нацизма, несомненно, являются 23 концентрационных лагеря, самым известным стал Саласпилсский – крупнейший в Прибалтике. Соглас-

но исследованиям Чрезвычайной государственной комиссии, в 1941–1944 гг. в нем было уничтожено более 53 тыс. человек, а с его «филиалами» около 100 тысяч.

Однако, безусловно, задача Гитлера состояла не только в захвате советской территории, но и в уничтожении конкретного народа, а именно – русского. Геринг заявлял, что уже в 1941 году до 30 млн. русских умрут от голода, а Гиммлер планировал сократить население России до 30 млн. человек. Во Второй мировой войне на СССР пришлось свыше 40% всех людских потерь и в основном это были русские. Только с ноября 1941 по январь 1942 гг. было умерщвлено 500 000 русских военнопленных. В связи с этим правительство Советского Союза 12 ноября года образовало Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба. Уже в 1943 году были проведены первые суды над захваченными военными преступниками в Краснодаре, Харькове и других городах. Об ответственности нацистов советское руководство предупреждало и в дипломатических посланиях, в совместных декларациях правительств СССР, США и Великобритании, в документах Крымской и Потсдамской конференциях союзников, т.е. антигитлеровской коалиции.

Закончилась Вторая мировая и Отечественная войны, но продолжилась психологическая против России и, прежде всего, русских людей. Агрессивное историческое фальсифицирование сегодня – это своего рода метод веде-

ния войны, военная стратегия. Многочисленные организации за рубежом, обильно спонсированные бывшими союзниками, внесли свой вклад сначала в развал страны, победившую фашизм, а затем ополчились и на Россию – её правопреемницу. Одной из существенных деталей является муссирование мнения о «геноциде», т.е. массовых депортаций 1940-х годов, приравненных к Холокосту. Прибалтика использует это для своего оправдания жестокого массового истребления еврейского народа. Украина на весь мир разносит лживые сведения о «голодоморе», устроенном Сталиным для уничтожения украинского народа, а значит он хуже Гитлера, так как во время Холокоста погибло 6 млн. евреев, а от голода – 7 млн. человек. В своих заявлениях фальсификаторы доходят до того, что будто нацисты фактически освобождали мир от коммунизма, а геноцид евреев был обусловлен этой борьбой, т.е. «избавлением» от еврейского большевизма. Не потому ли в Прибалтике не было начато ни одного процесса против нацистских преступников, а в целенаправленной пропаганде заложен и важный психологический смысл. Благодаря такой позиции успешно осуществляется геноцид русского населения, как в Прибалтике, так и на Украине, где активно возрождается нацизм со всеми его атрибутами, а Россия становится основным врагом... Все это закономерно приводит к выводу о том, что прошлое забвению не подлежит, иначе оно может обернуться очередной трагедией для мирового сообщества...

Глава 8. Это не должно повториться: атомный шантаж

Одной из трагических страниц XX века стала трагедия Хиросимы и Нагасаки в конце Второй мировой войны. С человеческой точки зрения — это была бессмысленная жестокость, но с политической — продуманный шантаж бывших союзников. Однако истоки его ведут в 30-е годы. Дело в том, в 1935 году, вскоре после того как Фредерик Жолио-Кюри вместе со своей женой Ирен Кюри получил Нобелевскую премию за открытие искусственной радиоактивности, в Коллеж де Франс была создана кафедра ядерной химии. Ближайшими его сподвижниками стали Ганс Халбан и Лев Коварски, бежавшие из Германии во Францию от нацистских репрессий. В конце 1938 года мировую научную общественность взволновало известие о том, что физики Отто Ган и Фриц Штрассман из Германии установили эффект неустойчивости атомного ядра урана, т.е. оно было способно расщепляться и делиться на две части с выделением огромного количества энергии. Это открытие, несомненно, активизировало научные поиски и теоретические выводы в совершенно иной области. Опираясь на него, несколько ученых из разных стран сразу же предсказали возможность самоподдерживающейся цепной реакции в определенной части урана. Уже в начале 1939 года Фредерик Жолио-Кюри и его коллеги во Франции, а также венгр Лео Сцилард и итальянец Энрико Ферми в США почти одновременно пришли к сходным выводам.

Суть их заключалась в том, что если при распаде атома урана высвобождается несколько нейтронов, каждый из которых способен в свою очередь расщеплять его соседние атомы, то при определенных условиях можно вызвать цепную реакцию с чудовищно разрушительным взрывом.

В марте 1939 года Жолио-Кюри, Халбан и Коварски опубликовали в лондонском журнале «Нейчур» статью «Высвобождение нейтронов в ядерном взрыве урана», что свидетельствовало о приоритете Франции в области атомных исследований, в частности, в разработке проблем самоподдерживающейся ядерной реакции. В то же время нельзя отрицать и того факта, что в той же Германии по-прежнему трудились и многие известные физики, в том числе и Ган и Штрассман. Опасения Жолио-Кюри были небезосновательны: 24 апреля 1939 года в имперское военное министерство с письмом обратились профессор Гамбургского университета Пауль Гартек и его ассистент Вильгельм Грот, в котором привлекали внимание к тому, что последние события в ядерной физике открывают возможность создания взрывчатого вещества чрезвычайной мощности. 26 апреля они же направили военному руководству Третьего рейха свой вывод о том, что страна, поставившая себе на службу эти достижения, сможет обрести «абсолютное превосходство над другими». Это известие заставило руководителя британских военных исследований Тизарда письменно рекомендовать своему правительству любыми средствами помешать Германии сосредоточить у себя запасы урана.

Не ограничиваясь данным призывом, Тизард по собственной инициативе встретился с бельгийским промышленником Эдгаром Сенжье — управляющим урановыми рудниками в Конго; к ним присоединился и Жолио-Кюри. Они предостерегли главу фирмы «Юнион миньер» об опасности попадания ее продукции в руки нацистов, что могло бы привести к мировой катастрофе, учитывая бесчеловечный характер их идеологии. К сожалению, в мае 1940 года Бельгия была внезапно оккупирована Германией и в ее руки попало 1.200 тонн уранового концентрата, хранившегося на обогатительной фабрике в Оолене, а это была почти половина тогдашнего мирового уранового запаса. Но Эдгар Сенжье успел покинуть страну и перебрался в Нью-Йорк. При этом он тайком доставил в ангольский порт Лобито всю руду, добытую за последний год на рудниках этой фирмы в Катанге. Это была вторая половина тогдашнего мирового запаса урана и она стала потом сырьем для Манхэттенского проекта по изготовлению взрывчатки для первых американских атомных бомб.

Следует отметить, что в вашингтонских коридорах власти и даже в военном ведомстве длительное время не предавали должного значения открытиям в области ядерной физики. Первыми стали бить тревогу европейские ученые-эмигранты в США, а именно Сцилард и Ферми, прибегнув к помощи самого авторитетного из своих коллег — Альберта Эйнштейна, рассчитывая на него как на убежденного противника фашизма. Его неприятию этой нацистской идеологии предшествовала своя история. Ко-

гда в 1933 году Гитлер пришел к власти, Эйнштейн находился с лекциями в США. Однако до него все же дошла иллюстрированная брошюра нацистов «Противники режима», начинающаяся фотографией автора теории относительности с надписью: «Эйнштейн еще не повешен». Кроме этого, фашисты конфисковали имущество ученого под предлогом его поддержки коммунистов, а научные труды публично сожгли вместе с «неарийской» литературой. Учитывая ситуацию, Эйнштейн написал письмо Рузвельту, который после некоторых колебаний подписал на нем: «Это требует действий».

10 апреля 1940 года в Лондоне состоялось заседание членов комитета Томсона по вопросам военного применения атомной энергии, субсидируемого английским правительством. В итоге были сформированы основные пункты задания для британской разведки, а именно: во-первых, установить чем занимаются 50 ведущих немецких физиков; во-вторых, под наблюдение следовало взять существующие в Германии заводы по очистке и переработке редких металлов и особенно предприятия с ураном и торием, а также заводы по производству центрифуг и поршневых насосов.

Между тем 26 сентября 1939 года, за две недели до письма Эйнштейна, в Берлине, в Управлении армейских вооружений, состоялось совещание ведущих немецких физиков, основавшее «Урановое общество», разработавшее его программу и определившее задачи отдельных научных групп. Тем самым был официально утвержден

«урановый проект» как составная часть научных исследований военного значения. Следовательно, в административном отношении он развивался более оперативно, чем аналогичные организации во Франции, Англии и США. В связи с этим большинство физиков, призванных в армию, вернулись в свои лаборатории. Научным центром этого проекта стал Физический институт Общества Кайзера Вильгельма, выполнявший, как и в Англии, функции Академии наук. Его ректором был назначен Вернер Гейзенберг, а к участию в проекте подключились физико-химические институты Гамбургского, Лейпцигского и Гейдельбергского университетов. Кстати, в это время Германия располагала научным и производственным потенциалом, материальными и финансовыми ресурсами для ядерных исследований. К тому же, в области металлургии, машиностроения, электротехники немецкая промышленность занимала второе место после американской, а по химии даже ее опережала. Кроме того, с оккупацией Норвегии нацисты приобрели единственное в мире предприятие по производству тяжелой воды в промышленном масштабе, а в Бельгии, как уже отмечалось, большой запас уранового концентрата. Что касается лабораторных исследований, то ранее их потребности покрывались яхимовским месторождением Чехословакии.

В течение 1940–1941 гг. Вернер Гейзенберг и его коллеги все же осуществили главные теоретические и экспериментальные исследования по созданию атомного реактора с использованием урана и тяжелой воды. Ими так-

же было установлено, что ядерной взрывчаткой может служить не уран-238, а его изотоп – уран-235, содержащийся в обычной урановой руде в пропорции 1:7.000. Поиски путей разделения этих изотопов начались под руководством Пауля Гартека. В июле 1940 года Карл-Фридрих фон Вайцзеккер теоретически установил, что уран-238 в атомном реакторе должен превращаться в новый элемент, по своим свойствам аналогичный урану-235. Так, он самостоятельно открыл элемент, который впоследствии был назван американцами плутонием. Тем самым была обоснована возможность его использования в качестве взрывчатого вещества. В декабре 1940 года под руководством Гейзенберга был построен первый исследовательский реактор, а фирма «Аургезельшафт» освоила производство металлического урана. Через 9 месяцев участники уранового проекта констатировали, что ядерная реакция действительно возможна и это открытие, несомненно, вело к атомной бомбе.

Что касается Англии, то исследования в области расщепления атомного ядра здесь начались немного позже, чем во Франции. В апреле 1940 года Джордж Томсон, инициировавший организацию правительственного комитета, был поставлен во главе его. По иронии судьбы он был создан накануне того периода войны, когда началась «битва за Британию», а следовательно, и массированные налеты немецкой авиации на Лондон. Поскольку ситуация диктовала более неотложные задачи, самой срочной была необходимость создания радара для защиты от авиации

Германии. Тем не менее, именно в эти дни работы в Кембридже, Бирмингеме и Ливерпуле, координируемые Томсоном, смогли существенно продвинуться, а значительный вклад в это внесли учёные-эмигранты, не задействованные в секретных работах. 19 июля 1941 года комитет Томсона представил свой доклад правительству, в котором впервые был сделан официальный вывод о создании атомной бомбы до конца войны. В октябре 1941 года в Англии учреждается соответствующая государственная организация, получившая кодовое наименование «Тьюб эллойс».

Возвращаемся в Германию. 4 июня 1942 года имперский министр вооружений Альберт Шпеер провел в Берлине расширенное совещание по «урановому проекту». В нем участвовали, кроме физиков Гейзенберга, Гана, Гартека, Дибнера, фельдмаршал Мильх, генерал-полковник Фромм, занимавшийся поставками боевой техники для вермахта, начальник Управления армейских вооружений генерал фон Лееб и др. Это совещание отнюдь не было случайностью, так как к лету 1942 года стало ясно, что блицкриг против Советского Союза провалился. Ситуация на фронтах, сложившаяся летом и зимой, свидетельствовала о том, что вернуть стратегическую инициативу могло только некое «сверхоружие». Вопрос был поставлен, что называется «ребром», то есть, возможность создания атомной бомбы и ее сроки. Ответ ученых был кратким: при необходимой материальной поддержке — от двух до пяти лет. 23 июня 1942 года Шпеер доложил Гитлеру о проблемах военной промышленности, но информация об

«урановом проекте» фигурировала только под 16-м пунктом и удостоилась лишь фразы в дневнике рейхсминистра о том, что фюреру было доложено о совещании «по поводу атомных исследований и оказанном содействии». К тому же, производство тяжелой воды на фирме «Норск-гидро» в Рjukanе было надолго парализовано из-за диверсии англичан, практически уничтожившей гидроэлектростанцию и электролизный завод.

Таким образом «урановый проект» Германии не завершился созданием атомной бомбы в силу ряда причин. Несмотря на уверенный старт (весь 1940 и 1941 гг. немцы лидировали в этой гонке), следующего этапа, а именно — перейти от лабораторных установок к промышленным, построить заводы по разделению изотопов урана, запустить атомные реакторы по накоплению плутония в промышленных масштабах — не произошло. Германия практически упустила свое время в этом направлении, во-первых, из-за ситуации на фронтах (не могло быть и речи о программах долгосрочных исследований); во-вторых, кроме объективного фактора был и субъективный — отношение Гитлера к этой проблеме. К ядерной физике он относился с явным предубеждением, считая ее «еврейскими штучками», ибо за всем, что было связано с теорией относительности, ему всегда «чудился» Альберт Эйнштейн. Однако работы в этой области все же продолжались, хотя и в ограниченных масштабах и 16 декабря 1944 года физик Вальтер Герлах докладывал партерлейтеру Борману о том, что Германия значительно обогнала Америку как в

области исследований, так и разработок, хотя находится в более тяжелых условиях, чем США.

20 июня 1942 года У. Черчилль, во время встречи с Ф. Рузвельтом, согласился дать США наработки в области атомного оружия, ввиду сложившейся ситуации (бомбежки, воздушная разведка). Однако нельзя не отметить того факта, что уже до этого англо-американское сотрудничество отнюдь не было равноправным. Переданное под жесткий контроль американского военно-политического комитета английская программа «Тьюб эллойс» практически растворилась в Манхэттенском проекте. Руководитель английских работ Джордж Томсон, живя в Канаде, некоторое время посещал заседания военно-политического комитета в Вашингтоне, но вскоре убедился в сокрытии от него информации. 19 августа 1943 года Рузвельт и Черчилль подписали Квебекское соглашение, положившее конец независимым британским работам по созданию атомного оружия. Его участники обязались не принимать его без взаимного согласия, а также не информировать о нем третьи стороны. Разумеется, поскольку СССР в то время был единственным государством с потенциалом для изготовления атомной бомбы, то здесь уже четко просматривалась антисоветская направленность в предверии их встречи со Сталиным в ноябре 1943 года в Тегеране.

Начальником Манхэттенского проекта стал полковник инженерных войск Лесли Гровс, а научным руководителем Роберт Оппенгеймер – с блестящим Гарвардским, Кембриджским и Геттингенским университетским образо-

ванием. Службу безопасности проекта возглавлял полковник Борис Паш – сын митрополита русской православной церкви в США и ярый антисоветчик. В своей книге «Теперь об этом можно рассказать» Гровс констатировал, что «наша стратегия в области охраны тайны очень скоро определилась. Она сводилась к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне не было полностью неожиданным для противника; и, максимально возможно, сохранить втайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов»²⁴⁵.

Относительно Роберта Оппенгеймера. По-настоящему он начал интересоваться политикой только после своего возвращения из Европы, при этом Германия для него уже не была неким абстрактным понятием. Приход к власти Гитлера, чудовищные нацистские репрессии, жертвами которых оказались многие знакомые ему ученые, он переживал довольно болезненно. Это привело его к сближению с левыми, антифашистскими организациями в Калифорнии, а также к активному участию в их деятельности в гражданской войне в Испании, то есть на стороне республиканцев. К тому же он симпатизировал членам Компартии США, что стало поводом для полковника Паша направить 29 июня 1943 года доклад в Пентагон. В нем он сделал вывод о том, что этот «субъект» должен быть отстранен от руководства научным центром Манхэттенского проекта. Поскольку он контактирует с «левыми»,

это может привести к утечке секретной информации о работах в Лос-Аламосе через коммунистов в Советский Союз. В середине июля Пентагон отреагировал депешей об отстранении Оппенгеймера от руководства научным центром. Однако уже генерал Гровс, не желая терять талантливого исследователя и организатора, сумел найти подход к этому либеральному интеллигенту, превратив его в пленника реакционной военщины. Благодаря этой трансформации, на завершающей стадии работ и особенно после капитуляции Германии, Оппенгеймер не воспротивился, как многие его коллеги, применению атомного оружия против Японии. Его роль в планировании соответствующей боевой операции и выборе объектов для бомбардировки носила консультативный характер.

8 июля 1942 года штаб японского императорского флота провел совещание с учеными о возможности применения атомной энергии. Это произошло тогда, когда Шпеер уже доложил фюреру, что для создания атомной бомбы потребуется не месяцы, а несколько лет. Что касается английской программы «Тьюб эллойс», то ее весьма успешно поглотил Манхэттенский проект США. Разумеется, этот вопрос обсуждался в Японии, хотя до середины 70-х годов об этом знали немногие и только из материалов «Общества по изучению войны на Тихом океане», опубликованных в Японии, обозначился весь драматизм борьбы за обладание этим чудовищным порождением человеческого гения. Стало очевидно, что с ведущими физиками Западной Европы и Америки незримо соперничали как

участники немецкого «уранового проекта», так и японский проект «Эн».

Адмирал военно-морского штаба подробно обрисовал военную ситуацию, чтобы представители отечественной науки могли четко понять всю сложность решения предстоящей задачи. А она действительно была непростой: уже через семь месяцев после начала войны ее ход сложился не в пользу Японии. Казалось, что жесткий удар по Пирл-Харбор стал началом целого ряда триумфальных побед. К ним отнеслись: захват Сингапура 15 февраля 1942 года, затем 9 марта Голландской Ост-Индии (нынешней Индонезии), а 9 апреля и оккупация Филиппин. Однако вслед за ними посыпались неудачи: поражение на острове Мидуэй, утрата Соломоновых островов, растущие потери на море, в воздухе и на захваченных территориях. В связи с этим закономерно потребовалось новое «сверхоружие», способное вывести ситуацию из создавшегося тупика. К тому же, агентурная разведка доносила об интенсивности исследований в США и об этом свидетельствовал тот факт, что они запретили вывоз урана из страны.

Перед учеными были поставлены два конкретных вопроса: возможность использования атомной энергии в военных целях и способность Японии его создания в ходе современной войны. Профессор Токийского университета Риоките Сагане представил свои расчеты по которым на решение этой проблемы понадобилось бы почти десятилетие, но при наличии достаточного сырья и рабочей силы. Такая перспектива явно не устроила военных, но тем не

менее флот все же выделил определенные денежные средства. Однако ввиду отсутствия оперативного результата, решение этой задачи было передано военно-воздушным силам. 5 мая 1943 года видный японский физик Иосио Нисина, учившийся в свое время у самого Нильса Бора в Копенгагене, сообщил штабу ВВС о технической возможности создания атомной бомбы. На основании его доклада и произошло утверждение секретной программы под кодовым названием проект «Эн», разработкой которого стал заниматься исследовательский институт авиационной технологии во главе с генералом Ясуда. Кстати, именно им впервые в Японии был поставлен вопрос о военном применении атомной энергии. К участию в проекте «Эн» были привлечены талантливые ученые, освобожденные от военной службы. Один из учеников профессора Нисина (Хидехико Тамаки) стал во главе группы, занимающейся расчетами размера критической массы урана-235, а другой его ученик (Тадаки Такеути) возглавил работы по разделению изотопов урана. Однако при наличии научных сил ему были необходимы две тонны урановой руды, чего не могли дать японские месторождения в префектуре Фукусима. В связи с этим оккупационным властям в Китае и в странах южных морей был поручен интенсивный поиск урановой руды, что осложнялось наличием других неотложных нужд. Все это позволило Лесли Гровсу прийти к выводу, что достижение этой цели для Японии невозможно.

Между тем будущая катастрофа для этой страны неумолимо приближалась: генерал Гровс начал конкрет-

ную подготовку к боевому применению нового оружия и по его рекомендации главнокомандующий ВВС США генерал Арнольд, начальник штаба армии генерал Маршалл уже утвердили план операции под кодовым названием «Серебряное блюдо» и в соответствии с ним формировалась специальная авиачасть. В штате Небраска (на авиационном заводе) было заказано 15 стратегических бомбардировщиков «Б-29» с изменением конфигурации бомбовых люков и максимальной высотой полета 12 тысяч метров. Эти «сверхкрепости» были практически недостижимы для японских истребителей. Командиром этой части был назначен тридцатилетний полковник Тиббетс, участвовавший в первых массированных бомбардировках в Германии. Кроме этого он был личным пилотом самого генерала Эйзенхауэра, а затем и летчиком-испытателем бомбардировщиков «Б-29», которые с середины 1943 года выпускал концерн «Боинг». Осенью 1944 года личный состав авиачасти Тиббетса обосновался на аэродроме в Уэндовер в штате Юта, куда были переброшены «сверхкрепости», экипажи которых сразу же приступили к учебным полетам. 30 декабря 1944 года Лесли Гровс доложил Стимсону о том, что первые американские атомные бомбы будут готовы к 1 августа 1945 года. Он также сообщил, что 509-й сводный авиаполк (официальное название этой части) заканчивает первый этап своих тренировок, после чего будет переброшен на Кубу. Здесь в его программу будут включены уже длительные полеты и поэтому об

этом необходимо проинформировать командование вооруженных сил США в бассейне Тихого океана.

В то же время нельзя пройти и мимо того факта, что в среде ученых возникли сомнения в необходимости атомного оружия в этой войне, тем более, когда в Сталинградской битве гитлеровский рейх потерпел сокрушительное поражение; неудачи его преследовали и с середины 1944 года. Становилось ясно, что Германия проигрывает Советскому Союзу в этом противостоянии. Активно против его применения первым выступил Нильс Бор, отлично осознавая всю степень этой опасности для человечества. Он стал добиваться немедленного международного контроля над ним, причем с участием СССР, тем более, что ситуация грозила распадом антигитлеровской коалиции в случае его изоляции. К тому же Бор, зная потенциал этой страны, не сомневался в ее способности создания собственной атомной бомбы. 16 мая 1944 года он добился приема у Черчилля, несмотря на его явное нежелание этой встречи. Получасовой разговор явно не удался, так как Бор попытался довольно сбивчиво донести до премьера свою позицию. После этой неудачной встречи ученый стал добиваться приема у Рузвельта, в частности, послав письмо на его имя, в котором попытался объяснить угрозу атомного оружия для человечества. 19 сентября 1944 года произошла встреча Рузвельта и Черчилля в США. Наряду с рядом военно-политических проблем, состоялся и обмен мнениями по поводу предложений Нильса Бора. В секретном

меморандуме об этой встрече было, в частности, зафиксировано следующее:

«Предложение о том, что мир должен быть проинформирован об атомном оружии, имея ввиду международный контроль над его использованием, неприемлемо. Дело это должно по-прежнему оставаться в строгом секрете. Когда бомба будет готова, она после тщательного рассмотрения всех обстоятельств может быть применена против Японии. Руководители США и Англии считают нужным провести расследование по поводу деятельности профессора Бора: необходимо убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно к русским». Свою неприязнь к нему Черчилль еще более откровенно выразил в записке к своему научному советнику лорду Черуэллу: «Президент и я серьезно обеспокоены профессором Бором. Как случилось, что он допущен к работам? По-моему, Бора следует изолировать!»²⁴⁶. Эта ситуация с предельной ясностью характеризует отношение англо-американских союзников к СССР. Она, несомненно, является началом будущего атомного шантажа и в полной мере высвечивает все вероломство этого вынужденного тандема.

В этих весьма «высоких» отношениях нельзя не коснуться еще одной стороны, ставшей жертвой фашистской агрессии, а именно Франции, на юге которой 6 июня 1944 года высадились войска союзников. Дело в том, что еще до открытия второго фронта в Европе Пентагон учредил так называемую миссию «Алсос» — научную разведку

специального назначения. Суть ее заключалась в том, что двигаясь вместе с войсками она немедленно собирала документы по германскому «урановому проекту», разыскивала наиболее известных ученых, занятых в нем, а также конфисковывала записи расщепляющихся материалов. Однако ее более расширенной целью был перехват у союзников любых сведений не только об атомной программе, но и о других перспективных видах оружия, получивших разработку в Германии. Но главная ее задача состояла в том, чтобы не допустить к ним такого союзника как СССР. Ее возглавлял вышеупомянутый полковник Паш, которого необходимо было абстрагировать от дела Оппенгеймера и разрядить сложившуюся конфликтную ситуацию.

24 августа 1944 года Париж ликовал, подняв восстание против оккупантов, и готовился к встрече французских войск. Первым в него вошел французский генерал Леклерк со своей бронетанковой дивизией и вместе с ее авангардной колонной в город въехал и джип с американскими офицерами, за отворотами тужурки каждого был условный значок: белая буква альфа, пронзенная красной молнией. Это и была передовая группа миссии «Алсос» во главе с полковником Пашем. Первым в ее розыске значился Фредерик Жолио-Кюри, о котором следовало знать следующее: не участвовал ли он в германском «урановом проекте», не имеет ли сведений о нем и, наконец, нельзя ли его переманить в США. В беседе с ними он рассказал, что занимался «под носом у немцев» изготовлением ра-

диостанций и боевого снаряжения. Однако, когда сам Жолио-Кюри стал задавать вопросы, благожелательность начала беседы сменилась взаимным недоверием, так как американцев поразила не только его осведомленность в вопросах о Манхэттенском проекте, но и отрицательное отношение к монополии на атомное оружие. К тому же, он заявил, что сообщит об этом генералу де Голлю.

15 ноября 1944 года американцы заняли Страсбург. По некоторым отрывочным сведениям миссия «Алсос» пришла к выводу о том, что значительная часть работ над германским «урановым проектом» велась именно здесь. Но черновые записи и беглые заметки свидетельствовали о том, что у нацистской Германии нет и до конца войны не будет атомной бомбы, т.е. ее ядерные исследования так и не вышли из лабораторной стадии. При этом важно, что и они не попали в «чужие руки» и прежде всего в русские, а поскольку Соединенные Штаты первыми создали подобное оружие, то они и должны оставаться его единственным обладателем и пусть весь мир воочию увидит силу этого оружия, а следовательно, и мощь США...

Между тем Жолио-Кюри продолжал оставаться головной болью американцев. Он все же вступил в контакт с де Голлем, по его вызову прибыл в Лондон и здесь напомнил ему, что перед оккупацией Парижа в Англию, вместе с запасами тяжелой воды были вывезены и научные материалы об открытиях уже запатентованных как собственность Франции. По поручению Жолио-Кюри это все было передано англичанам в обмен на обещания обеспечить

французские интересы в области использования атомной энергии. Когда же американцы навязали англичанам в Квебеке соглашение, запрещающее передачу какой-либо информации по этой проблеме третьим странам, то они тем самым перечеркнули и прежнюю англо-французскую договоренность. Жюлио-Кюри на этом не остановился и далее дал понять, что если Франция не будет допущена к американо-английской программе по атомной энергии, то ей придется ориентироваться на Россию²⁴⁷.

В то время, когда США сосредоточились на изготовлении атомного оружия, Германия, не добившись реальных успехов в этой области, активизировалась на так называемом «оружии отчаяния». Поражение под Сталинградом заставило ее ускорить этот процесс, т.е. проект Пенемюнде, научным руководителем которого был Вернер фон Браун. Во время совещания у рейхсминистра Шпеера глава «уранового проекта» Вернер Гейзенберг вынужден был признать, что для создания атомной бомбы понадобятся годы, а в Пенемюнде уже приступали к массовому производству самолетов-снарядов «Фау-1». К тому же в октябре 1942 года уже были первые запуски баллистических ракет «Фау-2». И те, и другие предназначались для решения тех оперативных задач, с которыми не справлялась военная авиация, поэтому и Гитлер и Геринг оставили свой выбор на фон Брауне.

Между тем ракетный полигон на месте одноименного рыбацкого поселка на острове Узедом в Балтийском море привлек к себе внимание британской разведки, а

данные аэрофотосъемки были дополнены сведениями от французского движения Сопротивления (группа «Альянс»), которые подтверждались и данными радиоразведки. 7 июня 1943 года (в первые дни битвы на Курской дуге) ракетная программа была объявлена первоочередной для вермахта, а в ночь на 18 августа 600 английских бомбардировщиков совершили налет на Пенемюнде. Наиболее пострадал технический персонал: погибло 600 иностранных рабочих. Тем же летом англичанами был нанесен еще более ощутимый удар по немецкой ракетной программе: бомбардировке подверглись заводы фирмы «Цепеллин» во Фридрихсхафене, т.е. там, где с начала 1943 года находилось производство баллистических ракет «Фау-2». Затем 24 декабря 1943 года 1 300 английских и американских самолетов обрушили фугасные бомбы на немецкие пусковые платформы вдоль Ла-Манша. Вследствие этого Германии пришлось постоянно откладывать сроки запуска нового оружия а, в конце концов, применять его без устранения неполадок. Тем не менее, в общей сложности по Англии было выпущено 11 300 самолетов-снарядов. При этом: 20 процентов из них взорвались на старте, 25% сбиты самолетами, столько же — зенитной артиллерией и 30 процентов долетели до цели (из 3 200 в район Большого Лондона попали 2 400). Значительная часть «Фау-1» взорвалась в густонаселенных кварталах, что привело к гибели 5 500 человек и ранению 16 000. 7 сентября 1944 года в ход были пущены «Фау-2» и до конца войны их жертвами стали еще 13 000 мирных жителей. Так называ-

емое «оружие возмездия» не имело систем наведения и не было рассчитано на уничтожение войск противника – оно имело скорее психологический эффект, а не военный и мишенью для него мог стать такой многомиллионный город, как Лондон²⁴⁸.

6 июня 1944 года союзники открыли второй фронт в Европе, а Япония продолжала терпеть поражение: были оставлены казалось бы непреступные Марианские острова, а затем и остров Сайпан. Это позволило американской авиации получить плацдарм в 2 500 км от Токио и 24 ноября того же года совершить первый налет на японскую столицу. Своего рода реакцией на сложившуюся ситуацию стало вхождение в жизнь японцев слова «камикадзе» в новом значении, т.е. речь шла о добровольцах, готовых отдать свою жизнь за страну. Армия и флот стали формировать отряды самоубийц, готовых направить свои самолеты и торпеды на вражеские корабли, но это уже не могло спасти Японию от надвигающейся катастрофы.

14 февраля 1945 года закончилась Ялтинская (Крымская) конференция, которую считали исторической демонстрацией боевого сотрудничества великих демократических держав в период, когда война вступила в свою конечную фазу²⁴⁹. В тот же день Уинстон Черчилль констатировал, что «постоянная дружба и сотрудничество трех великих держав были провозглашены более точно и более авторитетно, чем когда-либо ранее». 1 марта того же года Франклин Рузвельт в отчете конгрессу США подчеркивал, что «никогда ранее главные союзники не были связаны

более тесным единством не только в целях войны, но и в мирных целях»²⁵⁰. А тем временем американская морская пехота высаживалась на острове Иводзима, что в трех часах от Токио; 29-я воздушная армия США наращивала бомбовые удары по Японии. 9 марта свыше трехсот бомбардировщиков «Б-29» совершили налет на Токио, применив тактику сбрасывания зажигательных бомб с небольшой высоты. Столица Японии превратилась в огненное море: сгорело 267 тысяч домов, что составляло четверть жилого фонда; шестнадцать квадратных километров городской территории были превращены в огромное пепелище; за один лишь налет в Токио погибло почти 100 000 человек, свыше 130 тысяч ранено; без жилья остались более миллиона горожан. Французский публицист Робер Гийен определил последствия этого налета как равное ядерному взрыву.²⁵¹ 25 марта правительство объявило о создании народного ополчения с мобилизацией всех мужчин и женщин, способных держать в руках бамбуковые пики и это было единственное оружие «фольксштурма» Японии.

13 апреля 1945 года японское радио сообщило о смерти американского президента и в тот же день 160 бомбардировщиков «Б-29» совершили очередной налет на Токио. В течение трех часов они забрасывали город фугасными и зажигательными бомбами. Большинство зданий и исследовательского института авиационной технологии были в огне; уцелевший вначале корпус №49, где размещалась лаборатория проекта «Эн», затем взорвался. По

иронии судьбы участники его могли лишь только наблюдать, как сгорают надежды Японии иметь атомное оружие. После разрушения института авиационной технологии атомные исследования еще некоторое время продолжались в лабораториях Киотского университета. Группа во главе с профессором Бунсаку Аракацу занималась здесь выделением урана-235 с помощью центрифуги. Императорский флот, финансировавший эти эксперименты, исходил лишь из вероятности создания противником атомной бомбы. 25 июля 1945 года профессор и другие физики Киотского университета совещались с его представителями на берегу озера Бива, где тогда находилась школа пилотов военно-морской авиации. Ученые, подкрепляя собственные выводы научной информацией из нейтральных стран, заявили о теоретической невозможности использования атомной бомбы в современной войне, а на большой высоте над ними пролетал «Б-29» майора Суини — один из самолетов 509-го сводного авиаполка²⁵². 22 июля он сбросит такую тренировочную «тыкву»²⁵³ на город Кобе, а 9 августа 1945 года ему предстоит превратить в пепел японский город Нагасаки.

Между тем миссия «Алсос» активизировала свою деятельность по захвату документации и объектов, занимавшихся атомными исследованиями. Почти все они были сосредоточены на юго-западе Германии, т.е. на территории будущей французской зоны и единственным исключением являлся завод фирмы «Ауэргезельшафт» в Ораниенбурге, севернее Берлина. Американская разведка еще

в конце 1944 года установила, что именно там производится металлический уран. В связи с этим предприятие не бомбили умышленно и лишь когда стало ясно, что советские войска войдут в этот город раньше американских, свыше 600 «летающих крепостей», забросав его фугасными и зажигательными бомбами, до основания разрушили и все наземные сооружения завода. Для маскировки операции они тоже самое сделали и с городом Цоссен, где находился штаб вермахта. При этом во время налета был тяжело ранен начальник германского генерального штаба генерал Гудериан.

Стремительное наступление Красной Армии на Оudere вынудило гитлеровцев спешно эвакуировать Пенемюнде и в феврале ракетчики прибыли в Нордхаузен, где серийное производство «Фау-1» и «Фау-2» продолжилось еще в течение двух месяцев. 3 апреля 1945 года инспектор ракетных войск генерал Ханс Каммлер приказал вывезти руководящий состав проекта Пенемюнде в «альпийскую крепость» на стыке границ Германии, Австрии и Швейцарии, а генерал Дональд Путт с группой сотрудников американской военной разведки спешно прибыл в Нордхаузен (будущая зона советской оккупации). Оттуда срочно было вывезено более сотни комплектных ракет «Фау-2». Секретной службой Пентагона было захвачено большое количество технической документации по проекту Пенемюнде, доставлено в Антверпен и отправлено в США. Накануне капитуляции Германии генерал Каммлер покончил жизнь

самоубийством, а что касается Дорнбергера и фон Брауна, то они нашли себе новых хозяев за океаном.

17 июля 1945 года состоялась Берлинская, вернее Потсдамская (пригород Берлина) конференция под условным названием «Терминал». В ней приняли участие И.В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль (позднее К. Этли), а также министры иностранных дел СССР (В. Молотов), США (Д. Бирнс) и Великобритании (А. Иден, затем Э. Бевин). Кроме них были их заместители, посол СССР в США А. Громыко, посол СССР в Англии Ф. Гусев, представители министерств иностранных дел и военных ведомств. В отличие от предыдущих она уже имела конкретные соглашения как в отношении ведения войны, так и послевоенного устройства. Между тем 19 июля уже произошло событие, которое президент Г. Трумэн считал важнейшим в переговорах с СССР, а именно удачное испытание атомной бомбы на военно-воздушной базе в Нью-Мексико. Развернутый доклад об этом он получил 21 июля. Разумеется, Г. Трумэну сразу же хотелось шантажировать этим советскую сторону, т.е. после пленарного заседания, но он решил сначала ограничиться замечанием общего характера, сообщив И. Сталину о необыкновенно разрушительном оружии. Несомненно, зная об этом, Черчилль и государственный секретарь Бирнс внимательно следили за этой сценой. Однако И. Сталин, сохранив поразительное спокойствие, никоим образом не выразил своего отношения к этому событию и только вернувшись с заседания в присутствии В. Молотова, Г. Жукова и В.

Бережкова отметил необходимость ускорения работы И. Курчатова, т.е. создания атомной бомбы²⁵⁴.

2 августа 1945 года президент США подписал Потсдамское соглашение, предусматривавшее, в частности, полное разоружение и демилитаризацию Германии, ликвидацию всей ее промышленности (военное производство). Но, тем не менее, научный руководитель проекта Пенемюнде уже тогда был тайно вывезен в США, а когда Международный военный трибунал в Нюрнберге объявил СС преступной организацией, штурмбанфюрер СС фон Браун уже руководил монтажом захваченных в Нордхаузене ракет «Фау-2» на полигоне Форт-Блисс. Совершенно очевидно, что именно он сыграл затем ведущую роль в конструировании многоступенчатых ракет при помощи которых США запускались пилотируемые космические корабли. Что касается бывшего нацистского генерал-полковника Вальтера Дорнбергера, которого Гитлер наградил в 1944 году рыцарским крестом, то он стал главным конструктором авиастроительной фирмы «Белл»²⁵⁵.

8 мая 1945 года в Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, а тем временем американские «сверхкрепости» превращали японские города в руины до такой степени, что генерал Гровс засомневался в наличии неповрежденных, ведь надо же было продемонстрировать масштаб нового оружия... 10 мая, по его инициативе, в Пентагоне собрался комитет по выбору целей для его демонстрации. Он подтвердил, что для этого лучше выбрать не пострадавшие крупные

пункты. Выбор пал на Хиросиму, Кокуру, Ниигата и Нагасаки. 31 мая опять же в Пентагоне собрался Временный комитет по проблемам атомного оружия (комитет «С-1»). Он в основном состоял из военных и политиков, а ученые приглашены только с правом совещательного голоса (консультативная группа). Представители Пентагона, настаивая на необходимости скорейшей атомной бомбардировки, мотивировали это тем, что на Окинаве американцы несут потери в кровопролитных боях с японцами. После бурной дискуссии Временный комитет принял решение о применении атомного оружия против Японии без предварительного предупреждения. Несмотря на строгую секретность, информация об этом все же поступила в Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд и Чикаго, а участников Манхэттенского проекта охватывала все большая тревога, заставляя противиться этому решению. Наиболее активно выступали сотрудники металлургической лаборатории Чикагского университета, ведь когда-то работы по расщеплению атомного ядра стартовали именно здесь, а затем уже переводились в Лос-Аламос из-за изнурительной жары. В Чикаго вместе с Лео Сцилардом работал и лауреат Нобелевской премии Джеймс Франк. Именно по их инициативе группа известных ученых в обстоятельном докладе изложила свои выводы о возможных последствиях боевого применения этого чудовищного оружия XX века. 15 июня 1945 года он был вручен военному министру Стимсону. В нем ученые предостерегали американское правительство от иллюзий на монополию в этой сфере,

так как были сведения об аналогичных работах французских, английских, немецких и советских физиков²⁵⁶.

Для полной картины предстоящей человеческой трагедии следует вернуться к одному из решений Потсдамской конференции, а именно вопросам, связанным с проведением войны против Японии. В начале ее советская делегация проинформировала президента США Франклина Рузвельта о том, что Советский Союз непременно выполнит свое обязательство о вступлении в войну с ней в полном соответствии с Крымским (Ялтинским) соглашением от 11 февраля 1945 года. Поэтому начальник Генерального штаба Красной Армии генерал А.И. Антонов сообщил о сосредоточении советских войск на Дальнем Востоке с целью разгрома японцев в Северо-Восточном Китае и выхода к Ляодунскому полуострову.²⁵⁷

Однако, несмотря на последовательную приверженность СССР достигнутой договоренности, США и Англия, без какого-либо согласования с ним, опубликовали 26 июля 1945 года Потсдамскую декларацию от своего имени и Китая. В ней они призвали Японию к безоговорочной капитуляции на предъявленных в ней условиях. При этом советская делегация получила только копию «для сведения» в день ее подписания». Такого рода акция была явным намерением союзников отстранить СССР от решения послевоенных вопросов относительно Японии. Советское правительство, руководствуясь ситуацией, позднее присоединилось к ней, о чем официально объявило 8 августа 1945 года²⁵⁸. Берлинская (Потсдамская) конференция за-

вершилась подписанием главами правительств СССР, США и Великобритании протокола от 1 августа 1945 года и сообщением о ней 2 августа того же года (док. 158–159). Ее результативность констатировала и газета «Правда» (официальный печатный орган), считая, что в условиях сложной послевоенной международной обстановки ее решения и достигнутые соглашения приобретают большую ценность и значение, так как отвечают интересам всех миролюбивых государств. Они состоят в том, чтобы навсегда устранить угрозу германской агрессии и обеспечить прочный мир между народами и всеобщую безопасность²⁵⁹.

При сопоставлении трагических для японского народа дат, а именно 6 и 9 августа, т.е. когда были превращены в пепел Хиросима и Нагасаки, становится очевидным стремление США подогнать первый экспериментальный атомный взрыв 16 июля именно к началу Потсдамской конференции. Безусловно, это был продуманный шантаж Советского Союза столь небывалым грозным оружием, т.е. демонстрация мощи США и заявка на монополию в его создании. Что касается 10 августа, то для ученых, не знакомых с Ялтинскими соглашениями, эта дата являлась неким мистическим рубежом, но для политических лидеров США она была датой вступления СССР в войну с Японией, обещанная союзникам. Будучи уверенным в том, что СССР сдержит свое слово, они стремились создать иллюзию для мирового сообщества, что не он, а американские атомные бомбы вынудят капитулировать Японию. К тому же, демонстрация чудовищной мощи атомного

оружия создаст условия для послевоенного управления этим миром²⁶⁰.

Но вернемся к хронологии трагедии японских городов, подвергшихся запланированному уничтожению. 5 августа 1945 года шесть членов экипажа бомбардировщиков с бортовым номером 82 (командир бомбардировщика Люис, бортинженер Дазенбери, бортмеханик Шумард, радист Нелсон, радиометрист Стиборик, стрелок Кэрон) были вызваны в штаб 509-го сводного авиаполка. Им сообщили, что с ними полетят Парсонс, Джеппсон и Бисер, которые ознакомят их с так называемым «пассажиром» из бомбового отсека. В 2 часа 45 минут утра 6 августа «сверхкрепость» Энола Гэй (имя матери Тиббетса) начала свой разбег. В полете к ней присоединились бомбардировщики майора Суини и капитана Марквардта. Конечно, жители Хиросимы еще не знали об уготованной им участи, ведь всю весну и лето они слышали по ночам гул сотен американских самолетов, летавших на огромной высоте. После двух ночных воздушных тревог почти никто не обратил внимание на третью, а ее объявили в 7 часов 9 минут утра, когда над городом появился единственный «Б-29» – самолет «Стрэйт флэш» майора Изерли. В 8 часов 14 минут 15 секунд раскрылись створки бомбового люка и бомба «Малыш» устремилась вниз. Еще 47 секунд над Хиросимой мирно светило солнце и утренние будничные заботы были с горожанами вплоть до мгновения, когда беззвучная вспышка мгновенно превратила город в горячий пепел. Шумард – один из участников атомной бомбардировки –

рассказывал, что вместе с дымом вверх летели какие-то обломки и кто-то из нас сказал, что «это души японцев возносятся на небо».

Прошла всего одна ночь после пресс-конференции в штабе 20-й воздушной армии, когда полковник Тиббетс сообщил об уничтожении Хиросимы. Экипажи семи «сверхкрепостей» едва успели отоспаться, как снова был назначен боевой вылет, перенесенный с субботы на четверг, т.е. на 9 августа. Причем на этот раз вместо контейнеров с приборами бомбардировщику «Грейт артист» предстояло сбросить «Толстяка» — такую же плутониевую бомбу, что была взорвана на башне в Аламогордо. В качестве возможных объектов были обозначены два японских города: главная цель — Кокура, запасная — Нагасаки. А дело было в том, что Трумэн торопился, так как в ночь на 9 августа СССР вступил в войну с Японией. Поэтому, в то самое утро, когда в Маньчжурии Квантунская армия обратилась в бегство под ударами советских танков, «Б-29» майора Суини вновь поднялся в воздух с острова Тиниан. Самолеты сообщили о хорошей погоде как над Кокурой, так и над Нагасаки, поэтому был взят курс на главную цель. Однако в последний момент ветер над южной Японией изменил направление и густая пелена дыма над горевшим после очередной бомбежки металлургическим комбинатом Явата ушла в сторону и закрыла город. Майор Суини, сделав три захода, понял, что его прицельная бомбежка невозможна и пошел на запасную цель.

Таким образом участь Нагасаки была решена и в 11 часов 2 минуты утра «Толстяк» взорвался над одной из многочисленных городских церквей, примерно на два километра севернее точки-прицеливания, уничтожив около 80 тысяч человек. Четыре с лишним века этот порт служил в Японии воротами христианства. Миссионеры, как водится, строили там церкви, звали на путь истинный и пугали муками ада, но всей их фантазии о дьяволе не хватило бы и на тысячную долю того, что сотворил с этим городом христианин Гарри Трумэн. Так называемый «Малыш» взорвался над собором, который воздвигли возле тюрьмы, чтобы звон его колоколов помогал преступникам каяться. Однако взрыв не пощадил никого: ни грешников, ни праведников, ни самих богов. Обезглавленный каменный Христос остался стоять среди развалин, опровергая собственную проповедь о том, что в мольбах можно обрести спасение²⁶¹.

Между тем в первые дни после катастрофы Хиросима отнюдь не походила на безжизненное кладбище: это был город мук и страданий, полный хаотического движения. Такой ее увидел и прогрессивный публицист Уилфред Бэргетт от лондонской «Дейли экспресс». Он был первым и единственным иностранным корреспондентом, побывавшим в городе до пресс-конференции генерала Томаса Ферелла (заместителя начальника Манхэттенского проекта), заявившего 3 сентября 1945 года, что от последствий взрывов в Хиросиме и Нагасаки больше никто не страдает, так как все умерли. Однако последствия атомно-

го взрыва были чудовищными: от лучевой болезни люди мучительно страдали и об этом писала газета «Асахи»: «Хиросима — город смерти». Даже люди, оставшиеся невредимыми при взрыве, продолжали умирать²⁶².

С середины сентября всякое упоминание о жертвах атомного взрыва вдруг исчезло со страниц японской печати, так как цензура американских оккупационных властей категорически запретила писать об этом, что и продолжилось на целых семь лет. При этом около 300 000 так называемых «хибакуся» — людей, пострадавших от атомных взрывов, стали своего рода кастой отверженных. Даже в литературе и искусстве они стали запретной темой. Так, группа операторов во главе с режиссером Акирой Ивасаки прибыла в Хиросиму вскоре после взрыва. Всю осень они трудились среди развалин и пепла, а в декабре перебрались в Нагасаки. Когда съемки уже подходили к концу, операторы были арестованы военной полицией США и самолетом доставлены в Токио; одновременно был совершен налет на киностудию, подвергся обыску и дом Ивасаки. Все материалы к фильму были конфискованы, а режиссера под присягой заставили подтвердить, что отснятой пленки больше нет. Впоследствии обыски повторялись неоднократно, на студию американцами засылались агенты, но Ивасаки и его коллеги, рискуя жизнью, все же смогли не только тайно отпечатать копию фильма, но и сохранить ее.

Неподалеку от Хиросимы, в Удзине, в помещении бывшей прядильной фабрики, группа японских медиков

энтузиастов оборудовала госпиталь для пострадавших от атомного взрыва. Его главный врач — профессор Охаси — накопил большое количество данных о том, что лучевая болезнь — это прежде всего прогрессирующее поражение костного мозга и крови. Однако 14 октября 1945 года в Удзину нагрянула американская военная полиция и закрыла госпиталь, а истории болезней и другая медицинская документация были конфискованы и отправлены в США. Не правда ли, достойная демонстрация духовных ценностей яркого представителя западной демократии... Не менее показательной была и другая ситуация, т.е., когда в Японии был создан научный центр по изучению воздействия атомных взрывов на человеческий организм. В середине 1947 года мэру Хиросимы объявили о размещении в городе персонала соответствующей комиссии, открывшей в городе специальную клинику. Японцы стали называть эту организацию «Эй-би-си-си». Однако она скорее занималась тем, что тщательно обследовала больных с помощью новейшей аппаратуры (причем бесплатно анализ крови, спинномозговой жидкости), но не назначала лечения, заявляя, что ее персонал не имеет права заниматься медицинской практикой в Японии. Практически людей использовали в качестве «подопытных кроликов», что являлось верхом цинизма, а комиссия по атомной энергии финансировала деятельность «Эй-би-си-си» с целью совершенствования американского ядерного оружия.

25 октября 1945 года президент США Гарри Трумэн изложил «двенадцать моральных принципов», составля-

ющих основу внешней политики его страны. Согласно им, Америка не имела агрессивных планов в отношении других государств. Однако тем временем в штате Нью-Мексико началось строительство завода для массового производства атомных бомб, а ведущие концерны военно-промышленного комплекса старались завладеть техническими достижениями нацистского вермахта и люфтваффе; повсеместно использовались сотрудники исследовательских отделов гитлеровского министерства авиации. 3 ноября 1945 года, менее, чем через три месяца после уничтожения Хиросимы и через два месяца после капитуляции Японии, Пентагон уже вынашивал агрессивные планы против своего бывшего союзника, т.е. Советского Союза. Об этом свидетельствовал первый параграф доклада №329 Объединенного разведывательного комитета, представленного на рассмотрение Комитета начальников штабов США. В нем предлагалось отобрать приблизительно двадцать наиболее важных целей для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории. Цинизм его заключался в том, что он отмечал нерациональность использования атомной бомбы против полевых войск и транспортной сети. Смысл дальнейшего пункта был еще более конкретным: в двадцать наиболее выгодных целей входили индустриальные центры, в которых находились научно-исследовательские учреждения, специализированные промышленные предприятия и ядро государственного аппарата. Таким образом данный подбор обеспечивал максимальное использование возможно-

стей атомного оружия. К намеченным целям относились Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль.

3 декабря 1945 года Объединенный разведывательный комитет представил доклад 329/1 с уточненным и дополненным планом, предусматривавшим нападением США на СССР уже при участии Англии. Расчет был на то, что Советский Союз, более всех пострадавший во Второй мировой войне, вряд ли будет способен иметь атомное оружие, по крайней мере 10–15 лет. 14 декабря Объединенный комитет военного планирования издал директиву №432/Д, в которой соучастниками нападения на СССР становились Англия, Франция и Турция. При этом авиации дальнего действия предписывалось использовать базы на Британских островах, в Италии (Фоджа), в Индии (Агра), в Китае (Чэнду) и на Японских островах (Окинава). К 20 основным промышленным городам присоединялась трасса транссибирской магистрали – главной однопутной линии коммуникаций. Таким образом суть стратегии Пентагона в 1945 году в принципе уже содержала главные элементы будущей военной доктрины США по отношению к СССР, а именно: ставка на первый удар и средства базирования на территориях союзных государств.

5 марта 1946 года Уинстон Черчилль в присутствии Гарри Трумэна произнес в Вестминстерском колледже американского городка Фултон (штат Миссури) свою

речь, ставшую открытым призывом к «холодной войне», подкреплённой атомным оружием²⁶³. Своего рода ответом на это мракобесие стал проект «Международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения», внесенный 19 июня 1946 года Советским Союзом на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии. Он предусматривал три обязательства для участников такой конвенции: не применять атомное оружие ни при каких обстоятельствах; запретить его производство и хранение; уничтожить его запасы в трехмесячный срок. Пентагон противопоставил ему так называемый «план Баруха», который позволял США монополизировать обладание им атомного оружия. С этой целью предлагалось создать международный орган по атомной энергии под полным их контролем с единоличным владением сырьевой, производственной и научно-исследовательской базой атомной промышленности во всех странах. При этом Комитет начальников штабов поддерживал в «плане Баруха» определенное условие, целью которого было предотвращение создания русскими атомного оружия, ибо оно должно оставаться сердцевиной американского арсенала. 24 сентября 1946 года специальным помощником президента США Клиффордом был представлен в Белый дом доклад под названием «Американская политика в отношении СССР». В нем констатировалась готовность США вести не только атомную, но и бактериологическую войну. Что касается переговоров о

контроле вооружений, то необходимо помнить, что этот запрет значительно ограничивал мощь государства. Следуя этой доктрине, Пентагон начал разворачивать в Западной Европе американские ядерные силы передового базирования. Таким образом на аэродромах Восточной Англии появились 60 бомбардировщиков «Б-29» — единственных носителей атомных бомб.

Следует отметить, что Черчилль продолжил свои исторические призывы к атомной войне против Советского Союза и об этом свидетельствует его очередная «незаслуженно забытая» речь. В ней он заявил о необходимости немедленного вступления в схватку с русскими коммунистами, пока западные страны единолично опираются на свою атомную мощь. Между тем Пентагон, по мере накопления атомных боезарядов, расширял и масштабы предполагаемого нападения на СССР. Так, по плану «Троян», уже 70 его городов должны были стать объектами атомного удара, при этом на Москву предполагалось сбросить 8 атомных бомб, на Ленинград — 7, а начинать все это атомное безумие следовало с 1 января 1950 года. Однако командование ВВС США вынуждено было признать, что вероятность потерь в это время может превысить 55%, в то время как при бомбардировке Японии они не составили и 2 процентов. Для достижения цели следовало расширить число участников нападения. Комитет начальников штабов в связи с этим приступил к разработке плана под кодовым названием «Дрошпот». Согласно ему, начало военных действий переносилось уже на 1 ян-

варя 1957 года, но вместе со штатами в войну должны были вступить все страны НАТО²⁶⁴. На первом этапе планировалось сбросить 300 атомных бомб уже на 100 советских городов, а далее, с запада и юга, должно было осуществляться вторжение 164 дивизий НАТО, в том числе 69 американских. Завершающий этап – оккупация СССР и других социалистических государств Европы. Однако этому плану не суждено было осуществиться, так как 3 сентября 1949 года США потеряли монополию над атомным оружием, ибо Советский Союз также стал его обладателем и путь его в этом направлении составил всего четыре года, т.е. вопреки всем прогнозам...

Совершенно очевидно, что Белый дом, в связи с этим известием, пережил шоковое состояние, продлившееся почти три недели, так как здесь даже не решились опубликовать столь неожиданное сообщение. Однако вслед за растерянностью и смятением последовала закономерная агрессия, выразившаяся в стремлении заполучить уже более мощную водородную бомбу, чтобы вернуть военное превосходство. В Лос-Аламосе этой идее более всех был привержен Эдвард Теллер, впервые высказавший ее еще летом 1942 года. Теперь ему представилась очевидная возможность осуществить работу над «супербомбой». 29 октября 1949 года консультативная группа Комиссии по атомной энергии в составе ведущих ученых приступила к обсуждению столь актуальной проблемы. Разумеется, мнения были кардинально противоположны, но особенно резко против создания водородной бомбы выступили фи-

зики Ферми и Раби, считавшие, что от этого следует публично отказаться обоим государствам. Шесть остальных членов консультативной группы, включая Оппенгеймера, хотя менее категорично, но все же пришли к тому же мнению, так как видели в отказе от нее единственный путь к предотвращению войны. Однако все попытки воззвать к разуму ее «ястребов» не увенчались успехом и 31 января 1950 года Совет национальной безопасности двумя головами против одного принял решение рекомендовать президенту издать приказ о срочном создании водородной бомбы²⁶⁵.

Общезвестно, что идея совершенствования ядерного оружия вызвала осуждение мирового сообщества, которое выразил Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира, собравшись на свою очередную сессию в Стокгольме. 19 марта 1950 года под Стокгольмским воззванием первым поставил свою подпись физик Жюлио-Кюри, отлично сознававший последствия применения ядерного оружия. За последующие полгода его подписали около 500 миллионов человек. В нем прозвучали следующие требования:

«Мы требуем безоговорочного запрещения атомного оружия – оружия запугивания и массового уничтожения.

Мы требуем установления строгого международного контроля для проведения в жизнь этого запрещения.

Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества. Такое прави-

тельство следует считать военным преступником. Мы призываем всех людей доброй воли во всем мире подписать это воззвание». Подпись под воззванием для Жолио-Кюри не прошла бесследно – уже 28 апреля он был смещен с поста Верховного комиссара Франции по атомной энергии, занимаемого им с первых послевоенных лет. Но это было только начало: его лишили научно-исследовательского центра в форте Шатильон, в котором он вводил в действие первый атомный реактор во Франции незадолго до этого. Но он не сдался и 22 ноября 1950 года возглавил Всемирный Совет Мира, созданный по решению Варшавского конгресса миролюбивых сил.

Очередным шоком для официального Вашингтона стало правительственное сообщение из Москвы, распространенное ТАСС, о произведенном взрыве «одного из видов водородной бомбы». Тем самым СССР, безусловно, продемонстрировал свое явное научно-техническое превосходство, так как было взорвано не громоздкое экспериментальное устройство, а транспортабельная водородная бомба: Перед США встали новые вопросы и не менее актуальные проблемы, решение одной из которых им виделось в форсировании разработки межконтинентальных баллистических ракет, ведущим конструктором которых был Вернер фон Браун с бывшими участниками немецкого «проекта Пенемюнде». Кроме этого группой перспективных исследований при Комитете начальников штабов было внесено предложение рассмотреть так называемую

возможность «преднамеренного ускорения войны с СССР в ближайшем будущем».

Несомненно, данная ситуация способствовала нагнетанию военной истерии в американском обществе и она не могла не отразиться на судьбе Роберта Оппенгеймера, возглавлявшего в 1949 году консультативную группу Комиссии по атомной энергии и активно выступавшего против создания водородной бомбы. Это было тем более «предосудительно», что агитацию против этого проекта он продолжил даже после подписания Трумэном приказа о начале работ «по созданию водородного оружия». Слушания по делу Оппенгеймера проходили с 12 апреля по 6 мая 1954 года в здании Комиссии по атомной энергии, представитель которой Роджер Робб практически обвинил «отца атомной бомбы» в государственной измене. Бывший научный руководитель Манхэттенского проекта теперь был обозначен как «лицо, представляющее угрозу национальной безопасности США» и как человек, сознательно пытающийся подорвать американское превосходство в области ядерных вооружений. По этому делу были привлечены двадцать четыре ведущих ученых, из которых девятнадцать высказались против предъявленных обвинений, а пять, в той или иной степени, поддержали их. При этом с самыми резкими аргументами выступил Теллер, иронично возведенный в ранг «апостола супербомбы». Оппенгеймера судил трибунал из трех человек, который никак не мог прийти к общему мнению. В конце концов, он констатировал, что государственной измены не было,

но дальнейшее его участие в правительственных программах военного значения исключено.

Трагедия испытаний ядерного оружия Америкой коснулась еще одних японцев, которых застигла водородная бомба 1 марта 1954 года над атоллom Бикини в Тихом океане. По жестокой «иронии судьбы» шхуна «Фукурю-мару» двадцати трех японских рыбаков оказалась в 90 милях от него. За две недели обратного пути у них уже проявились первые зловещие признаки лучевой болезни. Их трагическая судьба взбудоражила общество Японии намного больше, чем любое другое событие послевоенных лет. О первых жертвах теперь уже водородной бомбы, помещенных в два токийских госпиталя, сообщали представители всех СМИ. Взрыв возмущения вызвало и предложение директора вышеупомянутой клиники «Эй-би-си» о переводе этих несчастных в нее. Оно было истолковано как желание американских «врачей» получить очередной материал для своих научных наблюдений. К тому же, трагическая участь экипажа «Фукурю-мару» вызвала волну антивоенных выступлений по всему миру.

Тем не менее США продолжали активизировать ядерную гонку, делая ставку на «устрашение», т.е. обеспечения «угрозы превосходящей силой». Американские политики и военщина даже не отдавали себе отчета в том, что любые локальные конфликты приводили стратегическую доктрину к закономерному абсурду. Было совершенно очевидно, что даже ограниченная кризисная ситуация в любом районе мира, с участием США с их ядерным

потенциалом, могла перерасти в конфликт с Советским Союзом, также обладавшим им. К середине 50-х они создали основу для обеспечения военного превосходства за счет сил передового базирования, однако 4 октября 1957 года СССР первым в мире вывел на орбиту искусственный спутник Земли. Это означало, что он уже располагает ракетами межконтинентальной дальности, а следовательно, так называемой «географической неуязвимости» для Соединенных Штатов больше не существовало. Доктрина «массированного возмездия» требовала замены, а политика атомного шантажа окончательно обанкротилась...

Часть IV

Послевоенные процессыГлава 9. Преступная деятельность спецслужб США

После разгрома фашистской Германии американская разведка тщательно подбирала абверовских банкротов, поэтому прослеживается прямая преемственность между этими двумя спецслужбами. Во всяком случае, генерал Р. Гелен, возглавлявший отдел абвера «Иностранные армии Востока», неплохо подготовился к тому, чтобы подороже продать себя заокеанским победителям. Понимая неминуемое поражение рейха, он распорядился микрофильмировать все материалы о проведении разведки против СССР и поместил их в 50 сейфах, которые приказал зарыть в Баварских Альпах, т.е. на пути продвижения американских войск. После задержания начальник разведки 12-й американской группы армий генерал Э. Сиберт вместе с руководителем резидентуры Управления стратегических служб (УСС) в Германии А. Даллесом отправили Гелена в Вашингтон, обрядив его для маскировки в мундир американского генерала. Это было сделано в нарушении межсоюзнических соглашений о розыске и наказании немецких военных преступников. 22 августа 1945 года, по прибытии в Вашингтон, он почти год делился опытом войны против Советского Союза. Союзники, видимо, не считали нужным брать во внимание то обстоятельство, что этот нацист изрядно отличился в борьбе с противниками гитлеровско-

го режима. В июле 1946 года Гелен уже возглавил службу шпионажа Западной Германии против СССР, а 1 апреля 1956 года стал официально руководить разведкой ФРГ и пребывал в этой должности до отставки в 1968 году. Парадоксально, но Гелен был единственным генералом вермахта, который продолжил работу после войны почти с тем же штатом, что и при Гитлере²⁶⁶.

Под американским покровительством оказались не только целые подразделения абвера во главе с Геленом, но и конкретные нацистские преступники. Так, стала широко известна история с так называемым «палачом Лиона» К. Барби, выданным Франции только в 1983 году. В Чили скрывался В. Рауф – офицер СС, начальник службы, занимавшийся изготовлением и использованием передвижных установок для умерщвления людей, т.е. «душегубок», уничтоживших не менее 200 000 человек²⁶⁷. А чего стоят откровения Р. Верлебена, в прошлом офицера СС, который в интервью «Нью-Йорк таймс» поставил себе в заслугу «организацию в Вене после войны американской шпионской сети из 100 агентов»²⁶⁸.

Что касается ЦРУ – Центрального разведывательного управления США, основанного в 1947 году, то его деятельность была направлена в основном против социалистических стран, международного рабочего и национально-освободительного движений и национальных интересов союзников США. В сфере внутренней политики оно занимает важное место в стратегии и тактике страны, в том числе мощном военно-промышленном комплексе, мо-

нополизируя право на поставку секретной информации президенту и на консультирование его по всем вопросам спецслужбы. Президент США — это глава правительства, председатель Совета национальной безопасности (СНБ), верховный главнокомандующий вооруженными силами, а приданное ему ЦРУ в значительной степени влияет на все его решения относительно вопросов внешней и военной политики государства. В послевоенный период советами и услугами этой организации пользовались такие президенты США, как основатель ЦРУ Гарри Трумэн — 1945 по 1953 гг., Джон Кеннеди — с 1961 по 1963, Линдон В. Джонсон — с ноября 1963 по 1969 и Джеймс Э. Картер — с 1977 по 1981 — от демократической партии и Дуайт Д. Эйзенхауэр — с 1953 по 1961, Ричард М. Никсон — с 1969 по 1974, Джеральд Р. Форд — 1974 по 1977, Рональд У. Рейган с 1981 — от республиканской.

Действуя в интересах наиболее агрессивных кругов монополистического капитала, ЦРУ в 1947 году помогло Трумэну осуществить политическую и экономическую экспансию США в Европе с помощью так называемого «плана Маршалла». В 1949 году, благодаря его содействию, был создан блок НАТО, направленный против СССР и европейских стран народной демократии. В 1950 году ЦРУ способствовало организации вооруженной интервенции против Корейской Народно-демократической Республики, а также вторжению на остров Тайвань, принадлежащий Китаю. В 1961 году потерпела поражение организованная ЦРУ интервенция против социалистической

Кубы в районе Плая-Хирон, а блокада ее осенью 1962 поставила весь мир практически на грань термоядерной войны. Однако благоразумие президента Д. Кеннеди стоило ему жизни. В 1964 году вооруженные столкновения в Тонкинском заливе, спровоцированные ЦРУ, позволили президенту Джонсону санкционировать бомбардировки Демократической Республики Вьетнам. В 1972 году уже президентом Никсоном была осуществлена эскалация агрессии США в Индокитае, которая в 1975 (при президенте Форде) принесла Америке поражение во Вьетнамской войне и стоила многих жертв не только вьетнамцам, но и американцам. Именно ЦРУ способствовало президенту Картеру в его попытке вмешаться в 1977 году во внутренние дела Народной республики Ангола, а в 1980 более активно в Афганистан. Только с 1961 до середины 70-х годов по официальным подсчетам и данным Вашингтона, ЦРУ осуществило почти 900 «крупных скрытых акций и несколько тысяч более мелких»²⁶⁹.

С середины 70-х центр тяжести своей деятельности ЦРУ переносит в Европу, являясь, безусловно, крупнейшей и самой влиятельной спецслужбой. Согласно решению совета НАТО от декабря 1956 года, эта организация стала руководящим органом всех спецслужб партнеров США по НАТО (аналогичные установки имеют обязательную силу и для всех их остальных вассалов). При этом задача Совета национальной безопасности как высшего органа, созданного также в 1947 году, состоит в координации ее как таковой с соответствующими целями.

Его постоянными членами являются президент, вице-президент, государственный секретарь, министр обороны, помощник президента по национальной безопасности и его заместитель, директор ЦРУ, председатель комитета начальников штабов и руководитель аппарата Белого дома. Собственные ветви спецслужбы как внутри, так и за рубежом, имеет и большинство министерств США, в частности, министерству юстиции подчинено ФБР — Федеральное бюро расследований, которое является орудием политической слежки за гражданами США, а также борьбы с зарубежными секретными службами и органами безопасности.

На систему спецслужб значительное влияние оказывают военные круги: доля их значительно увеличилась во время и после агрессии США в Индокитае, т.е. с 50% в 1968 году до почти 80 процентов в 1981. Одновременно финансовые средства были перераспределены в пользу различных ветвей секретной службы, которые все более концентрировали свою деятельность на дорогостоящем космическом и электронном шпионаже, а также на дальней воздушной разведке. Так, при администрации Рейгана из 12 важнейших ветвей государственной спецслужбы США половина являлась военными и, разумеется, подчинялась Пентагону²⁷⁰. Агентство национальной безопасности ответственно за электронный шпионаж во всех средствах массовых коммуникаций, а также за охрану секретных кодов США. Его стационарные, плавающие и летающие шпионские базы окружали страны социалистического

содружества. Осенью 1982 года в ФРГ стало известно о том, что на службе у Агентства нацбезопасности находятся 120 тысяч штатских служб и военных. Высококвалифицированные научные сотрудники составляли новейшие компьютерные программы для разведанных, а полученная информация передавалась в штаб-квартиру в Форте-Мид (штат Мэриленд). Посредством двух гигантских компьютеров «Кэриллон» и «Лудстоун» сведения обрабатывались, анализировались, комбинировались и печатались в шести экземплярах, полный комплект которых поступал в ЦРУ; ежедневно расходовалось 40 тонн бумаги²⁷¹.

Сверхсекретное Управление национальной космической разведки запускало и обслуживало шпионские искусственные спутники Земли. С весны 1979 года программа «Биг бёрд» (шпионаж против СССР) давала возможность делать выводы о размещении, вооружении и военных объектах этого государства. Данные с американских спутников-шпионов передавались на компьютеры наземного базирования, а затем командованию стратегической авиации ВВС, в систему АВАКС и ЦРУ. На всем протяжении истории космонавтики оно систематически использовало искусственные спутники Земли в шпионских и военных целях: в 1959 году — с целью космической фоторазведки; в 1960 — радиолокационного обнаружения раннего оповещения; в 1961 — фоторазведки объектов, в том числе с электронной передачей изображения; в 1962 — регистрации ядерных взрывов, борьбы с радиотехническими сред-

ствами противника и метеоразведки; в 1971 – комбинированной фоторазведки обширных пространств и объектов, а также наблюдения за судоходством²⁷². 31 октября 1981 года, 21 января и 6 марта 1982 в США было запущено три новых военных спутника-шпиона «JMEWS-12», а космический корабль «Шаттл» сконструирован с расчетом нести на себе крупнейшие спутники-шпионы типа «Биг-бёрд».

Разведданные из космоса предоставлялись ЦРУ партнерам США по НАТО для проведения соответствующих агрессивных операций, в частности, при нападении Израиля на арабские страны в 1973 и 1982 гг.; при бомбардировке его авиацией иракского ядерного реактора «Тамуз 1» 7 июня 1981; во время фолклендской войны Великобритании против Аргентины в 1982 и т.д. Управление космической разведки тесно сотрудничает с Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) и главнокомандованием американских ВВС по военным операциям в космосе, образованным в конце июня 1982 года. Администрация Рейгана предприняла форсированное создание систем космического оружия, в котором особую роль играл космический корабль «Колумбия», впервые стартовавший в апреле 1981 года в рамках программы «Шаттл». Он предназначался для монтажа в космосе американских военных баз в будущем, но прежде для регулярного запуска еще более мощных военно-навигационных спутников и другой аппаратуры военного назначения. Посадочные площадки для него были оборудованы и в Европе (Испании, в г. Рота

на побережье Кадисского залива). С ноября 1981 года генерал американских ВВС Джейм А. Абрахамсон (заместитель директора НАСА по космическим транспортным системам) обеспечивал дальнейшую его милитаризацию. В связи с этим ему подчинялась эскадра из таких космических кораблей, как «Колумбия», «Челенджер», «Дискавер» и «Атлантис»; одновременно он являлся и главным координатором комплексного военного и гражданского использования космических кораблей по программе «Шаттл».

Разведывательное управление министерства обороны (РУМО) во главе с директором (генерал-лейтенант ВВС Эйджен Ф. Тайг) концентрировало и обобщало результаты активной деятельности всех трех видов вооруженных сил в сфере шпионажа. Что касается зарубежного, то ему весьма благоприятствовало наличие 15 тысяч американских военных баз и объектов в 32 странах шести континентов. Вокруг государств социалистического лагеря США было создано, а затем и расширено более 50 центров и баз радиоэлектронной разведки. Только в Европе насчитывалось 238 важнейших военных баз на территории 11 государств, а в управление поступали различные донесения из более, чем 90 стран от военных, авиационных и военно-морских атташе. Разведывательная служба «G-2» штаба армии США вливалась в отдел разведки сухопутных войск в Пентагоне, во главе которого были генерал-майор Эдмунд Р. Томпсон – помощник начальника штаба этого вида вооруженных сил. В его служебные функции

входила разведка будущих театров войны и районов боевых действий, а также оборонительного потенциала противника и его вооружения. Разведслужба военно-воздушных сил «А-2» подчинялась отделу разведки ВВС, которым руководили генерал-майор авиации Дж. Б. Маркс — помощник начальника штаба ВВС. Сюда ежедневно (если нужно ежечасно) стекалась шпионская информация от систем АВАКС в Европе, Северной Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также в бассейне Карибского моря. Здесь собирались и анализировались сведения об активности в воздушном пространстве и электронный шпионаж.

С 50-х годов ЦРУ, совместно с американскими ВВС для специальных шпионских и разведывательных целей, на секретных предприятиях «Скункс ворке» в Неваде, принадлежащих калифорнийскому авиационному концерну «Локхид Эйркрафт корпорейшен», были сконструированы самолеты типа «У-2» и его усовершенствованный вариант «ТР-1», а также разведчик стратегического назначения «А-11» (самолет боевого применения — «СР-71»). Для поглощения инфракрасных лучей и радарных сигналов они покрывались слоем черной краски. Разведывательной службой военно-морского флота «А-2» руководил Отдел разведки ВМФ (глава — контр-адмирал Самнер Шапиро), ведущий подготовку на море и в постоянном режиме собирающий информацию о зарубежных военно-морских силах и военно-морской авиации, а также об их применении и операциях. По примерным подсчетам, все ветви спецслужбы США насчитывали в начале 80-х свыше

200 тысяч штатных сотрудников и несколько сот тысяч завербованных или привлеченных к сотрудничеству многонациональных агентов. При этом нужно иметь ввиду и постоянное взаимодействие с ЦРУ крупных концернов военно-промышленного комплекса США, зачастую переплетающихся и в персональном симбиозе. Так, Аллен Уэлш Даллес, много лет возглавлявший ЦРУ, вместе со своей адвокатской конторой представлял интересы рокфеллеровского треста, в особенности, «Стандард ойл компани». Его преемником в этой должности Джон А. Маккаун являлся директором «Калифорния бэнк оф Лос-Анджелес», «Юнайтед Калифорния бэнк» (финансовых центров крупнейших западногерманских концернов по производству вооружений), основателем «Бехтель-Маккоун корпорейшн» и директором «Стандард ойл Калифорния». Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс подвизался в качестве главного советника монополии «Бехтель» в Сан-Франциско, из числа менеджеров которой вышли и три члена администрации Рейгана: шеф Пентагона К. Уайнбергер, госсекретарь Дж. П. Шульц и заместитель министра по вопросам энергетики У. Кеннет Дэвис. Бывший директор ЦРУ и вице-президент США Джордж Буш — миллионер, виртуозно дирижировал тexasской «Сапата петролеум корпорейшн».

Однако никто из них не был так близок к рычагам власти, как директор ЦРУ У. Дж. Кейси. После Второй мировой войны он осуществлял в Западной Европе надзор и контроль за проведением в жизнь «плана Маршалла» —

инструмента гегемонии США в этой части мира. В 1971 году этот мультимиллионер и управляющий нью-йоркским Институтом делового планирования стал главой ведомства США по надзору за биржами, в 1973 — помощником госсекретаря по экономике, в 1974 — президентом Экспортно-импортного банка США, т.е. по сути доверенным лицом Уолл-стрита и другом Рейгана. Естественно, что ЦРУ проникало во многие транснациональные монополии и внедряло в них своих людей²⁷³. Именно при этом президенте США директор ЦРУ стал главным советником президента и СНБ по всем вопросам национальной разведки, постоянно присутствуя на его заседаниях с мнением, имеющим значительный вес. Впервые за историю ЦРУ он был возведен в ранг министра, а значит уравнен в правах с госсекретарем и министром обороны при совместном руководстве внешней и военной политикой США. Он являлся и главой Центра по определению задач национальной разведки, осуществлявшим оперативное руководство всеми гражданскими и военными ветвями спецслужбы. Через свое национальное управление операциями спецслужб за рубежом этот орган руководил комплексной подрывной деятельностью США за границей. Он также был высшим аналитическим центром всех разветвлений спецслужб. Помимо этого, директор ЦРУ (с августа 1977 года) мог контролировать их бюджет, что в каждом отдельном случае с помощью финансирования можно было выполнять определенные задачи в деятельности всей этой системы.

Следует отметить, что никогда ранее ЦРУ не имело столь пагубного влияния на принимаемые американской администрацией решения, как с 1981 года. Это объясняется тем, что вице-президентом и постоянным членом СНБ был не кто иной, как Джордж Буш, бывший с 1976 до 1977 гг. директором ЦРУ, а следовательно, и в курсе всех его дел. Достаточно было обратить внимание и на его окружение: бывший заместитель директора ЦРУ Фрэнк Ч. Карлуччи (с 1981 года — заместитель шефа Пентагона), а глава ЦРУ — мультимиллионер и калифорнийский земляк президента США, политический собрат и личный друг — У. Дж. Кейси, причастный к зарубежной спецслужбе еще с 40-х годов. Все руководящие посты в ЦРУ занимали опытные профессионалы: вице-директор — Джон Макмагон с тремя десятками лет работы в этой организации; отдел личного состава возглавил Джим Глерум; в Национальном совете интересы ЦРУ защищал Гарри Роуэн, а ее юрисконсульт Стэнли Споркин преследовал всех противников вместе с шефом ее зарубежных акций Джо Шугрю; профессионал Клэр Джордж был во главе специального сектора подпольных операций; Лез Диркс в целях шпионажа использовал современные достижения науки и техники; Гарри Фитцуотер отвечал за материально-техническую базу; шеф отдела печати Билл Досуэлл подавлял любую критику, а самих ее представителей вносил в «черные списки»; оперативный отдел по секретным и военизированным действиям курировал с середины 1981

года кадровый сотрудник этого управления Джон Генри Стейнс.

Расширение прав ЦРУ весьма успешно было продолжено президентом Рейганом, издавшим так называемые «Исполнительные приказы». Директивами №12333 – о деятельности спецслужб США и №12334 – о задачах Совета президента по надзору за разведкой и соответствующими инструкциями администрация Рейгана оперативно добилась расширения полномочий спецслужб США, усиления их подрывной деятельности за рубежом и возврата права на акции внутри страны. Она также инициировала запрет на оппозицию ЦРУ, в связи с чем в середине 1982 года сенат принял соответствующий закон. Согласно ему, журналисты и другие частные лица, предавшие гласности либо имя его агента, либо операцию, подлежали наказанию в виде тюремного заключения сроком до трех лет или денежного штрафа до 15 тыс. долларов. Попытки правительственных служащих разоблачить преступные деяния ЦРУ карались тюремным заключением до 10 лет или штрафом до 25 тысяч долларов. Подобные распоряжения и закон после вступления Рейгана на должность президента создавали условия для террора ЦРУ как внутри США, так и за их пределами²⁷⁴.

В то же время рейгановская администрация отнюдь не отказывалась от контрреволюционных и путчистских насильственных акций за рубежом. Как и прежде, террор оставался составной частью операций под кодовым названием «специальная деятельность». В этом плане ЦРУ и

Пентагон традиционно взаимодействовали друг с другом. Их перечень говорит о чрезвычайном размахе и жестокости этих акций во всех уголках мира. Кроме Азии, где попытка шпионско-военной агрессии против Ирана (неудачная высадка десанта) провалилась, были организованы террор и действия банд наемников (в Африке, в Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, в Республике Чад, Латинской Америке – Никарагуа, Сальвадор). Только за первый год пребывания Рейгана на посту президента, а его друга Кейси – ЦРУ, наряду с преступной деятельностью в Анголе, Афганистане и указанных латиноамериканских государствах, были зарегистрированы следующие заговоры спецслужб США:

- участие во взрыве в столице Ирана Тегеране, вследствие чего погибло 74 представителей правящей Исламской республиканской партии и среди них – представитель партии аятолла Мохамед Бехести;
- заговор с целью убийства бывшего президента Панамы, главнокомандующего Национальной гвардии генерала Омара Торрихоса (погиб в результате «авиационной катастрофы»);
- участие в нападении наемников на Республику Сейшельские Острова с целью убийства ее президента Франса Альберта Рене и свержение власти возглавляемого им Прогрессивного фронта народа Сейшельских островов;

- неоднократное планирование убийства Первого секретаря Коммунистической партии Кубы, председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фиделя Кастро; лидера ливийской революции и главы Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии полковника Муамара Каддафи; председателя Военного комитета национального спасения Мавритании М.Х. Ульд Хайдаллы; иранского руководителя аятолла Хомейни;
- заговор с целью убийства президента Замбии Кеннета Довида Каунды – главнокомандующего замбийской армией, начальника полиции и высших офицеров службы безопасности;
- заговор с целью убийства президента, Верховного главнокомандующего Народно-освободительной армией, председателя Народного собрания Народной Республики Мозамбик и председателя партии ФРЕЛИМО Саморы Мойзе-са и других руководящих деятелей этого восточноафриканского государства;
- заговор против премьер-министра Индии Индиры Ганди;²⁷⁵
- попытка обострить положение в Польше в 1981 году.

Следует отметить, что все гражданские и военные ветви спецслужб были уже давно основательно задействованы в Европе и в этом значительную роль играли так

называемые «специалисты». К ним относился директор ЦРУ У. Дж. Кейси, причастный ко многим акциям, в частности, под видом «экономиста» он контролировал осуществление послевоенного плана «Маршалла». Александр Хейг, генерал в отставке, государственный секретарь до 1982 года, прежде был главнокомандующий войсками НАТО в Европе. Его преемник на посту госсекретаря Дж. Шульц (при президентах Р. Никсоне и Дж. Форде – министр труда и министр финансов), в частности, участвовал в подготовке и проведении в Версале в июне 1982 года экономического совещания глав правительств ведущих капиталистических стран. Заместитель шефа Пентагона Фрэнк Ч. Карлуччи в качестве посла США в Португалии принимал после 1975 года активное участие в провокациях против массового политического движения португальского народа, способствуя утверждению здесь власти правительства верного НАТО. Заместитель директора ЦРУ вице-адмирал Инмэн, занимавший этот пост до 1982 года, в конце 60-х завершил свою шпионскую деятельность помощником военно-морского атташе США в Швеции. Генерал-лейтенант сухопутных войск Фрэнк Эмблер (в 60-х возглавлял оперативное планирование 7-й американской армии в ФРГ) после 1977 года в течение ряда лет, будучи руководителем Центра по определению задач национальной разведки, весьма успешно «заботился» об активном росте влияния США на европейские страны НАТО.

В августе 1975 года 35 европейских и североамериканских государств после двух лет переговоров подписали

в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако во время работы, а еще более бесцеремонным после его завершения, ЦРУ, являясь правительственным органом, продолжало не считаться с такими утвержденными на нем принципами безопасности, как согласованное постоянное развитие дружественных отношений и сотрудничества, уважение суверенитета, воздержание от угрозы силой или применения силы, а также невмешательства во внутренние дела других государств. Это был явный вызов Заключительному акту Хельсинского совещания, обязывающего воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической, подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника²⁷⁶.

В значительной мере, под воздействием советников из ЦРУ и администрации, США во главе с президентами Фордом, Картером и особенно Рейганом, с 1975 года, т.е. военного и политического поражения Америки во вьетнамской войне и подписания хельсинского соглашения, стали создавать в Европе самую крупную из всех за рубежом свою группировку вооруженных сил, а в связи с этим и американских спецслужб. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1975 до начала 1982 гг. численность контингентов войск США в шести европейских государствах (ФРГ, Великобритания, Италия, Нидерланды, Бельгия и Португалия) возросла почти на 35 тысяч человек, оснащенных при этом самым современным наступательным

оружием. В начале 80-х США выдвинули на передовые позиции в Европе около 30% личного состава своих регулярных сухопутных войск, 3400 танков, 2500 орудий полевой артиллерии и минометов, свыше тысячи вертолетов, до 150 пусковых установок оперативно-тактических ракет (это три четверти их вообще), размещенных в государствах НАТО. В Западной Европе на складах хранились свыше 7 тысяч единиц ядерных боеприпасов и многие тонны боевых отравляющих веществ американского производства. На военно-воздушных базах США в Европе насчитывалось около 850 самолетов, в том числе 660 боевых, две трети из которых могли быть использованы как носители ядерного оружия, а 400 пригодных для нанесения ядерных ударов по западным областям СССР. К тому же, была поставлена задача обеспечить к 1986 году возможность оперативной переброски из США в Европу (всего за 10 дней) 80 эскадрилий с примерно 1900 истребителями. Кроме этого 2-й (Атлантический) и 6-й (Средиземноморский) флоты американских военно-морских сил, насчитывающие 180 боевых кораблей (в том числе 7 авианосцев и до 50 атомных подводных лодок), а также свыше 800 боевых самолетов, постоянно находились у берегов Европы в боевой готовности.

В декабре 1979 года НАТО принимает решение о размещении в Европе новых ракет среднего радиуса действия. В октябре 1981 года, после объявления президентом Рейганом так называемой «всеобъемлющей стратегической программы», США вознамерились в 80-е годы еще

более увеличить потенциал первого удара в Европе, а сам этот контингент подлежал ускоренной подготовке к «ограниченной ядерной войне». В 1983 году, уже имея на европейском театре более 720 самолетов-носителей в качестве средств доставки ядерного оружия средней дальности, США приступили к размещению в ФРГ, Англии и Италии еще 108 пусковых установок ракет «Першинг-2» и 464 крылатых ракет наземного базирования ГЛСМ с дальностью стрельбы до 2500 км. Всё это свидетельствовало о форсированных приготовлениях к размещению новых контингентов именно в этих государствах НАТО²⁷⁷. Нарастание военного присутствия США закономерно привело к расширению функций резидентуры ЦРУ в Западной Европе. Мануэль Эвиа Коскульюэла — опытный кубинский разведчик, сумевший проникнуть в недра ЦРУ, свидетельствует в своих воспоминаниях о том, что эта организация вообще исходит из предпосылки враждебности любого человека, т.е. он «является потенциальным противником. Не имеет значения, какова степень его подчиненности: политические деятели, промышленники, военные, полицейские постоянно подвергаются тщательной проверке на благонадежность. На каждого видного человека заведено досье, содержащее данные о партийной принадлежности, деятельности, личной и семейной жизни, а также официальных и дружеских связях»²⁷⁸.

Доказательством агрессивных намерений ЦРУ в Европе является и тот факт, что в официальной правительственной типографии в Вашингтоне оно печатает специ-

альные топографические карты многих европейских государств, предназначенные для осуществления диверсий и актов саботажа. Среди них были красочные карты стран социалистического содружества, стран НАТО (Бельгии, Португалии, Франции) и нейтральной Австрии. Для завуалирования своей деятельности «крестоносцы» ЦРУ использовали и пропагандистский аппарат США (ЮСИА), информационное агентство США, которое с 1978 до осени 1979 гг. именовалось «Агентством международных связей США», весьма успешно муслируя опасность так называемой «советской угрозы». В связи с этим Пентагон в конце сентября 1981 года опубликовал (с предисловием министра обороны К. Уайнбергера) брошюру «Советская военная мощь», распространив ее в ряде стран. Она базировалась на далеких от истины, тенденциозных цифровых данных. При этом полностью игнорировалось качественное усиление вооруженных сил США и одностороннее обосновывались «стратегические интересы Запада». Однако вскоре шефу Пентагона пришлось признать провал этой фальшивки, а Уайнбергер был вынужден заявить на пресс-конференции, что, к своему немалому удивлению, он обнаружил несогласие кое-кого с ним, а в разведывательных органах НАТО «тоже имеется много людей, не согласных друг с другом». Это было своего рода признанием недоброкачественной работы ЦРУ²⁷⁹.

Ведением «психологической войны» активно занимаются ЮСИА, 10 тысяч «специалистов» которого действовали на 189 зарубежных базах при помощи средств

массовой информации. В 1981 году Рональд Рейган лично назначил его директором своего друга Чарльза З. Уика — калифорнийского мультимиллионера, экс-президента влиятельной финансовой корпорации. ЦРУ засылало в Европу и своих испытанных агентов под дипломатической маской. Так агент ЦРУ в Париже Джеймс М. Поттс, творивший черные дела в Чехословакии после Второй мировой войны, был одним из тех главных лиц, которые осуществляли его контакт с греческими военными диктаторами, а агент Ричард М. Латер в Гааге в 70-х вел шпионаж в Польше. В Греции действовали руководитель резидентуры У.Э. Маккарти, Чарльз Стефен Смит (с середины 70-х участвовал в подготовке вступления Испании в НАТО). В Швейцарии, особенно в Женеве, борьбу с внутренними и зарубежными противниками приверженцы гонки вооружений проводили такие субъекты из ЦРУ, как Дэвид Д. Уиппл и Дуайт Сполдинг Бургесс. В 1961 году Уиппл был агентом в Конго, когда его первый премьер-министр Лумумба был убит по приказу ЦРУ, а Бургесс замешан в свержении правительства Кваме Нкрума в Гане в 1966. В Норвегии агент ЦРУ Роберт А. Дулинг целенаправленно собирал сведения о борцах за мир на Скандинавских островах. В Турции в качестве руководителя филиала ЦРУ был задействован Джеймс А. Хьюгэм, во второй половине 70-х осуществлявший контакт этой организации с известной службой Ирана САВАК; являлся не только ее инструктором, но и «своим человеком» при дворе шаха. Вся эта деятельность спецагентов ЦРУ представляла значи-

тельную опасность для стран, входящих в зону так называемых глобальных интересов США²⁸⁰.

Но рассмотрим более подробно деятельность специальных служб США в таких странах, как ФРГ, ЧССР и Польша. Внимание к ним было далеко не случайным. Так, суверенитет ФРГ в принципе ограничивался парижскими соглашениями, ратифицированными в 1955 году, и договором с США о размещении на ее территории американских войск. Кстати, они определяли и тот факт, что войска трех держав (США, Великобритании и Франции) могли осуществлять и далее «права, касающиеся защиты безопасности размещенных». При этом, в чем именно состоят эти интересы не было четкой формулировки, а следовательно, могли интерпретироваться как угодно, прежде всего США. Именно в ФРГ были размещены и интенсивно развиты не только крупные центры военного командования, но и важные органы американских спецслужб. ЦРУ разместило в более чем 75 населенных пунктах ФРГ почти 200 своих зарубежных филиалов и точек, но наиболее укомплектованной стала главная его резиденция во Франкфурте-на-Майне в здании бывшего германского химического треста «ИГ-Фарбениндустри». Символично, что это учреждение ЦРУ было замаскировано под орган американской армии в ФРГ, т.е. под воинскую часть сухопутных войск США. Естественно, что сюда стекалась информация начальников филиалов ЦРУ из более чем 20 европейских государств. Кабинет и рабочие помещения руководителя филиала ЦРУ в ФРГ размещались в Бонне, в

здании посольства США. Особая роль этого посольства в системе госдепартамента обозначалась уже тем, что оно насчитывало свыше тысячи сотрудников и было самым крупным официальным зарубежным представителем Вашингтона. Для гарантированного получения полной секретной информации руководитель боннского филиала располагал еще базами ЦРУ, каждая из которых возглавлялась своим начальником и находилась в подчинении посольства США, генеральных консульств в Гамбурге, Бремене, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте и Мюнхене.

По разного рода причинам штаб в Мюнхене занимал особое положение. Будучи столицей федеральной земли ФРГ, Бавария территориально являлась в Центральной Европе наиболее обустроенной в военном отношении. Поэтому здесь находилось большинство военных американских лагерей для специалистов «тайной войны» и самые мощные центры ЦРУ по осуществлению идеологических диверсий. Кроме того столица Баварии Мюнхен стал прибежищем и оплотом для воинствующих эмигрантских организаций и реваншистских союзов. К тому же, в непосредственной близости от него, в Пулахе, находилась тесно сотрудничающая с ЦРУ секретная федеральная разведывательная служба ФРГ. В задачи начальника мюнхенской базы ЦРУ входила координация со штаб-квартирой БНД в Пулахе антисоциалистических подрывных операций, инструктирование всех гражданских и секретных органов США в Баварии согласно единым директивам, а

также концентрирование в сотрудничестве с ЮСИА идеологических диверсий против государств соцлагеря. Этому способствовали:

- радиостанция «Голос Америки», созданная в 1952 году госдепартаментом США;
- радиостанция «Свободная Европа» (1952 г.) в Мюнхене и Португалии;
- радиостанции «Освобождение» (с 1960 г. — «Радио Свобода») в Мюнхене, во франкфюрской Испании и на Тайване, созданная нью-йоркским «Комитетом за освобождение от большевизма».

Радиостанция «Голос Америки» вела передачи против всех социалистических государств. «Свободная Европа» в основном против ЧССР, ПНР, НРБ и СРР, а радио «Свобода» — преимущественно против СССР. Характер передач этих радиостанций был хорошо известен, как и их фактические функции. В специальном исследовании, проведенном по заданию американского конгресса, признавалось, что только в 1979 году 335 раз были подготовлены и целенаправленно распространялись антисоциалистические сообщения в виде всевозможных лживых измышлений, слухов и клеветнических утверждений. Разумеется, что это была лишь незначительная часть той подрывной пропагандистской деятельности, которой занимались эти провокаторы. Для ведения идеологической войны в начале 70-х годов госсекретарем того времени Генри Киссинджером была дана следующая установка: «Одна радиостанция ... может послужить более действенной формой нажима,

чем эскадрилья стратегических бомбардировщиков Б-24»²⁸¹. Это подтверждалось и тем, что в октябре 1982 года директором радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» был назначен бывший американский сенатор, доктор юриспруденции Джеймс Лэйн Бакли. Он происходил из традиционно ультра-экспансионистски настроенного офицерского корпуса военно-морского флота США и принадлежал к числу самых консервативных членов республиканской партии, а его брат Уильям Ф. Бакли издавал махрово реакционный еженедельник «Нейшнл ревю».

На базе радиостанции оккупационных войск США РИАС – «Радио в американском секторе Западного Берлина» – возникла укомплектованная сотрудниками ЦРУ диверсионная радиостанция, перманентно проводившая подстрекательскую пропаганду против ГДР. Кстати, ее работа также частично осуществлялась из Мюнхена. В связи с антигосударственными акциями против Польской Народной Республики (ПНР) снова всплыло имя начальника базы ЦРУ в Мюнхене, резиденция которого находилась на Кёнигинштрассе под прикрытием вывески «Офис координатора и советника». Им являлся Уильям Б. Лонэм. Прежде чем занять свои первые посты в ЦРУ в середине 60-х годов в Риме и в начале 70-х в Милане, он служил в американском военно-морском флоте, а затем 14 лет – в управлении сухопутных войск Пентагона²⁸².

В распоряжении филиалов ЦРУ была постоянная служба связи на американской авиационной базе «Рейн-Майн». Сюда поступали разведданные из Европы и, в

частности, из ФРГ. Зачастую офицеры и служащие ЦРУ, как и его специальные учреждения, скрывались под такими названиями, как «Бюро по международным делам министерства обороны» или «Американские сухопутные войска в Европе, региональная наблюдательная группа». К тому же, на основании своего привилегированного положения ЦРУ имело возможность вести деятельность в отдельных регионах (например, в оперативном районе Европы) через представителей США в составе командования соответствующих зон НАТО, извлекая в собственных целях дополнительную «пользу» из сведений, результатов и выводов, находившихся в распоряжении этого командования. В целом шпионажем против стран социалистического содружества было занято минимум 25 тысяч человек из состава размещенных в ФРГ вооруженных сил США, включая сухопутные войска, авиацию и военно-морской флот. Значительное их число служило на оборудованных современной аппаратурой базах электронного шпионажа (например, в Баварии на горе Кронберг, в Марклёйтене и на Шнеберге) в непосредственной близости от государственных границ ГДР и ЧССР).

На передовые позиции в Европе и на Ближнем Востоке США выдвинули и специалистов сухопутных войск по подрывным действиям, а именно дальнюю и специальную разведки, части которых в условиях войны предназначались для подрывных действий в тылу противника. Они проходили специальное обучение в следующих сферах деятельности:

- идеологическое разложение, дезорганизация руководства, снижение стойкости и боеспособности личного состава войск противника;
- нарушение командования, оперативного обеспечения и транспортировки войск;
- сковывание сил и средств, прежде всего вторых эшелонов и резервов;
- ликвидация важных элементов и объектов оперативного назначения.

30 мая 1982 года из газеты «Нью-Йорк таймс» стало известно, что Пентагон создает и расширяет систему специальных войск для таких подрывных «специальных акций, как диверсии, тайные нападения и другие формы необычного ведения войны». Главной задачей этих командос была «вербовка диссидентов, подготовка контрреволюционных банд, организация диверсий и террора»; усиливалась и «бригада особого назначения» американских ВВС на двух базах во Флориде. Это специальное соединение имело на вооружении усовершенствованные самолеты без опознавательных знаков или типа «МС-130» («Черная птица»), выкрашенные черной маскировочной краской, доставлявших агентов и «особые грузы». Кроме того американские ВМС на военно-морской базе Коронадо (Калифорния) за 25 недель готовили диверсантов для действий с моря и с воздуха, т.е. так называемых «тюленей»²⁸³. В конце июля 1982 года на новой базе НАТО в Гельзенкирхене в ФРГ была введена в строй база ВВС «флота дальнего обнаружения». На ней дислоцировались 18 самолетов

системы «Е-3А-АВАКС», предназначенных для срочного обнаружения воздушных и морских целей. На ее открытии статс-секретарь министерства обороны ФРГ Вильфрид Пеннер заявил, что своими «превышающими обычные размеры радарными станциями слежения» самолеты смогут «просматривать» пространство вплоть до территории государств Варшавского Договора и там в особенности контролировать воздушную активность²⁸⁴.

Одной из задач, стоявших перед штабами служб разведки и контрразведки всех видов вооруженных сил, а также военной разведкой и контрразведкой бундесвера, было держать под наблюдением все более активно развивающееся движение за мир и за то, чтобы «Убрать американское ядерное оружие из Европы!» К тому же необходимо было самостоятельно или во взаимодействии с государственными органами ФРГ регистрировать «факторы, угрожающие безопасности». Этим усиленно занимались спецслужбы американских сухопутных войск и ВВС со своими действующими по всей ФРГ частями по охране военнослужащих, военных тайн и объектов. Офицеры ЦРУ специальной аппаратурой фотографировали демонстрации сторонников мира для зафиксирования их участия, а также добывали сведения об авторах прогрессивных публикаций и листовок, призывающих к борьбе за мир, безопасность и разоружение. Противостояла союзу ФРГ и США, а тем самым и использования ее территории в целях шпионажа, Германская коммунистическая партия. Свое отношение к этому процессу она сформулировала в

Программе: «Национальные интересы Федеративной республики требуют, чтобы наша страна отказалась от односторонней связи с империализмом США и империалистическими блоками. ГПК выступает против принесения в жертву суверенных прав страны в угоду НАТО и ЕЭС. Она — за полную национальную независимость»²⁸⁵.

Общезвестно, что США и союзники во время «холодной войны» сделали все, чтобы превратить свои секторы оккупации Западного Берлина для антисоциалистической подрывной деятельности и для этого они использовали его географическое положение. Этот город расположен внутри территории ГДР: он находится примерно в 150 км восточнее государственной границы ФРГ и всего около 80 км западнее границы ПНР, а также немногим больше 200 км севернее границы ЧССР. Западный Берлин не являлся составной частью Федеративной Республики Германии и не управлялся ею, что и было зафиксировано в соглашении четырех держав, т.е. антигитлеровской коалиции, возникшей в годы Второй мировой войны²⁸⁶. 13 августа 1961 года ГДР, в ходе координированной с СССР и другими государствами Варшавского Договора акции, приняла необходимые меры для защиты своей государственной границы с Западным Берлином. Это было необходимо, чтобы положить конец бесконечным подрывным и агрессивным действиям, исходящим с его стороны.

Разумеется, гражданские и военные органы спецслужб трех западных держав и особенно США не могли отказаться от своей шпионской и подрывной деятельно-

сти, которую они вели более 15 лет в условиях в значительной мере открытой границы с ГДР. ЦРУ и кооперирующиеся с ним филиалы других спецслужб в Западном Берлине весьма активизировались и расширились после так называемого «ракетного решения» НАТО и посещения его президентом США Рейганом. США были представлены в нем 4500 военнослужащих своих вооруженных сил, преимущественно сухопутных войск и ВВС. Здесь располагалась резидентура ЦРУ, американский военный комендант города и генеральное консульство США. В этом филиале ЦРУ были «Отдел Восточной Европы» и «Русский отдел», а шпионы маскировались под сотрудников миссии США в Западном Берлине и штаба дислоцированных здесь контингента американских войск, корреспондентов информационных агентств и представителей различных газет и журналов, коммерсантов и туристов. В частности, люди ЦРУ были даже в западноберлинском Свободном университете: профессор политических наук Богдан Александр Осадчук-Кораба, он же Берлин-Ашик, официально преподавал «новейшую историю Восточной Европы», но в основном работал, по заданию ЦРУ, на диверсионных станциях «Свободная Европа», «Свобода» и РИАС, а также в антипольском листке «Культура», издаваемом в Париже. Этот агент был выходцем из украинских националистов, прошедшим подготовку еще в 1940 году у нацистов, а с 1953 принадлежал к западноберлинской команде ЦРУ.

Кроме него было немало и других служаков гитлеровского вермахта или бундесвера со значительным специфическим опытом. Так, бывший нацистский генерал-лейтенант, лично награжденный фюрером «Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту», Герхард Энгель являлся кадровым сотрудником БНД. Он завербовал в качестве шпиона бывшего офицера вермахта, но за свои преступления против ГДР был осужден Верховным военным судом Берлина на 13 лет лишения свободы. Другой агент из БНД, также приговоренный в ГДР за особо крупный шпионаж к пожизненному заключению, в прошлом был офицером военно-морского флота Третьего рейха и в годы войны командовал торпедным катером. Весной 1982 года органами госбезопасности ГДР был разоблачен военный шпион — бывший офицер военно-морского флота ФРГ, официально считавшийся административным служащим гамбургского сената (с 1974 г. состоял на службе военной разведки бундесвера). Этот список могли продолжить и другие агенты спецслужб США, характер их деятельности был весьма разнообразен, но имел главное направление — осуществлять шпионские акции против ГДР, завербовывать ее граждан с целью государственной измены.

Под прицелом ЦРУ была и Чехословакия, в отношении которой также применялся солидный арсенал филиалов ЦРУ в Англии, Италии, Австрии, Западном Берлине и ФРГ. Разумеется, ЦРУ теряло свою агентуру здесь, но тем активней оно искало новые возможности для шпионской и диверсионной деятельности в этой стране. Так, в несколь-

ких километрах от австрийско-чехословацкой границы, на метеорологической станции в Кёнигсварге (на высоте 334 м) была оборудована совместная шпионская база США и австрийской армии под руководством офицеров ЦРУ. Результаты шпионажа записывались на магнитофонную пленку. При помощи электронного шпионажа обнаруживались радарные станции, зенитные орудия, командные пункты истребительной авиации и ракет, приборы дальнего обнаружения и оповещения, пусковые установки, а также фиксировались определенные события на аэродромах и других объектах на чехословацкой и венгерской территориях. С помощью специальной аппаратуры записывался на пленку военный радиообмен в ЧССР и Венгрии. Таким способом могли быть раскрыты важные военные шифры, данные, события и т.п.²⁸⁷ Эта шпионская сеть проникала и в глубь Венгрии, достигая даже Будапешта, а затем Моравию и Словакию до района Брно и вплоть до Польши. Все разведывательные данные доставлялись прежде всего в штаб-квартиру службы электронного шпионажа в Висбадене. Следовательно, данная военная база работала исключительно на американский и западно-германский шпионаж, а тем самым и на НАТО.

ЦРУ и ветви спецслужбы американской армии и ВВС дислоцировались преимущественно в Баварии: в горном массиве Фихтель, близ городка Марклёйтен, на горе Гроссер Кронберг (высота 825 м) и на самой вершине приграничного массива Шнеберг; около 50 служащих БНД круглосуточно посменно прослушивали ЧССР. Важ-

ным центром продолжало оставаться и «Радио Свободная Европа» в Мюнхене, дирижируемое ЦРУ. В 1968 году оно было штабом командования контрреволюционных сил в Чехословакии, а затем продолжило осуществлять в эфире свои идеологические диверсии на чешском и словацком языках.

Свой сценарий ЦРУ разработало и для Польши, ведь в январе 1947 года на выборах в законодательный Сейм здесь одержал победу блок демократических партий, руководимый Польской объединенной рабочей партией (ПОРП)²⁸⁸. Подрывная деятельность ЦРУ доказывается следующими фактами:

- 1947 год – террористические акты организации «Свобода и независимость» против членов ПОРП;
- 1949 – создание корпорации «Свободная Европа», уже в 1950 году организовавшей свои диверсионные акции против Польши;
- 1950 – документ СНБ-68 дает установку «развязать открытую психологическую войну», направленную на массовый отказ государств-сателлитов от приверженности СССР;
- 1951 – принятие «Акта о взаимной безопасности» (ЦРУ и администрация США), предусматривающего финансирование НАТО специальных подразделений и групп агентов, в том числе и из польских эмигрантских кругов;

- 1956 – мобилизация польских реакционных сил программой «Помощь Польше» в рамках «комбинированной стратегии», а после ее провала США с 1957 до 1963 гг. расходует на подрывную деятельность не менее 900 млн. долларов, т.е. концентрируя свою «экономическую помощь» в Восточной Европе конкретно на этой стране, предоставляя ей временами даже режим наибольшего благоприятствования;
- 1961 – администрация президента Джона Кеннеди считает, что Польше уже можно предоставить значительную помощь в торговле, туризме, информационной службе, обмена студентами и представителями, а также американского капитала и техники в «целях повышения жизненного уровня польского народа»;
- 1964 – «Фонд Форда» выделяет 2,3 млн. долларов на целенаправленный научный обмен с польскими учеными определенного политического направления;
- 1966 – Збигнев Бжезинский (позже помощник президента США по национальной безопасности) объявляет основные положения своей «стратегии» внутренней либерализации восточно-европейских государств;
- 1968 – в директиве НАТО MC 14/3 констатируется, что в США проживает 5 млн. американцев польского происхождения и имеется уже 28

контрреволюционных организаций бывших польских граждан с 585 тысячами членов, задействованных для идеологических диверсий. В конце 60-х США, при участии свыше 500 банковских концернов, взяли курс на финансовый подрыв экономики ПНР и создание базы для ее экономической дестабилизации и шантажа;

- 1976 – ЦРУ достигает новой стадии в развитии антипольской контрреволюции.

В мае 1976 года ЦРУ создает «Североамериканский центр по польским делам» с участием президента Картера и Збигнева Бжезинского. Вокруг него оперативно группируются польские лоббисты в американском конгрессе, представители «Института Восточной и Центральной Европы» Колумбийского университета и такие организации, как «Нью-Йоркский дом мира», нью-йоркский комитет «Свободная Европа» (вместе с одноименной радиостанцией), а также нью-йоркский «Комитет освобождения от большевизма» (вместе с радиостанцией «Свобода»). В рядах «Конгресса польских американцев» жестко организовывались граждане США польского происхождения, причем в религиозном отношении они были тесно связаны с католической церковью. Польским реакционерам открыто покровительствовали нью-йоркская компания «Польская помощь», «Польская эмиграция в Америке и комитет помощи», а также «Американская федерация польских евреев» и «Свободная Польша».

Скоординированная программа действий антипольской контрреволюции предусматривала три этапа:

- тайное создание оппозиционных кружков интеллигенции, рабочих, католиков и представителей других групп населения;
- образование новых, «независимых» организаций, особенно «нового профсоюза» с массовой базой на предприятиях, «Сельской солидарности», нового студенческого союза и т.п., а также ведения ими подрывной политической деятельности как против ПНР, так и других социалистических государств;
- завоевание власти этими организациями при помощи индивидуального и политического террора.

ЦРУ активизировало свою деятельность и в таких государствах НАТО, как Англия, Франция, Италия, особенно в ФРГ, а также в нейтральных государствах (Швеция и Австрия), координируя действия этих сил²⁸⁹. В соответствии с вышеуказанной программой в Польше из диссидентских кругов был создан «Комитет социальной самообороны» (КОР) – ядро контрреволюции. К концу 1981 года в ПНР уже было около 130 нелегальных, полуправовых или формально легальных групп, маскировавшихся под различными названиями, но с целенаправленной антигосударственной деятельностью. Летом 1980 года в Польше наметился тяжелый кризис в области социальной и экономической политики, вызвавший недовольство населения и прежде всего рабочих масс. Этим закономер-

но воспользовались так называемые «независимые профсоюзы» у колыбели которых стояли парижский журнал «Культура», радиостанция «Свободная Европа», в польской секции которой действовали более 100 воинствующих эмигрантов и других пропагандистских центров²⁹⁰.

Между тем органы госбезопасности ПНР получили документы об участии США в польском кризисе. Американская разведка установила непосредственные контакты с представителями КОР и «Конфедерации независимой Польши» (КНП), активных участников создания и деятельности «Солидарности»²⁹¹. Ситуацию в стране все более обостряли главари этой организации, захватывая ключевые профсоюзные позиции, организовывая забастовки, демонстрации и митинги и уже частично вытесняя партийные комитеты ПОРП из социалистических предприятий. К тому же, варшавская региональная газета «Солидарности» «Мазовше» призвала к кровавой резне. Конфискованные документы доказывали, что «Солидарность» рассчитывала на беспомощность сил безопасности и армии, способной выставить не более 100–120 тыс. человек, в то время как она могла «противопоставить им 200–300 тысяч вооруженных и соответствующим образом подготовленных своих членов, «готовых на все»²⁹².

Однако главный удар ЦРУ был направлен против польской армии, органов безопасности и милиции ПНР. В долгосрочном плане активно участвовал бывший полковник польской армии М. Хечиньский, много лет состоявший на службе Вашингтона. В 1977 году он, не дожидаясь

ареста, покинул Польшу и написал для ЦРУ «обширное исследование о польской народной армии и ее роли в вооруженных силах Варшавского Договора»²⁹³. Систематичность деятельности ЦРУ в области антипольского военного шпионажа видна на примере радиостанции «Свободная Европа», польская секция которой возглавлялась ее агентом, бывшим польским графом З. Михайловским (в 1981 году его сменил бежавший из Польши агент З. Найдер). Капитан А. Чехович (автор книги «Семь трудных лет») констатировал: папки со знаком 300 (в системе «Свободная Европа») охватывали проблемы польских вооруженных сил: 301 – сухопутные войска, 302 – авиация, 303 – военно-морской флот, 306 – вопросы обеспечения кадрами (интерес был к офицерам в ранге от поручика и выше), 317 – женщины в армии, 321 – военизированные организации, 400 – территории в приграничной зоне, 401 – пограничные войска и защита границ, 405 – контрабандисты, 407 – прибрежная зона²⁹⁴.

Опасным фактором стало нарушение воздушного пространства социалистических государств на разделительной линии между странами НАТО и Варшавского Договора. С 1969 до осени 1982 гг. польские террористы угнали девять пассажирских самолетов государственной компании ЛОТ при содействии со стороны США, которые в большинстве случаев разрешали посадку на западноберлинском военном аэродроме Темпельгоф американских военно-воздушных сил. К тому же, США каждый раз отказывались выдавать воздушных пиратов.

Начиная с 1980 года, активизируется диверсионная деятельность главарей «Солидарности», а весной 1981 ее руководство проводит подрывную деятельность против органов безопасности и милиции уже в 33 из 49 польских воеводств. В марте того же года штурмовые отряды «Солидарности» захватили здание Быдгощского воеводского руководства, а в сентябре организовали побег заключенных из тюрьмы в Быдгоще и заняли часть госхоза «Швободзин» в воеводстве «Зеленая Гура». В ноябре начались подстрекательства штурмовиков «Солидарности» на убийство партийных и государственных деятелей, а в начале декабря было захвачено офицерское училище пожарной охраны. Апогеем террора стало декабрьское тайное совещание в Радоме, на котором было принято решение в контрреволюционных целях пустить в ход штурмовые группы «Солидарности» численностью 250–300 человек каждая.

Большое значение ЦРУ придавало внедрению своих агентов в министерство иностранных дел ПНР и его зарубежные органы. Так, в период выполнения ими дипломатических функций, были завербованы в США З. Рурарца, Р. Спазовский и Б. Валевский. В частности, последний был сотрудником посольства ПНР в Вашингтоне и представительства ее при ООН в Нью-Йорке, выдавая важные политические и государственные тайны. В марте 1981 года Б. Валевский был разоблачен и в феврале 1982 года после полного признания вины приговорен военным трибуналом ПНР к 25 годам тюремного заключения. Еще ранее,

в декабре 1981 года ЦРУ приказало послам ПНР в США Спазовскому и в Японии – Рурарцу одновременно отказаться от своих постов, эмигрировать в США и включить там в открытую подрывную кампанию против Польши. Кстати, Рурарцу стал агентом ЦРУ еще в 1962–1966 гг., будучи сотрудником торгпредства ПНР в США. За государственную измену суд ПНР приговорил его заочно к смертной казни. Тот же дипломатический статус ЦРУ все чаще использовали в шпионаже, насаждая своих агентов в американском посольстве в Варшаве. Также активно использовались представители средств массовой информации НАТО, поэтому Польше приходилось особенно в 1982–1983 гг. неоднократно выдворять из страны американских и английских журналистов. Так, гражданка США Рут Грубер до января 1983 года была корреспонденткой американского информационного агентства ЮПИ и собирала сведения о готовности ПНР к обороне, особенно военных объектах на Балтийском побережье. Изобличенная в нарушении инструкций для аккредитованных иностранных корреспондентов, она была выдворена из страны. Разумеется, руководящие штаты контрреволюции тесно сотрудничали с Федеральной разведывательной службой. С территории ФРГ против ПНР действовало так называемое «Польско-украинское общество», организованное сотрудником ЦРУ Р. Назаром. В годы войны он был гитлеровским офицером связи с антисоветской диверсионной частью «Туркестанский легион».

Активность организованной спецслужбами США дошла до того, что 13 декабря 1981 года Первый секретарь ЦК ПОРП генерал армии Войцех Ярузельский объявил в Польше военное положение и сообщил о создании Военного совета национального спасения. В середине июля 1982 года польские органы государственной безопасности нанесли контрудар по нелегальным радиостанциям на территории ПНР: было арестовано семь контрреволюционеров, включая диктора КОР И. Ромашевскую и радиотехника Р. Марека; раскрыто несколько вмонтированных, в основном в лифтовые каналы, и переносных передатчиков УКВ; захвачены магнитофоны и программные реле. Только за четыре месяца военного положения в стране было предотвращено 200 актов саботажа и диверсий, арестовано большое число агентов «Солидарности»; особенно жестокими были схватки с вооруженными контрреволюционерами на каменноугольных шахтах. Были вскрыты подпольные склады оружия, включая минометы, на щецинской верфи «Парница» (склад принадлежал «Солидарности»), в Бохне, Бялско-Бяле, Дебице, Ополе и Тарнове, за короткое время удалось изъять 300 единиц огнестрельного оружия, 10 тыс. патронов, 62 килограмма взрывчатки, а также мины, бомбы, ручные гранаты; ликвидированы подпольные типографии и радиостанции. Это стало одним из самых тяжелых поражений Центрального разведывательного управления США.

Однако главной целью агрессивных устремлений Соединенных штатов Америки все же был Советский Со-

юз, против которого постоянно применялись самые разнообразные формы и методы подрывной деятельности, в том числе и идеологические провокации. Преимущественно под эгидой ЦРУ против него действовали свыше 400 подрывных антисоветских центров, организаций, комитетов и групп. Для шпионажа использовались различные формы туристических, научно-технических, культурных связей, а также иностранные специалисты на советских предприятиях²⁹⁵. В некоторых случаях ЦРУ завербовывало отдельных советских граждан. Так, некий Нилов во время пребывания в Алжире стал его агентом, но был изобличен как шпион и в середине 1980 года наказан военным судом СССР. Капустин – бывший работник одного из московских предприятий – был также арестован как агент ЦРУ в момент выполнения заданий, причем при нем были обнаружены шифры и инструкции по поддержанию конспиративной связи с одним из сотрудников посольства США в Москве²⁹⁶. Именно оно постоянно проявляло себя качестве нелегального центра шпионажа. В середине 1981 года в г. Ровно были уличены в шпионской деятельности военный атташе этого посольства подполковник Спенсер и его заместитель – майор американской армии Джеймс Холброк. В частности, они должны были разведать возможное передвижение советских войск на советско-польской границе. Холброк – военный советник вице-президента США Джорджа Буша – вынужден был после своего провала покинуть СССР, а в Вашингтоне стал работать в «спецслужбе министерства обороны США». Между прочим в ФРГ

его считали «важнейшим дипломатом президента Рейгана»²⁹⁷.

Провалы агентов ЦРУ компенсировались более широким применением электронного шпионажа. С этой целью американские дипломаты и иностранные «туристы» снабжались замаскированной переносной и мини-аппаратурой, а затем рассылались по разным маршрутам. Тем же занимались и американские суда на стоянках в советских портах и самолеты во время спецполетов над территорией СССР. Здания дипломатических представительств США, в частности, в Москве и Ленинграде, оборудовались сверхсовременной аппаратурой, ввезенной в страну под видом «дипломатического багажа». Это стало началом осуществления программы «Кобра» совместно с АНБ. Суть ее заключалась в том, чтобы посредством сложнейшей системы электронного шпионажа, установленной на здании посольства США в Москве, внедряться в международные системы связи, радиообмен и другие коммуникационные каналы и, перехватывая правительственные сообщения, оперативно получать ежедневную информацию о состоянии средств противоракетной обороны в Московской области. При этом предполагалось не только перехватывать переговоры по радиорелейным линиям связи правительственных органов и оборонных учреждений СССР, но и целенаправленно создавать эффективные помехи при возникновении «чрезвычайных обстоятельств». Для этого в Москве была смонтирована система радиотехнического шпионажа типа «WG-1240»,

управляемая компьютером с чрезвычайно емким накопителем данных.

По сообщениям американской печати, с помощью этой аппаратуры можно было прослушивать даже радиотелефоны персональных машин²⁹⁸. Злоупотребляя своим дипломатическим статусом, два агента ЦРУ из посольства США (Гарри Уайтхерби – атташе и Ричард Корбин – секретарь архива) попытались смонтировать в запретной зоне под Москвой, вблизи оборонного объекта, сверхэффективную систему электронного шпионажа, действующую в диапазоне ультравысоких частот (стоимостью в несколько сот тысяч долларов). Задание они выполнили под видом семейного пикника (подслушивающая аппаратура размещалась в пластмассовом контейнере, имитировавшем сосновый пенёк. Она могла перехватывать сигналы, накапливать их, дешифровать и радировать дальше. К тому же, с ее помощью можно было настраиваться на прием или передачу с самолетов или с искусственных спутников Земли в радиусе свыше 450 км. Однако эта весьма дорогостоящая операция закончилась элементарным провалом и об этом весьма злорадно сообщила одна из западногерманских буржуазных газет: «К сожалению, нам неизвестна фамилия того портача, который догадался упрятать радиоэлектронное устройство в пластмассовый муляж. Тот, кто изготовил этот «пень», не имел ни малейшего понятия о русской флоре, иначе он знал бы, что сосновый пенёк в осиновом лесу – явление в высшей степени необычное»²⁹⁹. Разумеется, оба псевдодипломата были выдворены из

страны. В середине марта 1983 года в Москве был разоблачен и выслан из СССР как персона нон грата еще один американский дипломат Р. Осборн. С 1982 года он официально имел дипломатический ранг 1-го секретаря посольства США, подвизаясь в экономическом отделе американского посольства. При аресте у него были изъяты миниатюрная агентурная рация и стопка записей на быстрорастворимой бумаге. С помощью рации он передавал шифрованные донесения через американский военный спутник связи типа «Мэрисет».

Комплексная программа шпионажа против СССР предусматривала сбор сведений о его экономической, политической ситуации, включая актуальные международные проблемы, а также информацию о деятельности партийных, советских органов, общественных организаций и их руководстве. Разведданные о военных и промышленных объектах интересовали спецслужбы США в плане первоочередных целей для нанесения ядерного удара, а в рамках идеологических диверсий организовывались акции по компрометации внешней и внутренней политики советского государства.

Следует отметить, что начало 80-х для ЦРУ были отмечены провалами не только в Европе, но и в Африке, Азии и Латинской Америке. Все это не могло не отразиться на национальных интересах США, но не было предела изворотливости ЦРУ и Пентагона и их изобретательности. Так, в 50-х годах они инициировали отставание Америки в количестве бомбардировщиков, в 60-х — по ракетам, в 70-х

— пробел в танках и в 80-х — «необходимость довооружения США», что в полной мере отвечало планам военно-промышленного комплекса. Однако картина подрывной деятельности ЦРУ в мировом масштабе была бы неполной, если не представить сведений о его преступлениях за 1947–1980-е годы в нарушение международного и уголовного права.

В Европе до 1949 года она отмечена участием в контрреволюционных акциях против народно-освободительного движения Греции, в 1953 — против ГДР, в 1956 — против Венгрии; до 1974 — поддержка путчистов и помощь в установлении военно-фашистской диктатуры в Греции; в 1968 — акции в ЧССР; в 1975 — участие в подавлении массового революционного движения в Португалии; в 1980 — контрреволюционные подрывные действия против Польской Народной Республики.

В Африке эта организация отмечалась в заговоре и планировании покушения на президента Египта Гомалю Абделя Насера в 1958 году. С 1960 до 1962 гг. — в использовании войск наемников для агрессии против Конго (Заир), а также путч против правительства Патриса Лумумбы (в 1960 — его убийство). До 1975 года — использование наемников для колониальной войны Португалии против Анголы. 1961 и 1964 гг. — участие в путче в Гане против правительства Нкрумы, до 1980 — использование наемников в Южной Родезии. 1961, 1964 и 1966 до 1970 — поддержка подрывными методами неокOLONIALИСТСКОЙ интервенции в Нигерии. 1961, 1964 и 1966 — участие в убий-

стве председателя ФРЕЛИМО (Мозамбик) Эдуардо Мондлейна. 1961, 1964 и 1966 – участие в путче в Уганде и свержение правительства Оботе; в те же годы – участие в заговоре с целью убийства Генерального секретаря Независимой партии африканского единства (ПАИГК) Амилкара Кабрала; в те же годы до 1976 – финансирование и вооружение банд УНИТА и ФНЛА, которые вели контрреволюционные действия в Анголе; участие в заговорах в Либерии и Кении; до 1980 – планирование нескольких заговоров с целью убийства президента Мозамбика С. Машела; 1966 и 1975 – участие в колониальной агрессии в Заире.

В Латинской Америке ЦРУ проводило следующие акции: в 1947 году – контрреволюционные действия против национально-освободительного движения Парагвая; в 1948 – аналогичные против такого же движения Коста-Рики; в 1950 – Пуэрто-Рико; в 1954 – контрреволюционный путч и свержение правительства Арбенса в Гватемале; в 1955 – участие в агрессии против Коста-Рики; с 1960 до 1980 гг. – неоднократные (25 раз) покушения на Первого секретаря ЦК КП Кубы, Председателя Совета Министров Республики Куба Фиделя Кастро; с 1960 – участие в государственном перевороте в Доминиканской Республике и покушение на ее президента Рафаэля Трухильо; планирование и осуществление военной агрессии против социалистической Кубы; контрреволюционные акции против национально-революционного освободительного движения Гватемалы; участие в неоколониалистской агрессии

в зоне Панамского канала; с 1960 до 1966 гг. – организация контрреволюционной агрессии против Доминиканской Республики; в 1960 – участие в убийстве латиноамериканского революционера Че Гевары; контрреволюционные акции против национально-революционного освободительного движения в Гаити; подрывные действия против национально-освободительного движения в Тринидаде и Тобаго; организация контрреволюционного военно-фашистского путча в Чили, убийство президента Сальвадора Альенде и массовые убийства членов правительства Народного единства; участие в убийстве бывших чилийских министров в правительстве Альенде генерала Карлоса Пратса и Орландо Летельера; с 1978 до 1979 гг. – контрреволюционные акции против Никарагуа; 1960 и 1978 гг. подрывные акции в Коста-Рике; подготовка путча в Гренаде.

В Азии Центральное разведывательное управление проявило особую активность, о чем свидетельствуют следующие его действия: с 1947 до 1954 гг. – участие в контрреволюционных акциях против революционно-освободительного движения на Филиппинах; с 1947 до 1949 – те же акции против национально-освободительных сил Китая; 1947 и 1949 – подготовка и участие в контрреволюционной агрессии против Бирмы; в 1947 до 1953 – планирование, подготовка и свержение правительства Мосаддыка в Иране; с 1947 до 1975 – планирование и участие в контрреволюционной агрессии против Демократической Республики Вьетнам и национально-освободительного

движения Южного Вьетнама; 1947 и 1954 – провоцирование вооруженных агрессивных актов в отношении пограничных областей КНР; 1954 – участие в неокOLONиалистской агрессии против Ливана и подавление народного восстания; провоцирование вооруженных агрессивных актов против КНР; с 1954 до 1962 – участие в первой контрреволюционной агрессии против Лаоса; убийство премьер-министра Цейлона (Шри Ланка) Соломона Бандаранайке; 1954 и 1959 – подготовка заговора против премьер-министра Индии Джавахарлала Неру; те же годы и до 1970 – организация замаскированной интервенционистской помощи контрреволюционерам в Йеменской Арабской Республике; 1954 и 1962 – участие в убийстве НГО Динь Зьема в Южном Вьетнаме; 1954 и 1962 – провокация в Тонкинском заливе; до 1970 – контрреволюционные действия против Лаоса; до 1975 – такие же подрывные акции в ходе агрессии против ДРВ; 1954, 1962 и 1964 – участие в неокOLONиалистской агрессии против национально-освободительного движения Таиланда; те же годы и до 1970 – контрреволюционные акции против Камбоджи; 1954, 1964 до 1973 – участие в агрессии против Лаоса; 1973 – жертвами программы ЦРУ «Феникс» (массовые убийства) стали около 41 тысячи южновьетнамских патриотов; 1954, 1964, 1971–1972 – участие в контрреволюционной агрессии против национально-революционного освободительного движения Камбоджи; 1954 и 1964 – убийство Первого президента Народной Республики Бангладеш Муджибура Рахмана; 1978 – организация лагерей

подготовки диверсантов в Пакистане для контрреволюционных действий против Афганистана; 1979 – попытки подрывными методами спасти от революционного народного движения шахский режим в Иране; до 1980 – планирование ряда покушений на иранского лидера аятоллу Хомейни; 1979 – военно-диверсионная агрессия при попытке высадки воздушного десанта в Иране; организация, финансирование и вооружение афганских контрреволюционеров³⁰⁰.

80-е годы стали началом развала такой поистине великой державы, как СССР и, несомненно, заслуга в этом принадлежала ЦРУ и другим спецслужбам США, но это уже другая история...

Глава 10. Тактика «холодной войны»

В начале марта 1945 года, после форсирования Рейна, война для союзных армий под командованием Дуайта Эйзенхауэра практически закончилась, но это было своеобразное издание «странной войны» 1940 года. Только на этот раз немецко-фашистские войска сотнями тысяч сдавались без боя союзникам, но в то же время отчаянно сражались на Востоке, то есть с Советской армией. Показательно, что с 1 по 18 апреля они взяли в плен 317 тысяч солдат и офицеров противника, в том числе 24 генерала³⁰¹. Отгремела и последняя величайшая битва Второй мировой войны – сражение за Берлин: столица фашистской Германии как символ её крушения лежала в дымящихся разва-

линах. Однако для союзных войск война закончилась ещё до завершения битвы за Берлин и об этом Эйзенхауэр лаконично доложил Объединённому комитету начальников штабов и британскому генеральному штабу: миссия союзных вооружённых сил завершилась в 2 часа 41 минуту по местному времени 7 мая 1945 года. Это сообщение имело ввиду подписание западными союзниками в Реймсе предварительного протокола о капитуляции немецких войск, а следовательно, война ими считалась уже законченной. США и Англия предложили считать 8 мая днём победы над Германией. Между тем Советское правительство не могло согласиться с этим, так как немцы продолжали оказывать Красной Армии ожесточённое сопротивление, капитулируя перед западными союзниками. По согласованию между СССР, США и Англией данную процедуру решено было считать предварительной капитуляцией и в связи с этим принимается решение о подписании акта о капитуляции 8 мая в Берлине.

Всё это, несомненно, свидетельствовало о том, что союзники стремились принизить решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии. Тем не менее именно совместно подписанный в Берлине официальный Акт о капитуляции стал единственным документом, зафиксировавшим полную и безоговорочную победу всех вооружённых сил над нацистской Германией³⁰². А потом были дружественные встречи союзников, в частности, 10 июня 1945 года во Франкфурте, в штабе Д. Эйзенхауэра, Г.К. Жуков вручил командующему западными вооружёнными силами

высшую награду Советского Союза – орден Победы. Это было отмечено в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1945 года: «За выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых достигнута победа Объединённых Наций над гитлеровской Германией»³⁰³. Ранее, в феврале 1944 года, Эйзенхауэр был награждён орденом Суворова первой степени. После окончания войны он был назначен командующим американскими оккупационными войсками в Германии, а Жуков командовал аналогичными советскими. Эйзенхауэр писал, что для установления взаимопонимания между США и СССР необходимо было «рассеять у русских подозрение и недоверие»³⁰⁴.

Общезвестно, что антигитлеровская коалиция была первым в мировой истории опытом военно-политического сотрудничества государств с различным общественно-экономическим развитием. Это, безусловно, имело огромное позитивное значение для дальнейшей активизации этого процесса. В то же время трудно найти и аналогичный пример того, что сразу же после тяжелейшей войны, полной трагических страниц, бывшие союзники цинично объединились бы против своего главного партнёра по коалиции, сыгравшего к тому же решающую роль в разгроме общего врага. Однако этот разрыв наметился сразу же после её окончания, ибо всё более ощущалось принципиальное различие в понимании ими как проблем мировой политики, так и в определении основных направлений послевоенного развития мира. Данная ситуация касалась

прежде всего США, так как в результате Второй мировой войны значительно укрепились их экономические, финансовые и военно-политические позиции в качестве главной державы западного мира. При этом первые авангардные бои «холодной войны» начинались именно на тех рубежах, где Восток и Запад непосредственно соприкасались друг с другом, т.е. в Германии и, в частности, в Берлине.

Но вернёмся к неординарной исторической фигуре Дуайта Эйзенхауэра, сыгравшего значительную роль в послевоенных процессах. Следует отметить, что окончание войны стало важнейшим рубежом в его политической жизни. Париж, Лондон, Вашингтон были столицами стран-участниц антигитлеровской коалиции, в которых он уже выступил, но впереди была Москва. «Во время Потсдамской конференции, — вспоминал Г.К. Жуков, — И.В. Сталин вновь заговорил со мной о приглашении в Советский Союз Дуайта Эйзенхауэра. Я предложил пригласить его в Москву на физкультурный праздник, который был назначен на 12 августа. В официальном приглашении говорилось, что в СССР «он будет гостем маршала Жукова. Это означало, что генерал приглашается в Советский Союз не как государственный политический деятель, а как крупный военный деятель Второй мировой войны»³⁰⁵. По прибытию в Москву Эйзенхауэр был приглашён не только на парад, но и на трибуну Мавзолея, причём, по просьбе Сталина, рядом с ним. Они общались с помощью переводчика, при этом тот «проявил интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки, не-

сколько раз повторив, что для России и США важно оставаться друзьями». Постепенно Сталин перевёл разговор на вопрос о положении в Берлине. По его мнению, деятельность Союзного контрольного совета в столице Германии важна в первую очередь потому, что «она помогает выяснить, могут ли великие державы, победители в войне, продолжать успешно сотрудничать при решении проблем мирного времени».

Кстати, это свидетельствует о заинтересованности СССР в установлении позитивных отношений со странами коалиции и, прежде всего, с Америкой. По приглашению Сталина Эйзенхауэр участвовал и в просмотре в Кремле документального фильма о битве за Берлин. Заметив его интерес к фильму, генералиссимус пообещал ему дать копию этого фильма. Кроме этого, по просьбе Эйзенхауэра, после возвращения из Москвы он получил в Берлине полную копию фильма и фотографию Сталина с его дарственной надписью. Во время приёма, устроенного американским послом в Москве Гарриманом, пришло сообщение о капитуляции Японии. Это была ещё одна совместная победа союзников и это известие было с энтузиазмом встречено как советскими, так и американскими участниками приёма.

Казалось, что после этой самой жестокой в истории человечества войны мировому сообществу нужно было активно строить новые отношения на основе мирного сосуществования двух различных систем, но этого не случилось... Одной из негативных акций, не вызванной необхо-

димостью военного порядка, несомненно, стала атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки, предпринятой с целью устрашения СССР, то есть это стало началом политики атомного шантажа или так называемой «позиции силы». Сущность её выразил У. Черчилль в речи, произнесённой им в городе Фултоне (США) в марте 1946 года. Этот яркий противник коммунизма призвал «создать кольцо сил — политических, экономических и военных вокруг района, находящегося под советским контролем», с целью заставить СССР отказаться от социалистического пути развития и приобщаться к так называемым «демократическим ценностям». Он открыто призывал к созданию англо-американского военно-политического союза для «защиты западной цивилизации».

Этот призыв, совпав с внешней политикой других бывших союзников, и лёг в основу так называемой «холодной войны». А им действительно было над чем задуматься, так как международный авторитет Советского Союза продолжал укрепляться и об этом свидетельствовал тот факт, что если в 1941 году дипломатические отношения с ним поддерживали 26 стран, то в 1945 уже 52 государства. Уже в сентябре 1945 года на Лондонской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании поворот к конфронтации к стране Советов стал более, чем очевидным. «...Наши действия на встрече в Лондоне имели важные последствия, — характеризовал обстановку на ней Джон Фостер Даллес. Они ознаменовали конец целой эпохи Тегерана, Ялты, Потсдама...Тот

факт, что я, республиканец, опирающийся на мощную поддержку своей партии, был в Лондоне вместе с государственным секретарём Бирнсом (демократом) дал мне возможность сыграть значительную роль в важном решении — покончить с политикой поисков соглашения с русскими»³⁰⁶. Кстати, о не нанесении первого удара заявил в конце осени 1945 года американскому конгрессу вышеупомянутый Дуайт Эйзенхауэр, однако опубликованные в США тридцать с лишним лет спустя рассекреченные документы свидетельствуют, что военно-стратегические планы США предусматривали кардинально противоположное.

Как видно, политика «двойных стандартов» была характерна для этой страны не только в военный, но и в послевоенный период. Об этом, в частности, подчёркивалось в подготовленном объединённом комитете начальника штабов по указанию президента Трумэна меморандуме № 1496/2 «Основы формирования американской военной политики» от 19 сентября 1945 года: с целью предотвратить нападение потенциального агрессора необходимо принимать политическое решение «для того, чтобы нанести, если это необходимо, первый удар...». При этом уже через 20 дней, т.е. 9 октября, тот же комитет в своём меморандуме за № 1518 «Стратегическая концепция и план применения вооружённых сил США» указывает на то, что основной целью подобной превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала. А менее чем через месяц

конкретизируются и основные объекты первого удара, а именно 20 наиболее подходящих целей для атомной бомбардировки.

Ни чем иным, как планом подготовки тотальной ядерной войны, нельзя назвать и разработанный в те же дни самим Эйзенхауэром план войны с СССР под кодовым названием «Тотальность». Кстати, на посту начальника штаба армии он работал в постоянном контакте с министром обороны Джеймсом Форрестолом — одним из главных представителей американской реакции в период «холодной войны» и пророчествующему ему будущее президентство. Разумеется, генерал Эйзенхауэр в годы Второй мировой войны внёс важный вклад в разгром фашистской Германии и её союзников. Он много сделал для подготовки и осуществления операций в Северной Африке, Италии и во Франции. Но оценивая их результаты, нельзя забывать о том, что бои, в частности, в той же Северной Африке, велись после битв под Москвой и Сталинградом, а в Италии после сражения на Курской дуге. Что касается главной операции западных союзников во Франции в июне 1944 года, то она имела место после того, как наступил так называемый «великий перелом» не только в ходе боёв на восточном фронте, но и во всей Второй мировой войне. И, несмотря на эту ситуацию, войска под командованием Эйзенхауэра теряли больше, чем американцы на других театрах. Трумэн как-то припомнил «тяжкие потери в сражении в Арденах». Макартур уточнил: потери там «примерно равнялись за войну в компаниях от Ав-

стралии до Токио» (соответственно — 106 и 90 тысяч человек)³⁰⁷.

Определяя политическую линию Эйзенхауэра во время войны, необходимо отметить, что он, как и всякий военный руководитель, был последовательным исполнителем стратегических военно-политических концепций правящих кругов США и Великобритании. Он проявлял определённый политический реализм во взаимоотношениях с советским союзником, о чём уже ранее упоминалось. Прагматизм, проявленный Эйзенхауэром (Айком) при решении конкретных военных и политических вопросов, в частности, на завершающем этапе войны, полностью укладывается в оценку его как трезвомыслящего деятеля, осуществляющего политику правящих кругов США, выходивших после окончания Второй мировой войны на исходные позиции, с которых они снова готовили начать борьбу за мировое господство. Очевидно, что решающую роль в этом агрессивном военно-политическом курсе должен был сыграть всё тот же «фактор силы». Всё это свидетельствует о том, что ни в коей мере не соответствует исторической действительности тот образ Эйзенхауэра-миротворца, который столь типичен для опубликованных на Западе многочисленных апологетических работ о нём³⁰⁸.

В конце 1945 года, как отмечали прогрессивные западногерманские историки Б. Грайнер и К. Штайгаус, уже были сформулированы основные положения американской военной доктрины 50-х годов — так называемой

«стратегии массированного возмездия». Причем само слово «возмездие» как некая предполагаемая угроза, было чистойшей фикцией, рассчитанной на введение в заблуждение американцев и мирового общественного мнения. Опубликованные рассекреченные документы, относящиеся к тому же периоду, т.е. мемуары американских государственных деятелей, неопровержимо свидетельствуют, что те, кто в 1945 году готовил планы против Советского Союза, были чётко осведомлены об отсутствии с его стороны какой-либо военной угрозы. Так, прибывший в Вашингтон посол США в СССР А. Гарриман, уведомил Трумэна о том, что Советское правительство не намерено идти с ними на разрыв и поэтому «с русскими вполне возможно достичь реальной договорённости». Об этом же 23 апреля 1945 года пытался на совещании в Белом доме довести до президента и министр сельского хозяйства Генри Уолесс. Он считал, что в крупных военных вопросах Советское правительство всегда было верно своему слову и поэтому необходимо брать курс на послевоенное сотрудничество с ним. Однако эта попытка, а затем и публичные выступления через несколько дней, обошлись ему в потерю своего поста. «Советы всё ещё значительно более слабая сила, чем западный мир» и это был один из первых документов «холодной войны» — так называемой «длинной телеграммы» в феврале 1946 года, направленной в Вашингтон поверенным в делах США в Москве Джорджем Кеннаном. Именно поэтому, отлично сознавая отсутствие военной угрозы со стороны Советского Союза,

он в этой секретной телеграмме из восьми тысяч слов давал рекомендации, которые затем легли в основу американской официальной позиции последующих лет: политика «сдерживания» должна покончить с существованием стран социализма и мирового коммунистического движения³⁰⁹.

Этот фактор закономерно появился после окончания Второй мировой войны: во-первых, в результате разгрома фашистской Германии и героической борьбы народов европейских государств за своё национальное освобождение от империалистической системы, элементарно отпали Польша, Чехословакия, Венгрия, Албания, Румыния, Болгария, Югославия и в них успешно были осуществлены народно-демократические революции, в итоге которых утвердился так называемый строй народной демократии. Так, уже в ноябре 1949 года, в восточной части Германии была образована Германская Демократическая Республика (ГДР), что стало новым этапом в её истории. Эти процессы были присущи и Азии, где вследствие национально-освободительной борьбы возникли народно-демократические республики в Китае, Северной Корее и Северном Вьетнаме (в сентябре 1945 года — Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), в 1948 году — Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), 1 октября 1949 года — Китайская Народная Республика (КНР). В этих странах и начали осуществляться коренные социально-экономические преобразования под руководством коммунистических и рабочих партий, т.е. то, что в корне

противоречило западным ценностям и способствовало уходу их из сферы влияния США и других ведущих капиталистических государств.

Естественно, что США не могли смириться с этими процессами и уже со второй половины 1946 года они ставят основной целью своей внешней политики пересмотр послевоенных границ в Европе, а также подготовку войны против СССР и восточноевропейских государств, до 1955 года препятствуя приему в ООН Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании. В марте 1947 года президент США Трумэн в своем послании к конгрессу выдвигает программу военной и экономической помощи Турции и Греции на сумму 400 млн. долларов для превращения их в базы своей агрессивной политики. В рамках этих же планов появляется и так называемый «план Маршалла», который под видом предоставления американской помощи для послевоенного восстановления усиливает милитаризацию этих стран, втягивая их затем в антисоветские блоки. Уже в 1948 году создается военно-политический Западный союз, куда входят Англия, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург, а 4 апреля 1949 года возникает и агрессивный военный Североатлантический союз (НАТО). Первоначально в него вошли, кроме стран Западного союза, США, Италия, Канада, Дания, Норвегия, Исландия и Португалия, а в 1952 году – Греция и Турция. При этом они встают на путь гонки вооружений, перейдя от подготовки и пропаганды к прямой агрессии. Так, летом 1950 года США развязывают кровопролитную интервенцию против Корей-

ской Народно-Демократической республики. В июне 1951 года ими принимается закон, по которому «маршаллизованные» страны должны были отказаться от торговли с социалистическими и прежде всего с СССР. Также происходит резкое сокращение товарооборота между ним и США, Англией и Францией, т.е. применяется экономический бойкот, который эти государства весьма успешно используют в отношении России, только это в настоящее время происходит в виде наложения на нее всевозможных санкций. К тому же осуществляются различные военно-стратегические мероприятия, политический шантаж, организация агрессивных блоков, экономическая экспансия, разного рода идеологические диверсии, усиливается враждебная реакция. Таким образом, отказавшись от согласованной политики в годы Второй мировой войны, закрепленной в решениях ряда конференций, бывшие союзники встали на путь «холодной войны».

Что касается СССР, то его внешняя политика в послевоенные годы была направлена на обеспечение мирных условий дальнейшего развития, ведь его экономике был нанесен колоссальный ущерб. После окончания войны он произвел резкое сокращение своих вооруженных сил, в кратчайшие сроки вывел войска с территории Китая, Кореи, Норвегии, Чехословакии, Югославии, Болгарии и Ирана, куда они были введены в ходе военных действий. Советский Союз развернул активную борьбу за мир и безопасность в Организации Объединенных Наций³¹⁰. Уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 году

он вносит предложение о всеобщем сокращении вооружений, причем в качестве первоочередной задачи – запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях. 11 декабря 1946 года, несмотря на противодействие представителей США, Англии и других государств, Генеральная Ассамблея принимает советскую резолюцию о «Принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений». На второй ее сессии в 1947 году, опять же, несмотря на возражение делегации США, была принята советская резолюция, осуждающая пропаганду новой войны. На последующих сессиях СССР выдвигает конструктивные предложения: о сокращении на одну треть в течение года всех наличных вооруженных сил СССР, США, Англии, Франции и Китая; о заключении этими державами пакта об укреплении мира; об осуждении и запрещении пропаганды войны и применении атомного оружия и другие предложения, направленные на разрядку международной напряженности. Однако эти конструктивные предложения не были приняты большинством ООН, зависящих от США.

После окончания Второй мировой войны одним из первоочередных вопросов международных отношений стало заключение мирных договоров с освобожденными странами. В связи с этим в течение 1945–1946 гг. советская делегация вела последовательную борьбу против ущемления суверенитета побеждённых стран. Эти вопросы обсуждались на ряде заседаний Совета Министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, со-

зданного по решению Потсдамской конференции 1945 года специально для выработки мирных договоров для Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Болгарии. Поскольку удалось выработать приемлемые условия, они были рассмотрены на Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 года), а 10 февраля 1947 года официально зарегистрированы в Париже. 6 апреля 1948 года Советское правительство заключает с Финляндией договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что содействовало не только улучшению отношений между этими странами, но и укреплению мира на севере Европы.

Одновременно СССР настаивал и на выработке мирного договора для Германии в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 года, исходя из того, что он должен обеспечить существование единой демократической и миролюбивой страны. Эту позицию он неизменно отстаивал на всех заседаниях Совета Министров иностранных дел четырех держав в 1946–1949 гг. при обсуждении германского вопроса. Однако соглашение по нему так и не было достигнуто из-за несогласия США, Англии и Франции, вставших на путь восстановления военно-экономического потенциала и вооруженных сил Западной Германии. Объединив свои зоны оккупации в ней, они создали в 1949 года сепаратную Федеративную Республику Германии (ФРГ) и официально приняли решение о ее ремилитаризации³¹¹. В ответ на это 7 октября 1949 года сессия Немецкого Народного совета в Берлине провозгласила Германскую Демократическую Республику (ГДР).

10 октября того же года СССР передал ей функции, принадлежавшие советской военной администрации, и установил с ней дипломатические отношения. В 1950 году он снова выдвигает проект основ мирного договора с Германией, предусматривавший восстановление ее в качестве единого государства, но он был отвергнут правительствами США, Англии и Франции.

Аналогичная ситуация в послевоенной международной политике складывалась и на Дальнем Востоке. Руководствуясь интересами всеобщего мира и безопасности, СССР настаивал на демократизации и демилитаризации Японии. Однако в 1951 году США подписали с ней секретный «мирный» договор, узаконив право безраздельно распоряжаться этой страной в рамках своей агрессивной политики. Между тем в Северной Корее были осуществлены демократические преобразования, проведена земельная реформа, национализирована крупная промышленность, банки, транспорт, введен восьмичасовой рабочий день. В сентябре 1948 года Верховное Народное Собрание провозгласило Корею Народно-Демократической Республикой (КНДР). Признав ее, СССР в октябре того же года установил с ней дипломатические отношения, оказывая при этом необходимую помощь для ее дальнейшего хозяйственного и культурного развития. В то же время в оккупированной США Южной Корее был сохранен весь аппарат, созданный японцами, и установлен террористический режим. Уже в 1950 году Америка развязала в этой стране гражданскую войну, организовав военную интер-

венцию и оккупировав китайский остров Тайвань (Формоза). Она ввела в Тайваньский пролив военные корабли и стала совершать разбойничьи нападения на Китайскую Народную Республику с воздуха, перейдя тем самым к прямым актам агрессии. Поскольку в Совете Безопасности отсутствовали представители Советского Союза,³¹² США протасили в нем незаконное решение, задним числом «узаконив» американскую интервенцию в Корее. Поэтому под флагом Объединенных Наций в ней участвовали вместе с ними Англия, Франция, Турция, Голландия и другие государства. СССР, разоблачив это вторжение и незаконность данного решения, по-прежнему прилагал свои усилия по мирному урегулированию корейского вопроса.

Характеризуя послевоенную ситуацию в мире, нельзя не остановиться на борьбе за мир, которую последовательно проводил Советский Союз, а также на международных движениях, столь раздражающих США и западные державы. После войны возник ряд массовых демократических организаций: в октябре 1945 года Первым Всемирным конгрессом профессиональных союзов в Париже была создана Всемирная федерация профсоюзов, тогда же организованы Международная федерация женщин и Всемирная федерация демократической молодежи; значительную работу проводил Международный союз студентов. Огромную роль в условиях нарастающей военной угрозы сыграло демократическое движение за мир. В апреле 1949 года в Париже и Праге состоялся первый Всемирный конгресс сторонников мира, на котором было

10 октября того же года СССР передал ей функции, принадлежавшие советской военной администрации, и установил с ней дипломатические отношения. В 1950 году он снова выдвигает проект основ мирного договора с Германией, предусматривавший восстановление ее в качестве единого государства, но он был отвергнут правительствами США, Англии и Франции.

Аналогичная ситуация в послевоенной международной политике складывалась и на Дальнем Востоке. Руководствуясь интересами всеобщего мира и безопасности, СССР настаивал на демократизации и демилитаризации Японии. Однако в 1951 году США подписали с ней секретный «мирный» договор, узаконив право безраздельно распоряжаться этой страной в рамках своей агрессивной политики. Между тем в Северной Корее были осуществлены демократические преобразования, проведена земельная реформа, национализирована крупная промышленность, банки, транспорт, введен восьмичасовой рабочий день. В сентябре 1948 года Верховное Народное Собрание провозгласило Корею Народно-Демократической Республикой (КНДР). Признав ее, СССР в октябре того же года установил с ней дипломатические отношения, оказывая при этом необходимую помощь для ее дальнейшего хозяйственного и культурного развития. В то же время в оккупированной США Южной Корее был сохранен весь аппарат, созданный японцами, и установлен террористический режим. Уже в 1950 году Америка развязала в этой стране гражданскую войну, организовав военную интер-

венцию и оккупировав китайский остров Тайвань (Формоза). Она ввела в Тайваньский пролив военные корабли и стала совершать разбойничьи нападения на Китайскую Народную Республику с воздуха, перейдя тем самым к прямым актам агрессии. Поскольку в Совете Безопасности отсутствовали представители Советского Союза,³¹² США протасили в нем незаконное решение, задним числом «узаконив» американскую интервенцию в Корею. Поэтому под флагом Объединенных Наций в ней участвовали вместе с ними Англия, Франция, Турция, Голландия и другие государства. СССР, разоблачив это вторжение и незаконность данного решения, по-прежнему прилагал свои усилия по мирному урегулированию корейского вопроса.

Характеризуя послевоенную ситуацию в мире, нельзя не остановиться на борьбе за мир, которую последовательно проводил Советский Союз, а также на международных движениях, столь раздражающих США и западные державы. После войны возник ряд массовых демократических организаций: в октябре 1945 года Первым Всемирным конгрессом профессиональных союзов в Париже была создана Всемирная федерация профсоюзов, тогда же организованы Международная федерация женщин и Всемирная федерация демократической молодежи; значительную работу проводил Международный союз студентов. Огромную роль в условиях нарастающей военной угрозы сыграло демократическое движение за мир. В апреле 1949 года в Париже и Праге состоялся первый Всемирный конгресс сторонников мира, на котором было

представлено 600 млн. борцов за мир из 72 стран. Он принял манифест и избрал Постоянный Комитет, который и развернул борьбу против войны, разоблачая ее инициаторов. В марте 1950 года его Стокгольмская сессия приняла поистине историческое воззвание, в котором потребовала запрещения атомного оружия, применение которого будет рассматриваться как преступление против человечества. Сбор подписей под ним (более 500 млн. человек) стал знаменательным событием в этом движении. Второй Всемирный Конгресс, состоявшийся в ноябре 1950 года в Варшаве, принял «Манифест к народам мира», который призвал к усилению борьбы за мир.

12 марта 1951 года Верховный Совет СССР принял закон «О защите мира», в котором пропаганда войны объявлялась тягчайшим преступлением; аналогичные законы были приняты и во всех странах народной демократии. В 1951 году более 600 млн. человек, в том числе и граждан Советского Союза, поддержали обращение Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами (СССР, США, Китаем, Англией и Францией). Таким образом, стремясь противостоять агрессивной политике США и западных держав, Советский Союз прилагал колоссальные усилия для ее сдерживания. К тому же, учитывая ее активизацию, он провел первое испытание своей атомной бомбы уже в 1949 году, ликвидировав тем самым монополию США на это оружие, а следовательно, и укрепив собственную обороноспособность.

Для того, чтобы в полной мере оценить инициативы СССР в борьбе за мир и против агрессивной политики бывших союзников, следует вернуться к тому, что характеризовало этот «жесткий курс» во всей его последовательности. Начнем с весьма объемистого доклада специального помощника президента Кларка Клиффорда «Американская политика в отношении Советского Союза», подготовленного в конце сентября 1946 года. Он обобщил мнение ряда высших государственных руководителей, среди которых были госсекретарь, военный министр, министр ВМС, начальник штабов, министр юстиции и директор ЦРУ. Оно было высказано ими в ходе серии встреч, проведенных по поручению президента Трумэна и сводилось к тому, что СССР может начать войну в любое время, а следовательно, США должны в отношении его использовать только «язык военной силы». Далее утверждалось, что ущерб ему может быть нанесен «с помощью атомного оружия, биологической войны и воздушных налетов». С созданием в конце 1947 года Совета национальной безопасности (СНБ) дальнейшая разработка американской ядерной стратегии была поставлена на государственную основу. В секретном меморандуме СНБ №7 от 30 марта 1948 года уже утверждалось, что «главной целью американской внешней политики должно стать всемирное контрнаступление на международный коммунизм»... Поэтому США должны мобилизовать и укреплять собственные и антикоммунистические силы «несоветского мира», а также подрывать «мощь коммунистических сил». В

ществленных с американских баз ВВС, расположенных в западном полушарии и Великобритании». На первом этапе войны предполагалось сбросить на 70 советских городов 133 атомные бомбы, а в последующем еще 200 атомных и 250 тысяч тонн обычных.

Следующий оперативный план «Хафмун» (21 июля 1948 г.) одним из своих пунктов предусматривал необходимость раннего воздушного наступления с нанесением ударов по основным военным и военно-промышленным объектам Советов. Для этого предполагалось:

- а) подразделения стратегических бомбардировщиков перебросить на базы с Англии (запасной аэродром в Исландии), а также в район Хартум—Каир—Суэц; операции осуществлять с этих баз, а также с Окинавы, включая сбрасывание атомных бомб на отобранные цели;
- б) ... наряду с атомными бомбардировками подразделения стратегических бомбардировщиков совершат налеты на уцелевшую часть советской нефтяной промышленности и базы подводных лодок с осуществлением обширного минирования портов и водных путей;
- в) штурмовые группы, базирующиеся на авианосцах, будут дополнять и поддерживать воздушное наступление в той мере, в какой это будет увязано с их основной задачей.

1 сентября 1948 года этот план, переименованный во «Флитвуд», был разослан в штабы вооруженных сил США

как основа для разработки детальных оперативных планов; впоследствии его переименовали на «Даблстар». 16 декабря последовала разработка для штаба сухопутных войск «Схема войны в атомный век», а 21 уже для Объединенного комитета начальников штабов «Оценка планов стратегического наступления в воздухе», в которой была примерная дата войны (до 1 апреля 1949 года). В разработке от 11 мая для Объединенного комитета начальников штабов и министра обороны «Оценка последствий стратегического воздушного наступления для боеспособности СССР, в частности, указывалось: «Полное и успешное нанесение первого атомного удара по СССР в планируемой форме, вероятно, подорвало бы его военные усилия и указало бы психологическое воздействие на решимость Советов продолжать войну». Однако 26 мая 1949 года на смену оперативному плану «Хафмун» — «Флитвуд» — «Даблстар» приходит «Офф Тэйкл» — весьма детальный план ведения войны в течение первых двух лет после ее начала 1 июля того же года. Он предусматривал нанесение первого атомного бомбового удара по территории СССР «всеми имеющимися на «День Д»³¹³ силами в целях максимального использования возможностей атомной бомбы».

Рассекреченные документы первой половины 1949 года со всей очевидностью позволяют понять катастрофичность сложившейся ситуации, ведь один план нападения на Советский Союз сменялся другим. Американская ядерная доктрина неуклонно выдвигалась на «передовые

рубежи»: создания НАТО, с севера на юг европейского континента протянулась цепь американских авиабаз, экономика переводилась на военные рельсы, нагнеталась атмосфера антикоммунистической истерии и военного психоза. Об этом свидетельствует призыв Председателя Финансового комитета палаты представителей конгресса США Клэренса Кэннона в апреле 1949 года: «Мы должны произвести нападение на Москву и все остальные города России... Все, что нам теперь нужно, — это иметь самолеты для доставки бомб и вооружить солдат других наций. Пусть другие страны посылают на смерть свою молодежь, чтобы нам не пришлось посылать нашу. Вот, что позволяет делать Соединенным Штатам атомная бомба... Мы должны выиграть будущую войну в три недели. За это время нам надо стереть с лица земли все военные центры России»³¹⁴. И опять мир ставят на грань очередной катастрофы, все с тем же блицкригом, но с ядерной начинкой, и все те же безумные политики...

Однако надежды воспользоваться ядерной монополией на уничтожение СССР рухнули 29 сентября 1949 года с сообщением ТАСС о том, что Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. При этом, несмотря на его наличие, он намерен и в будущем стоять на позиции безусловного запрещения его применения. Разумеется, это был шок, от которого придя в себя, военные ведомства США занялись разработкой новых планов превентивного удара по СССР. Согласно очередному плану под кодовым названием «Троян», дата начала войны пере-

двигалась на 1 января 1950 года, но подсчет возможных потерь, нехватка атомных бомб и страх перед ответным ударом указывали на необходимость более тщательной подготовки. Поэтому в очередном плане «Дропшот» он переносился уже на 1957 год с «дальнейшим развитием «техники ведения биологической войны». На начальном этапе войны предлагалось сбросить на СССР 430 атомных бомб. После выведения из строя советской системы ПВО, сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил планировалось широкомасштабное вторжение сухопутных сил НАТО и полная оккупация территории СССР. Далее следовало мощное наступление на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а еще в более отдаленной перспективе — достижение мировой гегемонии США³¹⁵.

Совершенно очевидно, что эти планы требовали соответствующего материального и политического обеспечения. В связи с этим директива СНБ-68, утвержденная президентом Трумэном в сентябре 1950 года, рекомендовала обширную программу, а ее некоторые пункты состояли в следующем:

- ☐ резко повысить темпы наращивания американского ядерного арсенала;
- ☐ отказаться от каких-либо ограничений при определении военных расходов;
- ☐ значительно увеличить военные ассигнования;
- ☐ расширить программы военной помощи;

- обеспечить военное превосходство США и их союзников по НАТО над СССР и странами социалистического содружества;
- разработать программы психологической войны;
- активизировать тайные операции в области экономической, политической и психологической войны, направленной на подрыв внутренней стабильности СССР и других стран социализма;
- в случае необходимости пойти на сокращение всех федеральных расходов за исключением расходов на военные цели и военную помощь.

Благодаря этой директиве, США в последующие годы почти вчетверо увеличили свои военные расходы, ускоренными темпами наращивая свой ядерный и авиационный потенциал; шли масштабные работы по созданию термоядерной бомбы; началась разработка стратегического бомбардировщика Б-52, способного действовать непосредственно с американского континента; строились новые, расширялись и переоснащались имеющиеся базы; вашингтонские политики все чаще прибегали к атомному шантажу и военным угрозам³¹⁶. 27 января 1952 года Трумэн писал, что правильным решением теперь был бы ультиматум с десятидневным сроком, извещающем Москву о намерении США «блокировать китайское побережье от китайской границы до Индокитая»... По его мнению, необходимо было уничтожить все порты или города, причем для достижения мирных целей, что означало всеобщую войну. Следовательно, «Москва, Санкт-Петербург и

Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут стерты с лица земли. Это – последний шанс для Советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать или нет»³¹⁷.

Таким образом, покидая Белый дом в 1953 году, Трумэнская администрация оставляла своим преемникам детально разработанную концепцию стратегического планирования, в которой решающая роль отводилась нанесению первого ядерного удара. С этой целью и проводился внутривластный курс США времен «холодной войны», в частности, послевоенных и 50-х. Составной его частью была подготовка общественного мнения к войне с СССР, в рамках антисоветского и антикоммунистического психоза.

Одним из атрибутов этого курса было нарушение воздушного пространства, которое с 1954 года протекционировал новый президент Дуайт Эйзенхауэр. На это его сподвигнули «акулы» глав военного, дипломатического и разведывательного ведомств – директор ЦРУ Аллен Даллес, государственный секретарь Джон Фостер Даллес, министр обороны Чарльз Вильсон и несколько других наиболее доверенных лиц. По этому поводу, в частности, весьма откровенно высказался А. Даллес, обращаясь к президенту, – «Советы отвергли ваше предложение об «открытом небе». Они отказались его даже всерьез обсуждать. Это лишает нас возможности совершать легальные

полеты над территорией русских, особенно над их военными объектами. В этих условиях я вижу только один выход — создать специальный самолет-разведчик, который бы летал на высоте, недостижимой для русских истребителей-перехватчиков и ракет. Мы неоднократно обсуждали эту проблему и пришли просить вашей санкции на продолжение разработанной нами программы. Она предусматривает создание тридцати сверхвысотных самолетов. Их общая стоимость составит 35 миллионов долларов. Значительная часть проектных и конструкторских работ уже проделана»³¹⁸.

С благословения президента программа разведывательных полетов У-2 стала претворяться в жизнь, находясь под постоянным контролем Белого дома. При этом США не удосужились вспомнить о Конвенции по регулированию воздушных передвижений от 1919 года, Международной (панамериканской) конвенции о торговом воздушном сообщении (Гавана, 1928 г.), Конвенции о международной гражданской авиации (Чикаго, 1944) и других документах, гарантирующих каждой стране полный и исключительный суверенитет в отношении своего воздушного пространства над ее территорией. К тому же, сами США четко провозгласили этот принцип в отношении своего воздушного пространства. Об этом свидетельствовал параграф 176 Акта конгресса США о торговом воздухоплавании 1926 года: «... Соединенные Штаты Америки обладают и осуществляют полный и исключительный суверенитет в воздушном пространстве над США». Воздуш-

ный кодекс СССР 1935 года также гарантировал ему аналогичный суверенитет, но в этом вопросе, как и в других международных проблемах, США неизменно проявляли двойной стандарт, присваивая себе исключительные права³¹⁹.

Следует отметить, что полеты американских самолетов-разведчиков носили систематический характер и Советское правительство неоднократно заявляло протесты правительству США по поводу вторжения американских самолетов в пределы СССР. Так, в ноте от 8 сентября 1954 года указывалось, что они «представляют собой грубые нарушения элементарных норм международного права». Кстати, по некоторым данным, в течение десяти лет, начиная с 1950 года, США сделали 81 попытку проникнуть в воздушное пространство и территориальные воды СССР. В результате ответных активных действий 20 американских самолетов не вернулись на свои базы³²⁰. Однако Вашингтон не намеревался отказываться от своих планов и поэтому по-прежнему продолжалась подготовка и проведение очередной шпионской программы под кодовым названием «Перелет». Она рассчитывала на то, что новый одноместный дозвуковой разведчик У-2, способный совершать длительные полеты на высоте около 70 тысяч футов (примерно 21,3 тыс. м.), сможет долгое время быть недостижимым для советских средств ПВО.

Но недооценка научно-технического потенциала СССР обернулась для США весьма неприглядной ситуацией. Об этом следует рассказать подробнее: 1 мая в 5 ча-

сов 36 мин. (по московскому времени), в 20 километрах от Кировобата, пересек границу и вторгся в воздушное пространство СССР черный самолет с необъятно длинными крыльями и без опознавательных знаков. Он летел на высоте 20 тысяч метров, держа курс на север, и части ПВО, взяв его под наблюдение, немедленно доложили о нем командованию. Самолет продолжал углубляться в воздушное пространство страны, поэтому, когда окончательно стали ясны его агрессивные замыслы, приказано было сбить нарушителя. Об этом рапортовал командиру воинской части майор Воронов: 1 мая 1960 года приказ об уничтожении самолета – нарушителя государственной границы Советского Союза – выполнен в 8:53 (по московскому времени). Поражение ракетой наблюдалось при помощи приборов, а затем путем визуального наблюдения было зафиксировано падение обломков самолета, спуск на парашюте летчика, которого, естественно, задержали. В это время в штаб-квартиру ЦРУ направляется шифровка о том, что У-2 не прилетел к месту своего назначения. Поскольку время, рассчитанное на запас топлива истекло, становилось очевидным, что самолет сбит. В целях оправдания используется версия ЦРУ об исследовательском характере самолета У-2, принадлежащего НАСА; распространялись сообщения о том, что задача этого типа самолетов – забор «проб воздуха». Специалист по авиационной разведке В. Шрейер писал по этому поводу: «В самом деле, большая высота, на которой происходили полеты, и различные помехи, которые генерировал У-2, осложняли

его электромагнитную пеленгацию...»³²¹. Никто в США не предполагал, что у Советского Союза есть уже такие ракеты, которые способны обнаружить их. Не знали в Вашингтоне и о том, что он располагал ракетами класса «земля–воздух», способными уничтожить У-2. Кстати, интересен и факт задержания летчика: вблизи Свердловска местные жители услышали взрыв около 11 часов (по местному времени), а затем, увидев спускающегося парашютиста, поспешили к месту его приземления. Он был обезоружен и доставлен в сельсовет, где уже находились работники госбезопасности. Так закончил свою карьеру Фрэнсис Пауэрс, написавший впоследствии, что «время готовило нам ловушку».

Дальнейшие события разворачивались следующим образом. Утром 5 мая Советское правительство объявило всему миру, что 1 мая был сбит американский самолет, не только нарушивший границу СССР, но и продолжавший полет в глубь страны. Данные экспертной комиссии показали его принадлежность США, хотя он был без опознавательных знаков. В заявлении ставился вопрос о том, кто же послал его? Было ли это с санкции главнокомандующего вооруженными силами США, т.е. президента, или без его ведома, т.е. из Пентагона? Заявление было озвучено на сессии Верховного Совета и стало достоянием иностранных корреспондентов, поэтому на столицу США обрушился шквал возмущения, усиливая замешательство и неразбериху в верхах. Разоблачив агрессивную акцию США, Советский Союз вместе с тем призвал их государ-

ственных деятелей трезво оценивать возможные последствия подобных действий. Было также заявлено, что правительство СССР не рассматривает полет американского самолета-шпиона как предвестник войны и не имеет агрессивных замыслов в отношении США. Ответные шаги содержали беспардонную дезинформацию и стремление любой ценой занять выигрышную позицию, спекулируя в том числе на судьбе летчика. 7 мая Советское правительство заявило, что пилот жив, здоров и находится в Москве, а сам самолет не был взорван, на что рассчитывали в Вашингтоне. В заявлении приводились и показания самого Пауэрс и другие факты, свидетельствующие о заранее спланированном перелете через территорию СССР со шпионскими целями.

В связи с этим продолжать лицемерную игру не имело смысла и 9 мая 1960 года государственный департамент распространил пресс-релиз №254, одобренный президентом, но от имени Гертера – государственного секретаря. Из него следовало, что полеты американских воздушных шпионов являлись частью долговременной программы, утвержденной руководством страны. Поскольку в заявлении Гертера она не осуждалась, а полностью оправдывалась, то впервые в истории того времени правительство публично присваивало себе право попираť суверенитет другого государства, с которым оно имело нормальные дипломатические отношения. Таким образом политика международного разбоя практически возводилась в ранг узаконенной государственной политики. 11 мая пре-

зидент Эйзенхауэр официально подтвердил заявление Гертера. В своем выступлении на совещании глав четырех держав он заявил лишь о временной приостановке провокационной политики до окончания срока пребывания у власти администрации, т.е. на семь месяцев. Этим США отказались взять на себя обязательство в принципе воздерживаться от агрессивных актов, что привело к срыву совещания в верхах. Система приоритетов США, направленная на обеспечение военного превосходства над СССР, предпочиталась конструктивному диалогу с ним и «холодная война» продолжила доминировать в политике США, создавая угрозы для мирового сообщества, а пропаганда ее становилась более изощренной³²².

Милитаризация экономики привела к тому, что впервые в своей истории США в мирное время содержали большую регулярную армию и если в 1950 году она насчитывала 1,4 млн солдат и офицеров, то в 1960–1961 гг. – 2,4 миллиона человек³²³. А между тем в 1957–1958 и 1960–1961 гг. США вновь пережили экономические кризисы. Если не учитывать высоких темпов экономического производства в 1950–1952 гг., вызванных войной в Корее и охвативших в первую очередь военное производство, то за 1953–1961 прирост промышленного производства составил в среднем только 2,3% в год³²⁴. Замедление его темпов являлось тем более тревожным фактором, что все основные конкуренты США, за исключением Англии, развивались гораздо быстрее.

Следствием данного процесса явилось то, что доля США в промышленном производстве капиталистического мира в 1960 году снизилась до 45,4% по сравнению с 53,4% в 1948³²⁵. Значительную тревогу правящих кругов США вызвали и быстрые темпы роста промышленного производства в СССР и странах мировой социалистической системы. К тому же, неизбежными спутниками экономических кризисов являлись безработица и углубление социальных конфликтов. Годы президентства Эйзенхауэра были отмечены и высоким уровнем стачечного движения и об этом свидетельствует статистика классовых боев американского пролетариата. Так, в 1955 году произошло 4320 стачек с участием 2,6 млн рабочих, в 1956 – 3825 забастовок (1,9 млн) и только за два года было потеряно 61,3 млн человеко-дней. Забастовочное движение достигло невиданного масштаба в 1959 году, когда в течение года утратилось 6,9 млн человеко-дней³²⁶.

При президенте Эйзенхауэре особенно активизировался лидер американской реакции сенатор Маккарти. На протяжении всех восьми лет его пребывания в Белом доме пост вице-президента занимал Ричард Никсон. Он сделал политическую карьеру как член пресловутой комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, а этот главный штаб реакции был тесно связан с Маккарти. Маккартизм был нужен администрации Эйзенхауэра для подавления прогрессивных сил и в первую очередь коммунистического движения. Характерно, что только ЦРУ оказалось единственным крупным ведом-

ством в США, не деморализованным притеснениями в годы маккартизма³²⁷. В послевоенный период в центр внутривнутриполитической жизни страны было поставлено негритянское освободительное движение. Программа Компартии США констатировала, что «освобождение черных в Соединенных штатах – центральный, самый решающий вопрос из стоящих перед всем рабочим классом и его союзниками»³²⁸. Весьма далека была от своего радикального решения и проблема расовой дискриминации в вооруженных силах.

Заканчивался 1960 год и это был конец активной государственной, политической и общественной жизни Дуайта Эйзенхауэра. Следует отметить, что годы войны, отмеченные сотрудничеством между государствами антигитлеровской коалиции, несомненно, породили определенные надежды, которым не суждено было сбыться. Они были развеяны в прах политикой «холодной войны». В 1953–1961 гг. имя этого президента США ассоциировалось с американской политикой «балансирования на грани войны», «освобождения», «массированного возмездия» и других ее порождений. Суть его внутренней политики заключалась в том, что он был последовательным защитником того магистрального направления в истории США, которое определялось развитием государственно-монополистического капитализма.

Политика нового президента Джона Кеннеди, определяемая так называемыми «новыми рубежами», сопровождалась пересмотром военной доктрины США времен

Эйзенхауэра. Началась переработка основных принципов «национальной безопасности», которые должны содержать как «разоружающие удары», так и «контролирующую реакцию». Как известно, первый план СИОП появился в 1960 году, а новый – в 1961, ориентированный на «контрсиловое» воздействие, т.е. на ядерные удары по важным целям, а значит, по крайней мере, «первой волны» этих ударов «избегали» города. Новая модификация плана СИОП содержала «пять вариантов» и несколько «подвариантов»: нанесение стратегическими силами «удара возмездия» по ракетным базам, аэродромам, базам подводных лодок и др., а также по объектам ПВО, «расположенным вдали от городов»; атака на «центры управления и контроля». Наконец, «в случае необходимости» производится «массированное, спазматическое» атомное наступление, т.е. нападение уже всеми силами.

Таким образом на смену доктрине «массового возмездия» пришла другая – «гибкого реагирования», считавшаяся более гуманной. В конце 1961 года США объявили, что их ядерная стратегия «не включает «советские города» в число целей, но в случае необходимости «массированные, спазматические» удары остаются в силе, как и все прежние варианты». Однако ситуация развивалась столь непредсказуемо, что вскоре американской администрации пришлось вносить новые коррективы в доктрину гибкого реагирования. Карибский кризис 1962 года показал, что наступило равновесие сил между СССР и США, а значит произошел крах надежной способности «ответного

удара». В 1963 году Кеннеди даже сделал признание, что безопасность США могла бы надежнее обеспечиваться «политическими соглашениями, а не военными программами». К сожалению, это был лишь своего рода «час озарения», хотя и вынужденного; да и судьба самого президента оказалась весьма трагической...

События 60-х годов – карибский кризис, рост числа защищенных стратегических средств СССР, темпы роста советского оборонного потенциала, ряд политических и экономических факторов – вынудили Вашингтон пересмотреть некоторые важные элементы своей военной доктрины. Так, впервые критике подвергся принцип «действие–противодействие» в гонке вооружений. В связи с этим появилась новая концепция – так называемое «гарантированное уничтожение» и еще одна теория – «стратегической стабильности»; вновь обсуждалась программа ПРО. Однако агрессия во Вьетнаме «развязала руки военно-промышленного комплекса» и погасила искру надежды на изоляцию «холодной войны».

Стратеги 60-х, требуя множество «вариантов» планов войны для более надежного «устрашения», считали «гуманным» метод «ударов по военным объектам», хотя было очевидным и при этом уничтожение миллионов человеческих жизней. Все это закономерно пришло и в 70-е годы, так как «эксперты по безопасности» в периоды президентства Никсона, Форда, а затем и Картера, также неумолимо искали возможность сделать американское «устрашение» более убедительным. В 70-х Киссинджер и

Шлезинджер стали ведущими специалистами в обеспечении глобального превосходства США, поэтому появляется новая концепция – «контролируемая реакция». В 1970 году Никсон, в своем внешнеполитическом послании конгрессу, заявил о некой «доктрине достаточности» и на этой основе вскоре начались советско-американские переговоры, закончившиеся заключением Договора ОСВ-1 и Договора о ПРО. К сожалению, как и в 60-х годах, одновременно действовали силы, имевшие крайне противоположную позицию.

Начало 70-х было ориентировано на новую программу ядерных вооружений США. Уже в 1972 году министерство обороны изучает возможные изменения плана СИОП для создания очередной «концепции», главная идея которой состояла в разработке вариантов ограниченных действий на отдельных «театрах войны» с ситуацией частного «устрашения», аналогичная глобальному; за основу в нем брались Европа и Ближний Восток. «Гибкие» меры Шлезинджера, объявленные им в конгрессе в 1974 году, в конце концов были узаконены решением Совета национальной безопасности (№242) и на его основе появился очередной стратегический план – СИОП-5. С приходом в Белый дом президента Картера в течение трех лет было издано пять новых директив о ядерном планировании (№№18, 41, 53, 58, 59), по которым не только увеличивалось количество «целей», но и требование от вооруженных сил США «пережить» ядерную войну. Эта оче-

редная концепция стала именоваться «стратегией противовеса».

Следует отметить, что предшественник Картера президент Форд под давлением справа и ВПК (военно-промышленного комплекса) остановил процесс ОСВ, развернул широкую долговременную программу вооружений и отверг разрядку. Новый президент, изучив очередной вариант плана СИОП и определив усовершенствованные руководящие линии в области ядерной политики, потребовал от генералов готовности вести длительную ограниченную ядерную войну и «выстоять» в ней. Для создания четкой ядерной политики он собрал видных экспертов Гарольда Брауна, Яснера Велча, Уолтера Слокомба и других, включая Збигнева Бжезинского. Президентская директива ПД-59 содержала, по утверждению специалистов, два изменения в стратегическом планировании по сравнению с временами Шлезинджера. Во-первых, был сделан значительный акцент на «уничтожение экономических и военных целей» с особым вниманием к центрам политического и военного руководства, командования и управления вооруженными силами. Во-вторых, американские войска должны быть готовы «пережить» длительную, многомесячную атомную войну (прежняя стратегия исходила из краткосрочного конфликта со «спазматическими реакциями»). К тому же, когда летом 1980 года ПД-59 стала достоянием прессы, СИОП-5 уже претерпел четыре переработки, а последний его вариант включал уже до 40 тыс. «целей» и среди них 900 советских городов с численно-

стью населения более 25 тысяч человек, 3500 военных объектов, включая стартовые установки ракет, аэродромы, базы подводок, штаты всех рангов и т.д. Все эти цели группировались в четыре категории: 1) ядерные силы СССР всех видов, включая ВВС и базы ракетноносцев; 2) обычные силы; 3) центры руководства; 4) экономика и индустрия³²⁹. «Гуманность» этого плана состояла в том, что советскому руководству уже во время войны предоставлялся «шанс» на вступление в переговоры с Вашингтоном относительно окончания войны.

Совершенно очевидно, что появление «новых концепций» при очередном президенте, в сущности, было обоснованием военных заказов и требованием модернизации ядерных сил, техники управления, разведки и связи. Поэтому предстояло ускорить производство сверхточных ракет «Трайдент» для подводных лодок, ракет MX и новых крылатых ракет воздушного базирования. При этом необходимо было сделать существующие центры управления более «жесткими» и подвижными, а следовательно, понадобилось бы множество новых центров для функционирования «после обмена ударами» и «устойчивости руководства» в условиях разрушений и развала. Нельзя не отметить и того факта, что в борьбе различных группировок в администрации Картера весьма оперативно взяла верх группа «ястребов» и сторонников «холодной войны» во главе с Нитце, Р. Пайпсом, несколькими генералами и бывшим советником Эйзенхауэра Д. Кистяковским («группа Б»). Она сумела создать соответствующую атмо-

сферу в высших кругах власти, в том числе выдвигая «новые оценки» военных экспертов в отношении мощи и точности советских ракет. Психологическим эффектом обладал и вывод о том, что «флагман советских ракет» — межконтинентальная баллистическая ракета СС-18 в состоянии поразить американскую «Минитмен» в шахтах. Такого рода «открытие» уже давно было известно, но, всплыв в нужный момент, вызвало в конгрессе и прессе бурные дебаты о советской стратегии, военной доктрине и т.п. Так называемые «изменения стратегических воззрений» свидетельствовали о том, что политику США стала «определять группа правых», т.е. антисоветски настроенных представителей военно-промышленного комплекса. Тем самым был подготовлен еще более агрессивный курс президента Рейгана: в 1981 году военные стратеги заявили о приемлемости для США ядерной войны с СССР с победным исходом.

Очередная группа «экспертов по безопасности» из команды Рейгана «развила» и «завершила» стратегию Картера, доведя ее до «логического конца». Военная стратегия в процессе тридцатилетней эволюции дошла до высшей точки иррационализма: «устрашение» исчезло, уступив «ведению войны» и «победе» в ней. Совершен был и общий резкий поворот к особо жесткому антикоммунизму, наложив тем самым отпечаток на всю военную государственную политику. «Холодная война» набирала свои чудовищные обороты: никакой сдержанности в интерпретации «устрашения», отсутствие либерального и

интеллектуального его анализа, никаких гуманных форм ведения военных действий. Декларативная и риторическая стратегия 80-х годов приводила только один вариант: уничтожение СССР и «ликвидацию системы». Теперь Вашингтон, выдвинув программу СОИ, начал следующий этап борьбы США за мировое господство; человечество было поставлено перед новой, чудовищной по своим последствиям угрозой миру.

В отличие от агрессивной политики США и западных держав, Советский Союз проводил последовательную миролюбивую внешнюю политику. Так, стремясь добиться взаимоприемлемого решения в вопросе о разоружении, СССР в сентябре 1959 года на XIV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций внес предложение о полном и всеобщем разоружении с установлением полного международного контроля за его осуществлением. В связи с принятием резолюции, одобрявшей его, был создан Комитет 10-ти (пять представителей социалистических государств и пять капиталистических), которому поручили рассмотреть конкретно советские предложения и определить пути их реализации. Искренность своих намерений СССР продемонстрировал, приняв Закон (IV сессия Верховного Совета от 15 января 1960 года) о проведении в одностороннем порядке нового значительного сокращения своих Вооруженных Сил (на 1 200 000 человек). Сессия приняла обращение к парламентам и правительствам всех государств мира откликнуться на свою мирную инициативу и предпринять определенные шаги в

этом направлении. Кроме этого делегация СССР согласилась с французским предложением начать разоружение с ликвидации средств доставки ядерного оружия.

К сожалению, правительства западных государств саботировали эти, безусловно, важные инициативы, а Комитет 10-ти практически устранился от их решения, поэтому в июне 1960 года СССР и страны социалистического лагеря прекратили участие в нем, снова вынося этот вопрос на Ассамблею ООН. На XV её сессии (осенью 1960 года) советская делегация внесла проект Основных положений Договора о всеобщем и полном разоружении. В 1961 году, вследствие двусторонних переговоров между СССР и США, были согласованы основные принципы для переговоров о разоружении, которые единогласно были одобрены XVI сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1961 года. Снова был создан Комитет по разоружению из 18 государств (5 социалистических стран, 5 участников западных военных блоков и 8 нейтральных государств). Ему поручается разработать согласованное решение по вопросу о всеобщем и полном разоружении, но его работа вновь была аналогично блокирована.

Несмотря на явное противодействие, Советское правительство продолжало вести борьбу за разоружение, выдвигая инициативы за немедленное прекращение испытаний атомного и водородного оружия, за создание в Центральной Европе и на Балканах безатомной зоны, за вывод всех иностранных войск с территории европейских государств и ликвидацию военных баз. СССР настойчиво до-

бывается заключения пакта о ненападении между государствами-участниками НАТО и государствами Варшавского Договора и заключения соглашения по вопросу о предотвращении внезапного нападения одного государства на другое и т.д. Все эти инициативы в корне противоречили агрессивной политики США и западных держав.

Несомненно, для укрепления мира огромное значение имела проблема ликвидации остатков Второй мировой войны, поэтому Советский Союз настаивал на заключении мирного договора с двумя германскими государствами (ФРГ и ГДР). Он смог подвести черту под ней и положил бы конец реваншским планам и укрепил бы безопасность не только в Европе, но и в мире. При этом на основе подобного договора можно было бы нормализовать положение Западного Берлина, который СССР предлагал объявить свободным демилитаризованным городом, но и эти предложения были отвергнуты западными государствами.

Однако, оставаясь верным своему миролюбивому курсу, Советское правительство внесло предложение о заключении соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой и оно было принято США и Англией. 5 августа 1963 года в Москве представителями трех ядерных держав (СССР, США и Англия) был подписан соответствующий договор. На XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1963 года было принято, по договоренности с США, предложение СССР о размещении «в космическом пространстве любых объектов с ядерным оружием или другими

видами оружия массового уничтожения». В конце 1963 года Советское правительство обратилось к главам государств (правительств) с предложением заключения международного соглашения (или договора) об отказе государств применять силу для решения территориальных споров и вопросов о границах, которое получило поддержку большинства стран. 20 января 1964 года был опубликован меморандум Советского правительства «О мерах, направленных на ослабление гонки вооружений и смягчение международной напряженности». Поскольку этот мирный акт не был поддержан теми же странами, Советский Союз внес его на XIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1964 года, сократив при этом в бюджете на 1965 расходы на оборону на 500 млн. рублей. В 1964 году международная обстановка получила некоторое оздоровление благодаря решению правительств СССР, США и Англии сократить производство расщепляющих материалов для военных целей. Между тем в 1966 году Советский Союз уже поддерживал дипломатические отношения с 97 государствами и вел торговлю почти со 100 странами, причем с 73 странами она велась на основе межправительственных торговых соглашений.

Во второй половине 60-х годов внешняя политика СССР стала предметом специального рассмотрения ряда Пленумов ЦК КПСС: декабрьского (1966 г.), июньского (1967), апрельского и октябрьского (1968), июньского (1969). Усиление внимания к вопросам международных отношений было вызвано нарастанием агрессивности за-

падных держав и в первую очередь США. Продолжалась преступная война во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, на Ближнем Востоке (ЮАР, Сирия, Иордания); в Греции был установлен террористический режим. Во Вьетнаме США втянуло в эту войну своих союзников – Австралию, Новую Зеландию, Таиланд, Филиппины и Южную Корею. 4–6 июля 1966 года в Бухаресте совещание Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского Договора приняло «Заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме». Его участники заявили, что они «оказывали и будут оказывать Демократический Республике Вьетнам все возрастающую морально-политическую поддержку и разностороннюю помощь, в том числе экономическую и средствами обороны, материалами, техникой и специалистами, необходимую для победоносного отражения американской агрессии, с учетом нужд, вызванных новой фазой войны во Вьетнаме»³³⁰. Помощь ему со стороны СССР выражалась в поставке самолетов, зенитно-ракетного вооружения, артиллерийского и стрелкового оружия, боеприпасов, а также комплектного оборудования, транспортных средств, нефтепродуктов, металлов, продовольствия, медикаментов и т.д.

Советский Союз осудил американскую агрессию в Камбодже и Лаосе, а также выступил в защиту арабских стран, подвергшихся нападению со стороны Израиля. 5 июня 1967 года, в день этой агрессии, Советское правительство озвучило заявление с осуждением агрессора и требованием прекращения военных действий и вывода его

войск с захваченных территорий. 7 июня было сделано новое заявление о безотлагательном выполнении резолюции Совета безопасности о немедленном прекращении огня и всех военных действий. 9 июня в Москве руководители коммунистических и рабочих партий и правительств европейских социалистических стран приняли заявление, разоблачающее агрессию Израиля как сговор определенных кругов и, в первую очередь, США. Оно подчеркивало, что в трудный час для государств Арабского Востока социалистические страны «целиком и полностью солидарны с их справедливой борьбой и будут оказывать им помощь в деле отражения агрессии и защиты национальной независимости и территориальной целостности»³³¹. Поскольку агрессия продолжалась, 10 июня Советское правительство разорвало дипломатические отношения с Израилем с требованием немедленного прекращения военных действий. Если этого не произойдет, то СССР, совместно с другими миролюбивыми государствами, применит к нему санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Дипломатические отношения с Израилем порвали и другие социалистические страны. Благодаря решительным совместным мерам военные действия на Ближнем Востоке были прекращены, но войска на захваченной территории остались. Поэтому, по требованию Советского правительства, поддержанного большинством государств – членов ООН, была созвана ее чрезвычайная специальная сессия, требовавшая немедленного вывода войск Израиля. Однако

США и их союзники помешали принятию соответствующей резолюции.

21 июня 1967 года Пленум ЦК КПСС, обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке», полностью одобрил «политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК, направленную на пресечение агрессии Израиля, на поддержку ОАР, Сирии и других арабских государств, подвергшихся нападению, на предотвращение последствий агрессии для дела всеобщего мира»³³². Пленум ЦК одобрил заявление социалистических стран от 9 июня и подтвердил тот факт, что СССР совместно с другими социалистическими государствами «сделает все необходимое чтобы помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору, оградить свои законные права, потушить очаг войны на Ближнем Востоке, восстановить мир в этом районе»³³³.

Все эти усилия способствовали принятию Советом Безопасности ООН в ноябре 1967 года резолюции об урегулировании конфликта на Ближнем Востоке на основе вывода войск Израилем с захваченных территорий и признания всех существующих там государств. Реакция его оставалась прежней, поэтому на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1967 году СССР внес на ее рассмотрение ряд важных и срочных вопросов: «О необходимости ускорения разработки определения агрессии в свете современной международной обстановки», «О заключении

Конвенции о запрещении применения ядерного оружия» и др. Именно последовательная борьба Советского Союза и ряда других стран в Женевском комитете 18 стран привела к выработке и согласованию договора о нераспространении ядерного оружия, который был одобрен в июне 1968 года, а 1 июля подписан одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне³³⁴. Важное значение в сплочении миролюбивых сил имели конференция европейских коммунистических и рабочих партий в апреле 1967 года в Карловых Варах (Чехословакия). В 1969 году их число возросло до 89, при этом они объединяли около 50 млн коммунистов. В их Декларации и Заявлении, в частности, содержался призыв к ликвидации военных блоков, иностранных военных баз и установлению в Европе системы коллективной безопасности.

Наряду с этими инициативами, Советское правительство направило всем государствам Меморандум «О некоторых неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению». Было предложено договориться о проведении в жизнь в ближайшее время следующих мер: запрещение применения ядерного оружия, прекращение его производства; сокращение и ликвидация его запасов, ограничение и последующее сокращение средств доставки ядерного оружия; запрещение полетов бомбардировщиков с ядерным оружием на борту за пределами национальных границ; запрещение его подземных испытаний; ликвидация иностранных военных баз и др. На XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1969 году

СССР внес вопрос «Об укреплении международной безопасности». Также было предложено включить вопрос о заключении Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожения. На XXV сессии Генассамблеи ООН в 1970 по инициативе СССР была принята Декларация об укреплении международной безопасности, в которой и нашли отражение основные положения, предложенные им. Она подтвердила обязательства всех государств и право народов определять свою судьбу без внешнего вмешательства, а также недопустимость приобретения территории в результате угрозы силой или ее применения и признание незаконности территориальных захватов.

Следуя своему миролюбивому курсу и проведя соответствующий анализ международной ситуации, СССР на XXIV съезде КПСС выдвинул конкретную Программу мира, сущность которой заключалась в следующем:

- ликвидировать военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке и содействовать политическому урегулированию в этих районах на основе уважения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии;
- давать немедленный и твердый отпор любым актам агрессии и международного произвола, а отказ от применения силы и угрозы ее применения для решения спорных вопросов должен стать законом международной жизни;

- исходить из окончательного признания территориальных изменений, происшедших в Европе в результате Второй мировой войны; осуществить коренной поворот к разрядке и миру на этом континенте; обеспечить созыв и успех общеевропейского совещания; сделать все для обеспечения коллективной безопасности в Европе;
- заключить договоры, ставящие под запрет ядерное, химическое и бактериологическое оружие; добиваться прекращения всюду и всеми испытаний ядерного оружия, включая подземные; содействовать созданию безъядерных зон в различных районах мира. При этом Советский Союз выступает за ядерное разоружение всех государств, обладающих им, за созыв в этих целях конференции пяти держав – СССР, США, КНР, Франции и Англии;
- активизировать борьбу за прекращение гонки вооружений всех видов. Советский Союз также высказывается за созыв всемирной конференции для рассмотрения вопросов разоружения во всем их объеме, за ликвидацию иностранных баз, за сокращение вооруженных сил и вооружений в районах, где военное противостояние особенно опасно, прежде всего в Центральной Европе;
- полностью претворить в жизнь решения ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов;

всеобщему осуждению и бойкоту подлежат проявления расизма и апартеида;

- Советский Союз готов углублять отношения взаимовыгодного сотрудничества во всех областях с государствами, которые со своей стороны стремятся к этому.

Данная Программа мира нашла свое органическое продолжение и развитие в решениях уже XXV съезда КПСС в области внешней политики партии и Советского государства. Для ее решения требовалось решить следующие задачи:

- укреплять и дальше развивать единство и всестороннее сотрудничество социалистических стран, увеличивать их активный вклад в дело мира;
- добиваться прекращения гонки вооружения, перехода к сокращению накопленных запасов оружия и разоружению;
- сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации военных очагов и, прежде всего, на Ближнем Востоке; обеспечить безопасность Азии на основе совместных усилий этой части света;
- добиваться полного претворения в жизнь Заключительного акта общеевропейского Совещания в Хельсинки, развивать мирное сотрудничество в Европе;

- приложить все усилия к заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях;
- считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков колониализма и расизма;
- добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, ликвидации всех проявлений эксплуатации в международных экономических отношениях³³⁵.

«Эта программа мира, — отмечалось в Отчете ЦК КПСС XXV съезда партии, — указала реальный путь к ликвидации «холодной войны», поставила четкие задачи в борьбе за переход от опасности войн к мирному сотрудничеству»³³⁶.

Следует отметить, что именно внешняя политика Советского Союза и стран социалистического лагеря способствовала в 70-е годы повороту от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух мировых систем к разрядке напряженности и нормализации отношений между странами с различным общественным строем. Весьма позитивные сдвиги произошли в Европе. Заключение договоров СССР и Польской Народной Республики с ФРГ, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, договор ГДР и ЧССР с ФРГ нормализовали отношения социалистических стран на основе признания нерушимости послевоенных границ в Европе. Эти договоры подвели

черту под итогами Второй мировой войны и содержали обязательства стран об отказе от применения силы при решении международных вопросов. В договоре между ЧССР и ФРГ окончательно признан недействительным мюнхенский диктат 1938 года. Успешное завершение общеевропейского Совещания, созданного по инициативе СССР, также способствовало укреплению мирных отношений в Европе. В августе 1975 года в Хельсинки (Финляндия) состоялось подписание 33 европейскими странами, США и Канадой Заключительного акта Совещания. В нем были изложены принципы межгосударственных отношений, отвечающие требованиям мирного сосуществования; подтверждалась и нерушимость границ, сложившихся в Европе.

В обеспечении безопасности в ней значительную роль играло успешное развитие отношений СССР с Францией, Италией, а также с Финляндией и другими странами Западной Европы. Произошли позитивные сдвиги и в отношениях СССР и США: встречи на высшем уровне советских и американских руководителей, заключение системы советско-американских договоров и соглашений, в частности, о предотвращении ядерной войны, ограничении стратегических вооружений и других документов, заложили политическую и правовую базу для взаимовыгодного сотрудничества на принципах мирного сосуществования; активизировался обмен различными делегациями; реализовывались соглашения о сотрудничестве в области экономики, культуры, науки и техники. Еще более возрос-

ла роль массового движения международной общественности и об этом свидетельствовали Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве, Брюссельская ассамблея борцов за европейскую безопасность, Всемирный конгресс женщин в Берлине.

Совершенно очевидно, что разрядка международной напряженности в первой половине 70-х годов подтверждала актуальность вышеупомянутой Программы мира. Однако нельзя было не учитывать и сложности этого процесса, ведь агрессивная политика влиятельных кругов США и западных держав отнюдь не отрекалась от политики «холодной войны». Этому способствовало и обострение общего кризиса капитализма, который вызвал массовую безработицу, рост инфляции, разгул терроризма. В этих условиях началась открытая конфронтация с СССР и странами социалистического лагеря, а блок НАТО в 1978 году счел нужным увеличить ежегодные военные расходы на 3%. В декабре 1979 года НАТО приняло решение о производстве и размещении в Западной Европе новых американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет средней дальности. Руководство этой организации и прежде всего США предпринимают активные действия для взлома стратегического военного равновесия и вооруженного превосходства над странами Организации Варшавского Договора. Нарушая взятые международные соглашения, они отказываются ратифицировать советско-американский Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Усиливается диктат

США в отношении стран так называемого «третьего мира», особенно в регионах, содержащих богатейшие запасы минерального сырья. Эти районы объявляются «сферами жизненно важных интересов США», а для их «охраны» создается «корпус быстрого реагирования». Основу же «психологической войны» составляет миф о «советской военной угрозе». К тому же, несмотря на определенный прогресс в развитии различных форм сотрудничества (например, с Францией, ФРГ и Италией), ряд государств-членов НАТО не стремится к этому процессу, прикрываясь «атлантической солидарностью» с США.

В противоположность этим агрессивным устремлениям, СССР в этот период выдвигает ряд новых инициатив и предложений по укреплению мира, углублению разрядки и обузданию гонки вооружений. Так, в мае 1980 года страны социалистического содружества во главе с СССР обратились с предложением к правительствам всех государств созвать Всемирную конференцию на высшем уровне по вопросам устранения очагов напряженности и предотвращения новой мировой войны. В декабре того же года от них последовало предложение рассмотреть на Мадридской встрече стран – участниц общеевропейского Сопсовещания – вопрос о созыве конференции по военной разрядке и разоружению в Европе. Таким образом, в 70-е годы «целое десятилетие международные отношения развивались под знаком разрядки». Это достижение 70-х было плодом «настойчивых совместных усилий Советского

Союза, братских стран, всех здравомыслящих сил современности»³³⁷.

Политика США 80-х годов являлась продолжением многолетнего стремления Вашингтона к политическому и военно-стратегическому превосходству. В пентагоновском «Руководстве по вопросам обороны» на 1985–1989 гг. были разработаны главные «направления»: достижение стратегического преимущества над Советским Союзом, наращивание как ядерных, так и обычных сил и усиление давления на союзников с целью увеличения последними своих военных усилий; расширение в рамках «ядерного интегрирования оперативного плана» (СИОП) роли США как мирового гегемона, «звездные войны», экономическая война против государств социалистического содружества и тех развивающихся стран, которые встали на путь социалистического развития; свертывание торгового, кредитного, научно-технического обмена; усиление идеологической войны, в частности, муссирование «советской военной угрозы»; дестабилизация движений в защиту мира и т.д. Концепция «Эйрленд-бэтл-86», разработанная в рамках этой политики, предусматривала использование как ядерного, так и химического оружия первыми, что обеспечивало преимущество на ранней стадии конфликта и на вражеской территории.

Постоянное усовершенствование ракет, особенно в обеспечении им большей точности и мощи, в частности, таких сложных систем, как «Минитмен-3» на подводных лодках «Трайдент», а также крылатых ракет и бомбарди-

ровщиков, способных преодолевать ПРО, должно было дополнить гигантскую программу по милитаризации Космоса. Отказавшись от советского предложения о моратории на испытание ядерного оружия, США заявили, что они рассмотрят возможность отказа от них только после того, как «догонят» СССР. Такая позиция позволяла продолжать эскалацию вооружений. Между тем уже шесть мировых держав обладали ядерным оружием, а еще как минимум два государства (Израиль и Южно-Африканская Республика) имели его предположительно. Кроме этого, 23 страны были его потенциальными производителями. Считалось, что в семи государствах (Южная Корея, Пакистан, Иран, Ирак, Ливия, Бразилия, Аргентина) оно могло появиться с наибольшей вероятностью, в том числе и на Тайване. Подобная ситуация, несомненно, могла привести к дестабилизации стратегической обстановки.

Еще одним таким фактором стало развитие химического и бактериологического оружия и США, несомненно, опережали всех других в мире, находясь на пороге химического перевооружения. Способность этого оружия уничтожать все живое поистине чудовищна и только на складах Америки запасов нервно-паралитического газа было столько, что они могли уничтожить человечество четыре тысячи раз. Общеизвестно, что Женевский протокол 1925 года запретил применение и того и другого вида оружия, но оставалось незапрещенным его производство и хранение, чем и воспользовались США. Конвенция, вступившая в силу в 1975 году, стала продолжением и развитием Же-

невского протокола. Большинство стран этот протокол был подписан, но часть из них оставила «право на ответное применение» этого оружия в случае нападения. Разумеется, это обстоятельство делало его одним из опаснейших факторов угрозы для человечества.

При наблюдении за противоборством войны и мира необходимо обращаться к тем истокам, которые питают эти процессы, а следовательно, к роли военно-промышленных корпораций (ВПК). Вся история XX и начала XXI веков доказывает их заинтересованность в политике силы. Так, прибыль военных монополий в результате Первой мировой войны составила 30–50 млрд. долларов, а во Второй военные концерны США заработали 123 миллиарда, а германские – 60–70 млрд. рейхсмарок и это была лишь небольшая доля тех прибылей, которые они получили в конце столетия. С 1945 по 1980 гг. военно-промышленный комплекс получил прибыль в триллион долларов. Еще один триллион он получил с 1980 по 1985 гг. Программа СОИ, целью которой было добиться военного превосходства над Советским Союзом, гарантировала такую прибыль еще в течение 30 лет.

Средства, которыми располагал Пентагон, к середине 80-х годов превосходили бюджет более 60 крупнейших промышленных корпораций. Он ежегодно заключал до 200 тыс. договоров примерно со 120 тысячами поставщиков. При этом, по данным 1979 года, на десяток самых крупных концернов приходилось 42,5% объема всех заказов Пентагона. Средние размеры дохода на акционерный

капитал за период с 1974 по 1984 гг. для 500 крупнейших промышленных корпораций составляли 18,65 процента, т.е. это был уровень, значительно превышающий средний показатель для всех корпораций США. Доля 100 крупнейших военных компаний США в общей стоимости основных заказов министерства обороны составляла в 1970 году 69,7%, в 1975 – 66,3, а в 1979 уже 72,1 процента. Пентагон поставлял ежегодно оружие в 63 страны и обучал более 10 тысяч военнослужащих из 68 государств. К тому же, военные монополии вменяли в обязанность «Объединению индустриальной безопасности» взаимодействие с государственными органами, занимающимися вопросами вооружения, и с ведущими военными штабами. Входящие в него более 400 фирм предоставляли 90% всех военных поставок³³⁸. Таким образом, напряженность советско-американских отношений была выгодна в первую очередь военным подрядчикам, а разработанная Р. Рейганом программа перевооружения являлась следствием второй «холодной войны», аргументом в пользу которой была пресловутая «советская угроза».

За всю историю США в Вашингтоне не было администрации, которая в большей степени представляла бы интересы военно-промышленного комплекса, чем стоящая у власти в 80-х годах. В 1983 году, по сравнению с концом 1981, курс акций восьми крупнейших военных корпораций – «Боинг», «Дженерал дайнэмикс», «Грумман», «Локхид», «Макдоннальд-Дуглас», «Нортроп», «Рокуэлл интернэшнл» и «Юнайтед технолоджиз» – возрос в среднем

на 82%. При этом концерн «Грумман» прибавил за это время на 100 процентов, а «Локхид» на 121³³⁹.

Следует отметить, что в других капиталистических странах также существовали значительно меньше по размеру, но тоже весьма влиятельные ВПК. Так, в ФРГ производство вооружений было сосредоточено примерно на 25 крупнейших и до 10 тысяч мелких предприятий. Западноевропейские фирмы также участвовали в программе СОИ, в частности, в 1985 году США передали ФРГ перечень из 15 крупных проектов в рамках СОИ, которые нужно было завершить во второй половине 80-х. В этом плане особенно активны были фирмы «Мессершmitt-Бёльков-Блом» и Дорнье. Свое желание участвовать в СОИ выразили концерны «Рейнметалл» и «Сименс». В начале 50-х годов Великобритания, имея 19 крупных предприятий в области авиационной и космической индустрии, с 1977 года объединила всё производство для ВВС и ракетной техники в рамках монополии «Бритиш аэроспейс корпорейшен» (БАК), причем до 35 процентов военной продукции продавалось в другие страны. Во Франции, с начала 50-х годов, в авиационной и ракетной индустрии также господствовали 12 самостоятельных предприятий. В начале 80-х два крупнейших концерна – Дессо-Бреге и «СНИАС» – не только снабжали внутренний рынок, но и работали на экспорт. Дессо продавало за границу три из четырех производимых самолетов, а оборот французской военной промышленности значительно ежегодно превышал 5 млрд. долларов. В Италии шесть пред-

приятый воздушной и ракетной промышленности составляли Фиат–Аэриталия. В частности, вместе с западногерманским «Мессершmitt–Бёльков–Блом» и британским БАК он изготовлял самолет «Торнадо». Для Нидерландов характерен был традиционно значительный акцент на деятельности верфей. Авиационные заводы (Фоккер), предприятия военной электроники (Филипс) дополняли эту картину³⁴⁰. Следовательно, проблема состояла в том, что ВПК под влиянием собственной динамики производил оружие сверх всяких норм и потребностей безопасности. Поэтому необходимо было искусственно усложнять политическую обстановку и специально либо «выискивать врага», либо создавать его всеми доступными средствами.

Однако на пути к громадному росту военных расходов США стояли три преграды: политика разрядки, переговоры об ОСВ-2, которые успешно завершились; курс большинства европейских союзников, не стремившихся к усилению конфронтации с социалистическими странами и не желавших возврата к «холодной войне». Первая и вторая из них устранялась последовательным курсом подрыва достижений разрядки и для этого проводилась политико-пропагандистская кампания. Подрыв ОСВ-2 осуществлялся путем мобилизации в конгрессе и сенате США наиболее консервативных сил, в частности, «Американского консервативного союза». Это было ведущее объединение милитаристов, антисоветчиков и правых политических деятелей – ярых противников улучшения советско-американских отношений. «Крестовый поход» против

ОСВ-2 активизировался в связи с вопросом о ратификации договора о нем американским сенатом, который должен был перейти к заключительному этапу предварительного слушания. Благодаря мощному нажиму «лобби» фабрикантов оружия, его ратификация была успешно провалена. Гораздо труднее оказалось ликвидировать сопротивление европейских союзников. В этом направлении значительную роль сыграло «двойное решение» НАТО от 12 декабря 1979 года: военно-промышленному комплексу США было обещано размещение новых ракет в Европе, а европейскую общественность успокоили обещаниями о переговорах с СССР относительно этого, но на заведомо неприемлемых для него условиях. Новый этап завершился поздней осенью 1983 года началом размещения в Европе новых американских ракет, что способствовало повороту международной политики в нужное русло.

Констатируя сложившуюся ситуацию, Ю. Андропов (Генеральный секретарь ЦК КПСС), в беседе с вице-президентом американского профобъединения АФТ–КПП У. Уинписингером 17 августа 1983 года, отметил ту опасность, которая может быть навлечена, «если дать волю милитаризму»³⁴¹. И это был весьма убедительный аргумент, ведь о нем свидетельствовали войны XX столетия, поэтому достаточно было комплексно исследовать политические и военные предпосылки и их последствия. Казалось, что разум должен был восторжествовать, но фактический отказ США от поддержания равновесия в начале 80-х снова вызвал спад разрядки и рост напряженности. В

годы «холодной войны» оба военных союза, противостоящих друг другу, продолжали функционировать в соответствии со своими политическими основами и целями, доктринами, организационным формам, традициям, а также по характеру военного производства, технологии, опыта и т.д. Учитывая гегемонистский характер политики США, столкновение их интересов было неизбежно. Пентагон продолжал демонстрировать военную мощь, провоцируя конфликты и оказывая разного рода давление – метод имперской политики. Так, в 1983–1984 гг. США угрожает Ливану, а в воды Центральной Америки в августе 1983 года направляют 19 кораблей, входящих в три оперативных военно-морских соединения, включая авианосец «Рейнджер», авианосец «Корал си» с 70 истребителями-бомбардировщиками и другие суда, а также морских пехотинцев. Цель этой демонстрации – давление на сандинистское правительство Никарагуа и сохранение сальвадорского режима, против которого велась гражданская война. Они сосредоточивали силы 6-го флота у берегов Ливии (весна 1986 г.) с намерением изменить здесь общественный строй и свергнуть правительство Каддафи. Однако равновесие сил с СССР ограничивало масштабы этого давления. К тому же, 200 суверенных государств уже изменили картину мира и это был другой мир – не колониальный, как в прошлом веке.

Одним из атрибутов «холодной войны» являются демонстративные военные учения и разного рода маневры, особенно в кризисных районах и конфликтных ситуа-

циях. Первые маневры НАТО под кодовым названием «Отм фордж» были проведены в 1975 году, отреагировав на Хельсинское Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и особенно на его Заключительный акт. Они явно были направлены на срыв договоренностей и процесса разрядки. Так, если проследить основные учения и маневры 1979–1981 гг., то выяснится, что за этот период страны НАТО провели 24 крупных сухопутных и авиационных учения, а государства Варшавского Договора – всего 7. На территории ФРГ произошло 11 крупных учений, в Норвегии – 5, а в маневрах «Отм фордж» участвовало 120 тыс. солдат, 250 кораблей и 1000 самолетов из 14 стран. Очевиден разительный контраст. Маневры НАТО, как правило, проводились в опасных районах мира с целью политического давления, а Варшавского Договора служили только учебным целям.

Следующей формой военно-политического давления было воздействие путем более продолжительного размещения войск, либо флота в политически важных или кризисных районах. Зачастую маневры либо тесно увязывались с военным присутствием, либо перерастали в него. Так, начатые летом 1983 года американские маневры у берегов Никарагуа, превратились в весьма затяжное пребывание флота США у его берегов. В данном случае это была долговременная «корректировка» политического курса данного государства.

Одной из самых распространенных форм военного присутствия являются базы на территориях других стран и

в этой категории США тоже преуспели, имея примерно 1500 военных баз и всевозможных объектов в государствах, которые считают зоной своих интересов. Такой же формой считается отправка воинских контингентов, флотов и оружия в эти места на довольно продолжительный срок. К ним относится Япония с Окинавой, Филиппины, острова Диего-Гарсия, Крит, Сицилия, отдельные зоны на Апеннинском и Пиренейском полуостровах, Азорском архипелаге и Мадейре, в Исландии, Гренландии и т.д. Военное присутствие — это и средство прямого военного контроля, поддержки угодных режимов, что, как правило, оправдывалось в основном «советской угрозой» или какой-либо «подрывной деятельностью».

Что касается прямой военной конфронтации, то в этом случае активизируется косвенная поддержка консервативных режимов в зоне развивающихся стран. Формы при этом довольно разнообразные, т.е. от поставок оружия до военно-политического давления с целью смены неугодных режимов; от организации военных переворотов до модернизации военной инфраструктуры. При этом косвенное вмешательство тесно сочетается с дипломатическими, экономическими, психологическими и иными средствами нажима. Наряду с этими акциями, в условиях равновесия ядерных сил, военно-политическое использование геостратегических ситуаций приобрело новое содержание и оно становилось наиболее опасным. Так, в стратегию США относительно СССР и стран социалистического содружества входило блокирование их по всему

периметру границ. В начале 80-х министр ВМС США Леман считал, что для изоляции «СССР от всего остального мира» следует максимально использовать преимущества географического положения Америки и ее союзников. Это вынуждало Советский Союз иметь соответствующую оборонную структуру как в европейской, так и в азиатской частях страны.

Опаснейшим элементом политического давления являлось преднамеренное нагнетание напряженности с использованием «внутренней функции» военной силы. В методы такого рода политики входили: политическое противостояние, наращивание ядерных вооружений для военного превосходства, выдвигание неприемлемых требований, постоянное психологическое наступление. В конце XX века милитаризм, объединяясь с другими общественными фракциями, превратился в мощный социальный механизм, вобрав в себя не только могущественные концерны и касту военных профессионалов, но и значительную часть высшей госадминистрации, парламентариев, привилегированные научные круги, разрабатывающие новые средства войны; соответствующий гражданский аппарат; сеть массовой пропаганды; военные лобби; институты рынка вооружений; корпус отставных моментов; милитаристские, политические организации и т.д. Очевидно, что вся эта разветвленная структура, существующая за счет политической напряженности и конфронтации, выполняла не только внешние, но и внутренние функции, но уже в иных формах, чем в начале XX столетия³⁴².

Следует отметить, что в период с 1945 по 1986 гг. в мире практически постоянно велись войны, а конкретно более 250. Военные конфликты при этом носили самый разнообразный характер: в эпоху крушений колониальных империй шли национально-освободительные войны; были захватнические, агрессивные, конкурентные; военным путем решались территориальные, пограничные споры; вспыхивали гражданские, религиозные, племенные и, наконец, развязывание их во имя расширения и укрепления своего господства. В войнах и конфликтах 1945–1982 гг. участвовало 88 государств, а человеческие жертвы шести из них (Китай, Вьетнам, Алжир, Нигерия, Кампучия, Бангладеш) составили свыше миллиона. Жертвы других шести государств (Индия, Индонезия, Папуа-Новая Гвинея, Филиппины, Заир, Колумбия) достигали различных показателей – между 100 тысячами и миллионом. Потери остальных участников были менее 100 тыс. человек³⁴³.

На фоне этих трагических последствий агрессивной политики Запада Советский Союз считал необходимым продолжать борьбу за ослабление угрозы войны, обуздание гонки вооружений. Задачи своей внешней политики на 80-е годы он представил в комплексе новых предложений и инициатив, а именно:

- расширить зоны доверия между государствами, распространив их на всю европейскую часть и Дальний Восток, включая СССР, Китай и Японию;

- обеспечить мир в районе Персидского залива и на подступах к нему. СССР не возражает, чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива, если при этом не будет нарушаться суверенитет Афганистана и его статус неприсоединившегося государства;
- ограничить производство стратегических вооружений и провести их сокращение. Продолжать на основе равенства соответствующие переговоры с США о сохранении всего того положительного, что до сих пор было достигнуто. Мы готовы вести переговоры об ограничении любых видов вооружений, в том числе об ограничении развертывания новых подводных лодок, о запрещении модернизации существующих и создания новых баллистических ракет, размещаемых на этих лодках;
- установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности НАТО и СССР, т.е. заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая ядерные средства передового базирования США в этом районе;
- создать авторитетный международный комитет из виднейших ученых различных стран, который

показал бы необходимость предотвращения ядерной катастрофы;

- созвать специальное заседание Совета Безопасности ООН с участием высших руководителей государств-членов Совета Безопасности по выработке мероприятий по оздоровлению международной обстановки, недопущению войны. В заседании могли бы, очевидно, при желании принять участие и руководители других государств³⁴⁴.

Эти разумные выводы по предотвращению очередной эскалации войны содержали не только характеристику сложившихся реалий, но и меры, вполне отвечающие вызовам времени. Закономерно, что они были освещены в материалах XXVI съезда КПСС, ведь основные решения по выработке как внешней, так и внутренней политики в командно-административной системе СССР принимались на съездах Коммунистической партии, а между ними в Постановлениях Верховного Совета, корректирующих их. Анализируя их, приходишь к пониманию опасности сложившейся ситуации и четкости кардинально противоположных решений международных проблем. Совершенно очевидно, что они были вызваны весьма серьезным обострением отношений между СССР и Штатами, связанных не с какими-то локальными конфликтами, а с резким поворотом политической стратегии Вашингтона в сторону конфронтации с Советским Союзом. Об этом свидетельствовал и факт призыва президента Рональда Рейгана, при посещении им Европы в июне 1982 года, а он звучал до-

вольно конкретно: необходимо начать «крестовый поход против коммунизма». При этом невольно возникают ассоциации с кануном Второй мировой войны, связанных с аналогичными призывами Адольфа Гитлера.

В концепциях политики США 80-х явно прослеживались наступательные акценты «устрашения», в основе которых лежали постулаты, выработанные еще в разгар «холодной войны». Одним из его элементов было воздействие на массовую психологию как на признанного «врага», так и на свое общество. Разумеется, потенциальными агрессорами изображались СССР и социалистические страны, а сдерживать их могла лишь постоянная угроза применения ядерного оружия, а также преодоление паритета сил. В то же время советская концепция исходила из всеобщих, мировых интересов, не замыкаясь в национальных, государственных рамках. В политическом докладе уже XXVII съезда КПСС подчеркивалась именно эта ее главная особенность: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты»³⁴⁵. Поэтому в ситуации, когда прямое использование ядерного оружия для решения политических проблем было абсолютно иррационально, закономерно повышалось значение международных договоров и соглашений, особенно таких, как договоры между Советским Союзом и США, в частности, ОСВ-1 и ОСВ-2 и бессрочный о ПРО. Поскольку мирная политика советского государства была тесно связана с долго-

срочными программами экономического, социального, научного, технического развития, то она, естественно, придерживалась оборонительной доктрины. В ней отсутствовали такие натовские понятия, как «первый», «упреждающий» и «превентивный» удары, рассчитанные к тому же и на использование ядерного оружия.

Идеи гегемонизма, непомерные имперские амбиции, вседозволенность — это характеристика всех действий администрации США на международной арене. Щупальца их «жизненных интересов» тянутся почти во все районы земного шара. Так они действуют на Ближнем Востоке, в районах Центральной Америки и Карибского моря, на юге Африки; повсюду пытаются подорвать суверенитет и независимость государства, право народов на самостоятельное развитие. Такова реальность и никакая фальшивая ритуальная риторика не может закамуфлировать суть этой политики³⁴⁶. В феврале 1985 года в докладе министра обороны США конгрессу был подведен итог четырехлетней деятельности администрации Рейгана, определены задачи «обеспечения национальных интересов США и успешной дипломатической деятельности»; называлась и «военная мощь», особенно «перед лицом численно превосходящих вооруженных сил» противников. При этом конкретизировалась и основная угроза американским интересам, а именно со стороны Советского Союза.

Пожалуй, никогда в истории человеческие судьбы не зависели от разумной воли и особенно политиков, как в 80-е годы. «Переосмысление, приведение в полное соот-

ветствие с новыми реальностями многих привычных вещей, в том числе в военной и, конечно, в политической областях», — стало основой политики Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева. Чем обернулось для СССР реализация его «нового мышления» советский народ и мировая общественность наблюдали в течение пяти лет. В 1989 году «холодная война» закончилась, так как никакой угрозы от некогда мощной страны уже не существовало: она мучительно агонизировала на глазах изумленного человечества... В 1990 году СССР окончательно развалился, а затем усилиями так называемых «политиков» его правопреемницей стала Российская Федерация, т.е. Россия. Пока она шла в фарватере политических интересов США, теряя все достижения Страны Советов, это, разумеется, устраивало их и западный мир. Но придет время, когда Россия «встанет с колен» и вновь начнется та же круговерть, но, как говорится, это уже другая история...

Часть V

Противостояние – угроза международной безопасности**Глава 11. Западная демократия и ее агрессивный характер (на примере США)**

Двадцатый век дал человечеству две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней и принесшие невыразимые страдания населению стран и континентов. Вся эта громада несчастий исходила от Германии – европейского государства с бесконечными гегемонистскими устремлениями. В основе идеологии нацистской Германии, развязавшей Вторую мировую войну, лежала всё та же жажда владычества над миром, подкрепленная бредовой идеей расовой исключительности, возведенной в некий абсолют. Общеизвестно, чем закончилась эта кровавая авантюра и казалось, что этот урок должен был навсегда стать для человечества, что называется «зарубкой на память». Однако не успели отгреть залпы Второй мировой войны, как уже Соединенные Штаты Америки, опьяненные наличием атомного оружия, взяли на вооружение всё ту же идею мирового господства, но уже на основе более разрушительной силы, способной уничтожить всё мировое сообщество.

Следует отметить, что на протяжении всей своей истории США последовательно развивали и обосновывали концепции своего «божественного предназначения». Ещё

в 1823 году они первыми ввели в практический обиход такое понятие как «сфера исключительных жизненных интересов», распространив прежде всего это на всю Латинскую Америку. Для утверждения этого права ими в 1838 году была развязана первая в истории империалистическая война, которая привела к оккупации и последующему закабалению Кубы. Весьма неблагоприятную роль Америка сыграла в разжигании русско-японской войны, лицемерно предложив себя затем в качестве миротворца. Она же была одним из наиболее активных организаторов и вдохновителей антисоветской интервенции, а её экспедиционный корпус принимал непосредственное участие в гражданской войне в Сибири.

Не оставались безучастными США и к судьбам стран Латинской Америки, на протяжении всего межвоенного периода беспощадно подавляя освободительные движения в них и бесцеремонно выдавливая оттуда европейских конкурентов. На совести американских монополий возвращение германского реваншизма, о чем свидетельствует политика США во Второй мировой войне и их последующие цели, особенно после смерти президента Франклина Рузвельта. Именно они с целью шантажа первыми применили атомное оружие, уничтожив сотни тысяч жителей японских городов Хиросима и Нагасаки. Что касается высшего командования Америки, то оно и определило Советский Союз в качестве «потенциального врага» задолго до окончания Второй мировой войны. Исходным посылом этого оригинального умозаключения были факторы коли-

чественного учета силы в послевоенном мире, а таковым мог быть только исключительно Советский Союз. Уже в 1943 году, начиная со второй половины, то есть после Сталинграда и Курска, были сформулированы реалистические выводы в серии рекомендаций, представленных комитетом начальников штабов США. Самые поучительные из них были от 3 августа 1944 года:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала»³⁴⁷.

Совершенно очевидно, что философским камнем при решении этой проблемы и стало ядерное оружие. Ещё до его испытания и использования в высших советах Ва-

шингтона уже обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. К тому же, назрела «необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации...». Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года предоставил ему обширный доклад под названием «Американская политика в отношении Советского Союза», в котором отметил, что США должны понять насколько опасна советская пропаганда («особенно, когда подчеркивается американский империализм») и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским обвинениям... США должны приложить энергичные усилия, чтобы добиться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского населения, и противодействовать антиамериканской пропаганде, которую Кремль распространяет среди советского народа. В самих широких масштабах, какие только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР... В самих Соединенных Штатах коммунистическое проникновение должно быть разоблачено и ликвидировано»³⁴⁸.

Руководствуясь подобного рода благими намерениями, Совет планирования политики представил анализ, озаглавленный как «Цели США в отношении России», кото-

рый и был утвержден 18 августа 1948 года как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Её вступительная часть констатировала:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании, ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны; сократить до минимума разрыв между ними».

Далее формулировалось: «Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

- а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;
- б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

В силу уже сложившейся практики высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно доказать, что эти цели недостижимы без войны, и следовательно, мы тем признаем: наша конечная цель в отно-

шении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строго чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...»;

Во-вторых, мы обосновано не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, не совместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...».

В директиве СНБ 20/1 обобщенно, но достаточно четко указывалось: «Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политиче-

ском, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля». Вашингтонские стратеги рассматривали и так называемое политическое урегулирование в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

- а) выполнение чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем, чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;
- б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира. Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест — Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».

В директиве СНБ 20/1 исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в

минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Цинизм этих строк просто зашкаливает, ведь на этот период пришлось сотрудничество двух сторон в войне против держав фашистской оси «Берлин — Рим — Токио» и принятие мер по организации международной безопасности. А как важно и то обстоятельство, что именно Советский Союз спас те самые Соединённые Штаты, которые вряд ли бы смогли противостоять нацистской Германии, если бы она не сломала себе хребет в той самой России, судьбу которой они в 1948 году столь цинично определяли.

Что касается судьбы Коммунистической партии Советского Союза, то она решалась в соответствии с возникшими обстоятельствами, а именно:

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам кажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до

конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют, или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти»³⁴⁹.

Таким образом заканчивалась директива СНБ 20/1, которая легла в основу американской политики в отношении СССР. Поразителен тот факт, что во многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой №21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером в плане «Барбаросса»... Какая ирония судьбы, а, впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении противника отнюдь не прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, который восхищался не кто иной, как сам Адольф Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж.

Толандом, отмечается: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он подчерпнул из изучения истории США. Он восхищался, что в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления — голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил»³⁵⁰.

Конечный вариант директивы СНБ 20/1, предложенный Трумэну, был утвержден им как СНБ 20/4 20 ноября 1948 года. Он воспроизводил все прежние положения, но по сравнению с ней более значительный упор делался на подрывную работу как в мирное время, так и во время войны:

«Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем»³⁵¹.

Начиная с 1949, года США постоянно сколачивали агрессивные блоки во всех регионах земного шара (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗАМ, АНЗЮС и т.д.) ими впервые в истории была создана глобальная сеть иностранных военных, в том числе ядерных баз и оккупационных сил в Западной Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, на океанских островах. В целом, по подсчетам института Брукингса, только с 1946 по 1975 годы США 215 раз прямо или косвенно использовали во-

оруженные силы в политических целях, в 33 случаях были на грани применения ядерного оружия, в том числе 4 раза против Советского Союза³⁵².

В сущности, в послевоенном мире все более или менее значительные конфликты принадлежали США, а именно: Корея, Вьетнам, Гватемала, Куба, Сальвадор, Никарагуа, Ливан, провоцирование войны между Ираном и Ираком и, наконец, оккупация Гренады. И все это еще во времена существования Советского Союза...

Американский интервенционизм, как правило, сопровождался активным насаждением так называемых духовных ценностей демократического мира. Неизменным спутником милитаризма США всегда был шовинизм, выступающий в качестве прикрытия идеологии мессианства — некоего «божественного» предназначения этой страны. Однако, если вникнуть в идеи превосходства этой «нации» и её образа жизни, то здесь все идет по известной схеме, уже использованной в прошлом тем же нацизмом.

Изучение чудовищных планов ядерной войны, ставших военной доктриной США, свидетельствуют о том, что их содержание не только знали, но очевидно и участвовали в их разработке особо доверенные специалисты по ведению психологической войны, которые в бесконечном потоке публикаций конца 40-х — начала 50-х годов готовили общественное мнение этой страны к будущей войне с Советским Союзом. Это, несомненно, заслуживает внимания, поскольку доказывает определенную взаимосвязь реальных военных замыслов с их пропагандистским и

психологическим обеспечением. И поныне вся американская политология продолжает атаки на принципы мира, обсуждая различные варианты войны и конфликтов, конфронтационные ситуации и новые концепции силы в международных отношениях, оправдывая маниакальные планы будущих ядерных атак, скрытых пока в сейфах Пентагона.

Анализируя политику США, нельзя не остановиться и на деятельности «Трёхсторонней комиссии», созданной в 1973 году. Она объединила руководителей крупнейших монополий США, Западной Европы и Японии. С этого же года под эгидой данной комиссии стали выходить доклады специальных исследовательских групп. В 1978 году вышел 15-й по счету доклад «капитального рассмотрения отношений между Западом и Востоком», выдержанный в духе директивы СНБ-68. Напомним, что согласно ей конечные цели свободного общества должны определяться его основными ценностями и необходимостью поддерживать материальное окружение, в котором они процветают...

1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.

2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...

3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать

коренные изменения в характере советской системы; срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы».

Согласно кредо этой «Трёхсторонней комиссии», стабильный мировой порядок — это нереалистическая цель... Больше того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долгосрочных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы, изменений, происходящих в «Третьем мире» и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не благоприятном для их ценностей...

Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорей стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффек-

тивное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам... Мы должны сформулировать перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

Согласно стратегии Запада, должна проводиться бескомпромиссная борьба за права человека, ибо это одно из коренных различий между коммунистическими и западными ценностями. Однако «по своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами». В этом постулате уже четко прослеживается характер привития этих ценностей, а он отнюдь далеко не мирный, а вполне конкретный и весьма агрессивный... Далее в докладе проводится линия и на то, что «западные правительства ... могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть «идеологическая борьба...». Западные правительства ... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения «силой» во внутренней политике восточных стран. Большая часть позитивных или негативных последствий в этих делах зависит от стиля и методов»³⁵³.

Кстати, таковыми, в частности, является «коммунистическая деятельность «диссидентов», принадлежащих к

«демократическому движению» и оказывающих давление изнутри». Значимость их в том, что они отстаивают те самые западные духовные «ценности» и находятся на передовой линии фронта бескомпромиссной борьбы против социализма. Между прочим, хранителем арсенала «стиля и методов» является все то же Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов, то есть ЦРУ. История этой организации окутана обманом легенд о её неустанном труде на благо «национальной безопасности». Своим появлением и последующим существованием она полностью обязана внезапному нападению на Пирл-Харбор и послевоенному расследованию той роли, которую сыграла разведка (или её отсутствие) в том, что нашим вооруженным силам не удалось получить соответствующего своевременного предупреждения о готовящемся нападении Японии,³⁵⁴ — констатировала в 1955 году комиссия Г. Гувера, занимавшаяся реорганизацией американского государственного аппарата под руководством самого президента Г. Трумэна. Основанное в 1947 году, она находилось в прямом подчинении Совету национальной безопасности (СНБ), а следовательно, непосредственно занималась и идеологическим террором. И не случайно директивой СНБ 4/А от 14 декабря 1947 года ведение «психологической войны» было закреплено именно за ЦРУ.

Одним из важнейших элементов насаждения духовных ценностей Запада, безусловно, являются средства массовой пропаганды — этого важнейшего инструмента

реализации и упрочения политической власти. Пользуясь практически монопольным положением на рынке информации западного мира и контролируя интерпретацию происходящих в мире событий, власть не ограничивается простым распространением своей идеологии, а все активнее формирует массовое сознание в собственных целях и манипулирует им, способствуя выработке устойчивых стереотипов антикоммунизма и антисоветизма.

Сложно переоценить значение политологии в обработке общественного мнения. Извращая события и подтачивая факты, играя в объективность, в изобилии поставляя различные теории и доктрины, она активно мобилизует общественность на сторону внутренней и внешней политики правящих сил. Особое место в политической науке занимает обоснование необходимости и неизбежности создания новой империи, так как мир, в сущности, представляет собой сферу жизненно важных американских интересов, которую следует защищать с помощью оружия. В послевоенный период весьма эффективной стала система тотального экономического давления и подчинения с сохранением всё той же демократии. Под эту политику подводится структура военных баз и оккупационных войск, размещаемых в ключевых районах, а также в «горячих точках», где более сильное сопротивление западным интересам. Создание неокOLONиальной военно-стратегической системы проводилось под дымовой завесой «советской», а затем и «российской угрозы», но прин-

ципиально общая платформа — это антикоммунизм и антисоветизм, а конкретные цели — освобождение от них.

Некоторые авторы видят спасение человечества в «мировом синтезе», всемирной интеграции. Однако о какой интеграции может идти речь, когда социальные системы, культуры и идеологии диаметрально противоположны, а следовательно, абсолютно несовместимы. Об этом достаточно не только красноречиво, но и жестко свидетельствует исторический опыт. Несомненно, что память народов хранит варварские деяния фашизма, нанесших невосполнимый ущерб человечеству. К тому же невозможно совместить его материальные и культурные ценности с действиями США во Вьетнаме, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, а также с практическим применением ядерного оружия — чудовищного изобретения милитаризма.

Между тем в мире, пережившем уникальную трагедию, вновь появилось понятие «войны после войны». Так, в первом томе серии «Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг.» ещё признавалась фашистская агрессия против СССР. Однако во втором томе (1959 г.) уже считается очевидным, что оборона Советского Союза против Германии «была просто паузой в одновременных советских усилиях обеспечить свою безопасность и продолжить экспансию». В оправдании так называемой «холодной войны» в США издаются сотни книг, в которых иногда исподволь, а в основном без всяких ухищрений, реабилитируется намерения Гитлера в отно-

шении СССР, что, безусловно, расчищает пути для новых претендентов на мировое господство. Модной тенденцией в современных реалиях стало сравнение Гитлера со Сталиным, что ведет к уничтожению в исторической памяти человечества, освободительного характера борьбы советского народа с фашизмом.

В программах американских школ и колледжей имелся специальный курс антикоммунизма, написано много учебников и учебных пособий. Основной их задачей являлась подготовка молодого поколения к войне с СССР, а в 10 из 11 учебников даже не упоминаются Хиросима и Нагасаки — это чудовищное преступление США. Характерно, что в процессе лекций не предусматривается свобода академической дискуссии, а только знакомство с американской точкой зрения. Такая позиция является благоприятным условием установления Пентагоном «военного контроля над нацией», то есть милитаризацию психологии населения Америки. Глубину насилия, пронизывающего весь американский образ жизни, характеризует и тот факт, что в этой стране сочли вполне нормальным и естественным не только выпустить в обращение игру для детей и взрослых под названием «Ядерная война», но и организовать ее экспорт в страны Западной Европы, то есть на родину двух мировых войн. Это «веселая» игра с использованием набора грубых дипломатических приемов и пропаганды завершается в финале «всеобщим уничтожением». После бесплодных усилий неконструктивных переговоров есть и такое: по логике составителей игры, сле-

дует просто «нажать кнопку». Мораль подобной игры все та же — убивайте, не мучаясь угрызениями совести, ибо такова человеческая природа³⁵⁵. Пропаганда жесткости, садизма в конечном итоге формирует определенное национальное самосознание и является вполне осмысленной политикой, уничтожающей остатки былой патриархальности и элементарные нормы человеческих взаимоотношений.

Нельзя отрицать и того факта, что целенаправленная политика утверждения американского образа жизни не могла не повлиять на возникновение в Америке зловещих «забав» фашистов и таких активно действующих политических организаций, как «Минитмены», «Союз белых граждан», «Ку-клукс-клан», «Американский легион» и др. В этой стране свободы, прав человека систематически проводились военизированные митинги и шествия людей со свастикой, а ультраправые, фашиствующие силы получали солидную материальную поддержку. «Американский фашизм существует, — свидетельствовал А. Левин, — мы находимся на пороге фашистской Америки. Фашизм — это последнее прибежище правящего класса, который утверждает свое господство на разрушение, расизме, шовинизме, терроре и политических репрессиях»³⁵⁶.

В 70-е годы правым экстремистам в США удалось организовать разветвленную сеть различных комитетов, коалиций и ассоциаций, поддерживающих и взаимно дополняющих друг друга. Они вели масштабную информационную, пропагандистскую и лоббистскую деятельность

на самых разных уровнях — от местных органов власти до конгресса и Белого дома. Американский обозреватель консервативного направления Д. Бонафид считает, что взгляд на «новых правых» как на идеологических варваров и политических фанатиков является упрощенным и далеким от истины. Сила их во многом определяется умением объединять декларируемую ими идеологическую жесткость с ловким и умелым политическим маневрированием³⁵⁷.

Существует и значительное число так называемых «многоцелевых» организаций правого и ультраправого толка, то есть таких, как «Американский консервативный союз», «Консервативный кокус», «Молодые американцы за свободу» и др. Десятками, если не сотнями, измеряется число специализированных организаций, действующих в избранной области или по определенному вопросу, а именно «за мир с позиции силы», «национальный консервативный фонд исследовательской и просветительской деятельности», многочисленные «комитеты политических действий» и т.п.

Совершенно очевидно, что неотъемлемой частью радикализма в США стали религиозные организации, сочетающие «божественный промысел» с политической деятельностью. Центральное место среди них заняли фундаменталистские баптистские общины и 13-ти миллионная «южная баптистская конвенция». Особую роль играли евангелистские радио- и телевизионные станции, известные как «электронная церковь» (первых насчитывалось в

конце 70-х годов более 1300, вторых – 40). Наряду с программами и передачами обычного религиозного содержания, они максимально предоставляли время политическим проповедникам. Это смотрит и слушает, по данным Ассоциации национальных радио- и телевизионных станций, около 130 миллионов человек в неделю, то есть больше, чем посещают церкви³⁵⁸. К тому же подобная активность, помимо прочего, является еще и крупным бизнесом, приносящим огромные деньги и капиталовложения. Появился и так называемый «Клуб конгресса» – организация «Новых правых». В каждом из 10–20 миллионов писем, рассылаемых клубом, содержались «зловещие предупреждения о растущей коммунистической угрозе»³⁵⁹.

Однако рассуждая об этих процессах и их несомненной активизации, поневоле приходишь к мысли, а всё ли так благополучно в этой стране, столь неустанно прославляющей свои духовные ценности и образ жизни. И она вполне закономерна, ведь в США человеческая личность отнюдь не застрахована в плане продления ее собственного существования. И такое наблюдается и в отношении выдающихся личностей этой страны и подтверждением тому служат судьбы ее лидеров. Трагедии в Далласе, Мемфесе, Лос-Анджелесе не только конкретная трагедия семейств Кеннеди и Кингов – это логический результат всего образа жизни, столь культивируемого в Америке. После убийства Джона и Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга в американском обществе возник некий вакуум. В частности, в связи с убийством Дж. Кеннеди, пресса

откровенно писала, что многое здесь за пределами ее понимания. Но тем не менее, если обратиться к истории США, то, во-первых, только за 100 лет здесь было убито четыре президента: Авраам Линкольн (1865 г.), Джеймс Гарфилд (1881), Уильям Маккинли (1881), Джон Кеннеди (1963). Как отмечает М. Дорман в книге «История секретной службы», той же участи едва избежали Т. Рузвельт, Ф. Рузвельт, Г. Трумэн. В 70-е стреляли в президента Дж. Форда, в 80-е годы – в Р. Рейгана. Только за последний век американской «демократии» каждый пятый президент был убит, а на каждого третьего совершено покушение. Кроме того, среди политических деятелей США очень много загадочных смертей, не объяснённых до сих пор. И что характерно, каждый раз средства массовой информации утверждали, а политические лидеры говорили, что эти убийства выше их понимания³⁶⁰.

К чему же привело американское общество стремление к самовыражению в виде изощренной формы свободы, а, видимо, это и свобода в свой последний час. Поистине его фарисейство не знает границ, ибо оно беспрельдно. Оказывается, бедность – это всего лишь отражение принципа «равных возможностей», фашизм – издержки демократии, а пропаганда смерти, войны, насилия, преступлений – проявление «свободы». В этом и есть верховный принцип как венец американского общества, так как его этическим мерилom являются деньги, на которые можно было все купить и все продать – вот и вся его мораль. Если бы подобный образ жизни оставался «привиле-

гией» только этой страны, то можно было не обращать на него внимания, то есть «каждому свое», но когда его весьма активно навязывают всему мировому сообществу, что называется «огнем и мечом», то это уже угроза самому его существованию.

Анализируя ситуацию в американском обществе, нельзя не отметить нарастание правых тенденций внутри страны, консолидацию реакционных сил, прорыв их к власти, что закономерно оказало прямое влияние на международную политику США, а следовательно, и на ее идеологическую составляющую. Разумеется, идеология пан-американизма априори была достоянием крайне правых и она переплеталась с национализмом, расизмом, шовинизмом, джингоизмом, демонстрируя консерватизм во всех его проявлениях и исторических обликах. Мощный узел имперского мышления и действий правого лагеря США заключается в маккартизме и именно здесь находится исходная точка послевоенных консервативных течений, стремившихся в 60–80-е годы заполучить руль американской внешней политики, направляя ее к сохранению и упрочению своей мировой гегемонии. Именно во времена маккартизма была доведена до предела и цель «Рах Americana» – антикоммунизм, антисоветизм. Конечно, сопряженность имперского подхода и антикоммунизма зародилась в среде американских правых задолго до того, как Дж. Маккарти возник в качестве нового мессии антикоммунизма как дома, так и на международной арене. Дело в том, что никогда ранее в американской политической

элите имперская идея не была настолько четко и неразрывно связана с антикоммунистической, антисоветской ориентацией внешней политики, поэтому это обстоятельство следует помнить для понимания ее эволюции.

Американский консерватизм, в том числе и в сфере внешней политики, явление многослойное и исторически менявшееся не только в организационном плане, но и иногда по своему составу. Правые радикалы и консерваторы традиционно имели сильные позиции в «среднем классе», а именно в его взглядах на экономику и политику, несмотря на отдельные периоды, когда они не сводились к правой идеологии. Восприимчивость его к идеологии и политике объяснялась прежде всего тем, что он в известной мере носитель националистических, расистских, шовинистических, милитаристских настроений и устремлений. Именно в этой среде не только действовали практически все ультраправые организации, возникавшие в те или иные отрезки 50–80-х годов, но и пропагандировали «имперские» идеи и замыслы. По сведениям «Первого национального справочника правых групп, публикаций и некоторых лиц», в США насчитывалось около 2600 таких организаций и групп. Кроме этого действовали «Христианский антикоммунистический крестовый поход», «Американцы за конструктивные действия», «Мы – народ!», «Национальный студенческий альянс», «Американская независимая партия», «Консервативная партия Нью-Йорка», «Крестовый поход христиан», «Лобби свободы». При этом нельзя забывать о научных центрах и средствах

массовой информации, в которых сосредоточены правые из интеллектуалов.

Процесс продвижения правых к власти развивался в послевоенное время весьма неравномерно — от удач до спада и на всех его этапах внедрения правых в механизм внешней политики имел прямую связь с действиями США на международной арене. Они с сожалением вспоминали о временах Карибского кризиса 1962 года, так как именно в нем видели последний всплеск политики страны на ракетно-ядерное превосходство. Далее наступил перелом, обозначившийся к концу 60-х годов как равновесие стратегических сил. Затем поражение в Юго-Восточной Азии привело к «вьетнамскому синдрому», потерпели и провокации против некоторых социалистических стран в Восточной Европе. Всё это и вынудило президента Р. Никсона пойти на разрядку напряженности, но именно Карибский кризис всё же был связан с возрождением правых сил в начале 60-х годов, когда усилилась пропаганда тотального антикоммунизма и их почерк стал разительно похож на их требования к внешней и военной политике в конце 70-х — начале 80-х годов.

От маккартистов и правых 60-х годов тянется нить преемственности в реакционных идеях, включая и апофеоз имперского мышления, к «новым правым». Бесспорно, что США пережили в 70-х годах кризис традиционного либерализма, во многом утратившего своё назначение влиятельного политического течения. Это поражение объясняется тем, что его представители не смогли решить

назревшие проблемы внутренней и внешней политики. «Новые правые» развернули свои основные битвы вокруг тезисов о «советской угрозе» и «падении американской мощи», получив тем самым поддержку националистических, шовинистических, антикоммунистических сил. Несомненно, что важным моментом в ходе отвоевывания правыми плацдарма в политической жизни страны был кризис доверия к двум основным партиям — республиканской и демократической. Так называемый «Уотергейт» подорвал авторитет первой, а правление Дж. Картера дискредитировало вторую. Следствием этого стало то, что либерализм и его пограничный вариант — «умеренный консерватизм» — оказались несостоятельными, а отсюда и интерес к альтернативе, то есть к «новым правым».

Их успех сначала определился тем, что они выдвинули новую генерацию молодых организаторов типа Р. Вигери, П. Вейриха, Т. Долана, Р. Филлипса, П. Уэйрича, Дж. Фалуэлла и других. К тому же они более эффективно использовали новые технические средства политической деятельности — радио, телевидение, компьютеры, «прямую точку», оставив тем самым позади иных профессиональных политиков. Кроме этого они сумели разработать элементарные общедоступные позиции, успешно работавшие прежде всего на «средний класс». С 1964 года стал выделяться 300-тысячный «Американский консервативный союз», наиболее определившийся своей реакционной политической ориентацией даже среди крайне правых организаций. Он создал целую паутину исследовательских

центров, пропагандистских рычагов, механизмов по сбору финансовых средств. В этих целях он широко использовал Просветительско-исследовательский институт, а через него командовал национальный журналистский центр, действовавший под руководством известного правого обозревателя С. Эванса. Молодых журналистов, писателей, публицистов здесь обрабатывали надлежащим образом, а затем продвигали в ведущие средства массовой информации, где они и пропагандировали «имперские» взгляды на внешнюю политику США.

В центре политической, в том числе и внешнеполитической деятельности «новых правых», находились «Клуб конгресса» и «Национальный консервативный комитет политического действия (НККПД)». «Клуб конгресса» носит непосредственно политический характер, сохраняя в своем арсенале и «классические» способы шантажа, клеветы, давления, особенно, когда речь идет о либералах, «допустивших разрядку» и «снижение» военной мощи страны. В сложном переплетении и взаимодействии разных организаций «новых правых» постоянного возникали контуры «Хэритдэж фаундэйшн». Созданный в 1973 году, он с самого начала был задуман и финансировался как «фабрика мысли правых». Его роль в идеологическом, теоретическом подкреплении имперского мышления, расчетов на возрождение «*Rex Americana*» исключительно велика: ни либералы, ни консерваторы не имеют ее подобия в этих процессах. Помимо теоретического обоснования консервативной политики, «Хэритэдж» оказывал

непосредственное влияние на процесс принятия решений в администрации, а более 30 человек его сотрудников занимали посты в правительстве»³⁶¹.

Следует отметить, что «имперская» идеология «неоконсерваторов» сложилась на основе исторической ретроспективы «холодной войны», но характерной её чертой стал упор на ядерную войну. Её проповедует целая клика сторонников из числа «ястребов» и «неоястребов», категорически отвергавших мирное сосуществование с Советским Союзом, добиваясь путем использования политического и экономического давления и угрозы военным оружием коренным образом изменить характер советского общества... Несомненно, что администрация Р. Рейгана замкнула на себе взаимосвязи со своими руководителями крайне правых, а не только с близкими к ней «неоконсерваторами». Впитывая в себя идеологические и политические позиции правых организаций, она в то же время и сама активизировала их деятельность своей внешнеполитической практикой, в главном отвечающей «идеалам» ультраправых. Практика рейгановской администрации — борьба за военное превосходство, развертывание новых систем оружия, установка ракет первого удара в Европе, произвольное определение «жизненно важных для национальных интересов США зон», оккупация Гренады, агрессия в Ливане, помощь контрреволюционным наемникам в Никарагуа и Афганистане, объявление «крестового похода» против коммунизма — укладывалась в фундамент

«американского века» по схеме крайне правых 70–80-х годов.

Совершенно очевидно, что все общественные явления имеют свои истоки и высшие политические доктрины. Между тем уже в ходе Второй мировой войны и после нее не раз утверждалось, что США допустили ошибку стратегического характера, связав себя с СССР узами антигитлеровской коалиции. Так, бывший лидер республиканской партии Р. Тафт в книге «Внешняя политика для американцев» напоминает, что он ещё 25 июня 1945 года предупреждал: победа коммунистов в войне «будет гораздо опаснее для Соединенных Штатов с идеологической точки зрения, чем победа фашизма». Повторяя известное высказывание Трумэна, политолог С. Гриффитс писал, что «было бы намного лучше просто позволить русским и немцам истреблять друг друга»³⁶². Эти и им подобные суждения, отражающие вполне конкретные интересы правящих сил, и явились прологом первой «холодной войны», которую развязали США. Именно она во многих исследованиях и высказываниях связывалась логически с победой над фашизмом. Ещё в 1952 году небезызвестный Маккарти подчеркивал, что можно уверенно утверждать, что Третья мировая война началась с русской победой у Сталинграда и тоже самое констатировал и У. Ростоу.

Таким образом «холодная война» стала результатом победы над нацизмом, а рассуждения о противоестественности союза США и СССР в войне с фашизмом в буржуазной политической науке имели широкое хождение и

точную цель: надо было готовиться к новой войне, но теперь уже против советского народа. В связи с этим психологическая переориентация приняла после войны весьма значительные размеры и в ход пошли ложь, фальсификация, грубая подмена понятий, неизменное подыгрывание шовинистическим, националистическим чувствам, спекуляция на невежестве и т.п.

Как известно, программные положения «холодной войны» были заложены в речи У. Черчилля от 5-го марта 1946 года в Фултоне. Практически идеология антисоветизма, «крестовых походов», «советской угрозы» использовалась политиком всю его жизнь и послужила сводным кодексом тезисов, аргументов, лозунгов для той части политологии, которая была профессионально ориентирована на антикоммунизм. «Тень упала на землю, ещё недавно ярко освещенную победой союзников... Коммунистические партии, или «пятые колонны», всюду представляют собой угрозу христианской цивилизации... Старая доктрина на равновесие сил представляет собой нечто нездоровое. Мы не можем позволить себе удовлетвориться небольшим превосходством силы, потому что мы тем самым рискуем ввести другую сторону в искушение захотеть померяться силами». В этой речи Черчилля уже обнаруживаются практически все стереотипы пропаганды послевоенного периода. «В настоящее время, — подчеркивал он, — Соединённые Штаты стоят на вершине мирового могущества... Вы должны испытывать тревогу, как бы не лишиться достигнутых позиций. Сейчас имеется благопри-

ятная возможность... Берегитесь, может не хватить времени. Давайте не будем вести себя таким образом, чтобы события развивались самотёком³⁶³. Англия тем временем продолжала держать до конца войны в своей оккупационной зоне 700 тысяч нерасформированных немецких войск, видимо, рассчитывая на «благоприятную возможность»³⁶⁴.

Однако и речь У. Черчилля была лишь своего рода сформулированным манифестом «холодной войны». Она только выразила то, что практически уже стало внешнеполитическим курсом Америки. По свидетельству У. Таубмэна ещё 23 апреля 1945 года, беседуя с В. Молотовым, Г. Трумэн вел себя вызывающе, что и означало «новый американский подход, который изменил ход истории». Но в то время, по мнению того же Таубмэна, ему ещё «не хватало уверенности занятой им жесткой позиции». Между тем вскоре провокационная программа Черчилля практически вылилась в так называемую «доктрину Трумэна» — первую оформленную политическую доктрину, официально провозгласившую «холодную войну». В марте 1947 года на объединённом заседании конгресса Трумэн, оправдывая претензии США на мировое господство, подчеркивал, что «свободные народы» ждут от США защиты «их свобод» и призывал к «решительности» в выполнении «лидирующей роли», то есть, в сущности, буквально и по смыслу повторял фултонского оракула.

В июльском номере журнала «Форин Афферс» за 1947 год была опубликована статья «Источники поведения Советов» за подписью «Икс». В ней констатирова-

лось, что «главным элементом любой политики США по отношению к Советскому Союзу должно быть длительное, терпеливое, но сильное и бдительное сдерживание»³⁶⁵. Статья, автором которой был Дж. Кеннан, положила начало доктрине «сдерживания коммунизма»; терпение обернулось провокациями, а принцип силы — угрозой термоядерной войны. Тот факт, что он предпочитал оставаться неизвестным, отнюдь не случайность, ведь его роль в системе американской пропаганды весьма своеобразна. Будучи опытным дипломатом, превосходным оратором и публицистом, он зарекомендовал себя как мастер обработки общественного мнения. Тесно связанный с правительственными кругами и хорошо информированным о практической стороне внешней политики, Кеннан время от времени выступал с «пробными шарами», зондируя ситуацию по острым проблемам международных отношений. В ходе дискуссии политические лидеры США имели возможность проверить «работоспособность» тех или иных доктрин, их возможные «издержки и выгоды». В своих мемуарах Кеннан признавал, что никогда «не считал Советский Союз подходящим союзником, либо партнером»,³⁶⁶ но его позиция получила признание только с наступлением «холодной войны».

Следует отметить, что цель американских агрессий и интервенций всегда находила освещение в доктринах политологов. Так, известный историк Д. Перкинс в книге «Эволюция американской внешней политики» подчеркивал, что США никогда не стеснялись в средствах дости-

жения своих целей и если обратиться к основным доктринам, то суть их была исполнена «разумного интервенционизма»³⁶⁷. А вот и соответствующие доктрины, провозглашающие США в качестве претендента на собственную исключительность. К ним относятся:

Доктрина Монро – единоличное господство в западном полушарии. Иначе война с любым противником, посягнувшим на это право.

Доктрина Кливленда – любой спор европейского государства с американским передаётся на третейский суд США – другого арбитра быть не может.

Доктрина Хейса – любой водный путь из Атлантического океана в Тихий должен находиться под контролем США.

Доктрина «открытых дверей» – экспансия в Китае.

Доктрина «большой дубинки» и «доброго соседа» – вариации доктрины Монро для истинно американских стран в конкретных исторических условиях.

Доктрина Трумэна – вмешательство в дела любого государства под видом «помощи» и «борьбы с коммунизмом».

Доктрина Эйзенхауэра–Даллеса – «отбрасывание» коммунизма и балансирование на грани войны.

Доктрина Рейгана – «крестовый поход» против коммунизма, провозглашение огромных пространств земного шара зонами «жизненных интересов» США, подлежащих военной защите, угроза первым ядерным ударом в целях достижения победы в войне против СССР³⁶⁸.

Между прочим, с политикой «сдерживания» демократы шли на выборы 1948 года и начали новый тур своего правления после победы. Именно тогда американскими милитаристами была предпринята корейская авантюра. «Сдерживание» обернулось войной, наложившей отпечаток на общественно-политическую мысль США. Для политологии начала 50-х годов характерна весьма заметная вспышка шовинизма на волне имперских амбиций. Так, Киффер утверждает, что «завтрашнее поле битвы – весь мир. А сегодня задача состоит в том, чтобы обеспечить в мире как можно больше стратегически важных пунктов и готовить наши войска к тому, чтобы они удерживали эти территории». Германию автор объявляет трамплином «для дальнейшего продвижения на Балканы и на Украину». Не правда ли, какие современные аналоги, а ведь эта страна все же вошла в зону жизненных интересов США в XXI веке и не без помощи той самой Германии и «доблестных» европейских союзников.

Однако встречались и более завуалированные варианты поджигательской пропаганды, которые трактовали агрессивную политику США всего лишь как переход от «традиционного изоляционизма» к «гуманной политике поддержания независимости других стран и их экономического возрождения». Г. Уильямс пропагандирует идею «прогрессивной войны» и создания мирового правительства во главе с США, ибо в этих условиях «успешная война может быть выгодной»³⁶⁹. И снова к войне, но уже через «субъективное самосознание». По разработанным во-

енным сценариям создаются планы под кодовыми обозначениями докладов 329 и 329/1, «Чариотир», «Когвилл», «Чанпаудер», «Флитвуд», «Дропшот» и это лишь небольшое из всего багажа агрессивных планов США, причём через реализацию всеуничтожающей ядерной войны. Вслед за доктриной «сдерживания коммунизма» рождается доктрина «освобождения». Наиболее активным её идеологом считается Дж. Бэрнхэм, предложивший конкретный план расчленения Советского Союза и стран социалистического лагеря, что полностью отвечает «национальным интересам». Остаётся отметить, что «сдерживание» исповедали демократы, пока были у власти до 1953 года, а «освобождение» было для республиканцев, но прошли выборы и споры о доктринах затихли, но, как и прежде, свою службу несла пропаганда войны и гонки вооружений. Так, Д. Сарнов предложил «рассматривать социалистические государства в качестве территории, оккупированной врагом» и призвал к диверсиям, террору, подрывной деятельности и шпионажу.

Наиболее воинственный вариант «политики сил» все же отражен в обширном труде Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны «Международные отношения в период конфликта между демократией и диктатурой», рекомендуемой даже в качестве университетского пособия. Её авторы на протяжении всей своей научной деятельности последовательно выступали идеологами крайней реакции, сторонниками политики силы, всеобщей войны и необходимости американского «мирового руководства». По мнению авторов,

экспансионистская политика США естественна и логична, поскольку вся история западной цивилизации — это история непрерывных войн и именно война — главный арбитр, предопределяющий судьбу наций. Упомянутые работы — малая толика в потоке милитаристской литературы и это является свидетельством того, что интервенция была «доминирующим мотивом» в послевоенной внешней политике. Однако особенность этого времени состояла и в том, что американским лидерам и политологам приходилось вести борьбу как бы на два фронта: и против психологии изоляционизма, и против социалистической доктрины мирного сосуществования противоположных общественных систем.

На борьбу с этой концепцией приходилось выделять огромные ассигнования, создавать новые исследовательские и пропагандистские центры, готовить многочисленные кадры. Эта тактика продолжала развивать тезис о том, что мирное существование — всего лишь «тактический манёвр», рассчитанный на подрыв устоев западных демократий. Апологеты «холодной войны» отрицали возможность нормализации отношений между США и СССР из-за непримиримости двух идеологий. Причём эта проблема всегда увязывалась в той или иной степени с вопросами гонки вооружений и разоружения и здесь отчетливо проявлялась служебная роль политологии, последовательность агитации за производство оружия, ибо разоружение для монополий вело к катастрофе. Проблема эта, безусловно, сложнейшая потому, что милитаризм — органиче-

ская часть империализма, а гонка вооружений – наиболее надежное средство обогащения военной индустриальной элиты США.

Общеизвестно, что после Второй мировой войны американские правящие круги начали политику атомного «устрашения» и создали мощную систему идеологического давления, ведущей психологическую подготовку США к новой войне. Разумеется, массированное оболванивание, мракобесие, запугивание приучили многих американцев принимать на веру бред политики уничтожения коммунизма во всем мире, а также «прекращения всех отношений с «Советским Союзом». Эта ситуация была настолько раскручена, что говоря о пропаганде против СССР, бывший министр внутренних дел США Г. Икес ещё в 1945 году заявил: «Подчас, когда я слышу эти нашептывания, я сомневаюсь в том, что Геббельс действительно мертв... Мне кажется, что он лишь эмигрировал в США»³⁷⁰.

Призраки возвращаются и к этому звали многие представители политической науки в начале 50-х годов. Администрация Р. Рейгана воплотила эту концепцию в войне против Сальвадора, Никарагуа, Афганистана и других государств. Конкретизацией теории «гибкого реагирования» стала доктрина «контрсилы», выдвинутая бывшим министром обороны Макнамарой. Она состояла из трех частей: первая – обоснование и подготовка к тотальному термоядерному удару, избежав уничтожения своего ракетно-ядерного потенциала. Вторая часть доктрины была сформулирована летом 1962-го года в Мичиганском уни-

верситете: основной военной целью США в случае ядерной войны должно быть уничтожение вооружённых сил противника, а не его гражданского населения. Третья часть доктрины именовалась в Пентагоне как «право неядерного выбора», то есть США должны развивать обычные вооруженные силы.

В конечном итоге все наиболее воинственные доктрины американского империализма – «сдерживание», «освобождение», «контрсила», «гибкое реагирование», «принуждение», «концепции ограниченной войны», «продолжительной войны», «локальных конфликтов» и многие другие – тесно связаны между собой стратегическим курсом американских монополий на создание «мировой империи». Пропаганда насилия, войны, американского образа жизни, буржуазной идеологии, борьба с идеями социализма о мире как бы дополняли друг друга. Разумеется, и до рейгановской администрации правящие круги США уделяли подрывной пропаганде огромное значение, но Р. Рейган поставил шовинизм внутри страны и устрашения войной народов мира на службу американской глобалистике и сам возглавил пропагандистскую машину, жестко координируя все ее проявления³⁷¹. Борьбу с коммунистической идеологией Рейган, зараженный поистине пещерным антикоммунизмом, довёл до крайних пределов. «Вашингтон пост» признавала, что «президент Рейган продолжает говорить о русских в таких выражениях, которые подразумевают сегодняшнюю угрозу и вечную вражду.

Тем самым он дает полное основание для советских обвинений во враждебности Америки»³⁷².

Нельзя не отметить и того, что последующие годы буржуазные идеологи увлекались теорией «единого индустриального общества», приспособлявая ее к разным аспектам политической и идеологической борьбы на мировой арене. Затем появились и её продолжения, то есть «супериндустриального» и «постиндустриального общества», а также «общества массового потребления». Исходя из различных вариантов «технотронного общества, Д. Белла, З. Бжезинского, К. Боулдинга, У. Росту и других, Г. Кан провозгласил это идеологическое течение «полной энтузиазма адвокатурой техники и экономического роста». К нему присоединялись и другие идеологи, объяснившие «технологический фактор» едва ли не единственной причиной, вызвавшей разрядку.

Иллюзорность подобной позиции совершенно очевидна и не требует особых комментариев. Что касается Рейгана, то он объявил СССР «империей зла» и не утруждая себя размышлениями, стал утверждать, что именно он — причина всех беспорядков на земном шаре. Его правление было отмечено принятием, а затем и осуществлением беспрецедентной «всеобъемлющей стратегической программы на 80-е годы». Она предусматривала ускоренное развертывание таких новых систем стратегических наступательных вооружений, как межконтинентальные баллистические ракеты «МХ», «Минитмен», атомные подводные ракетноносцы «Трайдент», стратегические бомбарди-

ровщики В-1В, и «Стелс», многоцелевая космическая система «Шаттл», крылатые ракеты большой дальности всех видов базирования — воздушного, наземного, морского. США, подписав Договор ОСВ-2 еще в июне 1979-го года, затем отказались от его ратификации, прикрыв это решение шумными пропагандистскими кампаниями. Наиболее грубой и многоцелевой среди них стала кампания по Афганистану, организованная службами «психологической войны» и другими представителями защиты жизненных интересов США.

Размещение в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности закономерно сорвали советско-американские переговоры по ядерному вооружению в Женеве. Десяти лет не хватило Вашингтону ратифицировать документы о подземных испытаниях ядерного оружия и о ядерных взрывах в мирных целях. Вашингтон также уклонялся от переговоров с СССР по вопросам запрещения химического оружия и ликвидации его запасов. Не пожелали в Белом доме дать ответ на предложение государств — членов Варшавского договора, сделанного в конце 1983 года, о полном освобождении Европы от химического оружия. К тому же, на рубеже 70-х и 80-х годов именно США отказались от проведения переговоров, прервав консультации по широкому кругу вопросов, связанных с ограничением, сокращением вооружений и военной активности.

В сущности, они не ответили позитивно ни на одну из многочисленных советских инициатив для достижения

этих целей. Кроме того, обстановка в США в начале 80-х годов характеризуется небывалым разгулом шовинизма. Достаточно бесцеремонно они вели себя и в отношении международных организаций и особенно к организации Объединенных Наций, Устав которой стал хартией мирного существования. Так, на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи американские представители проголосовали против восемнадцати резолюций по вопросам разоружения, принятых большинством голосов. Враждебно встретили США и советские инициативы на XXXVIII её сессии. Однако она специальной декларацией «Осуждение ядерной войны» всё же безоговорочно осудила её как самое чудовищное из преступлений и попрания прав человека — права на жизнь. Кроме этого, за советское предложение о замораживании ядерных предложений проголосовали представители подавляющего большинства государств. Советский Союз поставил на повестку дня этой сессии и вопрос о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса и внес проект соответствующего договора. При этом он взял на себя обязательство не выводить первым противоспутниковое оружие до тех пор, пока США и другие государства будут воздерживаться от подобных запусков. Эти мирные инициативы были лишь частью комплекса предложений, внесённых СССР в ООН в начале 80-х годов, но все они неизменно наталкивались как на открытое, так и скрытое противодействие официального Вашингтона.

Если взглянуть на политику правящих кругов США, то вырисовывается следующая картина: для того, чтобы примириться с существованием Советского Союза и признать его, США потребовалось полтора десятка лет, да ещё опыт жёсткого экономического и политического кризиса. Для осознания борьбы с фашизмом — нападение на Пирл-Харбор и угроза самому их существованию. Для заключения первого соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах — Карибский кризис, поставивший человечество на грань мировой войны. Для подписания договоров о стратегических вооружениях — поражение во Вьетнаме³⁷³. Видимо, такова природа этого государства, пропитанного шовинизмом и мессианством. К сожалению, за это весьма непомерно дорого расплачивается мировое сообщество. Лишь краткий обзор противоречивых взглядов и концептуальных потрясений, показывает насколько сложную картину представляли собой расстановка сил и мнений в США по проблемам разрядке и как с неоправданной быстротой её фундамент становился безнадежным.

Такая ситуация вновь и вновь служила стартовой площадкой для новой фазы политического наступления. К тому же на службе зловещих программ в послевоенные годы состояли все средства массовой информации, политология, общественные науки в целом. По мере того, как сдвигалась вправо вся жизнь в США, их экономические и политические институты становились всё более реакционными. На рынок идей выбрасывались сотни доктрин, об-

служивающих конкретные военно-стратегические установки правящих кругов. Глубоки корни идейных, политических и психологических предрассудков, которые они старались не только сохранить, но и закрепить в качестве преимущества американского образа жизни. К сожалению, тенденция подталкивания мира к опасной черте усугубилась с развалом СССР, в котором США приняли самое активное участие, сыграв к тому же, на таком важном факторе как роль личности в истории. Наступила эпоха перестройки: советское общество совершало самую сложную из революций – революцию в сознании и этот процесс заключался, прежде всего, в утрате его духовных ценностей. Её активом стал вывод войск из Афганистана, улучшение отношений с Западом, принципиальные прорывы в отношениях с США, ФРГ, Францией, Италией и другими странами Западной Европы. Курс на демократизацию привел к процессу реального разоружения, сокращения вооруженных сил и вооружений; появились перспективы политического урегулирования региональных конфликтов; фактически исчезла угроза «холодной войны». В практическом плане всё это было производной от нового политического мышления, выходом из политической изоляции, но какой ценой...

Как же это происходило? Общеизвестно, что на завершающем этапе так называемой «горбачевской перестройки» доминировал плюрализм мнений и деидологизация советского общества. 2 июня 1990 года в докладе на XXXVII съезде КПСС М. Горбачёв не только подвёл её

пятилетний итог, но и наметил перспективы дальнейшего развития в контексте «нового мышления». На съезде была принята резолюция «Демократическая национальная политика – путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами». В новом Союзном договоре подчеркивалось, что в этом процессе равноправных участников должно было стать преобразование СССР из унитарного государства в Содружество народов, то есть практически это была целенаправленная программа его развала. Таким образом, важнейшим событием XX века стало крушение такой поистине Великой державы как Советский Союз с её жесткой административно-командной системой и мощной коммунистической идеологией.

Следует отметить, что тоталитаризм ушел вместе с идеологией, однако всеобщее ликование по этому поводу сменили ностальгия по стабильности и поиск новых идеалов. Как выяснилось, разрушить было гораздо легче, чем создать так называемый «островок демократии» и занять определенное место в мировом сообществе. Идеологический процесс, то есть деятельность по выработке идеологии, ее сохранения, обновления, распространения и усвоения широкими массами, оказался гораздо сложнее, чем предполагалось. На первый план вышло национальное самосознание с его мощной агрессией самоутверждения, вылившееся в общеизвестные события 90-х годов с интенсивными миграционными процессами.

На фоне сложностей социально-экономического характера и соответствующих последствий проблема госу-

дарственной идеологии обсуждалась неоднократно. Совершенно очевидно, что она должна формироваться на основе исторических, политических, правовых, экономических, нравственных ценностей, с участием всех конструктивных общественных сил. В то же время прогрессивная идеология не должна вступать в противоречие с общечеловеческими ценностями. Однако социально неоднородное общество, возникшее в ходе демократических преобразований, — это резкий диссонанс между основной массой населения и верхушкой, облеченной и богатством и властью. В сущности, государства с идеями либеральной демократии, руководствуясь её постулатами, вынуждены были идти путем типа «шаг вперёд — два шага назад». Отсюда и несовершенство реформ, как социально-экономических, так и общественно-политических, тем более в однополярном мире, когда в своём развитии та или иная страна зависит от массы обстоятельств, тормозящих эти процессы³⁷⁴.

Относительно ситуации в противостоянии США и СССР. Вступив на путь приоритета так называемых демократических ценностей, М. Горбачёв, находясь в плену своих мировоззренческих иллюзий и игнорируя мнение военных, уничтожил в два раза больше ракет, чем США и почти в три раза больше пусковых установок. К тому же, он самолично инициировал уничтожение самой технически перспективной тогда ракеты «Ока», не попадавшей под условия соответствующего договора. Тем самым произошло далеко не паритетное сокращение ракет средней и

малой дальности. Развал СССР, а затем и процесс разрушения России — его правопреемницы уже Б. Ельциным, привели к роспуску Организации Варшавского Договора, объединению Германии, выводу советских войск из Европы, практической сдаче всех завоёванных позиций страны-победительницы во Второй мировой войне. Несмотря на уверения представителей западной демократии, начался довольно интенсивный агрессивный накат на все её завоевания, а мир устремился в однополярье. По всему периметру границ России выросли базы НАТО, а США стали руководствоваться только своими гегемонистскими устремлениями.

Совершенно очевидно, что договорный процесс не мог решать проблем конфронтации — он только временно нивелировал их. Поэтому Вашингтон неоднократно, в одностороннем порядке, выходил из договоров или отказывался выполнять принятые ООН обязательные конвенции. В частности, таким образом он нарушил Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) от 1972 года, выйдя из него в 2002 году. Не ратифицирован и Договор о запрещении ядерных испытаний, принятый 50-й сессией ООН в 1995 году. Кстати, США инициировав Конвенцию о запрещении химического оружия, так и не выполнил и обязательств по его уничтожению, передвинув срок с 2007-го до 2023-го года и это в то время, как Россия полностью уничтожила все его запасы. Начиная с 1999 года, Россия неоднократно заявляла о нарушениях США договорных обязательств по ДРСМД. Сначала это

были испытания боевых беспилотников, по своим военнотехническим характеристикам, совпадавшим с запрещенными крылатыми ракетами наземного базирования. Не останавливаясь на этом, США стали использовать баллистические ракеты – мишени для испытания своей системы ПРО, а с 2014 года и размещать в Европе пусковые установки противоракет МК-44 для запуска ударных ракет средней дальности «Томогавок». Они уже развернуты в Румынии и Польше, ведутся переговоры о размещении их в Японии. В 2017 году США обвинили Россию в разработке новой крылатой ракеты наземного базирования 9М729, имеющейся на пусковом комплексе «Искандер-М», но она отклонила это утверждение, как не соответствующее действительности.

Что же касается истинных намерений Америки, бывшей союзницы Советского Союза во Второй мировой войне, то их четко обозначивают вышеуказанные планы его уничтожения в послевоенный период. Ядерный шантаж поутих лишь после того, как был установлен паритет по этой проблеме. Нельзя забывать и о том, как пользуясь своим положением в однополярном мире, США безжалостно разрушили ряд государств, не обращая внимание на Организацию Объединенных Наций, созданную для регулирования международных отношений. Повсюду, где только обнаруживается очередная зона жизненных интересов США и других стран западной демократии, она практически превращается в выжженную пустыню с трагической участью её населения. Поэтому уже России

нельзя забывать об уроках истории, тем более, что в основе противостояния всё более четко обнаруживается его явно русофобский характер, имеющий глубокие исторические корни. Находясь в постоянной конфронтации теперь уже с Россией, США не только не учитывают её интересы, выводя на агрессивные позиции её ближайших соседей, но и вновь пытаются реанимировать проект милитаризации космоса, что чревато угрозой уже для всего мирового сообщества. А поскольку только Россия со своим мощным ядерным потенциалом способна противостоять этому безумию, ей следует предпринимать определенные шаги в этом направлении.

Необходимо отметить, что утрата иллюзий относительно миротворческой направленности внешней политики США, тем более в ядерном противостоянии, убедили высшее военно-политическое руководство Российской Федерации в необходимости принятия адекватных мер по обеспечению безопасности своей страны. И действительно, за три десятилетия после заключения ДРСМД, ситуация в мире изменилась коренным образом, так как этот класс вооружений уже был в Китае, Индии, Пакистане, Израиле и Северной Корее, а две ядерные сверхдержавы этой системы наземного базирования согласились на его запрет соответствующим договором. Безусловно, он сыграл значительную роль в сдерживании гонки ракетно-ядерных вооружений, так как на 30 лет, в сущности, было законсервировано важное направление в наращивании военного потенциала, что снижало и уровень напряженности между этими государствами.

Однако с приходом к власти очередного президента, а именно Д. Трампа, ситуация изменилась. Дело в том, что он ставленник и лоббист военно-промышленного комплекса США – извечного двигателя агрессивных устремлений этой страны. Поэтому, по его требованию, Трамп увеличил военный бюджет и без того, имеющий огромные размеры. Действуя в заданном направлении, он заявил о выходе из договора ДРСМД, заставив тем самым Россию, в лице ее президента В. Путина, заявить о начале разработки нового вида вооружения (гиперзвуковой ракеты наземного базирования средней дальности), но в рамках 2019 года, оставляя при этом возможность равноправного диалога в интересах международной безопасности. В то же время такое понятие, «как хочешь мира – готовься к войне» – это явное свидетельство жестких реалий общественно-исторического процесса. Поэтому Россия вынуждена была совершить настоящий прорыв в разработке принципиально новых видов ракетно-ядерного оружия, делая ставку на качественные, а не количественные их параметры. Тем самым Россия стала располагать целым набором незапрещенных договорных систем с высочайшей шкалой эффективности.

Таким образом, для России – правопреемнице СССР – необходимо извлекать соответствующие уроки из взаимоотношений с представителями западной демократии с их неистребимым желанием навязывать свои «духовные ценности». Две мировые войны жестко обозначили контуры новой картины мира, а начало ядерной эры проложило

чёткий рубеж, свидетельствующий о беспощадной реальности, ведь человечество вряд ли переживет ядерные войны. Сам ход истории настаивает на конструктивном взаимодействии в глобальных масштабах как государств, так и народов. Современные вызовы требуют тенденции мирного разрешения возникающих проблем. Вторая мировая война с её чудовищными последствиями стала подлинной трагедией для человеческой цивилизации, поэтому её надежда только на торжество разума над фанатизмом гегемонистской политики, ведь ход исторического развития свидетельствует о том, что кто начинал войны, тот их и проигрывал...

Глава 12. Историческая память – атрибут человеческой цивилизации

Вторая мировая война стала очередной чудовищной катастрофой и оправдать это преступление перед человечеством нельзя ни её «неизбежностью», ни «необходимостью». Жертвы ее были огромны: погибло 55 млн. человек, из них на поле боя 27 миллионов. В ней противостояли друг другу 62 государства, а военными действиями охвачена территория в 22,6 млн. кв. м (Первая мировая война – соответственно 33 и 4,1). Общий материальный ущерб достиг 316 млрд. долларов, что в 11,3 раза больше, чем в 1914–1918 гг. Самые большие потери, как и в Первой мировой войне, понесла Европа: здесь погибло 40 миллионов человек, резко ухудшилось материальное по-

ложение населения, деформировались возрастная, половая и семейно-брачная структуры и др. Безусловно, на Советский Союз пришлась половина европейских потерь, в том числе наиболее трудоспособной части населения. Польша потеряла 6 млн., Югославия – 1,7, Франция – 600 тысяч, Англия – 370 тысяч и т.д.; Потери Германии превысили 10 млн. человек, Италии – 500 тысяч; из 18 миллионов европейцев, оказавшихся в концлагерях, погибло 11 миллионов. Одним из тяжелейших побочных эффектов войны стало массовое перемещение населения почти во всех странах Европы. Насильственный вывоз людей, внутренняя миграция привели к росту смертности, снижению рождаемости, голоду, болезням, включая ни с чем несравнимые психологические последствия.

К тому же количество жертв среди гражданского населения, главным образом от бомбардировок, в 2,2 раза превзошло потери 1914–1918 гг. За время войны английские ВВС сбросили на Германию 955 044 т бомб, американские – свыше миллиона, из них более половины упало на жилые районы крупных городов, при этом лишь 12% всех бомб поражали заводы и военные объекты. В результате бомбежек в Германии погибло 410 тысяч человек, многие сотни тысяч были ранены, разрушены 3,6 миллионов домов, 7,5 млн. человек остались без крова. На Великобританию за годы войны немцы сбросили 56 тысяч т бомб, в основном на Лондон, при этом погибло 60 тысяч человек, из них в столице – 30 тысяч. Американские бомбежки Японии (более полумиллиона тонн бомб) заверши-

лись чудовищным применением атомного оружия. Поскольку Германия использовала против Лондона ракеты и самолёты-снаряды, то становится очевидно, что обе мировые войны завершились «оружием будущего». Однако итоги «силы действия» в 10–40-х годах заключаются в том, что агрессоры XX столетия пришли к закономерному краху, а поколение XXI века должно сделать соответствующие выводы³⁷⁵.

Но вернемся к 22 июня 1941 года, когда чудовищная военная машина Германии, включившая ресурсы всей Европы, обрушилась на Советский Союз. Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм, нападение на эту страну занимает особое место, ибо расчет на молниеносный ее разгром открывал ему путь к мировому господству. Разумеется, СССР не питал иллюзий относительно соблюдения Германией договора о ненападении и поэтому в 1939–1941 годы принимались меры по укреплению обороноспособности страны. К этому времени советская экономика уже располагала материально-технической базой, способной наладить массовое производство всех видов современного вооружения; были сконструированы и новые образцы оружия. Однако развертывание массового производства и перевооружение армии ещё запаздывали и проводились недостаточно быстрыми темпами³⁷⁶. В течение этого периода, в связи с усилившейся опасностью, было предпринято формирование новых войсковых соединений, но к моменту фашистской агрессии эти дивизии еще находились в стадии комплек-

тования людьми и техникой. К тому же строительство укрепленных районов близ новой государственной границы велось недостаточно и не было закончено.

Агрессивные намерения Германии были очевидны для Советского правительства и руководства Вооруженных Сил страны, но был допущен просчет в определении сроков этого нападения. И.В. Сталин ошибочно полагал, что в ближайшее время Гитлер вряд ли решится нарушить договор, если ему не дать для этого предложения. Поэтому он рассчитывал оттянуть неминуемое столкновение посредством дипломатических переговоров³⁷⁷. С этой целью 14 июня 1941 года в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС, текст которого накануне был передан германскому послу в Москве. В нем говорилось, что, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»³⁷⁸. Но германское правительство не отреагировало на него, даже не опубликовав его в Германии, что в очередной раз подтверждало ее нежелание каких-либо объяснений с Советским Союзом.

Следует отметить, что Германия ещё в 1940 году приступила к массовому сосредоточению войск у советских границ. К 1 июня 1941 года оно было в основном завершено, а 10 июня немецкие части начали выходить на исходные позиции для вторжения в пределы СССР. Следовательно, Советское правительство было информировано о сосредоточении немецких войск у границ страны³⁷⁹. 21 июня вечером, после того, как поступили новые не-

опровержимые данные о скором времени нападения, было принято решение предупредить командование пограничных военных округов и военно-морского флота о грозящей опасности и привести вооруженные силы в боевую готовность. Но было уже слишком поздно, тем более, что из-за неправильной организации передачи директивы непосредственно исполнителям многие из них узнали о ее содержании после начала военных действий³⁸⁰.

В то же время Советское правительство вечером 21 июня (в 21 час 30 минут) ещё раз попыталось сохранить мир, завязав переговоры с германским. По его поручению В. Молотов пригласил к себе германского посла в Москве Ф. Шуленбурга и сообщил ему содержание советской ноты по поводу многочисленных нарушений границы немецкими самолетами, которую советский полпред в Берлине должен был вручить И. Риббентропу. Нарком тщетно пытался обсудить с ним состояние советско-германских отношений и выяснить претензии Германии к СССР. 22 июня в 0 час 40 мин. советскому полпреду в Берлине была отправлена телеграмма с содержанием беседы с Шуленбургом и с предписанием встречи с Риббентропом или его заместителем. Однако выполнить поручение наркома иностранных дел уже было невозможно: через несколько часов вооружённые силы Германии вторглись в Советский Союз. Так началась война, вошедшая в историю мирового сообщества, как Великая Отечественная... К моменту нападения на советском фронте было сосредоточено 190 дивизий Германии и её союзников, вклю-

чая отборные танковые соединения в составе 3500 танков, 50 тысяч орудий и минометов. Против СССР были направлены все ее сухопутные силы, а также сосредоточено более 3900 боевых самолетов, что составило тогда 60% воздушной мощи Германии.

Таким образом советский фронт сразу же стал и решающим фронтом Второй мировой войны. Именно здесь началась гигантская битва, исход которой должен был решить судьбы не только этой страны, но и многих государств и народов. Приняв на себя основную тяжесть ударов военной машины нацистской Германии, СССР тем самым встал и в авангарде борьбы с фашизмом. Учитывая эту роль, Великобритания и США публично заявили о своей готовности оказать ему соответствующую поддержку. Тот же У. Черчилль, несмотря на всю свою патологическую ненависть к этой стране, все же осознавал, что над Англией тоже нависла смертельная опасность и без Советского Союза с Германией ей не справиться. Поэтому, выступая по радио 22 июня 1941 года, он вынужден был заявить: «Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»³⁸¹.

Свое отношение к нападению Германии на СССР Соединённые Штаты выразили в выступлении С. Уэллеса

— исполняющего обязанности государственного секретаря — 23 июня 1941 года. Он расценил его как вероломное и заявил, что обороне безопасности США способствует «любая борьба против гитлеризма». В это заявление президент Ф. Рузвельт лично включил следующую фразу: «В настоящее время гитлеровские армии являются главной опасностью для американского континента»³⁸². Выступая 24 июня он также пообещал оказать Советскому Союзу «любую возможную помощь». Весьма торжественно звучало и заверение У. Черчилля о том, что Великобритания окажет «России и русскому народу всю помощь, какую только сможет»³⁸³. Однако существенной помощи СССР в 1941 году так и не дождался: правительства США и Англии явно выжидали, как же будут развиваться события на советско-германском фронте, руководствуясь при этом только своими корыстными интересами.

Совершенно очевидно, что правящие круги этих стран, в принципе, даже не считали нужным скрывать эти замыслы. В сущности, для них было важно, чтобы Советский Союз и Германия как можно «больше обескровили друг друга». Подобные планы с откровенным цинизмом изложил американский сенатор, ставший впоследствии президентом США, а именно господин Г. Трумэн. И вот его рассуждения по этому поводу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»³⁸⁴. В Англии аналогичные мысли развивал Д.

Мур-Брабазон – министр авиационной промышленности: «Пусть Германия и СССР истощают друг друга, в конце войны Англия станет хозяином положения в Европе»³⁸⁵. И все же, под давлением военной ситуации, Англия и США были вынуждены вступить в Союз с СССР, что и положило начало образованию антигитлеровской коалиции. К концу войны в нее вошло 50 государств, а основными его участниками, естественно, стали СССР, США и Великобритания.

Образование этого военного-политического союза не было единовременным актом: его юридическое оформление происходило в несколько приемов и завершилось в первой половине 1942 года. С первых же дней Великой Отечественной войны Советское правительство осуществило ряд важнейших внешне-политических мероприятий, направленных на сплочение антифашистских государств. 12 июля 1941 года в Москве было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии»³⁸⁶, зафиксировавшее взаимные обязательства об оказании помощи и поддержки в войне, а также об отказе от заключения сепаратного мира с противником. Данное соглашение и положило начало не только антигитлеровской коалиции, но и её дальнейшему расширению. По советско-американскому соглашению от 11 июня 1942 года США обязывались продолжать снабжение СССР оборонными материалами, а правительство СССР – содействовать укреплению обороны США, предоставляя им не

только оборонные материалы, но и обслуживание, льготы и соответствующую информацию³⁸⁷.

Однако в годы Второй мировой войны США так и не пошли на заключения союзного договора с Советским Союзом. Практически единственным видом помощи со стороны союзников были поставки военных материалов и вооружения, но этого, конечно, было недостаточно. К тому же Англия и США постоянно не выполняли своих обязательств и Красная Армия битву под Москвой осенью и зимой 1941 года вела без какой-либо существенной поддержки с их стороны. Летом 1942 года, в самый тяжелый для СССР период войны, когда фашистские полчища рвались к Волге и Кавказу, американское и английское правительства полностью прекратили отправку конвоев с военными грузами в СССР Северным морским путем. В целом, все поставки промышленных товаров со стороны союзников за всю войну составили всего 4% советской промышленной продукции³⁸⁸, а основной поток поставок по ленд-лизу из США пришелся на 1943–1944 годы, т.е. на время, когда в войне уже был достигнут коренной перелом.

Анализируя ситуацию взаимоотношений СССР с этими союзниками, нельзя не остановиться и на такой проблеме, как открытие второго фронта, которую Советское правительство поставило, в частности, перед английским премьер-министром еще 18 июля 1941 года. На это обращение У. Черчилль дал такой ответ И. Сталину: «Начальники штабов не видят возможности сделать что-

либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу»³⁸⁹. А между тем немецкие войска захватили более половины Украины, а на севере вышли на ближайшие подступы к Ленинграду. 3 сентября 1941 года Советское правительство вновь указало на необходимость создания второго фронта, чтобы оттянуть с Восточного 30–40 немецких дивизий, но и на этот раз Черчилль ответил отказом. Следствием этого стало новое наступление фашистов, что позволило им дойти на юге до берегов Волги: к лету 1942 года на советско-германском фронте уже была сосредоточено 237, а к осени 266 немецких дивизий. В это время вопрос об открытии второго фронта вновь приобрел острейший характер и стал предметом непосредственных переговоров и переписки Советского правительства не только с Англией, но и США, вступивших в войну с Германией еще в декабре 1941 года.

Однако все переговоры и договоренности, следовавшие за этим, в конечном итоге свелись к невыполнению обещаний со стороны союзников. Давая оценку позиции английского правительства в этом вопросе, посол СССР в Великобритании сообщал в НКВД СССР 16 июля, что на основании бесед с Черчиллем, Иденом, Бивербруком и другими английскими деятелями становится ясно: в компании 1942 года Советскому Союзу придется рассчитывать только на собственные силы. «Таким образом, сообщал посол, — необходимо констатировать, что в самый критический для нас момент мы оказались по существу брошенными на произвол судьбы нашими союзниками.

Это очень неприятная правда, но нет никакого смысла пытаться смягчить ее. Ее необходимо также запомнить на будущее»³⁹⁰. И действительно, 18 июля 1942 года Черчилль направил послание Сталину, в котором впервые сообщалось об отказе союзников открыть Второй фронт в этом году. В ответном, от 23 июля, Сталин отмечал, что, «несмотря на известное согласованное англо-советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в Европе в 1942 году, правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год... Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»³⁹¹.

Подчеркивая значение второго фронта, Советское правительство 24 июня 1943 года обращало внимание английского премьера на то, что на карту поставлено не только сохранение доверия СССР к союзникам. «Нельзя забывать того, — отмечалось в послании Сталина, — что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»³⁹². И это обстоятельство Черчилль вынужден был признать на Вашингтонской конференции, но, тем не менее, Англия приняла решение отложить открытие второго фронта в Европе на май 1944 года. Разу-

меется, это был прямой обман и элементарное предательство. 11 июня 1943 года Советское правительство выразило протест против нарушения США и Англии принятых ими обязательств и заявило, что «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжёлые последствия для дальнейшего хода войны»³⁹³. Очередное затягивание открытия второго фронта стало свидетельством все той же политики, направленной на ослабление СССР.

Несмотря на все сложности ведения боевых действий и предательской политики союзников, Советский Союз все же смог осуществить коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Начавшаяся осенью 1942 года гигантская Сталинградская битва привела к окружению крупнейшей группировки противника, ликвидация которой завершилась в начале 1943 года. За шесть с половиной месяцев битвы на Волге, фашисты потеряли более четверти всех сил на советском фронте³⁹⁴. Эти огромные потери, несомненно, подорвали мощь германской армии... 1 февраля 1943 года Гитлер вынужден был признать на военном совещании, что «возможность окончания войны на Востоке посредством наступления больше не существует»³⁹⁵.

После Сталинградской битвы, весной 1943 года У. Черчилль отмечал, что «Гитлер нанес России страшные, жестокие раны, но Советская Россия не только выстояла и оправилась от этих ран, но и нанесла германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна

другая армия в мире»³⁹⁶. Вслед за Сталинградской последовали и другие битвы, успешно продемонстрировавшие мощь советского оружия. В конце апреля 1945 года вся мировая печать писала о взятии Берлина, характеризуя это событие как историческую победу Советской Армии, что отражало реальные и конкретные факты. В окончательном виде они выглядели следующим образом: если общие потери немецко-фашистской армии во Второй мировой войне взять за 100 процентов, то в боях и сражениях с Советской Армией вермахт понес более 73% общих потерь. Урон в личном составе, нанесенный вермахту на советско-германском фронте, был в 4 раза больше, чем на западно-европейском и средиземноморском театре военных действий, вместе взятых, а по числу убитых и раненых — в 6 раз. Именно здесь была уничтожена и основная часть военной техники противника — до 75% танков и штурмовых орудий, более 75 процентов всех потерь авиации и 74% артиллерийских орудий³⁹⁷.

В мае 1945 года завершилась одна из самых трагических страниц в истории человечества — фашистская Германия потерпела полное, военное, политическое, экономическое и моральное поражение. Пути ее дальнейшего существования и развития должны были решать в первую очередь ведущие державы антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англия и Франция. Для союзников Германия ассоциировалась с оплотом против России и коммунизма. Программа действий по германскому вопросу начала осуществляться еще до того, как над Европой рас-

сеялся пороховой дым и об этом свидетельствует приказ Черчилля, отданный им в начале 1945 года, в разгар наступления советских войск в Германии, фельдмаршалу Монтгомери: «Старательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»³⁹⁸. Это был беспримерный по вероломству и цинизму акт государственного деятеля одной из ведущих держав мирового сообщества. Известно, что Черчилль вел и тайные переговоры с американцами, дабы подготовить отход Англии и США от сотрудничества с СССР и уклоняться от выполнения союзнических соглашений по Германии. Со смертью Рузвельта и приходом к власти Г. Трумэна подобный поворот был уже предрешен. Однако летом 1945 года правительство США еще не могло совершить его, так как шла война с Японией, в которой Советскому Союзу отводилась ключевая роль. 2 сентября 1945 года под мощным напором Красной Армии части японской Квантунской армии капитулировали с подписанием соответствующего акта.

Пламя военного пожара, вспыхнувшее 1 сентября 1939 года, бушевало шесть лет. Вторая мировая война втянула в свою орбиту 62 государства с населением 1,7 млрд. человек, т.е. 80% жителей планеты Земля. Военные действия велись на территории 40 стран, а под ружьем в эти годы находились во всех странах около 100 миллионов человек³⁹⁹. Событием огромного международного значе-

ния стало создание Организации Объединенных Наций в годы Второй мировой войны, призванной регулировать международные процессы.

Необходимо отметить, что победа над фашизмом могла быть достигнута значительно раньше и гораздо меньше ценой, если бы США и Великобритания своевременно исполнили свой союзнический долг и открыли второй фронт не в 1944 году, а на более ранних этапах войны. Поэтому именно на их совести миллионы человеческих жизней, особенно советских людей. Всюду, где только побывали нацистские орды, оставались руины сел и городов, страшные могилы с трупами убитых и замученных мирных жителей и военнопленных, пепел сожженных людей. Фашисты угоняли в рабство миллионы людей с захваченных территорий, уничтожали художественные и исторические ценности. Перед тем как развязать агрессию против СССР, каннибальские идеи фашистов были превращены в детальные инструкции, подобные распоряжению «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», а позднее – в приказы типа «Нахт унд небель эрлас» («Мрак и Туман») или «Кугель» («Пуля»). Для физического уничтожения миллионов людей была создана специальная техника, воспитаны, обучены и натренированы кадры профессиональных убийц. Организованные в 1933 году концентрационный лагерь в Бухенвальде и в 1934 лагерь в Дахау стали лишь бледными образами Майданека, Освенцима, Славути и многочисленных лагерей смерти, учрежденных гитлеровцами на

территории Латвии, Белоруссии и Украины. Широкое распространение получила внесудебная расправа с инакомыслием, т.е. с теми, кто не разделял «мировоззрение» фашистской диктатуры.

Международный военный трибунал на Нюрнбергском процессе признал агрессию тяжелейшим преступлением. «Война, — подчеркивалось в приговоре, — по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим преступлением международного характера, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в концентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных». Поражение нацизма в 1945 году и последующий Нюрнбергский процесс покончил с НСДАП, но отнюдь не с фашизмом как тенденцией, т.е. его предпосылки элементарно растворились в европейской политической культуре и массовой технологии. И действительно, мировые элиты в сущности делали то же самое, что и в 1938 году в Мюнхене, руководствуясь теми же принципами, в соответствии с которыми «сверхчеловеки» имеют право решать судьбы миллионов людей по собственному усмотрению.

Но вернемся к августу 1945 года, когда США без какой-либо необходимости сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки; погибли до 273 тыс. человек, а смертельному излучению подверглись 195 тысяч. Уже в 1946

году СССР внес на обсуждение в Организацию Объединенных Наций текст международной конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия и уничтожении запасов готовой и незаконченной его продукции. Однако США считали, что их монополия сохранится на долгие времена и торпедировали эти инициативы. Именно в целях самосохранения Советский Союз вынужден был форсировать создание собственного атомного оружия.

Однако и в последующие годы США становятся инициаторами гонки стратегических вооружений. При этом, в частности, в 50-х годах Пентагон разворачивает лживую пропагандистскую кампанию о мнимом «отставании США от СССР по стратегическим бомбардировщикам» и это тогда, когда они уже создали целую армаду. Причем Пентагон затем цинично признает завышение числа советских бомбардировщиков в 3–4 раза... В начале 60-х годов в США разворачивается очередная компания по дезинформации американской и мировой общественности. На этот раз был поднят шум относительного «ракетного отставания США», а когда они развернули более тысячи межконтинентальных ракет наземного базирования, то выяснилось, что и эта «советская угроза» преувеличена в 15–20 раз!

То же самое происходило и с американской программой строительства подводных лодок с баллистическими ракетами и оснащением баллистических ракет стратегического назначения высокоточными многозарядными разде-

ляющимися головными частями индивидуального наведения; с созданием нового типа стратегического оружия – крылатых ракет большой дальности, программой милитаризации космоса и т.д. На всём протяжении своей послевоенной истории СССР не выступал инициатором создания новых видов вооружений и не стремился к военному превосходству. При строительстве своих вооруженных сил он вынужден был принимать ответные оборонительные меры для обеспечения как собственной безопасности, так и союзников.

А чего стоили клеветническая кампания по обвинению СССР в использовании химического оружия в Лаосе, Кампучии и Афганистане. Во главе её стояли и президент США, и министр обороны, и государственный секретарь и другие высокопоставленные лица. И это при том, что эта беспардонная ложь не была подтверждена реальными фактами и свидетельствами, а все так называемые «образцы», предоставленные госдепартаментом США, оказались грубыми фальшивками. Эта кампания развёртывалась с определенными целями: заставить забыть мировое общественное мнение об использовании впервые в истории в широких масштабах во Вьетнаме химического оружия, ведь следствием этого было поражение им более 2 млн. вьетнамцев, более 60 тысяч американцев, уничтожено 150 тысяч гектаров тропических лесов, 70% кокосовых рощ и т. д., а также направить свой курс на форсированную подготовку к химической войне, на расширение производства новых химических боеприпасов – бинарных. Одновремен-

но значительное внимание США уделялось созданию, совершенствованию, развертыванию и накоплению запасов средств массового поражения – нейтронного и биологического оружия. Совершенно очевидно, что широкие масштабы гонки вооружений, попытки добиться военного превосходства, авантюристические концепции первого ядерного удара, «ограниченной ядерной войны» в Европе и всеобщей, а также так называемых звёздных войн, не имеют ничего общего с обороной США, а тем более с интересами мира и всеобщей безопасности.

Авантюризм, готовность поставить на карту судьбу человечества во имя своих корыстных интересов со всей очевидностью обнажается в политике США и их агрессивных союзников. И, разумеется, это требует идеологического прикрытия – отсюда и развертывание массовой лживой пропаганды, которая на постсоветском пространстве трансформировалась в беспрецедентную по своему размаху информационную войну. К этому подключилась и американская политическая наука, которая без всяких на то оснований начала убеждать мировое общественное мнение, что господство США – это историческая неизбежность. Появляется ряд работ, в которых утверждается, что сама по себе экспансия всегда отвечала национальным интересам Америки и оправдана всем опытом её истории⁴⁰⁰.

Длинная цепь американских агрессий и интервенций всегда находила освещение в доктринах политологов. Так, Ф. Прэтт констатирует, что сама история Соединенных

Штатов, даже совсем недавняя, показывает воинственный характер этой державы. Правда, он добавляет, что она и самая «безрассудно жестокая в мире». А вот с этим, безусловно, можно согласиться, к тому же об этом свидетельствует и список агрессий и подрывных действий только за период с 1950 по 1984 годы и выглядит он весьма внушительно. Итак: 1950–1953 гг. – война против корейского народа; 1953 – свержение с помощью ЦРУ правительства Мосаддыка в Иране; 1954 – вооруженная интервенция наемников ЦРУ в Гватемале; 1958 – организация ближневосточного кризиса, 1958 – вооружённая демонстрация у островов Куэмой и Мацу; 1960 – засылка шпионского самолета У-2 на территорию СССР; 1960 – организация «операции ООН» в Конго; 1961 – вторжение на Плайя – Хирон; 1961 – провоцирование берлинского кризиса; 1964 – вооруженная провокация в Гонконгском заливе; 1964–1972 – война во Вьетнаме; 1965 – интервенция против Доминиканской Республики; 1966 – заговор ЦРУ и свержение президента Ганы Р. Нкрумы; 1970 – военное вмешательство в Лаосе и Камбодже; 1973 – организация военно-фашистского путча в Чили, убийство президента Сальвадора Альенде; 1974–1975 – подрывная деятельность в Португалии; 1975 – убийство прогрессивного деятеля Кении М. Карнуки; 1975 – свержение лейбористского правительства Г. Уитлема в Австралии, организованное ЦРУ; 1977 – убийство президента Народной Республики Конго М. Нгуаби; 1979–1984 – «грязные операции» против Ирана; 1960–1981 – неоднократные попытки убийства Ф. Ка-

стро; 1981 – планы убийства лидера ливийской революции М. Кадаффи; 1981 – убийство главы правительства Панама Омара Торрихоса; 1981 – заговор против премьер-министра Индии Индиры Ганди; 1981 – организация покушения на президента Замбии К. Каунду; 1980–1984 серия «подрывных акций» против Польши; 1980–1984 – подготовка и засылка бандитских отрядов в Афганистан; 1981–1983 – военное вмешательство во внутренние дела Сальвадора; 1981–1983 – военные провокации против Никарагуа; 1982 – провокации против Ливии в заливе Сидра; 1983 – вооруженная интервенция в Гренаде.

К этому длинному списку можно добавить разжигание вооруженных конфликтов в Африке – Сахара и Африканский Рог, Чад и Намибия; в Латинской Америке – раздувание вражды между Перу и Чили, провоцирование вооруженного англо-аргентинского конфликта; на Среднем Востоке – провоцирование войны и снабжение оружием через третьи страны Ирана и Ирака; в Азии – снабжение наступательным оружием Пакистана и создание тем самым очага военной опасности на субконтиненте; на Ближнем Востоке – поддержка сионистской агрессии, постоянное вмешательство во внутренние дела арабских стран, попытка оккупации Ливана; разжигание напряженности в Восточном Средиземноморье в связи с кипрской проблемой. Венцом всех этих провокаций и интервенций является шантаж, создание глобальной сети ракетно-ядерных баз, направление оккупационных войск в десятки

стран мира, что служит одной цели — подготовке мировой войны⁴⁰¹.

Совершенно очевидно, что при всем многообразии факторов, влияющих на формирование и проведение в жизнь внутренней и внешней политики США, деятельность военно-промышленно-комплекса с его программой форсированного милитаризма, гонки вооружений и обострения международной обстановки превратилась в мощный фактор и устойчивую тенденцию реакционного нажима на политический курс страны. С другой стороны, в процессе своего развития военно-промышленная элита выросла в мощную материальную и идейную опору реакции, став фактором усиления ультраправых течений и группировок в американской политической жизни. Такая консолидация правых сил закономерно сопровождалась нарастанием реакционности государственной политики. В 70-х годах ВПК был вынужден отступить под давлением прогрессивных сил, в том числе и США, выступавших за разрядку международной напряжённости. Ему пришлось сдать свои позиции, о чём свидетельствуют и снижение американских военных расходов в первой половине 70-х, и некоторые сдвиги в американской политике в сторону реализма.

Однако начавшееся в первой половине 70-х и 80-х годов ожесточенное контрнаступление ВПК снова означало возврат ко временам «холодной войны», а значит и осложнение международной обстановки. Деформируются общество, его институты, весь образ жизни, усиливаются

профашистские тенденции о чём красноречиво говорит сущность программы кандидатов в избирательных кампаниях. Продолжали расти сотни реакционных организаций с ура-патриотическими названиями, под которыми скрывались откровенно фашистские взгляды и воинственные программы. Основную базу партий Гитлера и Муссолини составляла мелкая и средняя буржуазия, а в США общая численность мелких буржуа, включая определённую часть фермеров, превышала 30 миллионов. Под влиянием экономических процессов они массово разорялись, что превращало их в отчаявшуюся и злобную «люмпен-буржуазию». Но дело не только в существовании фашистских мракобесов и десятков их организаций, ведь сам ход развития американского общества рождал угрозу фашизма, а основой его идеологии являлись захватнические войны. Для него это было проявление «универсального закона» человеческой расы, поскольку она служила средством отбора наиболее «приспособленных» к жизни наций и народов. Мировое господство может осуществить только нация «сверхчеловеков». К сожалению, эти теории обходятся человечеству дорогой ценой, даже после Второй мировой войны постоянно развязывались кровавые конфликты. По подсчётам, в войнах 1946 по 1981 годы погибло 10 миллионов человек, причём абсолютное их большинство — это мирные жители. Только во Вьетнаме американцы убили, сожгли, отравили газами около 7 млн человек⁴⁰².

Анализируя ситуацию послевоенного времени, нельзя не отметить и того факта, что всё внимание правящих кругов США в этот период было сосредоточено на том, как закабалить ту или иную освобождающуюся страну, держать её зоной своих «национальных интересов». Довольно успешно был использован «план Маршалла», т.е. экономическим путем, а если не этим, так «огнём и мечом». Одновременно на рынок идей американской пропаганды изливались потоком разнообразные доктрины, но в основе своей содержащие гегемонистские устремления США. Их колониальные войны во Вьетнаме, Корее, Ливане, Гренаде закончились позором, интервенции такого же рода в ряде стран Латинской Америки приводили к установлению диктаторских режимов, что явно свидетельствовало о подлинной жандармской роли этой страны. Подкупы правительств и убийства неугодных лидеров также не приносили устойчивых результатов. В конечном счёте перьев в хвосте американского белоголового орла с его гордливой и воинственной позой становилось все меньше. Исследовательская группа журнала «Бизнес уик», специально созданная для выявления причин этих поражений, представила доклад «Падение мощи США», в котором вину за сложившуюся ситуацию возложила на «неумелых» президентов и эгоистических союзников. Итак, виноваты все, кроме истинного виновника — империалистической системы и отношений США с освобождающимися странами. Даже после жестокой «трепки» в 50–70-е годы ученые мужи из «Бизнес уик» не нашли ничего луч-

шего, как потребовать усиления позиций США: «Без мощи и лидерства Америки мир сломя голову вступает в наиболее опасный период со времени 30-х годов»⁴⁰³.

Пропаганда способствует изображению США в роли этакое «патриарха» революции национального освобождения, а это позволяет ему «поставить» на место непослушных, привести в свою веру «непокорных». Поэтому именно они стали во главе компании реакционных сил против перестройки международных отношений в интересах развивающихся стран и когда зашла речь о реализации, то представитель США в ООН заявил: «Соединённые Штаты не могут принять и не приемлют никакого мнения о том, что мир теперь нацелен на установление чего-то такого, именуемого «новый международный экономический порядок»⁴⁰⁴. Свои капиталовложения за рубежом Америке нужны, прежде всего, для выкачивания из развивающихся стран сырья. Без сырьевых ресурсов этих районов невозможно развивать собственную промышленность, а следовательно, обеспечить необходимый жизненный уровень страны.

После Второй мировой войны американские правящие круги взяли курс на политику атомного «устрашения» и создали мощную машину идеологического давления, которая вела психологическую подготовку народа США к новой, теперь уже ядерной войне. Все послевоенные годы разрабатывались доктрины «первого удара» и «превентивных войн», которая особенно увлекали администрацию Р. Рейгана. Одним из первых, кто открыто проповедовал

их необходимость, был Г. Кан. В книге «О термоядерной войне» он убеждал американцев, что экономика США после неё сможет относительно быстро «восстановить большую часть довоенного национального продукта». Ещё более он развил свою теорию в работе «Мысли о немыслимом» уверяя, что «относительно нормальная и счастливая жизнь возможна даже в суровых условиях, которые могут оказаться доминирующими после ядерной войны»⁴⁰⁵. Такое отношение к судьбам человеческой цивилизации уже невозможно объяснить никаким логическим мышлением, а только параноидальным синдромом. Милитаризм и воинствующий шовинизм администрации Рейгана было явно подготовлен многими годами безрассудной стратегии монополистического капитала в его безудержной погоне за сверхприбылью. При этом было открыто заявлено о поддержке всех фашистских, террористических режимов, а Западная Европа становилась объектом первого ядерного уничтожения в планируемой войне вследствие ее предельного насыщения этим чудовищным оружием.

Поворот в сторону безудержной гонки вооружений и войны стал реальным фактом, начались попытки возрождения идеи об изоляции СССР и окружении его кольцом враждебных государств и ядерных баз; в политический обиход стал вводиться язык угроз и шантажа; легализовались международные провокации; возвращались идеи «крестовых походов». Президент США Рейган разорвал почти все ранее принятые договоренности с Советским Союзом и прекратил переговоры по насущным проблемам

международной жизни. К тому же его администрация, по существу, взяла курс на срыв комплекса соглашений юридических и политических обязательств, заложивших основы ограничения и сокращения вооружений, в первую очередь ядерного, перехода в перспективе к реальным мерам по разоружению. Таким образом этот процесс, налаживавшийся на протяжении почти двух десятилетий в рамках двусторонних и многосторонних совместных усилий государств, по вине Вашингтона вначале был дезорганизован, а затем и вовсе заменён небывалым по масштабам объемом гонки вооружений.

Именно в период правления Рейгана в США была принята и начала осуществляться беспрецедентная «всеобъемлющая стратегическая программа» на 80-е годы, предусматривавшая ускоренное развертывание таких новых систем, как межконтинентальные баллистические ракеты «МХ», «Минитмен», атомные подводные ракетополеты «Трайдент», стратегические бомбардировщики В-1В и «Стелс», многоцелевая космическая система «Шаттл», крылатые ракеты большой дальности всех видов базирования — воздушного, наземного, морского. Только за 1981–1983 годы было израсходовано более 640 млрд долларов, а в период 1983–1989 к этим суммам должны были прибавиться еще 2 триллиона, или почти столько же, сколько было истрачено на эти цели за последние 35 лет. Кроме того, США, подписав Договор ОСВ-2 ещё в июне 1979 года, отказались от его ратификации, а для прикрытия отказа изобретали разного рода предлоги и проводили

шумные пропагандистские компании. Среди них наиболее грубой и многоцелевой стала провокация по Афганистану, организованная спецслужбами «психологической войны» и другими подобного рода службами. При этом своей реальной основой она имела вовсе не идеи «демократии и свободы», ибо эти идеалы никогда не увлекали правящую элиту. Весь «спектакль протеста» разыгрывался этим заурядным актёром для прикрытия очередных милитаристических действий США, направленных не только против социалистического лагеря, но и всего мирового сообщества для достижения гегемонии Америки.

Именно в это время американцам надо было:

- а) вырвать у западноевропейцев согласие на размещение ядерных ракет первого удара, что создавало непосредственную угрозу безопасности Советского Союза и усиливало контроль США над Западной Европой;
- б) прикрыть действия по установлению возможного военного сотрудничества с КНР на антисоветской основе;
- в) отказаться от упомянутого соглашения с СССР по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-2);
- г) оправдать усиление военной деятельности в Персидском заливе и Индийском океане, имеющих целью шантажировать страны этого региона;

- д) обеспечить увеличение военных расходов внутри страны, чтобы удовлетворить требования военно-промышленной олигархии;
- е) отомстить за неудачу перемещения военных баз и средств электронного шпионажа из Ирана, откуда американцы были с позором изгнаны в Афганистан.

Начав размещение в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности, США тем самым сорвали советско-американские переговоры по ядерным вооружениям в Женеве. Вашингтон уклонялся и от переговоров с СССР по вопросам запрещения химического оружия и ликвидации его запасов, блокируя достижения такой договоренности на многосторонней основе. Не пожелал Белый дом дать ответ и на предложение государств – членов Варшавского Договора – в конце 1983 года о полном освобождении Европы от химического оружия. На рубеже 70–80-х годов именно США отказались от проведения переговоров и консультаций по широкому кругу вопросов, связанных с ограничением и сокращением вооружений и военной активности, не ответив позитивно ни на одну из многочисленных советских инициатив. И, наконец, в полном противоречии с обязательствами, вытекающими для Вашингтона из его подписи под заключительным актом общеевропейского совещания, США практически не участвовали в усилиях, направленных на снижение военного противостояния на континенте и на содействие разоружению. Наоборот, они

сделали все, чтобы резко увеличить военную опасность в Европе, разместив здесь свои ракеты первого удара⁴⁰⁶.

Необходимо отметить, что не только СССР являлся объектом американского шантажа и угроз, ведь достаточно бесцеремонно они вели себя и со своими союзниками — международными организациями, но особенно ярко это проявилось в отношении ООН — наиболее представительному интернациональному форуму современности. Уже в те далекие дни, когда создавалась эта организация, напряженная борьба велась вокруг основополагающих принципов ее Устава. Страницы документов, стенограммы переговоров свидетельствуют о продолжительной и сложной работе, проделанной советской дипломатией на различных международных конференциях по подготовке Устава ООН, в частности, в Сан-Франциско. В результате огромнейших усилий все же удалось заложить фундамент новой международной организации — 26 июня 1945 года был принят ее Устав. В нем впервые в истории были зафиксированы подлинно демократические принципы равноправного международного сотрудничества. Однако политика США стала циничным попранием целей поддержания мира, провозглашенных ее Уставом. Грубо нарушая их, США развернули небывалую по своим масштабам гонку вооружений, объявив зоной своих интересов огромные районы земного шара, где находились десятки суверенных государств.

Звездным часом для Соединенных Штатов Америки стал развал Советского Союза, спровоцированный ими с

опорой на доморощенных правителей типа генерального секретаря Коммунистической партии СССР, сдавшего не только ее, но и страну, победившую фашизм. Поэтапно были сданы все позиции, в том числе и социалистический лагерь, а так называемое «новое мышление» М. Горбачева явилось началом перестройки, закончившееся уничтожением Великой державы. Не менее пагубную для бывшего советского народа позицию занял и Б. Ельцин, ставший во главе России — правопреемнице СССР. Благодаря событиям 1990-х годов русские пережили «своего рода унижение»: потерю империи, экономической, политической системы, общественной безопасности и даже собственной истории. Однако русофобия и связанное с ней мнение, что русские — «азиаты, гунны и демоны», не принесли пользы никому.

С падением СССР начался настоящий триумф США, ставших во главе однополярного мира. Невзирая на ООН, они под различными предлогами начали уничтожать суверенные государства. Под «раздачу» попали Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и все тот же Афганистан. Необходимым атрибутом сложившейся ситуации стала и фальсификация истории Второй мировой войны. На авансцену политической жизни мирового сообщества с упорством, достойного иного применения, стали появляться такие фигуры, как Степан Бандера «со товарищами» на совести которых были сотни тысяч загубленных жизней. Апофеозом их вклада в историю Украины стало присвоение 22 января Виктором Ющенко — президентом «незалежной» — звания

Героя Украины посмертно руководителю организации украинских националистов Степану Бандере по случаю Дня ее Соборности. Наряду с этим активно пошел процесс «декоммунизации», стремительного отторжения от России и общей истории с ней. Здесь повсеместно стали уничтожать не только памятники В.И. Ленину, но и полководцам Советской Армии, освободившим Украину от фашистских захватчиков, а улицы украинских городов стали называться в честь их пособников.

Не отстала в этом вопросе и Польша, возглавившая процесс фальсификации истории после Прибалтики. Дошло до такого абсурда, что концлагерь Освенцим освободили украинские солдаты. Постпреду России при ООН В. Чуркину пришлось объяснять своему польскому коллеге Б. Виниду, что Первый Украинский фронт, освободивший Освенцим, получил свое название не из-за национальности солдат. В нем принимали участие силы Первого Украинского (был образован путем переименования Воронежского фронта) и Четвертого Украинского фронтов (создан на основе Южного фронта) – просто в годы Великой Отечественной войны названия фронтов присваивались по региону их действия. В пересмотре истории весьма заинтересованы страны Балтии и Украина. Так, в украинских учебниках военные действия ОУН – УПА занимают больше места, чем действия Красной Армии. Руководство Украины в оправдании коллаборационистов опередило даже власти Прибалтики. Впервые после 1945 года предпринимаются попытки на таком уровне пересмотра итогов

Второй мировой войны. На этом фоне наблюдаются попытки создания русофобско-антисемитско-антиправославной идеологии и она направлена не только против России, но фактически против всей Европы. В странах Балтии упорно возводят на пьедестал пособников Гитлера, появилось такое явление, как институт «неграждан», разумеется, русских, и неистребимое желание «довоевать» с Россией – наследницей СССР. Настаивая на термине «оккупация» в вопросе о присоединении трех республик к Советскому Союзу, Прибалтика рассчитывает на некую компенсацию. В этом вопросе даже были разработаны планы до 2020 года, а в числе их есть и следующие пункты:

- создание трибунала по бывшему СССР;
- приравнивание СССР к Третьему рейху;
- осуждение коммунизма;
- выдвижение политико-финансовых и историко-моральных требований к России.

Совершенно очевидно, что попытки пересмотра истории Великой Отечественной войны, героизации предателей – это элементарная информационная война, которая ведется против России уже не одно столетие. Такие фигуры, как Мазепа, Петлюра, Власов используются в качестве оружия раздора для разрушения российской национальной идентичности, причем эта пропаганда носит системный характер. Но точкой отсчета новой истории Украины, безусловно, считается так называемый «майдан» – государственный переворот с оттенком национальной идентично-

сти. 22 февраля 2014 года началось своего рода евробезумие и к этому, несомненно, «приложили руку» европейские страны. Именно с их согласия и непосредственного вмешательства начался процесс мучительной агонии украинской государственности, растоптанной боевиками «правого сектора». Разумеется, во главе этого процесса стояли все те же Соединенные штаты Америки, взяв эту страну фактически под свое правление. Возможно было бы оправдать грубое попрание Конституции этой страны и других ее законов, если бы это привело к улучшению жизни в ней, развитию экономики... Однако экономика — в коллапсе, годовщину своей майданной революции она встречает без Крыма и Донбасса и вряд ли Одесса простит свою Хатынь... Теперь хунта, пришедшая к власти путем переворота, убивает уже тысячи людей вместе с малолетними детьми и стариками... К тому же Россия, имеющая столько родственных связей, стала врагом №1 и это трагедия обеих стран и их народов.

Следует отметить, что это конфронтация, в сущности, между Россией и США с той лишь разницей, что на противоположных сторонах воюют все те же украинцы. И между прочим Украина отнюдь не первая сторона конфликта между этими странами, ведь еще раньше была война с Грузией, в которой они столкнулись практически напрямую. США настойчиво вытесняют глобальных соперников из зоны своих интересов. Россия уже потеряла часть территорий СССР и этот процесс продолжает набирать свои негативные обороты...

Но возвращаемся к исторической памяти и, прежде всего, к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Эти трагические события отразились в массовом общественном сознании незабываемыми страницами истории человеческой цивилизации, активно воздействуя на современные реалии. Общеизвестно, что «во все времена исторические сведения и представления избирательно пользовались идеологами различных политических сил для пропагандистского воздействия». Но только в конце XX — начале XXI вв. это стало принимать системный характер. Особенно это характерно для государств так называемого постсоветского пространства, или посткоммунистической Восточной Европы, и более всего связано с историей Второй мировой войны. Именно память о ней стала объектом, вокруг которого активизировалась борьба мнений и прочие политические страсти. Появилось даже целое направление в политике, обозначенное как «историческая политика», т.е. воздействие на массы с привлечением образов истории. В ее основе «живет» спекулятивное использование памяти о войне. Нельзя отрицать и того, что «восприятие событий последней мировой войны в разных странах способно дать множество примеров разновекторной направленности или даже конфронтации исторической памяти у разных народов»⁴⁰⁷.

Вторая мировая война принесла человечеству вероломное нападение агрессоров, концлагеря и газовые камеры, чудовищное понятие «Холокост!», депортации и массовые казни, уничтожения государств и их традиционных

духовных ценностей. Несомненно, основные исторические факты вряд ли кто оспаривает, но кардинально отличается их оценка, что закономерно приводит к поляризации мнений, т.е. у каждого свой взгляд на войну. В России память о ней практически стала частью ее национального самосознания, к тому же победа над фашизмом оплачена слишком дорогой ценой – жизнями около 27 миллионов человек и неисчислимыми страданиями советских людей на оккупированных территориях. Однако «трагедии, связанные с предысторией и историей Второй мировой войны, неосознанные, неосмысленные или осмысленные, лицемерно становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, сталкивают между собой страны и народы»⁴⁰⁸.

На фоне такого рода суждений закономерно, причем запредельно, обостряются историко-правовые оценки. Так, весьма популярным в ряде постсоветских государств стало понятие «геноцид», зачастую вне здравого смысла, но в лучших конъюнктурных традициях; им лицемерно пользуются в Балтии, Польше и Украине. Разумеется, вполне возможно допустить, что крайние оценки исторических событий несут в себе определённую часть правды, но такого рода правда, несомненно, не только негативна, но и опасна и особенно для тех, кто её культивирует. Использовать её для собственного национального возрождения – не лучший способ доказывать собственную полуправду. Так исторически сложилось, что для России Советский Союз стал частью ее собственной истории, своего

рода этапом исторического развития, поэтому она закономерно объявила себя его правопреемницей. Однако для вышеуказанных стран, проще было взвалить всю вину за собственные ошибки на страну, которая за советский период сделала их процветающими республиками.

Время неумолимо: уходят из жизни фронтовики-ветераны и свидетели тех событий и остается только историческая память, которая всё более подвергается ревизии; скрывается правда истории, в том числе и о несомненной причастности Великобритании и США, западного финансового капитала к гибели десятков миллионов людей. Создаётся некая альтернативная, в которой вина за её начало возлагается как на Германию, так и на Советский Союз. А какие исторические параллели волею этих же государств, происходят сейчас на Украине, где снова звучат националистические призывы, нагло демонстрируются атрибуты нацизма и успешно культивируется фашизм. Между тем разумнее взять на себя ответственность за собственную историю и искать оптимальный выход из сложившейся ситуации, ибо нежелание извлекать уроки может привести к очередным катастрофам...

ЭПИЛОГ

Совершенно очевидно, что история – это поле информационной войны, а историческая амнезия, несомненно, грозит чудовищной катастрофой для человечества. В современных условиях, когда в мире все более разгораются всевозможные конфликты, зачастую экстремистского характера, необходимо вносить соответствующие коррективы в духовное воспитание общества. Безусловно и фашизм с его параноидальной жестокостью и безрассудной нацистской идеологией по-прежнему остается истинным бедствием для него. Мир уже дважды побывал в преисподней этого безумного явления, но оно вновь возрождается, находя для себя благодатную почву. Самое невероятное, что носителем этих циничных идей является все та же Европа, которая уже заплатила огромную цену за их реализацию. Поэтому нужна подлинная правда о Второй мировой и Отечественной войнах, которая развенчает различные измышления, направленные на уничтожение исторической памяти – этой хранительницы духовного потенциала человечества. Следует помнить уроки истории и возможно они смогут защитить человеческую цивилизацию от реалий и вызовов современного мира...

Видимо, на этом можно было поставить точку, однако мировое сообщество в XXI веке вновь оказалось перед фактором выживания: грянула пандемия коронавируса... И в этом мире, пережившем чудовищные периоды первой и

второй мировых войн, снова, со всей страшной очевидностью, встала дилемма: «быть или не быть»...

К сожалению, этот экзамен достойным образом не выдерживается, ибо повсюду моментально выползла фашистская поросль, цинично заявив, что пришло время избавиться от «человеческого мусора» и всяких «нищевродов». При этом отрицается тот факт, что именно благодаря им появилась данная категория населения. Как же мгновенно раскололся этот хрупкий мир и все его объединения типа Европейского союза (ЕС) и т.д. И вот уже Италия – член НАТО – обречена на выживание, теряя свою интеллектуальную часть населения пожилого возраста...

Между тем только Россия протянула ей «руку помощи», несмотря на свои проблемы, а США, возглавив однополярный мир в 90-е годы, вышли по «закону бумеранга» на первое место в этой человеческой трагедии. В то же время Китай, будучи источником инфекции, смог преодолеть ее и даже оказать соответствующую помощь нуждающимся государствам. Однако бывшие союзники (Англия и Франция) в который раз продемонстрировали свои «величайшие духовные ценности», выдвинув сугубо расистскую версию спасения от коронавируса, испытав вакцину от него на африканцах... Разумеется, это вызвало закономерный негативный резонанс по всему миру, но только вряд ли его должным образом оценят эти «высоконравственные представители» рода человеческого...

Пандемия коронавируса обнажила все язвы мирового сообщества, трусливо абстрагировавшегося в своих госу-

дарственных границах. Разумеется, несмотря на безумную панику, спровоцированную СМИ в рамках информационной войны, не все его члены подверглись ей, а это позволяет надеяться на то, что человеческая цивилизация все же одержит верх над этими жестокими реалиями и вызовами времени...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В.И. ПСС. – Т. 37. – С. 158.
- ² Проэктор Д.М. Мировые войны и судьбы человечества. – М.: Мысль, 1986. – С. 49.
- ³ Там же. – С. 62, 67, 87–88, 91–93.
- ⁴ Там же. – С. 94–96.
- ⁵ Термин «фашизм» (*fascismo* – от «*fascio*» – связка, союз, объединение) первоначально появился в Италии. Созданная в Милане в 1919 году первая фашистская организация называлась «*Fascio di combattimento*» («Союз борьбы»).
- ⁶ XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. – М., 1934. – С. 589.
- ⁷ Вторая мировая война: Краткая история. – М.: Наука, 1984. – С. 10.
- ⁸ Там же. – С. 10–11.
- ⁹ Жуков Е. О японском фашизме. – М., 1934. – С. 84.
- ¹⁰ Тельман Э. Избранные речи и статьи. К истории германского рабочего движения / Пер. с нем. – М., 1958. – Т. 2. – С. 360.
- ¹¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7-ми Т. – М., 1957. – Т. 1. – С. 104 (Далее: Нюрнбергский процесс...).
- ¹² Открылась 2 февраля 1932 года: в ее работе участвовали представители 61 государства, в том числе и СССР.

- ¹³ Четырехлетний план подготовки фашистской экономики к тотальной войне был принят 9 сентября 1936 года.
- ¹⁴ Fall Barbarossa. S. 60.
- ¹⁵ История второй мировой войны. 1939–1945. – М., 1974. – Т. 2. – С. 27.
- ¹⁶ Нюрнбергский процесс... – Т. 1. – С. 606.
- ¹⁷ Коммунистический Интернационал. – 1939. – №5. – С. 99.
- ¹⁸ Севастьянов Г. Подготовка войны на Тихом океане. – М., 1962. – С. 50; Дубинский А. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. – М., 1967. – С. 65.
- ¹⁹ История дипломатии / Под ред. А.А. Громыко. – М., 1965. – Т. 3. – С. 747–748.
- * * *
- ²⁰ История второй мировой войны. 1939–1945. – М., 1974. – Т. 2. – С. 14.
- ²¹ Правящие круги западных держав понимали, каким образом фашисты будут завоевывать «жизненное пространство». Их откровенный цинизм был сформулирован в концепции американского посла в Париже Буллита в беседе с польским послом в Вашингтоне Потоцким. «Вполне отвечало бы желаниям демократических государств, – отмечал Буллит, – если бы на Востоке произошло военное столкновение между Германским рейхом и Россией».

- ²² В ноте от 18 марта 1939 года послу Германии в СССР ее действия были признаны «произвольными, насильственными, агрессивными». Также разоблачались сделка фашистов с реакционной частью чехословацкой буржуазии и версия германской дипломатии о «добровольном» согласии Чехословакии на ее оккупацию.
- ²³ Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. – Киев, 1973. – С. 130–133.
- ²⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1938. Washington, 1955, vol. 1, p. 703 (Далее: FRUS).
- ²⁵ The Memoirs of Herbert Hoover. The Cabinet and the Presidency, 1920–1933. New York, 1952, p. 369.
- ²⁶ Внешняя политика Советского Союза. 1933–1935 гг. – М., 1980. – С. 98.
- ²⁷ СССР участвовал в работе этой конференции, а Япония и Германия отклонили направленные им приглашения.
- ²⁸ Документы внешней политики СССР. – М., 1976. – Т. 20. – С. 763.
- ²⁹ История второй мировой войны... – Т. 2. – С. 42.
- ³⁰ Европа в международных отношениях, 1917–1939 гг. – М., 1979. – С. 377–378.
- ³¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. – М., 1971. – С. 244.

- ³² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. – М., 1939. – С. 14.
- ³³ Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. – М., 1979. – С. 239.
- ³⁴ Parkinson R. Peace for Our Time. Munich to Dunkirk – the inside story. London, 1971, p. 151.
- ³⁵ Попов В. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). – М., 1965. – С. 411.
- ³⁶ Жилин П. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. – М., 1965. – С. 33–34.
- ³⁷ СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933–1945. – М., 1976. – С. 126.
- ³⁸ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха, 1933–1941. – М., 1980. – С. 159; Волков Ф. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. – М., 1980. – С. 420.
- ³⁹ Прозектор Д.М. Мировые войны и судьбы человечества. – М.: Мысль, 1986. – С. 72–75.
- ⁴⁰ Там же. – С. 76–77.
- ⁴¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939. New York, 1941, P. XXXVI.
- ⁴² Welles S. Time for Decision. New York, 1944, P. 321.
- ⁴³ Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны / Пер. с нем. – М., 1971. – С. 187.
- ⁴⁴ О прошлом во имя будущего. Вторая мировая война: причины, итоги, уроки. – М., 1985. – С. 26–27.

- ⁴⁵ W. Churchill. The Second World War. Vol. 1, pp. 311–312.
- ⁴⁶ История внешней политики СССР. Том первый. 1917–1945 гг. – М.: Изд-во Наука, 1986. – С. 387.
- ⁴⁷ Вторая мировая война. Краткая история. – М.: Изд-во Наука, 1984. – С. 49–51.
- ⁴⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидцев / Пер. с англ. – М., 1958. – Т. 1. – С. 386–387.
- ⁴⁹ Вторая мировая война... – С. 70–71.
- * * *
- ⁵⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939. – М., 1981. – Т. 1. – С. 24–34.
- ⁵¹ Там же. – С. 35, 42.
- ⁵² Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. – М., 1979. – С. 42.
- ⁵³ Документы внешней политики СССР. – М., 1977. – Т. 21. – С. 109.
- ⁵⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... – Т. 1. – С. 55.
- ⁵⁵ Известия. – 1938. – 18 марта.
- ⁵⁶ Документы по истории мюнхенского сговора... – С. 60.
- ⁵⁷ Там же. – С. 54.х
- ⁵⁸ Там же. – С. 57.
- ⁵⁹ Калинин М.И. О международном положении. – М., 1938. – С. 14.
- ⁶⁰ Документы по истории мюнхенского сговора... – С. 152–153.
- ⁶¹ Там же. – С. 174.
- ⁶² Там же. – С. 80–82.

- ⁶³ О прошлом во имя будущего. Вторая мировая война: причины, итоги, уроки – М., 1985. – С. 16.
- ⁶⁴ DBFP, Ser. 3, vol. 1, p. 314–315.
- ⁶⁵ Документы внешней политики СССР... – Т. 26 – С. 296.
- ⁶⁶ Документы по истории мюнхенского сговора... – С. 269.
- ⁶⁷ Там же. – С. 311.
- ⁶⁸ Macmillan H. Op. cit., p. 562.
- ⁶⁹ Ibid., p. 563.
- ⁷⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, сентябрь 1938 – август 1939 г.: Документы и материалы. – М. 1971. – С. 29 (далее: СССР в борьбе за мир...).
- ⁷¹ Там же. – С. 32.
- ⁷² FRUS, 1940, vol. 1. General, p. 53.
- ⁷³ DBEP, Ser. 3, vol. 3, p. 366. Footnote.
- ⁷⁴ Noël L L'agression Allemande contre la Pologne. P., 1946, p. 259.
- ⁷⁵ DBFP, Ser. 3, vol. 3, p. 306–307.
- ⁷⁶ Ibid., p. 387.
- ⁷⁷ Ibid., p. 23.
- ⁷⁸ Документы по истории мюнхенского сговора... – С. 427–428.
- ⁷⁹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. – М., 1939. – С. 13–14.
- ⁸⁰ СССР в борьбе за мир... – С. 264.
- ⁸¹ Там же. – С. 331, 333.
- ⁸² Там же. – С. 332.
- ⁸³ Там же. – С. 336–337.

- ⁸⁴ Там же. – С. 337.
- ⁸⁵ Там же. – С. 341.
- ⁸⁶ Там же. – С. 383.
- ⁸⁷ Там же. – С. 395.
- ⁸⁸ Там же. – С. 418.
- ⁸⁹ Там же. – С. 451–452.
- ⁹⁰ Там же. – С. 452.
- ⁹¹ См.: АВП СССР.
- ⁹² СССР в борьбе за мир... – С. 476, 484–486.
- ⁹³ Там же. – С. 524.
- ⁹⁴ Там же. – С. 293.
- ⁹⁵ Там же. – С. 82.
- ⁹⁶ Там же. – С. 171.
- ⁹⁷ АВП СССР.
- ⁹⁸ За мир, разоружение и безопасность народов: Летопись внешней политики СССР. – М.: Политиздат, 1983. – С. 88.
- ⁹⁹ Леонидов С.Т. Из истории нормализации советско-японских отношений после второй мировой войны. – В кн.: Япония: Вопросы истории. – М., 1959. – С. 261–262.
- ¹⁰⁰ Сиполс В.Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, 1933–1939. – М., 1974. – С. 404.
- ¹⁰¹ FRUS, 1941, vol. 1, p. 313–314.
- ¹⁰² FRUS, 1939, vol. 1, p. 307.
- ¹⁰³ Ibid., p. 311.
- ¹⁰⁴ PRO, Gab. 23/100, p. 277.
- ¹⁰⁵ Правда. – 1939. – 27 августа.

- ¹⁰⁶ Известия. — 1939. — 1 сентября.
¹⁰⁷ О прошлом во имя будущего... — С. 26–27.
¹⁰⁸ Аргументы и факты. — 2009. — №36.
¹⁰⁹ Там же.
¹¹⁰ Яковлев А.Н. Реализм — земля перестройки: Избранные выступления и статьи. — М. Политиздат, 1990. — С. 532–533.

* * *

- ¹¹¹ Кегель Г. В бурях нашего века: Записки разведчика антифашиста / Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1987. — С. 179.
¹¹² Там же.
¹¹³ Там же. — С. 180.
¹¹⁴ Там же. — С. 180–181.
¹¹⁵ Там же. — С. 185–187.
¹¹⁶ См.: История второй мировой войны, 1939–1945 гг. — Т. III. — М.: Воениздат, 1974. — Гл. 17.
¹¹⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война / Пер. с англ. — М.: Воениздат, 1976. — С. 114.
¹¹⁸ План «Барбаросса» был утвержден 18 декабря 1940 года (в виде директивы №21 о развертывании военных действий против СССР). 3 февраля 1941 года обсуждались и уточнялись конкретные мероприятия по выполнению этого плана.
¹¹⁹ Лиддел Гарт Б. Указ. работа. — С. 147.
¹²⁰ Непосредственным поводом к вторжению Германии в Грецию стало сокрушительное поражение итальянских войск в этой стране.

- ¹²¹ Лиддел Гарт Б. Указ. работа. — С. 149–151.
¹²² Там же. — С. 213–214.
¹²³ Кегель Г. Указ. работа. — С. 212–214.
¹²⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х Т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 293, 294.
¹²⁵ Батлер Д. Большая стратегия. — М.: Издательство, 1958. — Т. 2. — С. 234.
¹²⁶ История второй мировой войны, 1939–1945. — М., 1975. — Т. 4. — С. 21.
¹²⁷ Лиддел Гарт Б. Указ. работа. — С. 151–153.
¹²⁸ История второй мировой войны, 1939–1945... — Т. 4. — С. 36.
¹²⁹ Коленкур А. (1773–1827) — французский дипломат, приверженец Наполеона, автор мемуаров о разгроме его в России в 1812 году.
¹³⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 5. Кн. 1. — С. 242; См.: Д. Мурiev. Провал операции «Тайфун» — М., 1972.
¹³¹ Лиддел Гарт Б. Указ. работа. — С. 161–163.
¹³² Hitler's Table Talks. London, 1953, P. 424.
¹³³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. — М., 1973. — Т. 2. — С. 20.
¹³⁴ Тревор-Ропер Ч. Застольные беседы Гитлера. — М., 2005. — С. 50–51.
¹³⁵ Там же. — С. 43.
¹³⁶ Наумов А. Планы фашистской Италии и нацистской Германии в отношении «нового порядка» в Европе. В кн. Война на уничтожение. Нацистская политика ге-

ноцида на территории Восточной Европы: Материалы междун. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». – М., 2010. – С. 66.

- ¹³⁷ См.: Buchheit Gest. Der deutsche Eeheimdienst. Geschichte der militärischen Abwehr. München, 1966, S. 362.
- ¹³⁸ Гейнц Кюнрих в своей книге “Der Partisanen-Krieg in Europa 1939–1945” (Berlin, 1968, S. 542–543) дает следующие обобщенные цифры убитых и погибших борцов антифашистского Сопротивления, партизан и лиц, помогавших партизанам: Албания – 28 000, Бельгия – 9800, Болгария – 29 420, Дания – 1214, Франция – 400 000, Греция – 40 000, Италия – 76 500, Югославия – 305 000, Нидерланды – 2000, Норвегия – 6000, Польша – 80 000, Чехословакия – 300 000, а всего – 1 277 754 человека.
- ¹³⁹ См.: Hennicke Otto. Todesurteile und ihre Vollstreckung. Aüszug aus der Wehrmachtskriminal – statistih. – Zeitschrift für Militärgeschichte. Berlin, 1966, №4, S. 445.
- ¹⁴⁰ См.: Datner Szymon. Crimes against POWs. Responsibility of the Wehrmacht. Warszawa, 1964, p. 84.
- ¹⁴¹ См.: Charisius Albrecht, Moritz Erhard. Zur Fusion des OKW – Amtes Potsdam, 1977, H. 1, S. 44 ff.
- ¹⁴² Buchheit Gert. Op. cit, S. 362.
- ¹⁴³ Там же. – S. 446.
- ¹⁴⁴ См.: Мадер Юлиус. По следам человека со шрамами. – М., 1963.

- ¹⁴⁵ См.: Deutsches Panorama. Hamburg, 1967, № 3, S. 94; сообщение агентства ДПА от 16 сентября 1969 г.; Berliner Zeitung, 24. IX. 1967.
- ¹⁴⁶ См.: Vom Ribbentrop Ministerium ins Amt des Bundeskanzlers. Dokumentation in Sachen Kiesinger. Berlin, 1968.
- ¹⁴⁷ См.: Mader Julius. Der Spion mit Rentenschein. – Wochenpost, Berlin, 1962, № 29, S.11.
- ¹⁴⁸ См.: Kodumaa, Tallin, 26. IV. 1967; Junge Welt, Berlin, 20. I. 1967.
- ¹⁴⁹ Речь идет о боннских дипломатах аденауэровского периода, в частности, о д-ре Вильгельме Отто (консул в Хьюстоне, США), д-ре Рупрехте фон Келлере (генеральный консул в Женеве, Швейцария), Эдуарде Мирове (советник I класса), д-ре Эрнсте Гюнтере Море (посол в Буэнос-Айресе, Аргентина), бароне Буркхарде фон Мюлленхайм-Рейхберге (генеральный консул в Торонто, Канада), Эдгаре фон Рандове (генеральный консул в Калькутте, Индия), д-ре Гансе Ширмере (посол в Канберре, Австралия), д-ре Гансе Шварцмане (начальник протокольного отдела, посол) и д-ре Хенниге Томсене (посол в Рейкьявике, Исландия).
- ¹⁵⁰ См.: Führer Gans Rudolf. Spionage gegen die Schweiz. Frauenfeld, 1982, S. 35 ff.
- ¹⁵¹ См.: Мадер Ю. Серая рука. – М., 1962. – С. 154.
- ¹⁵² Gerken Richard. Spione unter uns. Donau worth, S. 24.
- ¹⁵³ См.: Baumann G. Eine Handvoll Konzern – herren. Berlin, 1953, S. 19 ff.

- ¹⁵⁴ Braunbuch. Berlin, 1968, S. 366 f.
- ¹⁵⁵ См.: Volksstimme, Wien, 12. I. 1964.
- ¹⁵⁶ Volksstimme, 22. XII, 1968.
- ¹⁵⁷ См.: Неделя. — 1968. — № 51. — С. 20.
- ¹⁵⁸ Макс Ильгнер в 1949 году был приговорен как военный преступник к трем годам заключения. Затем он снова занимал весьма влиятельные посты в экономике ФРГ, Западного Берлина и Швеции.
- ¹⁵⁹ Д-р Фриц Гайевски был обвиняемым как военный преступник на Нюрнбергском процессе по делу концерна «ИГ-Фарбениндустри». Вскоре после освобождения из тюрьмы занял место в наблюдательных советах «Хемише — фервальтунг АГ», «Хемиши верке Хюльс АГ», «Динамит Нобель АГ» и «ИГ- Фарбениндустри АГ» и даже получил от президента ФРГ «Большой орден за заслуги».
- ¹⁶⁰ Gyermann Karl Heinz. Luftspionage. Bd. II. Berlin, 1963, S. 264 ff, 55 ff.
- ¹⁶¹ Schumann Wolfgang u.a. Spionage fur den Krieg. Carl Zeiss Jena einst und jetzt. Berlin, 1962; S. 513–518.
- ¹⁶² «Морской лев» — кодовое наименование планировавшейся, но неосуществленной высадки немецких войск на побережье Англии.
- ¹⁶³ Чернов В. Любимец канцлера. — М., 1962. — С. 4–26;
- ¹⁶⁴ Мадер Юлиус. Сокровища «черного ордена». — М., 1965. — С. 183–206. Здесь в приложении приводится перечень стран, в которых действовали руководители доверенных лиц абвера.

- ¹⁶⁵ См.: IMG, Bd. VII Nürnberg, 1947, S. 215.
- ¹⁶⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — М., 1958. — Т. 2. С. 91–94, 104–105, 101–102, 105.
- ¹⁶⁷ См.: IMG, Bd. VII. Nürnberg, 1947, S. 215.
- ¹⁶⁸ Мадер Юлиус. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня / Сокр. пер. с нем. — М: Политиздат, 1984. — С. 70, 72, 74, 76–77.
- ¹⁶⁹ Там же. — С. 78–79.
- ¹⁷⁰ Там же. — С. 81–82.
- ¹⁷¹ Вальтер Шелленберг — группенфюрер СС (соответствует чину генерал-лейтенанта), начальник VI управления (СД — «Заграница») и военного управления (бывших абвера I и абвера II управления ОКВ «Заграница/абвер» в главном управлении имперской безопасности.
- ¹⁷² Мадер Юлиус. Империализм: шпионаж в Европе... — С. 89–90.
- ¹⁷³ Из показаний под присягой начальника главного управления СС, обергруппенфюрера СС Готтлоба Бергера на Нюрнбергском процессе: «В середине 1938 г. я, оберфюрер СС, был назначен офицером связи с «Судето-немецким добровольческим корпусом» Конрада Генлейна в его штаб-квартире в одном из замков Дондорфа за пределами Байрейта. Почти каждый второй день туда являлся и вел переговоры с Генлейном адмирал Канарис, начальник абвера

ОКВ». — См. об этом: IMG. Bd. XXXI, S. 499/500, PS 3036.

¹⁷⁴ Вальтер Брандт стал в ФРГ председателем наблюдательного совета «Витикобунда», референтом правления «землячества судетских немцев» и членом «судето-немецкого совета». Фриц Кёльнер дослужился до должности старшего правительственного советника в баварском министерстве труда. Вильгельм Зебековски принадлежал к числу основателей и функционеров «Витикобунда». — См.: Braunbuch. Berlin, 1968, S. 307/f, 311, 314.

¹⁷⁵ Профессор Ганс Кох — доктор евангелической теологии и философии (родился 7 июля 1894 г. во Львове). Во время Первой мировой войны служил офицером секретной службы под началом полковника австро-венгерской армии Эдуарда Фишера. Как капитан генерального штаба на службе главаря бандитов был пленен Красной Армией. В 1929 году появился уже в качестве антикоммунистического эксперта «по вопросам Востока» в Венском университете, в 1934 — в качестве профессора в «приграничном» Кёнигсберском университете. В 1937 году, став директором «Института Восточной Европы», переселяется в Бреслау (Вроцлав); одновременно капитан запаса абвера. Кох функционировал как офицер связи с контрреволюционными террористами из «Организации украинских националистов» (ОУН). В 1941 он служил в Киеве начальником отделения абвера II на временно окку-

пированной территории Украины, а затем начальником группы AI (подрывная агитация, организация прогерманской пропаганды в тылу Восточного фронта) абвера II. В конце войны, оказавшись в одном из венских госпиталей, сумел избежать заслуженного наказания. С 1952 года и до своей смерти в 1959 был профессором Мюнхенского университета и директором местного антикоммунистического «Института Восточной Европы». — См. также: Gentzen F.H., Wolfgramm E. Op. cit., 44 f.

¹⁷⁶ Доктор философии Вернер Маркерт (родился 3 декабря 1905 г.) до 1939 преподавал в Лейпцигском университете. В качестве дерфюрера был до апреля 1942 года начальником отделения ION абвера II (руководство командами абвера на Восточном фронте). Затем выполнял в абвере II и другие функции, направленные прежде всего против Польши и Югославии. После войны, как и другие его соратники, весьма недурно устроился в мирной жизни, став в 1948 году доцентом Гёттингенского университета (специализация — восточно-европейская история). С 1953 года издавал антисоветский журнал «Osteuropa Handbuch».

¹⁷⁷ Вальтер Каппе олицетворяет пример тесного сотрудничества управления ОКВ «Заграница/абвер» с гитлеровской партией и ее мощной разветвленной подрывной «Заграничной организацией» во главе с гауляйтером, стат-секретарём министерства иностранных дел, обергруппенфюрером СС Эрнстом Вильгельмом

- Бомом. С 1925 года Каппе являлся одним из основателей нацистской подпольной организации «Тевтония» в Чикаго. В 1932 году с его помощью создается группа НСДАП в США, а в 1935 он вернулся в Германию. — См.: Riess Curt. Total Espionage. New York, 1941, S. 49, 51.
- ¹⁷⁸ Это отделение абвера было создано в Бухаресте в декабре 1940 года после захвата власти маршалом Антонеску (сентябрь 1940 года) и вступления Румынии в «Антикоминтерновский пакт» (ноябрь 1940).
- ¹⁷⁹ Hagen Walter. Die geheime Front. Linz, 1950, S. 285; Buchheit Gezt. Op. cit., S. 249.
- ¹⁸⁰ Мадер Ю. Тайное становится явным. — М., 1970. — С. 35.
- ¹⁸¹ Jong Louis de. Die deutsche fünfte Kolonne im zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1959, S. 266.
- ¹⁸² Новое время. — 1946. — № 13 (приложение). — С. 8–11.
- ¹⁸³ Генерал-майор Вильгельм Фаупель после Первой мировой войны в течение 9 лет служил военным атташе в Аргентине и Перу, до 1937 года был послом в Испании, затем руководил шпионским центром «Иbero-американский институт».
- ¹⁸⁴ Подполковник барон фон Функ был с декабря 1936 года до сентября 1939 германским военным атташе в Испании.
- ¹⁸⁵ Новое время. — 1946. — № 13 (приложение). — С. 7.

- ¹⁸⁶ Это показание было предоставлено Международному военному трибуналу в Нюрнберге как Документ СССР — 230. — См.: IMG, Bd. VII, S. 293–300.
- ¹⁸⁷ См.: Kühnrich Heinz. Der Partisanenkrieg in Evropa 1939–1945. Berlin, 1968. — S. 543.
- ¹⁸⁸ Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. // Вопросы истории. — 1965. — №5. — С. 21.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза. — М., 1960. — Т.1. — С. 478.
- ¹⁹¹ Вопросы истории. — 1965. — №5. — С. 28.
- ¹⁹² История Великой Отечественной войны... — С. 478.
- ¹⁹³ Там же. — С. 490.
- ¹⁹⁴ Вопросы истории. — 1965. — № 5. — С. 21.
- ¹⁹⁵ Там же. — С. 27.
- ¹⁹⁶ История Великой Отечественной войны... — С. 478–479.
- ¹⁹⁷ Там же. — С. 479.
- ¹⁹⁸ Reile Oskar. Op. cit., S. 359 f.
- ¹⁹⁹ Jacobsen H.A. Dollinger H. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten, Bd. 1. München, Wien, Basel, 1962, S. 404.
- ²⁰⁰ Вопросы истории. — 1965. — №5. — С. 25.
- ²⁰¹ Там же. — С. 33.
- ²⁰² Цыбов С.И., Чистяков Н.Ф. Фронт тайной войны. — М., 1968. — С. 53. О действиях советских органов государственной безопасности в борьбе с фашистскими шпи-

онами и диверсантами; См.: Коровин В.В., Шебалин В.И. Гитлеровский абвер терпит поражение // Новая и новейшая история. – 1968. – №5.

²⁰³ Вопросы истории. – 1965. – №5. – С. 39.

²⁰⁴ См.: Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. – М., 1962.

²⁰⁵ Der Spiegel. Hamburg, 1969. – №24, S. 130,137.

* * *

²⁰⁶ Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Воениздат, 1956. – С. 325.

²⁰⁷ Лиддел Гарт. Стратегия не прямых действий: Изд-во иностранной литературы, 1957. – С. 210.

²⁰⁸ Майкл Сейерс и Альберт Кан. Тайная война против Америки: Изд-во иностранной литературы, 1947. – С. 77–78.

²⁰⁹ Сет Р. Тайные слуги (история японского шпионажа). – М.: Воениздат, 1962. – С. 15–16.

²¹⁰ Сет Р. Указ. работа. – С. 128.

²¹¹ Там же. – С. 161–162, 173–174.

²¹² Там же. – С. 189–193.

²¹³ Там же. – С. 200.

²¹⁴ Там же. – С. 321–326.

* * *

²¹⁵ Молчанов В.К. Возмездие должно совершиться (Нацистские военные преступники и их покровители). – М.: Политиздат, 1981. – С. 5–7, 11–12.

²¹⁶ Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert v. Gerhard i. Wenberg. Stuttgart, 1961.

²¹⁷ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований/Пер. с нем. – М.: Прогресс – Академия, Весь мир, 1996. – С. 432.

²¹⁸ Там же. – С. 437.

²¹⁹ См.: Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993.

²²⁰ Краль В. Преступления против Европы. – М., 1968. – С. 113, 133.

²²¹ Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967. – С. 581–585.

²²² Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР/Изд. 3-е – М.: Экономика, 1985. – С. 20–24.

²²³ Совершенно секретно! Только для командования!... – С. 99.

²²⁴ Германская политика в Центральной и Восточной Европе. – М., 1965. – С. 276.

²²⁵ Романовский В.Ф. Забвению не подлежит. – Минск, 1985. – С. 7.

²²⁶ Шерман Б.П.... И ужаснулась земля: Факты, документы, свидетельства. – Барановичи, 1990. – С. 26.

- 227 Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк. – Минск: Арти-Фекс, 1996. – С. 162.
- 228 Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): Дисс. канд. ист. наук. – Минск, 1999. – С. 32.
- 229 По данным книги «Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944».
- 230 Фашистского палача к ответу! – М., 1962. – С. 139.
- 231 Немецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). – Минск: Бел НДЦДААС, 1995. – С. 353.
- 232 Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 7 Т. – М., 1958. – Т. 3. – С. 360–361.
- 233 Литвин А. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941 – июнь 1944 гг.): общие черты и особенности практического осуществления. В кн.: Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы/Мат. междунауч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года)/Фонд «Историческая память». – М., 2010. – С. 86.
- 234 Молчанов В.К. Указ. работа. – С. 34–35, 37–38.
- 235 Там же. – С. 63–65.
- 236 Там же. – С. 68–69, 75.
- 237 Там же. – С. 20, 23 – 25, 28.
- 238 Там же. – С. 100–101, 105–106.
- 239 Там же. – С. 186–187, 189–190.
- 240 Война на уничтожение... – С. 306, 310.

- 241 Речь Гитлера 30 сентября 1942 г. Берлин. Спортпалац//Северное слово. – 1942. – 2 октября.
 - 242 Соколов В.Б. Оккупация. Правда и мифы. – М.: Аст-Пресс книга, 2002. – С. 117.
 - 243 Дробязко С., Карашук А. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М.: Аст, 2000. – С. 42–43.
 - 244 См.: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. – Минск: НАРБ, 2009.
- * * *
- 245 Овчинников В.В. Горячий пепел. Хроника тайной гонки за обладание ядерным оружием. – М.: Изд-во АПН, 1984. – С. 40.
 - 246 Там же. – С. 50.
 - 247 Там же. – С. 56–57.
 - 248 Там же. – С. 58–60.
 - 249 Правда. – 1945. – 13 февраля.
 - 250 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. – М., 1947. – Т.3. – С. 117.
 - 251 Roosevelt Franklin D. The Public papers and addresses. 1944–45 Volume. New York, 1950, p. 573.
 - 252 9 марта 1945 года в Токио погибло от пожаров больше людей, чем 9 августа от атомной бомбы в Нагасаки. 11 марта «Б-29» бомбили Нагою, 13 – Осаку, а 17 – Кобе.
 - 253 Дело в том, что завершающий этап операции «Серебрянное блюдо» включал именно одиночные полеты с

- «тыквами» — фугасными бомбами по весу и габаритам, соответствовавшим атомным.
- ²⁵⁴ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. — М.: Международные отношения, 1984. — С. 589–590.
- ²⁵⁵ Именно Дорнбергер использовал идеи Пенемюнде, создав новый вид оружия под названием «Крылатые ракеты».
- ²⁵⁶ В докладе комиссии Франка прозвучал призыв к Соединенным Штатам о неприменении этого грозного оружия, ибо оно могло вызвать гонку вооружений и лишить возможности договора о контроле над ним.
- ²⁵⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. — М., 1963. — Т.5. — С. 539.
- ²⁵⁸ Правда. — 1945. — 8 августа.
- ²⁵⁹ Там же. — 3 августа.
- ²⁶⁰ См.: Алпровиц Г. «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам». Американский историк считал, что демонстрация боевых возможностей атомной бомбы должна была заставить русских принять американский план послевоенного мира, особенно навязать им свою позицию по основным спорным вопросам в отношении Центральной и Восточной Европы.
- ²⁶¹ Овчинников В.В. Указ. работа. — С. 86–88, 90–93.
- ²⁶² Асахи. — 1945. — 31 августа.
- ²⁶³ Речь Уинстона Черчилля в октябре 1948 года, в которой прозвучал его очередной призыв к атомной войне против СССР.

- ²⁶⁴ 4 апреля 1949 года была создана Организация Североатлантического договора (НАТО). Ее членами стали США, Канада, Англия, Франция, Италия, Португалия, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Исландия; через три года к ним присоединились Турция и Греция, а еще через три — ФРГ.
- ²⁶⁵ Речь идет о предписании президента Трумэна Комиссии по атомной энергии продолжить работу над всеми видами атомного оружия, включая водородное.
- * * *
- ²⁶⁶ Loftus J. The Belarus Secret. New York, 1982, p. 11.
- ²⁶⁷ См.: The New York Times, 26. I. 1984.
- ²⁶⁸ Ibid, 9. I. 1984.
- ²⁶⁹ U.S. News and World Report, 21. XI. 1977, p. 37.
- ²⁷⁰ См.: U.S. News and World Report, 1. V, 1981, p. 36.
- ²⁷¹ Stern, 1982, №41, S. 36.
- ²⁷² Unsere Zeit. Düsseldorf, 12. XI. 1982.
- ²⁷³ Борисов В., Седов Р. Бизнесмены из ЦРУ // Известия. — 1982. — 1 июля.
- ²⁷⁴ Проблемы мира и социализма. 1982. — №4. — С. 96.
- ²⁷⁵ Мадер Юлиус. Указ. работа. — С. 232–234.
- ²⁷⁶ Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975. — М., 1975. — С. 20.
- ²⁷⁷ Откуда исходит угроза миру. — М., 1982. — С. 76.
- ²⁷⁸ Эвни Коскулюэла М. Паспорт 11 333. Восемь лет в ЦРУ. — М., 1981. — С. 89.

- 279 Правда. — 1981. — 18 октября.
- 280 См.: Friheten, 15. XII. 1981.
- 281 Kissnger Н. Amerikanische Außenpolitik. Düsseldorf, 1970, S. 83f.
- 282 Новое время. — 1982. — №6. — С. 30.
- 283 Там же. — №49. — С. 16.
- 284 Wehrtechnik, 1982, №9, S. 78.
- 285 Мангеймский съезд Германской Коммунистической партии. 20–22 октября 1978 г. — М., 1979. — С. 293.
- 286 Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и его реализация. 1971–1977 гг.: Документы. — М., 1977. — С. 10.
- 287 Фольксштимме. — 1975. — 25 сентября.
- 288 См.: Чехович А. Семь трудных лет. — М., 1975.
- 289 См.: Horizont, 1981, №52, 1982, №24.
- 290 Роменский Б. Куда вели «Солидарность» ее лидеры? Документальные материалы на страницах газеты «Трибуна люду» // Проблемы мира и социализма. — 1982. — №4. — С. 90.
- 291 Проблемы мира и социализма. — 1982. — №4. — С. 91.
- 292 Там же. — С. 92.
- 293 Антонов Б. Куда ведут нити заговора // Новое время. — 1982. — №6. — С. 27.
- 294 Чехович А. Указ. работа. — С. 155.
- 295 См.: Душин Н.А. Бдительность — наше постоянное оружие. — М., 1979; Толкунов А.Л. Похитители разума. — М., 1980.
- 296 Известия. — 1981. — 3 сентября.

- 297 Die Welt, 19. 11. 1981.
- 298 Unsere Zeit (Dortmund), 2. IV. 1980.
- 299 Süddeutsche Zeitung (München). 29. III. 1980.
- 300 Мадер Юлиус. Указ. работа. — С. 293–299.
- * * *
- 301 История Второй мировой войны 1939–1945. — М., 1979. — Т. 10. — С. 256.
- 302 Там же. — С. 362–368.
- 303 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — М., 1947. — Т. III. — С. 271.
- 304 Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. — М., 1980. — С. 497.
- 305 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М., 1974. — Т. 2. — С. 425.
- 306 Эйзенхауэр Д. Указ. работа. — С. 518.
- 307 Гаевский И., Червонная С. Под кодовым названием и без... — М.: АПН, 1985. — С. 30.
- 308 Яковлев Н.Н. Улыбка Айка // Новое время. — 1982. — №46. — С. 29.
- 309 См.: Kennan G. Memories 1925–1950. Lnd., 1968.
- 310 ООН была учреждена на конференции представителей 50 стран в Сан-Франциско (США), проходившей с 25 апреля по 26 июня 1945 года. В ее состав вошли СССР в целом, а также Украина и Белоруссия.
- 311 26 мая 1952 года США, Англия и Франция подписали с ФРГ «общий договор», легализовавший германскую армию (вермахт), возглавляемую гитлеровскими генералами.

- ³¹² В 1950 году СССР в знак протеста против отказа от восстановления законных прав Китайской Народной Республики временно отстранился от участия в работе Совета Безопасности.
- ³¹³ День начала войны – нанесение первого атомного удара по СССР.
- ³¹⁴ Kennan, G. Russia, the Atom and the West. N.V., 1978.
- ³¹⁵ См.: Литвинов Ю. Апокалипсис из Вашингтона. – М., 1982.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ См.: Яковлев А. От Трумэна до Рейгана. – М., 1984.
- ³¹⁸ Гаевский И., Червонная С. Указ. работа. – С. 279–280.
- ³¹⁹ Там же. – С. 280–281.
- ³²⁰ Сергеев Ф. Если сорвать маску... – М., 1983. – С. 106.
- ³²¹ См.: Шрейер В. Глаз, ввинченный в небо / Пер. с нем. – М., 1974.
- ³²² См.: Откуда исходит угроза миру. 3-е изд. – М., 1984.
- ³²³ Всемирная история. – М., 1979. – Т. XII. – С. 178–179.
- ³²⁴ Там же. – С. 176–177.
- ³²⁵ Там же. – С. 166.
- ³²⁶ Сивачев Н.В., Языков Е.Ф. Новейшая история США. – М., 1980. – С. 376.
- ³²⁷ Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. – М., 1983. – С. 183.
- ³²⁸ США: Экономика, политика, идеология. – 1970. – №12. – С. 77.
- ³²⁹ Проэктор Д.М. Мировые войны и судьбы человечества. – М.: Мысль, 1986. – С. 173–176.

- ³³⁰ Правда. – 1968. – 8 июля.
- ³³¹ Там же. – 1967. – 10 июня.
- ³³² Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. – М., 1967. – С. 115.
- ³³³ Там же. – С. 116.
- ³³⁴ Этот договор подписали около 100 стран. Он вступил в силу 5 марта 1970 года после ратификации и сдачи на хранение ратифицированных грамот государствами-депозитариями: СССР, США и Англией.
- ³³⁵ См.: Материалы XXV съезда КПСС. – М., 1976.
- ³³⁶ Там же. – С. 17.
- ³³⁷ Правда. – 1981. – 10 мая.
- ³³⁸ Проэктор Д.М. Указ. работа. – С. 203–205.
- ³³⁹ См.: Журнал «Политикл афферс», 1983.
- ³⁴⁰ Проэктор Д.М. Указ. работа. – С. 205–206.
- ³⁴¹ Правда. – 1983. – 18 августа.
- ³⁴² Проэктор Д.М. Указ. работа. – С. 230–240.
- ³⁴³ Там же. – С. 220–221.
- ³⁴⁴ Правда. – 1985. – 4 октября.
- ³⁴⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981.
- ³⁴⁶ Громыко А.А. Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. – М. Политиздат, 1984. – С. 707.
- * * *
- ³⁴⁷ G. Ford, A. Time to Heal, n.V., 1980, p. 106.
- ³⁴⁸ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950», Ed. by T. Etzold and L. Gaddis, n.V., 1978, pp. 66–68.

- ³⁴⁹ Lbid. – pp. 174, 176, 180–181, 189–190, 196–197, 201–203.
- ³⁵⁰ J. Toland, Adolf Hitler, nV., 1981, p. 702.
- ³⁵¹ F.R: 1948, v. 1. p.2, pp. 666, 665.
- ³⁵² B. Blecchman, S. Kaplan. Force without War. US Armed Forces as a Political Instrument. Washington, 1978, pp. 23, 48.
- ³⁵³ «An Overreview of East – West Relations...», pp. 46–47, 9–10, 52–54.
- ³⁵⁴ Д. Уайз, Т. Росс. Невидимое правительство. – М., 1965 – С. 99.
- ³⁵⁵ Новое время. – 1984. – №1. – С. 13.
- ³⁵⁶ «Daily World», 1971, May 1.
- ³⁵⁷ «National Journal», 1981, №18, p. 780.
- ³⁵⁸ «US News and World Report», 1980, April, p. 40.
- ³⁵⁹ «Time», 1981, №11, p. 35.
- ³⁶⁰ M. Dorman. The Secret Service Story. New York, 1967, pp. 47–48.
- ³⁶¹ «New Republic», 1981, December 20, p. 10.
- ³⁶² S.Griffis. Lying in State. New York, 1952, p. 157.
- ³⁶³ «Keesings Contemporary Archives», London, 1946, pp. 7770–7771.
- ³⁶⁴ G. Kolko. The Politics of War. New York, 1969, p. 505.
- ³⁶⁵ M. Gordon, K. Vines. Theory and Practice of American Foreign Policy, p. 423.
- ³⁶⁶ G. Kennan. Memoirs.: 1925–1950. Boston, 1967, p. 57.
- ³⁶⁷ D. Perhins. The Evolution of American Foreign Policy. New York, 1948.

- ³⁶⁸ Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. – М.: Молодая Гвардия, 1984. – С. 207–209.
- ³⁶⁹ G. Williams, Humanistic Ethics, New York, 1951, p. 42.
- ³⁷⁰ «The New York Herald Tribune», 1945, June 26.
- ³⁷¹ Яковлев А.Н. Указ. работа. – С. 304–305.
- ³⁷² «Time», 1981, March 16, p. 19.
- ³⁷³ Яковлев А.Н. Указ. работа. – С. 341–343, 349–350, 384.
- ³⁷⁴ Старусева Т.И. Государство и общество: идеологический вектор – приоритет общественного развития. В кн. «Диалог и толерантность в XXI веке». Серия «Ученые Кыргызской Республики». – Бишкек, 2015. – С. 1403–1404.
- * * *
- ³⁷⁵ Проэктор Д.М. Мировые войны и судьбы человечества. – М.: Мысль, 1986. – С. 121–122.
- ³⁷⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1991–1945 гг. – М., 1960. – Т.1. – С. 481.
- ³⁷⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. – Кн.1. – Т.5. – С. 448.
- ³⁷⁸ Известия. – 1944. – 14 июня.
- ³⁷⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1983. – Т.1. – С. 279–301.
- ³⁸⁰ История Великой Отечественной войны... – Т.2. – С.11.
- ³⁸¹ The Times, 1941, June 23.
- ³⁸² FRUS, 1941. Wash., 1958, vol. 1, p. 767–768.
- ³⁸³ The Times, 1941, June 23.
- ³⁸⁴ The New York Times, 1941, June 24.

- 385 АВП СССР.
- 386 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. – М., 1983. – Т.1. – С. 82–83.
- 387 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М., 1946. – Т.1. – С. 278–282.
- 388 Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1947. – С. 74.
- 389 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1976. – Т.1. – С. 20 (Далее: переписка...).
- 390 АВП СССР.
- 391 Переписка... – Т.1. – С. 66.
- 392 Там же. – С. 167.
- 393 Там же. – Т.2. – С. 69–70.
- 394 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. – М., 1961. – Т.3. – С. 64.
- 395 Правда. – 1963. – 10 февраля.
- 396 The Memoirs of Field – Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. – L., 1958, p. 454.
- 397 История второй мировой войны, 1939–1945. – М., 1982. – С. 35.
- 398 О прошлом во имя будущего. Вторая мировая война: причины, итоги, уроки. – М., 1985. – С. 5–6.
- 399 Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 394.

- 400 H.Finer. America's Destiny. New York, 1947.
401. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальность ядерного века. – М.: Молодая гвардия, 1984. – С. 207–208.
- 402 Там же. – С. 229.
- 403 The Decline of U.S. Power... p.1.
- 404 «Development Dialogue; 1976, №1, p. 12.
- 405 Н. Kabin. Thinking about the Unthinkable. New York, 1962. p. 87.
- 406 От Трумэна до Рейгана... – С. 341–344.
- 407 Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): материалы V Междун. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.). – Минск: Беларус. навука, 210. – С. 101–102.
- 408 Там же. – С. 105.

Типография: "Алтын Принт"

Зак. № 77, объем 35,75 уч. изд. л.
Тираж 100 экз.

г. Бишкек, ул. Орозбекова 44,
тел.: 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru

Типография: "Алтын Принт"

Зак. № 77, объем 35,75 уч. изд. л.

Тираж 100 экз.

г. Бишкек, ул. Орозбекова 44,

тел.: 62-13-10

e-mail: altyntamga@mail.ru

Старусева Тамара Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. Участвовала в создании III–IV томов «Истории Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней» (1986, 1990 гг.), имеет более 130 опубликованных научных работ, в том числе два учебных пособия для вузов; редактор 30 монографий по различным аспектам исторической науки Кыргызстана; исследует сложные актуальные проблемы Отечественной истории. Старусева Т.И. была 10 лет зам. главного редактора журнала «Вопросы истории Кыргызстана», активный участник конгрессов, симпозиумов, международных и республиканских научно-практических конференций и семинаров; имеет ряд почетных грамот и благодарностей, удостоена звания «Заслуженный работник НАН КР».

Автор трехтомника о Великой Отечественной войне, за особые заслуги перед Отечеством награждена Почетной грамотой Правительства Кыргызской Республики.